МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВО «ДОНЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО РАН НА ТЕРРИТОРИИ ДНР

ISNN 2664-7362 (PRINT)
ISNN 2664-7370 (ONLINE)

МАТЕРИАЛЫ
XI Международной научной конференции

Донецкие чтения – 2026:
образование, наука, инновации, культура и вызовы современности

Том 8 | **Юридические науки. Часть 2**

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»

Представительство федерального государственного
бюджетного учреждения «Российская академия наук»
на территории Донецкой Народной Республики

XI Международная научная конференция

Материалы конференции

Донецкие чтения – 2026:

образование, наука, инновации, культура и вызовы современности

Том 8

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Часть 2

г. Донецк
10–12 ноября 2026 г.

Донецк
Издательство ДонГУ
2026

ББК Х.я431
УДК 34(043.2)
Д672

Редакционная коллегия:

С.В. Беспалова (гл. ред.), А.В. Белый (зам. гл. ред.),
Н.В. Асеева, Е.А. Матвиенко, Е.М. Сынкова,
О.А. Левендаренко, В.Ю.Поляков, Е.В. Щербинина,
К.С. Ушакова (отв. секр. секции), М.В. Фоменко.

Д672 **Донецкие чтения – 2026: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности:** Материалы XI Международной научной конференции (Донецк, 10–12 ноября 2026 г.). – *Том 8: Юридические науки. Часть 2* / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонГУ, 2026. – 339 с.

Ответственность за содержание материалов, аутентичность цитат, правильность фактов и ссылок несут авторы.

В восьмой том материалов X Международной научной конференции «Донецкие чтения – 2026: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» вошли исследования по актуальным проблемам юридических наук. Рассматриваются вопросы административного, финансового и экологического права, конституционного и международного права, уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, гражданского права и процесса, теории и истории государства и права.

Освещенные в сборнике проблемы и направления их решения будут полезны студентам и аспирантам, докторантам, преподавателям и специалистам-практикам, проводящим исследования в области юридических наук.

ББК Х.я431
УДК 34(043.2)

© Коллектив авторов, 2026
© Донецкий государственный университет, 2026

ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Председатель:

Панченко Владислав Яковлевич, вице-президент Российской академии наук, д-р физ.-мат. наук, профессор, академик РАН (г. Москва).

Сопредседатель:

Беспалова Светлана Владимировна, ректор Донецкого государственного университета, руководитель Представительства Российской академии наук на территории Донецкой Народной Республики, д-р физ.-мат. наук, профессор (г. Донецк).

Члены программного комитета:

Алексеев Игорь Александрович, ведущий научный сотрудник лаборатории физической географии и биогеографии Института географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, д-р геогр. наук (г. Иркутск).

Андреев Дмитрий Александрович, заместитель декана по научной работе исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (г. Москва), д-р ист. наук, доцент (г. Москва).

Аноприенко Александр Яковлевич, ректор Донецкого национального технического университета, канд. техн. наук, профессор (г. Донецк).

Бабурин Сергей Николаевич, президент Ассоциации юридических вузов, научный руководитель Центра интеграционных и цивилизационных исследований Института государства и права РАН, д-р юрид. наук, профессор, почётный профессор Донецкого государственного университета (г. Москва).

Бахтин Станислав Геннадиевич, декан химического факультета Донецкого государственного университета, канд. хим. наук, доцент (г. Донецк).

Белозеров Геннадий Александрович, заместитель генерального директора Автономной некоммерческой организации «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов».

Белый Александр Владимирович, проректор по научной и инновационной деятельности Донецкого государственного университета, канд. хим. наук, доцент (г. Донецк).

Блинова Елена Евгеньевна, заведующая кафедрой прикладной психологии и развития личности Херсонского государственного педагогического университета, д-р психол. наук, профессор (г. Херсон).

Вартанова Елена Леонидовна, декан факультета журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, д-р филол. наук, академик РАО (г. Москва).

Варюхин Виктор Николаевич, научный руководитель Донецкого физико-технического института им. А. А. Галкина, д-р физ. мат. наук, профессор, член-корр. РАН, (г. Донецк).

Воронова Ольга Евгеньевна, профессор кафедры литературы и журналистики, руководитель Центра региональных проектов и межрегиональных связей Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина, д-р филол. наук, профессор (г. Рязань).

Ганиева Ирина Александровна, директор АНО «Научно образовательный центр „Кузбасс“», д-р экон. наук, доцент (г. Кемерово).

Глухов Александр Захарович, главный научный сотрудник Донецкого ботанического сада, профессор кафедры ботаники и экологии Донецкого государственного университета, д-р биол. наук, профессор (г. Донецк).

Головчан Алексей Витальевич, директор Донецкого физико-технического института им. А. А. Галкина, канд. физ. мат. наук, доцент (г. Донецк).

Данилюк Даниил Анатольевич, и. о. директора Института прикладной математики и механики, канд. физ. мат. наук (г. Донецк).

Журавлёва Екатерина Васильевна, Советник президента РАН, советник Председателя Совета директоров ГК «ЭФКО», д-р с.-х. наук, профессор РАН (г. Белгород).

Зенченко Светлана Вячеславовна, проректор по научной работе Северо-Кавказского федерального университета, д-р экон. наук, профессор (г. Ставрополь).

Зинченко Юрий Петрович, декан факультета психологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, д-р психол. наук, профессор, член-корреспондент РАН, академик РАО (г. Москва).

Игнатенко Григорий Анатольевич, ректор Донецкого государственного медицинского университета им. М. Горького, д-р мед. наук, профессор, академик РАН (г. Донецк).

Ильинский Владимир Викторович, и. о. зав. кафедрой общей экологии и гидробиологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, д-р биол. наук, профессор (г. Москва).

Исаков Владимир Борисович, профессор НИУ «Высшая школа экономики», д-р юрид. наук, профессор (г. Москва).

Калмыков Степан Николаевич, вице-президент Российской академии наук, д-р хим. наук, профессор, академик РАН (г. Москва).

Керимов Александр Джангирович, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук, д-р юрид. наук, профессор (г. Москва).

Кирпичников Михаил Петрович, декан биологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, д-р биол. наук, профессор, академик РАН (г. Москва).

Кожухов Игорь Борисович, профессор кафедры высшей математики НИУ «Московский институт электронной техники», д-р физ. мат. наук, профессор (г. Москва).

Крамаренко Артём Александрович, заместитель Председателя Правительства Донецкой Народной Республики, Министр сельского хозяйства, пищевой и перерабатывающей промышленности (г. Донецк).

Красильников Павел Владимирович, декан факультета почвоведения Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, д-р биол. наук, член-корреспондент РАН (г. Москва).

Липгарт Андрей Александрович, декан филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, д-р филол. наук, профессор (г. Москва).

Лубков Алексей Владимирович, ректор Московского педагогического государственного университета, д-р ист. наук, профессор, академик РАО (г. Москва).

Макаров Кирилл Борисович, заместитель Председателя Правительства Донецкой Народной Республики (г. Донецк).

Матишов Геннадий Григорьевич, заместитель президента РАН, научный руководитель Южного научного центра РАН, д-р геогр.наук, профессор, академик РАН (г. Ростов-на-Дону).

Месхи Бесарион Чохоевич, ректор Донского государственного технического университета, председатель Совета ректоров вузов Ростовской области, д-р техн. наук, профессор, академик РАО (г. Ростов на Дону).

Минаев Андрей Иванович, профессор Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина, д-р ист. наук, доцент (г. Рязань).

Некипелов Александр Дмитриевич, директор Московской школы экономики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, д-р экон. наук, профессор, академик РАН (г. Москва).

Нечаев Владимир Дмитриевич, ректор Севастопольского государственного университета, д-р полит. наук, доцент (г. Севастополь).

Овечко Сергей Викторович, заместитель Института биологии южных морей имени А. О. Ковалевского РАН, канд. биол. наук (г. Севастополь).

Пармон Валентин Николаевич, научный руководитель Института катализа СО РАН, д-р хим. наук, академик РАН (г. Новосибирск).

Плугатарь Юрий Владимирович, директор Ордена Трудового Красного Знамени Никитского ботанического сада – Национального научного центра РАН, председатель Совета ботанических садов России, д-р с.-х. наук, профессор, академик РАН (г. Ялта).

Половян Алексей Владимирович, директор Института экономических исследований, д-р экон. наук, доцент, (г. Донецк).

Понедельников Алексей Борисович, руководитель отдела «Северо-Азовский» Южного филиала ФГБНУ «ВНИРО» (г. Мариуполь).

Приходько Светлана Анатольевна, директор Донецкого ботанического сада, канд. биол. наук, ст. науч. сотр. (г. Донецк).

Прутцков Григорий Владимирович, профессор Института медиа НИУ «Высшая школа экономики», д-р филол. наук (г. Москва).

Рябичев Виктор Дронович, ректор Луганского государственного университета имени Владимира Даля, д-р техн. наук, профессор (г. Луганск).

Садовничий Виктор Антонович, ректор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, д-р физ.-мат. наук, профессор, академик РАН (г. Москва).

Секиринский Дмитрий Сергеевич, заместитель Министра науки и высшего образования Российской Федерации.

Скуратовская Екатерина Николаевна, врио директора Института биологии южных морей имени А. О. Ковалевского РАН, канд. биол. наук (г. Севастополь).

Сократов Сергей Альфредович, зам. декана географического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, канд. геогр. наук, доцент (г. Москва).

Тедеев Вадим Ботазович, ректор Юго Осетинского государственного университета имени А. А. Тибилова, канд. техн. наук, профессор (г. Цхинвал).

Тохтарь Валерий Константинович, директор Ботанического сада Белгородского государственного национального исследовательского университета, д-р биол. наук, с. н. с. (г. Белгород).

Трофимов Олег Владимирович, Министр образования и науки Донецкой Народной Республики (г. Донецк).

Тулупов Владимир Васильевич, декан факультета журналистики Воронежского государственного университета, д-р филол. наук, профессор (г. Воронеж).

Туранина Неонила Альфредовна, зав. кафедрой библиотечно-информационной деятельности Белгородского государственного института искусств и культуры, д-р филол. наук, профессор (г. Белгород).

Федянин Андрей Анатольевич, проректор – начальник управления научной политики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, д-р физ. мат. наук, профессор, член-корреспондент РАН (г. Москва).

Харламенкова Наталья Евгеньевна, заведующая лабораторией психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях, заместитель директора Института психологии РАН, д-р психол. наук, профессор (г. Москва).

Хомутова Екатерина Валерьевна, директор Института физико-органической химии и углехимии им. Л. М. Литвиненко, канд. биол. наук (г. Донецк).

Шебалков Алексей Викторович, Министр природных ресурсов и экологии Донецкой Народной Республики (г. Донецк).

Уголовное право, уголовный процесс, криминалистика и прокурорская деятельность

УДК 343.98

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОФИЛЬ ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ СЕТИ КАК СОВОКУПНОСТЬ ЦИФРОВЫХ СЛЕДОВ

Ахмедшина Н. В., канд. юр. наук, доц., ORCID 0000-0003-1614-5135,
Ахмедшин Р. Л., д-р юрид. наук, проф.**,** ORCID 0000-0002-2882-4840
ФГАОУ ВО «Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники», г. Томск, РФ
e-mail: dana74@mail.ru, ramil_ahmedshin@mail.ru

Введение. При решении ряда задач анализа поведения личности возникает необходимость в понимании механизма отражения личности вовне. В механизме отражения личности вовне целесообразно выделять три уровня отражения личностных особенностей:

Первый уровень – *рефлексивное отражение* личности, нашедшее отражение в особенностях почерка, походки, жестикуляции, в том числе и рефлекторной. Рефлексивная активность основывается на базе двигательных навыков, имеющих невысокую вариативность, в силу природы динамического стереотипа.

Второй уровень – *поведенческое отражение* личности. Для поведенческой деятельности (как коммуникативной, так и двигательной) характерна типовая модель реагирования, что предполагает привычные формы реагирования, лежащие в достаточно жестком диапазоне.

Третий уровень – *адаптивное отражение* личности, выступающее объектом анализа при использовании биографического метода.

Цель исследования – выявить и охарактеризовать информативные элементы сетевой самопрезентации пользователя, позволяющие составить его цифровой профиль на основе анализа типовых моделей поведенческого отражения личности.

Основная часть. При анализе отражения личностных особенностей человека, в процессе его деятельности в сетевом пространстве [1] приоритетным объектом выступает поведенческое отражение личности вовне.

За основу принимается утверждение, что в своей обыденной или стрессовой дельности человек склонен к выбору варианта поведения не из всего диапазона возможностей, а только из наиболее привычного, то есть склонен к типовой модели поведенческого реагирования. Гомеостаз как стремление к энергоэкономному и оперативному реагированию наиболее характерен именно для приведенных сфер (привычной и стрессовой).

«Если хочешь понять художника – смотри на его картину» центральная идея автора методики построения неизвестного преступника Д. Дугласа [2]. Типовая модель поведения позволяет исследовать проблему идентификации личностных свойств, прежде всего психологических, по следам деятельности лица.

Знание того, как отражается свойства определенного типа во внешней деятельности, к которой относится также и «виртуальное» поведение, позволит составить сетевой профиль лица по той сетевой презентации, элементами которой он наполняет свое «виртуальное пространство» (в частности, страницу социальной сети).

Наиболее информативными элементами сетевой презентации выступают следующие объекты:

Самоидентификатор – это текстовый «образ» самопрезентации. Самоидентификатор может быть формальным, игровым, обезличенным либо носить функциональный характер.

К формальным относится как указание полного имени – фамилии, имени, отчества (Иванов Иван Иванович – что, как правило, является признаком сформировавшейся личности, принимающего себя таким, какой она есть, понимающим и принявшим свое место в жизни), так и модификации имени словесной (Машуня) или символьной (Коляныч – КоляныЧ, что часто является, признаком выраженной демонстративности).

Игровой самоидентификатор (никнейм, прозвище, позывной, кличка). Основное его назначение – продемонстрировать конкретную черту личности как системообразующую и не связанную с биологическим сродством. Данный образ представлен в сетевом пространстве в различных формах: по области навыков, по области интересов, в форме аббревиатуры, производное от имени и проч. Также имеет значение в форме какой части речи он представлен. Так, например, в игровом идентификаторе «Бегущий человек» слово «человек» более нейтрально, слабо характеризующая автора, а слово «бегущий» носит более выраженный смысловой акцент. Элемент коннотации идентификатора «Бегущий человек» обеспечивает эмоциональное, оценочное или стилистическое значение сочетания (в нашем случае динамичность образа).

Обезличенный идентификатор – это попытка избежать идентификации, соблюдая правила самопрезентации, существующие в сетевом сообществе в форме обобщенного образа с невыраженной идеей (абстрактное животное неопределенной породы), набора символов (смайлики, цифробуквенный код), незаполненного пространства информационного поля.

Функциональный идентификатор как правило выражает профессиональные характеристики (адвокат Сидоров) либо рекламу товаров/услуг, исходящую чаще всего от группы лиц.

Следующий значимый «след» пользователя – **аватар – графический образ** – это графическое изображение, которым он себя представляет, графическая самопрезентация. Здесь имеет значение как выбор самого аватара, так и обстановки в котором аватар находится. Если это реальное фотография,

то имеет значение, как пользователь там изображен: только лицо, фигура в целом, акцент на определенной части тела; сколько места пользователь занимает в кадре; угол сьемки; на фоне чего пользователь запечатлён; что он делает; какие эмоции выражает; какая на нем одежда; если он не одни, то кого он демонстрирует рядом с собой и проч.

Так, например, вид сверху указывает на подавленность личности, на стремление занимать иерархически более низкую позицию относительно окружения. Также подобный вид съемки соотносится с нежеланием брать на себя ответственность, с потребностью «не выделяться» и оставаться в более безопасной, зависимой роли. «Взгляд снизу-вверх» в камеру можно трактовать как повышенную склонность к подчинению и компромиссам, ориентацию на согласование с требованиями социума.

Фотография с видом снизу, напротив, часто воспринимается как визуальное усиление статуса: человек представлен как фигура, «смотрящая сверху вниз», тем самым символически подстраивая всё под собственные стандарты. Также здесь имеет значение и направление взгляда. Аватар также может быть символичным и обезличенным.

Текстовой идентификатор (статус) может быть выражен в самой идеи статуса, его форме и авторстве. Идея статуса исходит из общеизвестного тезиса Ф. де Соссюра о том, что слово не столько обозначает, сколько имеет смысл [3, с. 317]. В данном контексте для сетевого профайлинга большое значение имеет установление психологического типа пользователя, т.к. одно и то же слово может иметь разное значение у каждого типа.

Статус по форме может быть представлен цитатой, мемом, асоциальным ощущением, пиктограммой. Например часто, эмоциональное ощущение, транслируемые с помощью эмодзи и смайликов, выступают, как правило, формой поиска сочувствия и ответных эмоциональных реакций лица, переживающего состояние одиночества. Авторство статуса либо указывается, либо не указывается, либо отсутствует (ввиду неизвестности авторства). Указание на автора, например, может свидетельствовать о том, что лицо пропагандирует какие-то ценности, актуальные для него.

Заключение. При построении цифрового профиля пользователя все рассмотренные выше (как и неуказанные ввиду ограниченности объема статьи) признаки оцениваются в совокупности с другими.

Список литературы

1. Основы сетевого профайлинга : учеб. пособие / Р. Л. Ахмедшин [и др.] ; под общ. ред. Р. Л. Ахмедшина. – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та систем упр. и радиоэлектроники, 2026. – 156 с. – ISBN 978-5-908033-30-5
2. Дуглас, Д. Охотник за разумом. Особый отдел ФБР по расследованию серийных убийств / Д. Дуглас, М. Олшейкер. – Москва : РИПОЛ классик : Пальмира, 2019. – 511 с. – ISBN 978-5-386-12365-9
3. Ахмедшина, Д.Р. Содержательно-символьное соотношение в речи: на примере анализа страниц социальных сетей / Д. Р. Ахмедшина // Сборник избранных статей научной сессии ТУСУР. в 3 ч. – Томск: ТУСУР, 2024. – Ч. 3. – С. 317-319

УДК 343.985

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ НАРКОТИКОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Белых О. А., канд. ист. наук
ФГКОУ ВО «Восточно-Сибирский институт МВД России», г. Иркутск, РФ
e-mail: dotnara@rambler.ru

Введение. Цифровизация перестроила криминальную среду. Наркосиндикаты оказались среди первых потребителей новых технологий: сбыт наркотиков перенесён в мессенджеры и даркнет, сделки автоматизированы ботами, расчёты идут в криптовалюте. Технологии переняты преступниками настолько, что схемы приготовления к преступлению и его совершения теперь все чаще переводятся в программную логику – от выдачи координат закладки до распределения выручки.

Основная часть. Изменился и тип исполнителя. В уличной наркоторговле ранее преобладали маргинальные зависимые люди с судимостями. В цифровом сегменте исполнителями становятся несудимая молодёжь и студенты: они работают кладменами, операторами склада, ведут переписку с покупателями. Для значительной части из них это выглядит как удалённая подработка, иногда – как геймифицированный «квест» с уровнями и рейтингом. Правовую сторону они напрасно не оценивают, ведь п. б ч. 2 статьи 228.1 УК РФ за подобные деяния предусматривают лишение свободы на срок от пяти до двенадцати лет [1].

Традиционные меры – изъятие веществ и задержание наркосбытчиков низшего звена – при такой модели работают слабо: канал продаж восстанавливается быстрее, чем его перекрывают. Боты перезапускаются, аккаунты мигрируют, «зеркала» меняются. Отсюда **цель** статьи: разобрать трансформацию схемы сбыта и расчётов, проблемы доказывания и пробелы квалификации, а затем сформулировать меры по изменению механизмов противодействия.

Рассмотрим процесс трансформации наркорынка: от уличного сбыта к цифровым схемам и легализации доходов. Дистрибуция осталась бесконтактной, но технически выросла. Раньше координаты «закладки» передавались вручную. Теперь боты в мессенджерах генерируют уникальные геолокационные координаты, привязывают их к фотоотчётам и рассылают покупателю после подтверждения транзакции. Продавец и покупатель не встречаются: типовая сделка выглядит так – покупатель оплачивает заказ в боте, получает координаты и снимок опорного объекта (столб, электрощиток в подъезде жилого дома или трансформаторного узла, растительность у подъезда), забирает контейнер. Задержание с поличным при передаче в этой схеме крайне затруднено.

Финансовый контур таких преступных деяний строится на расчётах (транзакциях) в криптовалюте. От Bitcoin рынок ушёл к монетам конфиденциальности – Monero и Zcash, – к микшерам и протоколам атомарных обменов (Atomic Swaps). Децентрализованные биржи и P2P-платформы без обязательной верификации личности усложняют отслеживание обналичивания «грязной» крипты, то есть усложняют процесс законодательно регламентированного документирования доходов, добытых преступным путем.

Каналы продаж мигрировали из скрытых сетей Tor и I2P в условно открытые мессенджеры: Telegram, Signal, Wickr. Это снизило порог входа для покупателей и упростил навигацию. Наркоканалы, группы и боты-магазины работают в публичном или полупубличном пространстве, применяя стеганографию, динамическое шифрование и периодическую смену «зеркал» против автоматической модерации.

В 2024–2026 гг. в оборот вошли нейросети. Их используют для автоматизации службы поддержки, генерации уникальных описаний против спам-фильтров, подготовки вербовочных текстов для курьеров и прогнозирования безопасных локаций под закладки. Проверить точные масштабы этого применения по открытым данным невозможно – публичной статистики нет, но направление фиксируют и исследователи, и практические сотрудники органов внутренних дел [2, 3, 4].

Криминологическая характеристика цифрового наркорынка также изменилась. Алгоритмы ботов не оставляют классических следов преступления: нет встречи и сбыта наркотиков из рук в руки, нет свидетелей сделки. Личность преступника тоже иная. Рядовых исполнителей – курьеров, «кладовщиков», операторов колл-центров – вербуют через интернет под видом легальной работы: «менеджер по логистике», «курьер». Обучение сводится к интерактивным гайдам по криптокошелькам и мессенджерам; высокой цифровой грамотности не требуется.

Цепочка распределена по разным дислокациям, все чаще организовано таким образом, что сервер находится в одной стране, администратор – в другой, курьер – в третьей, покупатель – в четвёртой. Розыск и передача материалов в таких условиях требуют международно-правового сотрудничества, которое не успевает за сменой цифровых маршрутов.

Проблема доказывания сместилась в плоскость виртуальных следов и компьютерно-технических экспертиз. Здесь возникает правовой конфликт: сроки проведения экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях могут занимать значительное время. Пока подразделения по борьбе с наркотиками не получат обновлённую материально-техническую базу, а именно межведомственные аналитические платформы для сквозного блокчейн-мониторинга, правоохранительные органы будут обрабатывать только низшее, легко заменяемое звено, рядовых исполнителей, оставляя бенефициаров схем недосягаемыми.

Действующее законодательство, включая российское, отстаёт от практики противодействия цифровому наркосбыту по трём линиям. Первая – квалификация соучастия. Бот сам принимает оплату, генерирует координаты и отправляет их покупателю, а администратор лишь контролирует систему. Разграничить роли организатора, подстрекателя и пособника в такой конфигурации трудно: алгоритм стирает границу между исполнением и обеспечением.

Вторая – ответственность владельцев IT-инфраструктуры. Обязанность проактивно выявлять и блокировать нарко-контент конфликтует с защитой персональных данных и свободой информации; ни один из интересов не может быть механически подчинён другому.

Третья – процессуальная форма. Протоколирование получения информации с криптокошельков и фиксация посещения даркнет-ресурсов регулярно оспариваются защитой в суде, поскольку порядок их фиксации процессуальным законодательством детально не регламентирован.

Заключение. Очевидно, что необходимо совершенствовать правовое регулирование вопросов документирования и привлечения к ответственности лиц, причастных к незаконному обороту наркотиков.

Законодательству стоит закрепить обязанности организаторов мессенджеров, хостинг-провайдеров и владельцев программных платформ по проактивному выявлению контента, пропагандирующего наркотики или облегчающего сбыт. Контроль за криптоактивами нужно распространить за пределы централизованных бирж – на P2P-платформы и операторов крипто-банкоматов с обязательной идентификацией сторон. Без этих мер работа будет ограничиваться задержаниями исполнителей, которых сеть привлекает быстрее, чем удаётся привлечь их к установленной законом ответственности.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954; Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 06.10.2026).
2. Меняйло, Д.В., Малыхина, Е.А. Цифровые следы в сфере незаконного оборота наркотических средств / Д.В. Меняйло, Е.А. Малыхина // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2022. – №4. – С. 29-32;
3. Тимофеев, С. В. Особенности предупреждения сбыта наркотиков, осуществляемого с использованием информационно-телекоммуникационных технологий / С. В. Тимофеев // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2020. – № 1(92). – С. 192-199. – DOI 10.24411/2312-3184-2020-10019. – EDN BCMDIT.
4. Гаврилин, Ю.В. Противодействие цифровой трансформации наркопреступности (по итогам Всероссийского онлайн-семинара) / Ю.В. Гаврилин // Труды Академии управления МВД России. – 2020. – №4 (56). – С. 122-129.

УДК 343.7

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕДМЕТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПОДХОДОВ К КВАЛИФИКАЦИИ ХИЩЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ АКТИВОВ И КРИПТОВАЛЮТЫ

Богославская К. Э., ORCID 0009-0002-7947-7786
ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог, Ростовская обл., РФ
e-mail: bogoslavskaya.01@mail.ru

Введение. Стремительный рост оборота цифровых активов сопровождается ростом преступлений, направленных на их завладение. Длительное время уголовный закон не содержал указаний на цифровую валюту, и суды разрешали соответствующие дела, опираясь на общие понятия имущества и хищения. Ситуация существенно изменилась в 2026 г., когда цифровая валюта стала признана имуществом для целей Уголовного кодекса Российской Федерации.

Основная часть. Законодатель различает несколько категорий цифровых объектов. Цифровые финансовые активы (далее – ЦФА) представляют собой цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам и иные права, выпуск, учёт и обращение которых возможны только в информационной системе на основе распределённого реестра [1]. Цифровая валюта определяется как совокупность электронных данных, которые принимаются в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей, и (или) инвестиций, при отсутствии лица, обязанного перед каждым обладателем этих данных [1].

Ст. 104.1 УК РФ дополнено положением о том, что цифровая валюта является имуществом для целей этой и других статей УК РФ, а в УПК РФ закреплены особенности её изъятия и ареста [2].

Способ закрепления вызывает вопросы. Норма помещена в примечание к статье о конфискации, а не в главу о преступлениях против собственности, что порождает сомнения в её распространении на ст. 158-160 УК РФ. Эти сомнения снял Пленум Верховного Суда РФ, разъяснивший в постановлении от 16.06.2026 № 19, что предметом хищения могут быть безналичные денежные средства, включая цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права и цифровая валюта [4].

Вместе с тем, признание имуществом само по себе не решает вопрос о наличии признаков хищения: необходимы чужое имущество, его изъятие и обращение в пользу виновного или других лиц, причинение ущерба собственнику.

Первая проблема связана с нематериальной природой предмета. Традиционная конструкция хищения предполагает физическое изъятие вещи из владения собственника. Цифровой актив существует как запись в

распределённом реестре, а фактическая власть над ним определяется контролем над закрытым ключом. Поэтому «изъятие» целесообразно понимать как установление виновным исключительного контроля над активом, в том числе путём его перевода на подконтрольный адрес, с одновременным прекращением возможности распоряжения у прежнего обладателя. Вторая проблема – определение «чужого» имущества и потерпевшего. У децентрализованных валют нет эмитента и регистрирующего органа, а кошельки часто не персонифицированы; принадлежность актива устанавливается через доказывание контроля над ключом, что сложно при использовании посредников и хранении активов на биржевых счетах. Третья проблема – стоимостная оценка. Размер хищения, от которого зависит квалификация по признакам значительного, крупного и особо крупного размера, требует определения стоимости актива на момент изъятия, тогда как курс волатилен, а официальный курс Банка России для криптовалют не устанавливается. На практике необходимо назначать экспертизу или привлекать специалиста для расчёта по данным организованных площадок на момент совершения деяния.

Подход к квалификации определяется способом завладения. Разъяснения Пленума ориентируют на кражу при тайном изъятии, в том числе с использованием учётных данных владельца при отсутствии незаконного воздействия на программное обеспечение серверов, компьютеров и сети. Если обман или злоупотребление доверием использованы лишь для облегчения доступа к имуществу, а изъятие совершено тайно, содеянное также образует кражу [4]. Мошенничество имеет место, когда потерпевший под влиянием обмана сам передаёт актив или ключ доступа либо совершает перевод, что характерно для схем с фиктивными инвестиционными платформами и «безопасными счетами» [6]. При вмешательстве в функционирование средств хранения и передачи компьютерной информации (вредоносные программы, подмена интерфейса) применяется ст. 159.6 УК РФ [6]. Особую сложность вызывает эксплуатация уязвимостей смарт-контрактов: отсутствие обманутого лица и исполнение программного кода «как написано» затрудняют признание таких действий мошенничеством или модификацией информации и требуют дальнейшего осмысления.

Отдельного внимания заслуживает дифференциация ответственности. Квалифицирующий признак п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ относится только к безналичным и электронным денежным средствам [4]. Поэтому хищение криптовалюты им не охватывается и квалифицируется по общим частям ст. 158 УК РФ в зависимости от размера, что влечёт менее строгую ответственность, чем за тайное списание такой же суммы с банковского счёта. Убедительного обоснования различия при сопоставимой общественной опасности пока не выработано. Спорным остаётся и момент окончания преступления, так, для безналичных денег он связан со списанием средств со счёта владельца [5], а для цифровых активов следует исходить из момента, когда виновный получил

реальную возможность распоряжаться активом, что технически соответствует подтверждению транзакции в реестре.

Заключение. Признание цифровой валюты имуществом разъяснения Пленума Верховного Суда РФ № 19 сформировали единую основу квалификации хищений цифровых активов по ст.ст. 158-159.6 УК РФ. Вместе с тем, остаются проблемы, требующие доктринального и нормативного решения: понимание изъятия нематериального актива, определение потерпевшего в децентрализованной среде, оценка стоимости, квалификация эксплуатации смарт-контрактов и обоснованность различий в ответственности по виду предмета. Их решению будет способствовать выработка единых критериев экспертной оценки и уточнение разъяснений высших судебных инстанций.

Список литературы

1. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (с изм. и доп.). – Текст : электронный // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 29.09.2026).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с изм. и доп.). – Текст : электронный // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 29.09.2026).
3. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 20.02.2026 № 38-ФЗ. – Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru (дата обращения: 29.09.2026).
4. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2002 № 29 (в ред. постановления от 16.06.2026 № 19). – Текст : электронный // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 29.09.2026).
5. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 48 (с изм. и доп.). – Текст : электронный // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 29.09.2026).
6. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.12.2022 № 37. – Текст : электронный // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 29.09.2026).

УДК 343.98

О СОДЕРЖАНИИ, СТРУКТУРЕ И ЗНАЧЕНИИ ТЕОРИИ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ОХРАНЫ ТРУДА

Бордюгов Л. Г.[1], канд. юрид. наук, ORCID 0009-0005-8976-4510,
Марченко И. Н.[2], канд. техн. наук
[1] ФГБУ «Донецкая лаборатория судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации», г. Донецк, РФ
[2] ФГБОУ ВО «Донбасский государственный юридический университет», г. Донецк, РФ
e-mail: Leonidbrd@yandex.ru, INM_2010@mail.ru

Введение. В течение последних лет перечень судебных экспертиз, проводимых в государственных судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации, существенно расширился за счет внедрения новых родов и видов, среди которых можно назвать экспертизу охраны труда и техники безопасности.

В этой связи в настоящее время разрабатываются научные основы данных видов экспертиз, создаются новые теории. Не осталась в стороне от этого процесса и судебная экспертиза в сфере охраны труда.

Цель работы показать необходимость разработки общей теории судебной экспертизы охраны труда, которая в настоящее время находится в стадии становления и развития.

Основная часть. На наш взгляд для совершенствования судебной экспертизы в области охраны труда необходимо определить диапазон методов экспертного исследования, разграничить содержание стадий экспертного исследования, определить содержание специальных знаний, используемых экспертом в процессе исследования, уточнить круг объектов экспертного исследования и их специфику.

Анализ данных вопросов, их взаимосвязь и роль в процессе проведения судебной экспертизы указывает на то, что они составляют в целом одну общую проблему. Такой проблемой является отсутствие общей теории судебной экспертизы охраны труда, которая отражала бы общие закономерности экспертных исследований. Необходимость разработки такой теории можно объяснить также несоответствием, которое сложилось в настоящее время между практикой судебной экспертизы охраны труда и ее теорией.

Практика проведения судебных экспертиз охраны труда в настоящее время представляет собой сложное явление, так как постоянно увеличивается разнообразие объектов исследования, решаемых вопросов в ходе исследования, а также методов, используемых в процессе исследований.

На сегодняшний день специалистами ФГБУ Донецкой ЛСЭ Минюста России подготовлен ряд научных разработок, опубликованы научные статьи, посвященные системному, научно-обоснованному и всестороннему рассмотрению современных возможностей экспертизы охраны труда. Тем не

менее, единая концепция обеспечения выявления, раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, связанных с нарушениями требований техники безопасности и охраны труда требует дальнейшего совершенствования. Такая концепция должна включать в себя методологические, правовые, организационные и методические аспекты.

Для создания общей теории экспертизы охраны труда существует ряд предпосылок. В первую очередь это наличие научных работ советского периода, в которых раскрываются специфические закономерности экспертных исследований [1; 2]. К предпосылкам второго рода можно отнести работы более позднего периода по теории судебной экспертизы, в которых «старые» вопросы освещаются с новых позиций: например с точки зрения теории отражения, моделирования, теории информации, цифровизации и т.п., т.е. с учетом современных научных парадигм [3; 4].

Поэтому теория судебной экспертизы охраны труда должна создаваться путем четко продуманного включения в нее как всего ценного, что было накоплено в течение многих лет в теории и практике судебной экспертизы, так и результатов разработки и достижений различных научных дисциплин.

Авторы данной работы, используя основные идеи, представленные в публикации И.Л. Корнеевой «О содержании, структуре и значении теории криминалистической экспертизы» [5], в настоящем исследовании выражают свое видение и осмысление вопросов о содержании, принципах построения и практического использования общей теории экспертизы охраны труда.

Очевидно, что конечной целью проведения судебной экспертизы охраны труда является получение доказательств по делу о нарушении требований охраны труда, а необходимой предпосылкой этого – получение сведений об объекте, которые по своей гносеологической сущности являются знанием. Всякая деятельность, направленная на получение знания, требует разработанной методологии. Поэтому основным элементом теории экспертизы охраны труда должна стать ее методология.

Методология – это «совокупность познавательных средств, методов, приемов, используемых в какой-либо науке» [6, с. 329].

Таким образом, содержанием теории судебной экспертизы охраны труда должна стать совокупность используемых в процессе проведения таких экспертиз теорий, сведенных в определенную систему.

Содержание теории судебной экспертизы по охране труда охватывает закономерности экспертного познания, формирующиеся в процессе проведения экспертизы с учетом всех факторов, влияющих на этот процесс. Такая теория должна объяснять и обосновывать эти закономерности с точки зрения разных наук, и в первую очередь философии, а кроме того, физиологии и психологии мышления, формальной логики, теории информации и т.д. Главным аспектом в ней является гносеологический анализ, обусловленный тем, что процесс исследования в судебной экспертизе направлен на получение истинных сведений об объекте.

Методология судебной экспертизы охраны труда базируется на анализе ряда обязательных элементов: цель экспертизы; объекты экспертизы; выбор средств исследования, описание процесса исследования, фиксация результатов и проверка их истинности. Каждый из указанных элементов требует детальной проработки в рамках отдельного раздела. В таких разделах необходимо раскрыть специфику элемента, его содержательную сущность и характер взаимосвязей с остальными составляющими.

Заключение. Разработка методологии судебной экспертизы охраны труда будет иметь существенное значение для совершенствования и оптимизации существующих экспертных методик, уточнения пределов их использования, ее создание сыграет определенную положительную роль в формировании экспертного мышления, обеспечивая более глубокое понимание специфики изучаемых объектов и осознанный подход к проведению экспертных исследований.

Внедрение предложенных мер будет способствовать повышению качества судебных экспертиз охраны труда, поскольку научный уровень последних неизмеримо возрастет и, следовательно, будет больше отвечать запросам судебно-следственной практики.

Список литературы

1. Винберг А.И., Малаховская Н.Т. Судебная экспертология (Общетеоретические и методологические проблемы судебных экспертиз). Учебное пособие / Отв. ред. Б.А. Викторов. – Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1979. – 184 с.
2. Эйсман А.А. Заключение эксперта. Структура и научное обоснование. – Москва : Юридическая литература, 1967. – 152 с.
3. Россинская Е.Р., Галяшина Е.И., Зинин А.М. Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология): учебник; под ред. Е.Р. Россинской. – 2-е изд. перераб. и доп. – Москва : Норма: ИНФРА-М, 2025. – 368 с. – ISBN 978-5-91768-716-2.
4. Сорокотягин И.Н., Сорокотягина Д.А. Судебная экспертиза: учебник и практикум для вузов. – М.: Издательство Юрайт, 2025. – 288 с. – ISBN 978-5-534-05399-9.
5. Корнеева И.Л. О содержании, структуре и значении теории криминалистической экспертизы // Труды Всесоюзного научно-исследовательского института МВД СССР. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1970. – № 16. – С. 61-67.
6. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. – 7-е изд., перераб и доп. – Москва : Республика, 2001. – 719 с. – ISBN 5-250-02742-3.

УДК 343.24

ПОЛ КАК КРИТЕРИЙ ИСКЛЮЧЕНИЯ ПОЖИЗНЕННОГО ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ: ПРЕДЕЛЫ ДОПУСТИМОЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ

Габриелян А. Ю., канд. юрид. наук, ORCID 0009-0005-9105-5916
МОО ВО «Российско-Армянский университет», г. Ереван, Республика Армения
e-mail: andriiy.habrelian@gmail.com

Введение. Конституционный принцип равенства мужчин и женщин не исключает дифференциации их правового положения, если устанавливаемые различия имеют объективное основание и соразмерны цели правового регулирования. В уголовном праве значение этого принципа особенно заметно при определении пределов государственного принуждения. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., закрепляет равенство всех перед законом и судом (ч. 1 ст. 19), а также равные права и свободы мужчины и женщины и равные возможности для их реализации (ч. 3 ст. 19) [1]. Уголовное законодательство вместе с тем предусматривает случаи, когда пол непосредственно влияет на возможность назначения отдельных видов наказания.

В соответствии с ч. 2 ст. 57 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (УК РФ) пожизненное лишение свободы не назначается женщинам, лицам, совершившим преступления в возрасте до восемнадцати лет, и мужчинам, достигшим к моменту вынесения судом приговора шестидесятипятилетнего возраста [2]. При сопоставимых обстоятельствах совершения преступления и данных о личности виновного возможность назначения пожизненного лишения свободы совершеннолетнему мужчине, не достигшему указанного возраста, и совершеннолетней женщине определяется различно. Аналогичное исключение по признаку пола предусмотрено ч. 2 ст. 59 УК РФ применительно к смертной казни [2]. В настоящем исследовании рассматривается более узкий вопрос: может ли пол сам по себе служить достаточным основанием для безусловного исключения пожизненного лишения свободы.

Цель статьи – выявить противоречие между групповым исключением пожизненного лишения свободы по признаку пола и требованием индивидуализации наказания и обосновать необходимость разграничения оправданности специальной защиты и достаточности пола как её основания.

Основная часть. Конституционный Суд Российской Федерации исходит из того, что предусмотренный ст. 57 и 59 УК РФ запрет на назначение пожизненного лишения свободы и смертной казни отдельным категориям лиц обусловлен вытекающей из принципов справедливости и гуманизма необходимостью учитывать их социальные, возрастные и физиологические

особенности. По позиции Суда, такое регулирование не препятствует назначению иным лицам справедливого наказания, соответствующего общественной опасности совершённого ими преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного, не ущемляет их права и потому не носит дискриминационного характера [3]. Такая правовая позиция не снимает вопроса о том, насколько сам признак пола связан с обстоятельствами, учёт которых обусловливает исключение пожизненного лишения свободы.

В уголовно-правовой литературе отмечается гендерная специфика системы наказаний, выраженная, в частности, в запретах и ограничениях на назначение женщинам отдельных видов наказаний [4]. При оценке ч. 2 ст. 57 УК РФ важно различать пол как групповой признак и конкретные обстоятельства, способные обусловить специальный правовой режим. Беременность представляет собой физиологическое состояние; наличие детей и фактическое осуществление родительских обязанностей относятся к семейным обстоятельствам; состояние здоровья и возраст характеризуют конкретное лицо. Эти факторы не тождественны самому признаку пола. Поэтому обоснование дифференциации социальными и физиологическими особенностями предполагает установление того, какие именно из них имеют значение для исключения пожизненного лишения свободы и насколько оправдан их учёт посредством единого критерия пола.

Противоречие наиболее заметно при сопоставлении группового исключения с требованием индивидуализации наказания. Часть 2 ст. 57 УК РФ исключает возможность назначения женщине пожизненного лишения свободы в силу самого признака пола; для применения этого запрета суду не требуется устанавливать наличие каких-либо дополнительных социальных или физиологических обстоятельств. Для мужчин, совершивших преступление после достижения восемнадцатилетнего возраста, закон связывает такое безусловное исключение, в частности, с достижением шестидесяти пяти лет к моменту вынесения приговора [2]. Различие относится не к основаниям уголовной ответственности, а к возможности назначения конкретного вида наказания. Такая конструкция требует оценки с позиций гуманизма, равенства и индивидуализации наказания.

Анализ пола как основания дифференциации не предполагает необходимости распространения пожизненного лишения свободы на женщин. Предметом оценки является основание установленного различия, а не сравнительная общественная опасность мужчин и женщин как социальных групп. Сопоставлению подлежит правовое положение лиц, совершивших преступления при сходных юридически значимых обстоятельствах, применительно к возможности назначения им конкретного вида наказания.

Европейский Суд по правам человека в постановлении Большой палаты по делу «Хамтоху и Аксенчик против России» от 24 января 2017 г. не установил нарушения ст. 14 Конвенции о защите прав человека и основных свобод во взаимосвязи со ст. 5 применительно к различию по признаку пола

при назначении пожизненного лишения свободы [5]. Вывод ЕСПЧ, сделанный применительно к ст. 14 во взаимосвязи со ст. 5 Конвенции, не исчерпывает вопроса о соответствии такой дифференциации принципам российского уголовного права и требованиям индивидуализации наказания.

Заключение. При оценке ч. 2 ст. 57 УК РФ необходимо разграничивать оправданность специальной защиты и достаточность пола как основания её предоставления. Если необходимость особого режима связана с конкретными физиологическими, возрастными, семейными либо иными объективными обстоятельствами, предметом самостоятельного анализа становится возможность их непосредственного учёта. Такой подход позволяет точнее определить пределы дифференциации по признаку пола и одновременно сохранить специальные уголовно-правовые гарантии и требование индивидуализации наказания.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. : с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. – Текст : электронный // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 22.09.2026).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : ред. от 4 августа 2026 г. – Текст : электронный // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 22.09.2026).
3. По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А. С. Лымарь : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 февраля 2016 г. № 6-П. – Текст : электронный // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194577/ (дата обращения: 22.09.2026).
4. Медведева, М. А. Гендерная асимметрия в системе уголовных наказаний / М. А. Медведева // Baikal Research Journal. – 2025. – Т. 16, № 3. – С. 1009–1018. – DOI 10.17150/2411-6262.2025.16(3).1009-1018. – URL: https://brj-bguep.ru/reader/article.aspx?id=27475 (дата обращения: 22.09.2026). – EDN LCRLYF.
5. Khamtokhu and Aksenchik v. Russia [GC] : judgment of 24 January 2017 : applications nos. 60367/08 and 961/11. – Текст : электронный // HUDOC : база данных. – URL: https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-170663 (дата обращения: 22.09.2026).

УДК 343.13

КВАЛИФИЦИРОВАННАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ И СПОСОБЫ ЕЕ ОКАЗАНИЯ

Глимейда В. В., канд. юрид. наук, доц., ORCID 0000-0003-0279-9795,
Еременко Н. С., ORCID 0009-00071375-3545
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар, РФ
e-mail: natali0800@bk.ru, abins@mail.ru

Введение. Конституция Российской Федерации закрепляет одно из основополагающих прав человека и гражданина – право на получение квалифицированной юридической помощи. Эффективность функционирования правовой системы напрямую зависит от качества и доступности такой помощи, что делает вопросы её регулирования и практического осуществления предметом постоянного внимания как законодателя, так и научного сообщества.

Цель – проведение анализа полномочий адвоката по оказанию квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве. Разработка эффективных механизмов реализации права на квалифицированную юридическую помощь и выявление существующих недостатков в текущем законодательстве и практике его применения.

Основная часть. Право на квалифицированную юридическую помощь имеет особое значение для уголовного судопроизводства. Ошибка, допущенная на первоначальной стадии расследования, способна повлиять на всю последующую процедуру: содержание показаний, избрание меры пресечения, объем обвинения и оценку доказательств судом. Поэтому доступ к профессиональной защите должен обеспечиваться не только после предъявления обвинения, но и с момента фактического ограничения свободы или совершения процессуальных действий, затрагивающих права лица.

Основной формой участия адвоката в уголовном процессе является участие защитника, в этом качестве его деятельность не лишена процессуальных проблем.

Так, немало внимания правовой доктриной уделяется проблеме формального характера защиты по назначению. Приглашение защитника должностным лицом, ведущим расследование, порождает риск зависимости от органа обвинения. Защитник может ограничиться присутствием при следственном действии, не проводить конфиденциальную беседу, не заявлять ходатайства и не проверять основания задержания. Такое участие создает внешнее соблюдение закона, но не обеспечивает содержательную защиту. Особенно опасна ситуация, когда один и тот же адвокат регулярно назначается конкретным следователем и фактически становится удобным участником обвинительной процедуры.

Решение, полагаем, может состоять в введении механизма автоматизированного распределения поручений между адвокатами без участия следователя или дознавателя. Региональные адвокатские палаты должны контролировать очередность назначений, случаи повторного привлечения одного адвоката тем же должностным лицом и соблюдение минимальных стандартов работы. В материалах дела целесообразно фиксировать время назначения, прибытия защитника и проведения первой конфиденциальной консультации. Если адвокат объективно не может подготовиться к действию, перенос должен рассматриваться как обычная гарантия защиты, а не как препятствие расследованию.

Не менее актуальными представляются проблемы, связанные с цифровизацией и обеспечением конфиденциального общения защитника с доверителем [2, с. 194]. В частности, обращает на себя внимание, что ч. 8 ст. 189.1 УПК РФ запрещает дистанционное проведение допроса, очной ставки и опознания при возможности разглашения охраняемой законом тайны (включая адвокатскую), однако не регламентирует порядок конфиденциальных консультаций [1]. Использование общего канала связи и обязательная видеозапись следственного действия создают риск раскрытия позиции защиты. Поэтому техническая возможность участия адвоката не гарантирует конфиденциальности его общения с подзащитным.

Устранение данной проблемы, по нашему мнению, требует конкретизации критериев оценки возможности разглашения адвокатской тайны при дистанционном производстве следственных действий. Если конфиденциальность необходимого общения защитника с подзащитным обеспечить невозможно, соответствующее следственное действие не проводится. Использование отдельного защищенного канала для консультаций может рассматриваться как направление совершенствования регулирования, требующее специального закрепления гарантий конфиденциальности.

Наконец, отсутствие единых и проверяемых критериев качества юридической помощи, связывается с трудностью оценки её результативности [3, с. 40]. Так, нецелесообразной представляется оценка по критериям числа удовлетворенных ходатайств или оправдательных приговоров: решение принимает не адвокат, а государственный орган. Однако полное отсутствие критериев затрудняет выявление явно пассивной защиты. Минимальный стандарт может включать своевременную встречу с доверителем, изучение доступных материалов, разъяснение вариантов правовой позиции, участие в ключевых действиях, подачу необходимых жалоб и сохранение адвокатской тайны.

Контроль качества следует осуществлять преимущественно внутри адвокатского сообщества, поскольку административное руководство со стороны органов расследования несовместимо с независимостью защитника. Эффективными мерами могут стать обязательное повышение квалификации по уголовной защите, наставничество для адвокатов с небольшим опытом,

выборочная проверка соблюдения процедурных стандартов и понятный порядок рассмотрения жалоб доверителей. При этом контроль не должен затрагивать содержание правовой позиции и сведения, составляющие адвокатскую тайну.

Заключение. Квалифицированная юридическая помощь представляет собой систему профессиональных действий, направленных на защиту прав и законных интересов участников процесса. Совершенствование порядка назначения защитников, укрепление гарантий адвокатской тайны, развитие профессиональных стандартов и безопасная цифровизация способны приблизить практику к содержанию конституционного права на защиту.

Список литературы

1. Российская Федерация. Законы. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : УПК : [принят Государственной Думой 22 ноября 2001года : одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 года]. – (Актуальное законодательство). – Текст : электронный : официальный сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 01.10.2026).
2. Манивлец, Э. Е. Организационно-техническое обеспечение применения видеоконференц-связи в судебном разбирательстве уголовных дел в Российской Федерации / Э. Е. Манивлец – Текст : электронный // Вестник Донецкого университета. Серия 06. Юридические науки. Научный журнал. – ISSN 3033-151. – Донецк. – 2026. – № 3. С. 191-195. – DOI 10.5281/zenodo.22713581. – URL: https://dongu-vestnik06.ru/index.php/vestnik06/issue/view/52/77 (дата обращения: 01.10.2026).
3. Тимошенко, Н. А. Проблемы соблюдения адвокатами правил профессиональной этики в уголовном судопроизводстве / Н. А. Тимошенко – Текст : электронный // Вестник Донецкого университета. Серия 06. Юридические науки. Научный журнал. – Донецк. – 2025. – № 1. С. 37-41. – DOI 10.5281 / zenodo.17694952. – URL: https://dongu-vestnik06.ru/index.php/vestnik06/issue/view/46/71 (дата обращения: 01.10.2026).

УДК 343.3

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ МЕСТА СОВЕРШЕНИЯ И МОМЕНТА ОКОНЧАНИЯ ЦИФРОВЫХ ХИЩЕНИЙ

Карпенко Л. К., канд. юрид. наук, доц., ORCID 0009-0009-7036-2596,
Садовниченко А. А., ORCID 0009-0008-4424-816X
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: karpenko.donnu.jur@mail.ru, angelinasadovnicenko0@gmail.com

Введение. Цифровые хищения являются проблемой современной преступности, приобретая всё более масштабный характер. Так, согласно данным Центрального банка России, в 2025 году количество операций без добровольного согласия клиентов по сравнению с 2024 годом увеличилось на

31,2 % и составило около 1,6 млн, а объем похищенных денежных средств достиг 29,3 млрд руб. [1]. Использование банковских приложений, электронных средств платежа, информационно-телекоммуникационных сетей и цифровых активов затрудняет раскрытие и расследование данных преступлений. В частности, возникают сложности при определении места совершения и времени (момента окончания) данных общественно опасных деяний. В связи с этим особую актуальность приобретают вопросы правового определения указанных обстоятельств применительно к цифровым хищениям.

Изучению данных вопросов посвятили свои работы ряд ученых, в числе которых: М. А. Степанова, Е. В. Царёв, Л. В. Иванова, В. Б. Дармаев, Г. В. Пережогина, И. И. Евтушенко и др.

Цель исследования – выявление проблем определения места совершения и момента окончания цифровых хищений, формулировка критериев их установления с учётом особенностей цифрового способа совершения преступления.

Основная часть. Определение места совершения цифрового хищения имеет значение для квалификации преступления, установления подследственности и подсудности уголовного дела. Согласно ч. 1 ст. 152 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) предварительное расследование производится по месту совершения деяния, содержащего признаки преступления, а ст. 32 УПК РФ устанавливает общее правило территориальной подсудности по месту совершения преступления [2].

При цифровом способе хищения применение этих положений осложняется тем, что потерпевший, виновный, используемые устройства, банковские и информационные системы могут находиться на разных территориях. Отдельные этапы преступления могут осуществляться с использованием инфраструктуры за пределами Российской Федерации.

Особое значение данный вопрос приобретает при расследовании преступлений о хищении безналичных денежных средств. Согласно п. 5 Постановления Пленума ВС РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» местом совершения мошенничества, состоящего в хищении безналичных денежных средств, как правило, является место совершения лицом действий, связанных с обманом или злоупотреблением доверием и направленных на незаконное изъятие денежных средств [3].

Такой подход позволяет связывать территорию преступления с действиями виновного, однако в цифровых схемах не всегда позволяет определить конкретное место совершения преступления. Получение сведений о платёжной карте, их ввод в информационную систему и инициирование перевода могут осуществляться из одной локации, тогда как потерпевший и банковская организация расположены на другой. В подобных ситуациях применяются положения ч. 2 и 3 ст. 152 УПК РФ [4, с. 15].

В случае возникновения трудностей, связанных с определением места совершения общественно опасного деяния, целесообразно рассматривать таковым место наступления последствий в виде имущественного ущерба.

Следует отметить, что хищения цифровых активов занимают особое место в структуре цифровой преступности. Специфика блокчейна как территориально не привязанной распределённой системы, а также использование иностранных криптовалютных платформ осложняют установление места преступления. Соответственно, местонахождение технической инфраструктуры за пределами Российской Федерации не может само по себе определять место совершения преступления. Ключевыми критериями выступают последовательность действий участников и выявление действия, непосредственно связанного с изъятием цифрового актива. Наличие элементов состава преступления за рубежом дополнительно актуализирует проблемы определения уголовной юрисдикции и организации международного взаимодействия [5, с. 164].

Не менее сложным является определение момента окончания цифрового хищения. В соответствии с п. 5 вышеуказанного Постановления Пленума, мошенничество считается оконченным с момента, когда имущество поступило в незаконное владение виновного или других лиц и у них появилась реальная возможность пользоваться либо распоряжаться им. Для безналичных и электронных денежных средств установлено специальное правило: преступление окончено с момента изъятия денежных средств со счёта владельца, повлекшего причинение ему ущерба. Следовательно, момент окончания связывается с фактическим выбытием денежных средств из имущественной сферы потерпевшего; последующее обналичивание либо перемещение похищенных средств значения не имеет. Применение данного подхода к цифровым активам требует дополнительного обоснования. После первоначального завладения актив может неоднократно перемещаться между различными адресами. Необходимо разграничивать транзакцию, непосредственно повлекшую выбытие цифрового актива из фактического контроля потерпевшего, и последующие операции с уже похищенным имуществом [5].

Полагаем, что именно, первая операция должна определять момент окончания хищения. Отсутствие специальных разъяснений по данному вопросу создаёт риск различной правовой оценки сходных деяний. При расследовании данной категории дел для определения места и момента окончания цифрового хищения необходима фиксация времени и содержания операций, сведений об используемых устройствах и учётных записях, движения денежных средств, данных о получателях, последовательности переводов, а при хищении цифровых активов – сведений о блокчейн-транзакциях и соответствующих адресах. В сложных случаях может потребоваться проведение соответствующей экспертизы в области информационных технологий. Эти сведения необходимы для установления

времени, места и способа совершения преступления, которые согласно ст. 73 УПК РФ относятся к обстоятельствам, подлежащим доказыванию.

Заключение. Исходя из вышеизложенного, основным критерием определения места цифрового хищения следует считать территорию совершения действий, непосредственно направленных на изъятие имущества. Если такие действия осуществляются в нескольких местах, применяются правила ст. 152 УПК РФ, а при невозможности установить единую территориальную связь целесообразно учитывать место наступления последствий в виде имущественного ущерба. Момент окончания хищения цифрового актива предлагается связывать с транзакцией, в результате которой актив выбывает из фактического контроля потерпевшего.

Список литературы

1. ЦБ сообщил о росте объема хищений мошенников в 2025 году до 29,3 млрд рублей // interfax.ru – URL: https://www.interfax.ru/business/1072685 (дата обращения: 08.10.2026). – Текст: электронный.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.
3. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 48 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2018. – № 2. – С. 6–26. – (в ред. от 29.06.2021, от 15.12.2022).
4. Степанова, М. А. Проблемы определения места совершения хищения денежных средств с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. – 2021. – № 1. – С. 12–16.
5. Иванова, Л. В. Цифровое пространство как место совершения преступления в условиях глобальных ограничений // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2020. – Т. 6, № 4 (24). – С. 155–171. – DOI 10.21684/2411–7897-2020-6-4-155–171.

УДК 343.352

АНАЛИЗ ОБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ.109 УК РФ

Карягина О. В., канд. юрид. наук, доц., ORCID 0009-0006-6478-4643,
Демченко Е. Г.
ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог, Ростовская обл., РФ
e-mail: o.karyagina@tmei.ru, katya16demchenko@yandex.ru

Введение. Объективные признаки состава преступления – это та внешняя сторона уголовно наказуемого деяния, которая доступна наблюдению и

доказыванию. В теории уголовного права объективные признаки любого материального состава преступления, к числу которых относится и причинение смерти по неосторожности, включают три обязательных элемента: объект преступления, объективную сторону и факультативные признаки (время, место, обстановку, орудия и средства совершения преступления). Применительно к ст. 109 УК РФ детальный анализ этих признаков имеет не только теоретическое, но и первостепенное практическое значение, поскольку именно объективная сторона нередко становится камнем преткновения в судебных разбирательствах, а правильное установление объекта позволяет отграничить данный состав от смежных. В данной статье будет проанализирован объект преступления, предусмотренного ст. 109 УК РФ.

Цель статьи – раскрыть содержание объекта преступления, предусмотренного ст. 109 УК РФ, и его значение для квалификации неосторожного лишения жизни.

Основная часть. В системе Особенной части Уголовного кодекса РФ [1] этот состав относится к главе 16 «Преступления против жизни и здоровья», которая входит в раздел VII «Преступления против личности». Следовательно, в иерархии объектов преступления родовым объектом выступает личность, видовым – жизнь и здоровье человека, а непосредственным – жизнь конкретного человека, который становится жертвой неосторожного деяния виновного. Как верно подмечают исследователи, в правовой доктрине существует определенная дискуссия о том, что именно является непосредственным объектом данного преступления.

Одни ученые полагают, что это жизнь человека как таковая в ее биологическом измерении, другие – что это право человека на жизнь, закрепленное в статье 20 Конституции РФ [2] и международно-правовых актах. На практике эта дискуссия не имеет решающего значения, поскольку и в том, и в другом понимании уголовно-правовая охрана жизни признается абсолютной и не подлежащей ограничениям. Жизнь человека в рамках ст. 109 УК РФ подлежит охране независимо от возраста потерпевшего, его пола, социального статуса, состояния здоровья или морального облика. Лишение жизни любого человека, и новорожденного младенца, и глубокого старика, и законопослушного гражданина, и лица, ведущего асоциальный образ жизни, если оно совершено по неосторожности, теоретически может подпадать под действие ст. 109 УК РФ при наличии всех остальных признаков состава.

Потерпевшим от преступления, предусмотренного ст. 109 УК РФ, признается физическое лицо, которому преступлением причинена биологическая смерть. Однако здесь возникает ряд принципиально важных вопросов, имеющих практическое значение: с какого именно момента жизнь человека становится объектом уголовно-правовой охраны (начало жизни) и в какой момент она таковой перестает быть (конец жизни)?

В доктрине уголовного права господствующим является подход, согласно которому началом жизни признается момент начала физиологических

родов, а точнее – момент появления какой-либо части тела ребенка из утробы матери. Неосторожное уничтожение плода до начала процесса родов не образует состава причинения смерти по неосторожности, поскольку плод еще не признается человеком в уголовно-правовом смысле. Однако если смерть причиняется в процессе родов, уже после того, как плод начал извлекаться из организма матери, ответственность по ст. 109 УК РФ возможна. Эта позиция подтверждается правоприменительной практикой.

Так, в Московской области врач-акушер причинил смертельную травму ребенку во время принятия родов с использованием акушерских щипцов, в результате чего у новорожденного диагностировали отек мозга, перелом ключицы, кровоизлияния во внутренние органы и ребенок скончался в реанимации. В отношении врача было возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 109 УК РФ [3].

В свою очередь, концом жизни человека признается момент наступления биологической смерти, то есть необратимой гибели клеток коры головного мозга, сопровождающейся прекращением сердечной деятельности, дыхания и функционирования центральной нервной системы. Промежуточные состояния (клиническая смерть, кома) не могут рассматриваться как юридическая смерть, поскольку существует возможность возвращения человека к жизни при своевременном медицинском вмешательстве. Если неосторожные действия были совершены в состоянии клинической смерти, то до наступления необратимых изменений в тканях головного мозга, ответственность по ст. 109 УК РФ может быть поставлена под сомнение и требует тщательной экспертной оценки.

Важным и дискуссионным вопросом, который также относится к характеристике потерпевшего, является вопрос о том, влечет ли согласие лица на причинение ему смерти освобождение от уголовной ответственности при неосторожном лишении жизни. Российское законодательство однозначно отвечает на этот вопрос отрицательно. Статья 45 Федерального закона № 323 «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» [4] прямо запрещает медицинскому персоналу осуществление эвтаназии, то есть ускорение смерти пациента какими-либо действиями или средствами, в том числе прекращением искусственных мер по поддержанию жизни. УК РФ не относит эвтаназию к обстоятельствам, исключающим преступность деяния. Следовательно, даже если лицо добровольно и осознанно просило о своем умерщвлении, смерть, причиненная по неосторожности, все равно может квалифицироваться по ст. 109 УК РФ. Таким образом, потерпевший – это всегда другой человек, и его согласие на смерть не имеет уголовно-правового значения для рассматриваемого состава.

Заключение. Таким образом, анализ объекта по ст. 109 УК РФ показывает: главная ценность, защищаемая законом в этом случае, – человеческая жизнь. А в случаях, когда неосторожность связана с профессиональной деятельностью, на первый план выходят и правила, регулирующие эту деятельность.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) [принят Государственной Думой 24.05.1996, одобрен Советом Федерации 05.06.1996]. – Текст: электронный // Государственная система правовой информации: Официальный интернет портал правовой информации. 2005-2025 гг. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102041891 (дата обращения: 04.09.2026).
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.), с учётом поправок, внесённых федеральными конституционными законами о поправке к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6–ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7–ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2–ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11–ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1–ФКЗ, с учётом включения новых субъектов РФ, внесённых федеральными конституционными законами от 4 октября 2022 г. № 5–ФКЗ, от 4 октября 2022 г. № 6–ФКЗ, от 4 октября 2022 г. № 7–ФКЗ, от 4 октября 2022 г. № 8–ФКЗ – Текст : электронный // Официальный Интернет–портал правовой информации «Государственная система правовой информации» – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 11.09.2026, публикация № 0001202210060013).
3. Приговор Сергиево-Посадского городского суда Московской области от 21.08.2023 г.№ 1-68/2023 – Текст: электронный // – URL: http://sudact.ru/regular/doc/wksp0XhpFlxC/?ysclid=mpo7kv5nnr132388805 (дата обращения: 18.09.2026).
4. Федеральный закон от 21.11.2021 № 323-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «Об основах охраны здоровья граждан в РФ». – Текст: электронный // Государственная система правовой информации: Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 18.09.2026).

УДК 343.352

АНАЛИЗ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ СТ.109 УК РФ

Карягина О. В., канд. юрид. наук, доц., ORCID 0009-0006-6478-4643
ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог, Ростовская обл., РФ
e-mail: o.karyagina@tmei.ru

Введение. Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 109 УК РФ – это наиболее сложный и одновременно наиболее значимый для правоприменителя элемент состава. Она представляет собой триединство взаимосвязанных компонентов: общественно опасное деяние (действие или бездействие), наступившее общественно опасное последствие в виде смерти потерпевшего, и причинная связь между деянием и смертельным исходом. Отсутствие любого из этих трех элементов исключает наличие состава преступления и, следовательно, уголовную ответственность по ст. 109 УК РФ.

Цель статьи – охарактеризовать обязательные и факультативные признаки объективной стороны ст. 109 УК РФ и их значение для квалификации неосторожного лишения жизни.

Основная часть. Деяние, как обязательный признак объективной стороны может проявляться в двух формах – в форме активного действия или в форме пассивного бездействия. Причинение смерти по неосторожности путем активных действий встречается в судебной практике чаще всего. Примерами могут служить: нарушение правил охоты (выстрел по неясно видимой цели без принятия достаточных мер предосторожности), нарушение правил хранения и обращения с оружием или источниками повышенной опасности, неосторожное обращение с огнем, приведшее к пожару с гибелью людей, и т.д. [1]. Во всех этих случаях виновный совершает определенное активное действие, которое объективно нарушает те или иные правила предосторожности.

Принципиальное значение для квалификации имеет характер правил предосторожности, которые нарушает виновный. В части 1 ст. 109 УК РФ речь идет о нарушении любых общепринятых правил предосторожности – бытовых, житейских, которые не связаны с профессиональной деятельностью виновного. Например, лицо оставляет малолетнего ребенка без присмотра у открытого окна, и ребенок падает и погибает; или лицо устраивает пикник с разведением костра вблизи сухой травы в ветреную погоду, и огонь перекидывается на спящих людей [2]. В таких случаях ответственность наступает по ч. 1 ст. 109 УК РФ. В части 2 ст. 109 УК РФ деяние совершается вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей. Здесь правила предосторожности уже не абстрактные, а конкретно установленные должностными инструкциями, технологическими регламентами, профессиональными стандартами, приказами и иными нормативными актами, регулирующими ту или иную профессиональную деятельность.

Общественно опасное последствие, в данном случае смерть, является обязательным признаком объективной стороны. Без наступления смерти лицо не может нести ответственность по ст. 109 УК РФ. Если в результате неосторожных действий был причинен только тяжкий вред здоровью, но потерпевший остался жив, ответственность наступает по ст. 118 УК РФ, если же вред здоровью не причинен вовсе, но нарушены правила безопасности, уголовная ответственность может отсутствовать вовсе. Однако в правоприменительной практике нередко возникают сложности, когда смерть наступает не сразу после деяния, а через определенный промежуток времени в результате развившихся осложнений. Важно, чтобы причинная связь между деянием и смертью сохранялась и при временном разрыве.

Именно причинная связь между деянием и смертью потерпевшего является самым сложным для установления, самым спорным и самым значимым элементом объективной стороны ст. 109 УК РФ. Как неоднократно подчеркивал Верховный Суд РФ в своих разъяснениях, для квалификации содеянного по ст. 109 УК необходимо, безусловно, установить, что смерть потерпевшего наступила именно в результате неосторожных действий (или бездействия) виновного, а не вследствие иных обстоятельств, не зависящих от

его поведения. Если между деянием и смертью отсутствует причинно-следственная связь, уголовная ответственность по ст. 109 УК РФ исключается, даже если деяние само по себе было неосторожным и объективно опасным.

В доктрине уголовного права разработаны критерии для установления причинной связи в преступлениях с материальным составом. Во-первых, действие (бездействие) лица должно по времени предшествовать наступлению смерти. Во-вторых, действие (бездействие) должно быть необходимой предпосылкой наступления смерти, то есть создавать реальную возможность ее наступления. В-третьих, смерть должна быть закономерным, а не случайным результатом деяния. В-четвертых, в причинную цепь не должно вторгаться постороннее обстоятельство, которое разрывает эту связь.

В одном из дел Верховный Суд РФ в 2025 году отменил приговор по делу о смертельном ДТП именно из-за того, что суды не оценили должным образом заключение медицинских экспертов, которое ставило под сомнение причинно-следственную связь между травмами, полученными в ДТП, и смертью потерпевшего. В экспертном заключении содержалась оговорка о невозможности установить, что именно послужило непосредственной причиной смерти – травма или коронавирусная инфекция, от которой потерпевший также страдал. Верховный Суд указал, что неустранимые сомнения в причинной связи должны толковаться в пользу обвиняемого, и направил дело на новое рассмотрение [3].

Хотя время, место, обстановка, орудия и средства совершения преступления не являются обязательными признаками состава ст. 109 УК РФ, они могут иметь значение для квалификации, в частности, для разграничения ч. 1 и ч. 2 ст. 109 УК РФ. Например, если неосторожное причинение смерти произошло в ходе выполнения профессиональных обязанностей, то это с высокой вероятностью указывает на необходимость квалификации по ч. 2 ст. 109 УК РФ.

Место совершения преступления также может свидетельствовать о наличии или отсутствии специальных правил предосторожности. Если нарушение правил дорожного движения произошло на дороге общего пользования, это одно, но, если на закрытой частной территории, где правила дорожного движения формально не действуют, – совершенно иная правовая ситуация.

Орудия и средства совершения преступления также нередко становятся ключевыми в доказывании. Например, если смерть причинена выстрелом из зарегистрированного охотничьего ружья в лесу – это ситуация, требующая анализа на предмет нарушения правил охоты; если из незарегистрированного самодельного оружия в городе – возможно, речь идет о самостоятельном преступлении (ст. 222 УК РФ) и квалификации неосторожной смерти на общих основаниях.

Заключение. Таким образом, объективные признаки состава преступления, предусмотренного ст. 109 УК РФ, представляют собой

сложную, многогранную конструкцию, правильное установление которой требует от правоприменителя глубоких знаний теории уголовного права, тщательного анализа фактических обстоятельств дела. Именно объективная сторона становится тем полем, на котором решается судьба уголовного дела: от того, удастся ли доказать наличие деяния, смерти и, самое главное, причинной связи между ними, зависит, будет ли лицо привлечено к уголовной ответственности по ст. 109 УК РФ или оно будет оправдано за отсутствием состава преступления.

Список литературы

1. Федоров А. В. Преступления по неосторожности: вопросы законодательной регламентации и судебной практики: монография / А. В. Федоров. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 184 с.
2. О судебной практике по делам о преступлениях против жизни и здоровья: проект постановления Пленума Верховного Суда РФ – Текст: электронный // Официальный сайт Верховного Суда РФ. – URL: https://vsrf.ru (дата обращения: 18.09.2026).
3. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14 августа 2025 г. № 32-УД25-6-К1. – Текст: электронный // СПС «Гарант». – URL: https://base.garant.ru/412513640/ (дата обращения: 18.09.2026).

УДК 343.352

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ОБЪЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ ИНЫХ ФОРМ МАССОВЫХ РЕПРЕССИЙ

Карягина О. В., канд. юрид. наук, доц., ORCID 0009-0006-6478-4643
ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог, РФ
e-mail: o.karyagina@tmei.ru

Введение. Уголовно-правовое и доктринальное исследование массовых репрессий, не подпадающих под конвенционное определение геноцида, требует детального анализа их объективных признаков. Сложность квалификации данных деяний в рамках отечественного правового поля заключается в том, что в Уголовном кодексе РФ отсутствует единая кодифицированная статья, устанавливающая ответственность за «массовые репрессии» как самостоятельное родовое преступление. В отличие от геноцида, имеющего четко обособленный состав в статье 357 УК РФ, иные формы массовых репрессий юридически квалифицируются через систему смежных составов преступлений, посягающих на государственную власть, правосудие, конституционные права граждан или личность. Для системного понимания правовой природы иных форм массовых репрессий необходимо осуществить последовательный разбор, в первую, очередь объективных

признаков данных общественно опасных деяний, сквозь призму действующего российского законодательства и общепризнанных принципов международного права.

Цель исследования – охарактеризовать объект и объективную сторону иных форм массовых репрессий для определения их уголовно-правовой природы.

Основная часть. Объектом иных форм массовых репрессий выступает многоуровневая система общественных отношений [1]. Если при геноциде родовым и видовым объектом всегда являются мир и безопасность человечества, то при иных формах репрессий родовой объект может варьироваться в зависимости от конкретного механизма совершения преступления. В тех случаях, когда репрессивные меры реализуются должностными лицами государственного аппарата, родовым объектом выступают общественные отношения, обеспечивающие государственную власть, интересы государственной службы и службы в органах местного самоуправления (глава 30 УК РФ), а также отношения в сфере правосудия (глава 31 УК РФ). Видовым и непосредственным объектом в данном контексте становятся конституционные права и свободы человека и гражданина, законные интересы общества и государства, а также установленный порядок функционирования органов публичной власти.

Специфика потерпевшего (круга жертв) выступает главным отличительным признаком объекта иных форм массовых репрессий от объекта геноцида. В соответствии с доктриной международного и национального уголовного права, при иных формах репрессий объект карательного воздействия дифференцируется не по врожденным, биологическим характеристикам (раса, этнос), а по социальным, политическим, экономическим, идеологическим или профессиональным признакам. Круг потерпевших здесь не ограничен четырьмя конвенционными группами геноцида, что придает объекту иных форм репрессий подвижный, социально-политический характер [2].

Объективная сторона иных форм массовых репрессий характеризуется исключительным многообразием форм своего проявления и конструируется, как правило, через материальные и формальные составы преступлений, связанных со злоупотреблением властью, незаконным лишением свободы или фальсификацией доказательств. В российском уголовном праве данные деяния квалифицируются по статьям главы 31 УК РФ. Сюда относится привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности (статья 299 УК РФ), вынесение заведомо неправосудного приговора, решения или иного судебного акта (статья 305 УК РФ), а также фальсификация доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности (статья 303 УК РФ).

Второй формой объективной стороны выступает незаконное лишение свободы, принудительная изоляция и интернирование, осуществляемые под видом административных процедур или превентивного задержания. В

Уголовном кодексе РФ ответственность за подобные действия предусмотрена статьей 126 (похищение человека), статьей 127 (незаконное лишение свободы), а также специальной статьей 301 (незаконные задержание, заключение под стражу или содержание под стражей). При массовых репрессиях объективная сторона этих деяний характеризуется масштабностью и выходом за рамки установленного уголовно-процессуального закона, когда задержания производятся внесудебными органами или на основании секретных ведомственных циркуляров, полностью лишая граждан права на защиту и справедливое судебное разбирательство.

Третья форма объективной стороны связана с экономическим подавлением и дискриминацией преследуемых групп. Она выражается в массовом неправомерном изъятии собственности, конфискации имущества, лишении законных источников дохода или принудительном ограничении прав на ведение экономической деятельности. В действующем уголовном законе данные действия могут квалифицироваться по статьям о преступлениях против собственности (глава 21 УК РФ), а также по статье 169 УК РФ (воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности), если они совершаются должностными лицами с использованием своего служебного положения.

Четвертую форму объективной стороны составляют идеологические и гражданско-правовые ограничения, выражающиеся в дискриминации, то есть нарушении прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, религиозной, убежденческой или иной принадлежности. В российском уголовном законодательстве данное деяние прямо криминализировано в статье 136 УК РФ (дискриминация). При массовых репрессиях объективная сторона дискриминации выражается в систематическом поражении в правах (запретах на профессию, ограничении доступа к образованию, лишении избирательных прав), умышленно осуществляемом органами государственной власти в отношении целых категорий граждан с целью их вытеснения из публичного пространства [3].

Важное правоприменительное значение имеет анализ системности, как обязательного сквозного признака объективной стороны иных форм массовых репрессий. Для констатации репрессивного характера деяний необходимо доказать наличие масштабного организационного плана, существование устойчивой практики, координируемой из единого центра, и вовлечение в процесс подавления значительного числа исполнителей из различных ведомств.

Заключение. Таким образом, уголовно-правовой анализ объективных признаков иных форм массовых репрессий демонстрирует их сложную, рассредоточенную структуру в российском уголовном праве. Отсутствие единого состава «массовых репрессий» компенсируется системой норм о должностных преступлениях, преступлениях против правосудия и конституционных прав граждан.

Список литературы

1. Кислицын С. А. Партийная фронда под секирой НКВД. Киров, Орджоникидзе, Бухарин и деятели Азово-Черноморского края в политических репрессиях второй половины 1930-х годов / С. А. Кислицын. – Москва : Политическая энциклопедия, 2023. – 423 с. – ISBN 978-5-8243-2527-0. – Текст : электронный // Цифровой образовательный ресурс IPR SMART : [сайт]. – URL: https://www.iprbookshop.ru/141492.html (дата обращения: 15.05.2026)
2. Бобраков И. А. Уголовное право. Особенная часть : учебник / И. А. Бобраков. – 3-е изд. – Москва : Ай Пи Ар Медиа, 2026. – 742 с. – ISBN 978-5-4497-5387-8. – Текст : электронный // Цифровой образовательный ресурс IPR SMART : [сайт]. – URL: https://www.iprbookshop.ru/160262.html (дата обращения: 03.05.2026)
3. Кибальчик А. Г. Преступления против мира и безопасности человечества / А. Г. Кибальчик, И. Г. Соломоненко ; под редакцией А. В. Наумов. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2004. – 385 с. – ISBN 5-94201-292-X. – Текст : электронный // Цифровой образовательный ресурс IPR SMART : [сайт]. – URL: https://www.iprbookshop.ru/18036.html (дата обращения: 25.04.2026).

УДК 343.3/.7

ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ УМЫШЛЕННОГО ПРИЧИНЕНИЯ ТЯЖКОГО ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ

Коломиец А. И., канд. экон. наук, ORCID 0000-0003-1247-8784
АНО ВО «Университет мировых цивилизаций имени В. В. Жириновского», г. Москва, РФ
e-mail: kolomiez5@ya.ru

Введение. Право человека на жизнь, не только закрепленное Конституцией Российской Федерации, но и поставленное под охрану государством в нормах уголовного закона, определяет легитимность и легальность государственной власти, способной при необходимости обеспечить неотвратимость наказания для каждого, преступившего закон, в нормах которого продиктовано общеобязательное для каждого правило поведения, соотносимое в том числе с фундаментальным правом человека на жизнь [1].

Согласно ч. 1 ст. 20 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на жизнь, соответственно, никто не может быть ее лишен до наступления естественной биологической смерти. Уголовный кодекс Российской Федерации содержит обширный перечень преступлений, влекущих за собой наказание за противоправные действия, направленные против человеческой жизни. При этом жизнь может являться как основным, так и дополнительным объектом преступного деяния. Так, ст. 111 УК РФ находится в главе 16 «Преступления против жизни и здоровья», которая входит в раздел VII «Преступления против личности». В связи с этим родовым объектом состава

преступления, предусмотренного ст. 111 УК РФ, будут общественные отношения, возникающие в ходе обеспечения охраны фундаментальных и основополагающих прав и свобод личности, ее интересов, которые отражены в разделе VII УК РФ. Видовым объектом состава преступления, предусмотренного ст. 111 УК РФ, являются общественные отношения, возникающие в ходе охраны жизни и здоровья, которые отражены в главе 16 раздела VII УК РФ.

Цель исследования – раскрыть содержание объективных признаков умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ) и их значение для квалификации деяния и отграничения от смежных составов.

Основная часть. Здоровье является достаточно сложной категорией, содержащей в себе как материальные, так и нематериальные элементы. К материальным относится нормальное функционирование организма человека как биологического существа, к нематериальным – те элементы, которые зачастую невозможно воспринимать и различать визуально, например психологические процессы, социальное благополучие человека.

Объективная сторона представлена в виде объективных признаков, которые составляют внешнюю сторону преступления и заключаются в причинении тяжкого вреда здоровью, опасного или неопасного для

По ч. 1 ст. 111 УК РФ «умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека, или повлекшего за собой потерю зрения, речи, слуха либо какого-либо органа или утрату органом функций, прерывание беременности, психическое расстройство, заболевание наркоманией либо токсикоманией, или выразившегося в неизгладимом обезображивании лица, или вызвавшего значительную стойкую утрату общей трудоспособности не менее чем на одну треть или заведомо для виновного полную утрату профессиональной трудоспособности, наказывается лишением свободы от двух до восьми лет» [2].

Объективные признаки причинения тяжкого вреда здоровью являются важным аспектом в судебной медицине и правовом процессе. Они служат основой для определения степени повреждения здоровья потерпевшего и установления ответственности виновной стороны. В случае причинения тяжкого вреда здоровью врачи и судебные эксперты исследуют различные факторы, чтобы выявить объективные признаки повреждения.

Вот некоторые из них:

1) медицинские документы: медицинские карты и другие документы (результаты обследований, протоколы операций, рецепты на лекарства и т. д.);

2) медицинское заключение: врачебное заключение или экспертное мнение судебного медика (описание травмы, последствий для здоровья и долгосрочных прогнозов);

3) медицинские обследования: компьютерная томография, магнитно-резонансная томография, рентген и др., позволяющие выявить видимые

повреждения внутренних органов, костей и тканей, а также определить степень их тяжести;

4) исследование душевного состояния пострадавшего: психологические тесты, наблюдение за поведением и заключение психиатра в случае причинения психического вреда здоровью.

Вышеперечисленное служит объективной основой для определения степени тяжести повреждений, их последствий и связи с деянием, в результате которого причинен вред здоровью. Они имеют значение при рассмотрении цивильных и уголовных дел и помогают правосудию вынести справедливый и обоснованный приговор.

Тем не менее без определения причинной связи между действием/бездействием лица и наступившими последствиями нельзя квалифицировать деяние как причинение тяжкого вреда здоровью. Устанавливая взаимосвязь деяния и последствий, необходимо брать в расчет некоторые факторы.

Следовательно, одна из главных задач при квалификации содеянного – установление факта прямой причинно-следственной связи между преступным деянием и наступившими последствиями.

О наличии умысла на совершение убийства могут свидетельствовать следующие объективные признаки:

1. Характер и расположение травм: Степень сосредоточенности повреждений в критически важных органах. Множественные травмы, локализованные в несущественных частях тела, могут не указывать на умысел лишить потерпевшего жизни.

2. Орудие преступления: применение оружия, способного по своей природе вызвать летальные ранения.

3. Длительность причинения повреждений: время, в течение которого наносились повреждения, включая эпизоды нанесения повторных ударов (например, множественные ножевые ранения), или продолжение агрессии после потери потерпевшим сознания.

4. Межличностные связи: наличие острых противоречий или явной враждебности в отношениях между нападавшим и жертвой.

5. Действия, предшествующие преступлению: предварительное планирование противоправных действий или наличие намерения разрешить конфликт силой.

6. Преступное поведение после совершения преступления: если виновное лицо, зная о тяжести полученных потерпевшим повреждений, не оказало ему помощи или попыталось скрыть следы преступления.

Объективная сторона преступления характеризуется: деянием в форме действия или бездействия, направленным на причинение тяжкого вреда здоровью; наступлением общественно опасных последствий в виде тяжкого вреда здоровью; наличием причинно-следственной связи между деянием и последствиями.

Заключение. Установление степени причиненного здоровью ущерба на основании медицинских показателей является ключевым моментом в процессе юридической оценки деяния и обуславливает необходимость проведения обязательного судебно-медицинского исследования.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенарод. голосованием 12 дек. 1993 г. с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25, ст. 2954.

УДК 343.132:004.056

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ СЛЕДОВ ПРИ ПРОВЕРКЕ ЗАЯВЛЕНИЙ ОБ УГРОЗЕ БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Кормильченко Е. Е., ORCID 0009-0007-0540-8717
Луганский филиал ФГКОУ ВО «Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», г. Луганск, РФ
e-mail: jeka_boez@mail.ru

Введение. Информационно-телекоммуникационные технологии глубоко проникли во все сферы общественных отношений, кардинально изменив, в том числе, и механизмы криминального противодействия правосудию. В современных условиях участники уголовного судопроизводства – потерпевшие, свидетели, а также лица, заключившие досудебное соглашение о сотрудничестве – все чаще подвергаются давлению не путем прямого физического контакта, а посредством цифровых каналов связи. Использование анонимных аккаунтов в мессенджерах, VoIP-телефонии с подменой номера, теневого сегмента сети Интернет (Darknet) и социальных сетей для высказывания угроз убийством, насилием или уничтожением имущества стало повседневной реальностью. В связи с этим перед подразделениями государственной защиты встает фундаментальная правовая проблема: как в условиях жестко регламентированных процессуальных сроков проверки легализовать эфемерный «цифровой след» и доказать реальность поступившей угрозы.

Цель – проанализировать уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы фиксации и легализации цифровых следов на этапе проверки заявлений об угрозах в адрес лиц, подлежащих государственной защите, а также выработать предложения по совершенствованию действующего законодательства в указанной сфере.

Основная часть. Согласно положениям Федерального закона от 20.08.2004 № 119-ФЗ, уполномоченные органы обязаны в течение трех суток (а в случаях, не терпящих отлагательства – немедленно) проверить заявление об угрозе безопасности защищаемого лица и принять решение о применении мер безопасности [4, ст. 16]. Однако на практике, когда угроза поступает с разового виртуального номера или скрытого аккаунта, оперативный сотрудник сталкивается с дефицитом процессуальных механизмов фиксации. Цифровой след, представляющий собой криминалистически значимую компьютерную информацию, обладает высокой степенью летучести. Как отмечает А.Б. Смушкин, «под виртуальными следами понимаются любые изменения состояния автоматизированной информационной системы, компьютерной сети, сети Интернет, связанные с событием преступления и зафиксированные в виде компьютерной информации» [6, с. 44].

Злоумышленник может удалить сообщение у обоих собеседников в мессенджере, что приведет к безвозвратной утрате первоисточника угрозы. В такой ситуации традиционные следственные действия запаздывают. Как справедливо отмечает Э.А. Поваляев, «современное состояние института государственной защиты свидетелей в Российской Федерации настоятельно требует поиска новых направлений совершенствования, способных эффективно нивелировать дистанционные угрозы» [5, с. 104].

Для решения проблемы процессуального закрепления электронных доказательств на этапе проверки реальности угрозы требуется модернизация алгоритма получения компьютерной информации. Как утверждает В.Б. Вехов, «отсутствие в уголовно-процессуальном законе понятия электронных доказательств порождает серьезные проблемы в следственной и судебной практике» [1, с. 47].

В свою очередь, С.В. Зуев справедливо указывает, что «электронное доказательство можно определить как любые сведения, представленные в электронной форме, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию» [2, с. 48].

Существующая правоприменительная практика показывает, что суды и надзирающие прокуроры неохотно принимают в качестве оснований простые скриншоты экранов мобильных устройств защищаемых лиц. Для их легализации требуется проведение полноценного осмотра места происшествия с участием специалистов. Как подчеркивает В.М. Мешков, «криминалистическое исследование цифровых следов требует строгого соблюдения специальных правил изъятия, исключающих их случайное или намеренное искажение» [3, с. 82].

При этом время, затрачиваемое на подобную процессуальную фиксацию, прямо играет против безопасности потерпевшего или свидетеля. Возникает правовая коллизия: наличие реальной электронной угрозы очевидно для должностного лица, но ее процессуальное оформление для вынесения

мотивированного постановления в трехдневный срок крайне затруднено, так как результаты оперативной разведки по открытым источникам (OSINT) не имеют самостоятельного статуса доказательств, предусмотренных уголовно-процессуальным законом [7, ст. 74].

Заключение. Подводя итоги проведенного исследования, необходимо констатировать, что уголовно-процессуальное законодательство и нормативная правовая база, регламентирующая деятельность подразделений государственной защиты, нуждаются в синхронизации с темпами развития цифровых средств коммуникации. Для повышения эффективности защиты участников уголовного судопроизводства требуется системный пересмотр подходов к работе с электронными доказательствами. Во-первых, представляется важным закрепить в УПК РФ правовой статус электронного (цифрового) следа как самостоятельного вида доказательств. Во-вторых, необходимо внести изменения в Федеральный закон № 119-ФЗ и ст. 144 УПК РФ, наделив органы, осуществляющие меры безопасности, прямым и безотлагательным правом запрашивать у провайдеров хостинга и организаторов распространения информации в сети «Интернет» метаданные сеансов связи в рамках проверки заявлений об угрозах (до возбуждения уголовного дела). В-третьих, тактика деятельности оперативных подразделений должна быть дополнена методиками экстренной фиксации экранов мобильных устройств защищаемых лиц с использованием сертифицированного аппаратно-программного обеспечения, результаты применения которого должны рассматриваться в качестве достаточного основания для возбуждения уголовного дела в порядке ст. 146 УПК РФ и проведения неотложных следственных действий, а также являться ориентирующей информацией для органа, осуществляющего государственную защиту. В-четвертых, назрела необходимость разработки межведомственных регламентов взаимодействия между подразделениями государственной защиты, органами предварительного расследования и IT-подразделениями органов внутренних дел, что позволит создать единый алгоритм экстренного реагирования на цифровые угрозы и минимизировать риски утраты значимой компьютерной информации.

Список литературы

1. Вехов, В.Б. Электронные доказательства: проблемы теории и практики / В.Б. Вехов // Правопорядок: история, теория, практика. – 2016. – № 4(11). – С. 46–50. – EDN YNTMHF.
2. Зуев, С.В. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве: понятие и значение / С.В. Зуев // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2020. – Т. 20, № 3. – С. 46–51. – EDN ROPUUK.
3. Мешков, В.М. Цифровые следы в криминалистике и уголовном процессе: учебное пособие / В.М. Мешков. – Москва: Юрайт, 2023. – 186 с. – ISBN 978-5-534-16281-3.
4. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: Федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ (действ. ред.) // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 34. – Ст. 3534.

5. Поваляев, Э.А. Государственная защита свидетелей в Российской Федерации: современное состояние и направления совершенствования / Э.А. Поваляев // Современное общество и право. – 2025. – № 6(79). – С. 102–107. – EDN UNUCFU.
6. Смушкин, А.Б. Виртуальные следы в криминалистике / А.Б. Смушкин // Законность. – 2012. – № 8. – С. 43–45. – EDN PBEFOD.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (действ. ред.) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

УДК 343.222:343.224.1

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И ИХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

Корниенко С. В., SPIN-код 9729-2720
Луганский филиал ФГКОУ ВО «Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», г. Луганск, РФ
e-mail: lugvrnin@mvd.ru

Введение. В уголовном праве наказание представляет собой установленную государством принудительную меру, которую применяют к лицу, признанному виновным в преступлении. Основные задачи такой меры - вернуть нарушенный правопорядок в нормальное состояние, компенсировать вред, причинённый обществу, а также не допустить совершения новых противоправных деяний в будущем.

Личность преступника может быть сложной, и изучение ее аспектов помогает в понимании причин и условий, которые ведут к преступному поведению и развитию эффективных стратегий противодействия преступности. Это включает в себя такие аспекты, как мотивация к преступлению, психологические отклонения, криминальные наклонности, способы противостояния социальной контролю, уровень социальной адаптации и многое другое.

Цель исследования – раскрыть специфику целей уголовной ответственности несовершеннолетних и обосновать необходимость индивидуального подхода к их реализации с учетом психологических и социальных особенностей данной категории правонарушителей.

Основная часть. Можно выделить основные цели уголовной ответственности, которыми являются:

– Реабилитация: защита интересов несовершеннолетнего преступника, его ресоциализация и восстановление в обществе. Цель этой меры заключается в предоставлении возможности для изменения и усвоения таких ценностей и норм, которые позволят подростку адаптироваться и стать членом законопослушного общества.

– Защита общества: преграда развитию преступной деятельности несовершеннолетних лиц и защита интересов общества от негативного воздействия молодежи-преступников.

– Превенция: меры, направленные на предотвращение совершения преступлений несовершеннолетними, включая предупреждение и контроль.

– Карательность: наказание несовершеннолетнего за совершение преступления, чтобы создать у него психологический барьер для повторной совершения преступных действий.

Хотя какими-либо положениями уголовного закона не закрепляется специфика целей уголовной ответственности несовершеннолетнего субъекта, можем сделать вывод о том, что одной из основных целей является формирование у несовершеннолетних четкого правосознания, моральной позиции, духовно-нравственных ценностей.

Как отмечает Малков В.Д., «процесс социализации начинается в раннем возрасте, когда человек начинает поглощать роли, которые формируют его личность. Именно в детстве человек развивается как социальное существо, он развивает интеллект, способность анализировать и синтезировать окружающие явления, способность предвидеть последствия своих действий; генерируются такие волевые качества, как настойчивость, решительность, самообладание, активность. Все это тесно связано с последующим поведением несовершеннолетнего» [2, с. 337].

В соответствии с уголовным законодательством РФ несовершеннолетние могут нести ответственность за преступления – при этом к ним применяют принудительные меры воспитательного воздействия. Это отражает признание законодателем особой специфики данной категории правонарушителей и необходимости выстраивать к ним индивидуальный подход.

Одной из возможных психологических предпосылок совершения мелких преступлений несовершеннолетними преступниками может быть недостаток эмоциональной регуляции. Подростки еще не вполне сформировали свои навыки самоконтроля и управления своими эмоциями, что может приводить к неадекватным реакциям на стрессовые ситуации или искушения.

В этом возрасте также наблюдается повышенная склонность к риску и стремление к новым ощущениям. Молодые люди ищут испытание себя и своих возможностей, и мелкие преступления могут быть одним из способов попытаться испытать свои силы, получить адреналин и привлечь внимание окружающих.

Другой возможной предпосылкой может являться низкий уровень эмпатии у подростков. Некоторые из них могут не понимать или не осознавать последствия своих действий на других людей или на общество в целом. Они не способны в полной мере поставить себя на место других и понять, какие страдания или неприятности могут вызвать их поступки.

Важно учитывать особенности развития и психологического состояния несовершеннолетних, чтобы применяемая система мер уголовно-правового

воздействия была максимально эффективной и направлена на восстановление правонарушителя в обществе.

Согласно результатам криминологических и социально-психологических исследований, несовершеннолетние правонарушители проявляют следующие характерные черты:

– отсутствие интереса к обучению и отставание в познавательных навыках, вызванное неблагоприятными семейными и педагогическими условиями;

– высокая подверженность влиянию взрослых преступников или групповому воздействию;

– развитие вредных привычек в малолетнем возрасте (курение, алкоголизм, наркомания).

Остро стоят вопросы реинтеграции заключенных, так как лицо, отбывшее наказание, помещается в ту же среду, в которой пребывало на момент совершения преступления. Необходимо направить усилия на разработку эффективного комплекса мер для взаимодействия правоохранительных органов, органов контроля, при профилактике преступлений, а затем и при социальной адаптации несовершеннолетних лиц, совершивших преступления с целью исключения повторного совершения преступления.

Прежде всего, необходимо понимать, что правовая культура личности тесно связана с ее нравственным воспитанием. Поэтому особую роль имеет правовое воспитание подрастающего поколения, стремящееся закрепить в несовершеннолетнем информацию, которая непосредственно дает ему критерии для выбора той или иной поведенческой альтернативы и оценки собственных действий.

Заключение. Стоит отметить, что реализация уголовной ответственности несовершеннолетних сопряжена с рядом проблемных аспектов, требующих комплексного подхода и изучения. Необходимо учитывать особенности несовершеннолетних преступников, а также адаптировать наказания для достижения реабилитационных и социализационных целей. Реализация этих мер должна быть контролируемой и эффективной для обеспечения безопасности общества и превенции повторных преступлений.

Список литературы

1. Зайко, Т. М. О системе профилактики правонарушений несовершеннолетних / Т. М. Зайко // Российское право: образование, практика, наука. – 2017. – № 1(97). – С. 51-53. – EDN YKPKTL.
2. Криминология: Учебник для вузов / под ред. проф. В.Д. Малкова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : ЗАО «Юстицинформ», 2006. – 528 с. (Серия «Образование»).
3. Прилуцкая, Е. В. Актуальные проблемы назначения наказания в отношении несовершеннолетних / Е. В. Прилуцкая // Столыпинский вестник. – 2023. – Т. 5, № 1. – EDN VXZDMG.
4. Сафина Л.Ю. Общие аспекты уголовной ответственности несовершеннолетних. – 2021. – С. 51-52.

УДК 615.849

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ СО СТОРОНЫ ЗАПОДОЗРЕННЫХ ЛИЦ НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ СЛЕДСТВИЯ

Косяк Е. Л., канд. юрид. наук, ORCID 0000-0003-3903-4438,
Гагуа О. Л.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: e.kosyak.dongu@mail.ru, o-gagua@mail.ru

Введение. Первоначальный этап расследования преступлений традиционно характеризуется высокой степенью информационной неопределенности, нехваткой времени.

Актуальность данной темы обусловлена тем, что классические методы преодоления противодействия зачастую уступают место новым, более изощренным формам поведения фигурантов, которые активно используют юридические лазейки и психологическое давление. Научное осмысление тактических приемов, позволяющих нейтрализовать эти деструктивные действия на самых ранних этапах следствия, имеет важнейшее значение для реализации принципа неотвратимости наказания.

Цель исследования заключается в комплексном теоретико-практическом анализе форм противодействия расследованию со стороны подозреваемых на первоначальном этапе и выработке научно обоснованных тактических рекомендаций по их своевременному преодолению.

Основная часть. Противодействие расследованию представляет собой умышленную, целенаправленную деятельность подозреваемого или иных связанных с ним лиц, направленную на воспрепятствование установлению истины по уголовному делу.

В структуре этого явления на первоначальном этапе следствия можно выделить два основных блока: следовое (материальное) противодействие – уничтожение вещественных доказательств, фальсификация обстановки на месте происшествия (инсценировка), сокрытие орудий преступления или ценностей, добытых преступным путем; вербальное (информационное) противодействие – дача заведомо ложных показаний, отказ от дачи показаний, выдвижение ложного алиби, а также умышленное введение следствия в заблуждение путем симуляции психических или физических заболеваний.

Особенность первоначального этапа заключается в том, что подозреваемый действует в условиях стресса и дефицита информации о том, какими именно уликами уже располагает следствие. Это вынуждает его либо полностью отрицать свою вину, либо гибко подстраивать свои показания под те

факты, которые следователь оглашает в ходе процессуальных действий [1, с. 45].

Преодоление материальных форм противодействия требует от следователя незамедлительной фиксации идеальных и материальных следов, пока фигурант не успел скоординировать свои действия с соучастниками или адвокатом.

Основным тактическим приемом здесь выступает эффект внезапности. Проведение обыска, выемки или задержания в режиме, исключающем утечку информации, лишает подозреваемого возможности уничтожить носители информации или перепрятать орудия преступления. При проведении следственного осмотра важную роль играет метод «встречного поиска» и моделирование гипотетического поведения преступника на месте происшествия. Это позволяет выявить аномалии в обстановке (так называемые «негативные обстоятельства»), которые однозначно указывают на факт инсценировки. Например, отсутствие следов борьбы там, где они объективно должны быть, или несоответствие телесных повреждений на трупе заявленной версии о несчастном случае.

Допрос подозреваемого на первоначальном этапе – ключевое поле тактического противоборства. В зависимости от выбранной фигурантом линии поведения следователь должен гибко менять тактические схемы.

При реализации подозреваемым позиции «полного молчания» (отказа от показаний) тактическая задача смещается с получения вербальной информации на фиксацию психоэмоциональных реакций и предъявление улик. В данном случае эффективен прием «последовательного предъявления доказательств». Следователь начинает с менее значимых фактов, постепенно наращивая доказательную силу предъявляемых объектов. Даже при формальном молчании допрашиваемого оглашение весомых улик под протокол подрывает его внутреннюю уверенность в собственной безопасности и создает предпосылки для изменения позиции в будущем.

При выдвижении ложного алиби наиболее действенным приемом является «детализация показаний». Следователю необходимо максимально подробно, поминутно допросить человека о хронологии его действий в интересующий следствие период. Подозреваемому задают неожиданные, на первый взгляд второстепенные вопросы (какая была погода, во что были одеты окружающие, какие звуки он слышал). Удержать в памяти вымышленную легенду со множеством мелких деталей практически невозможно. Последующая проверка этих деталей путем допроса свидетелей или истребования документов неизбежно приводит к опровержению алиби и выявлению факта лжи [2, с. 112].

Одним из наиболее тонких психологических приемов преодоления противодействия является создание у допрашиваемого ложного впечатления о том, что следователю известно гораздо больше, чем есть на самом деле. Этот прием реализуется через использование косвенных вопросов, демонстрацию

уверенности в виновности лица и оперирование деталями, которые мог знать только участник события.

Важно соблюдать грань законности: тактический обман не должен переходить в фальсификацию или прямую дезинформацию (дезинформация запрещена законом). Следователь лишь особым образом группирует уже имеющиеся разрозненные факты, заставляя подозреваемого поверить, что запираться бессмысленно. В ситуации, когда фигурант считает, что следствие полностью раскрыло его схему, он часто переходит от жесткого противодействия к компромиссу и дает правдивые показания [3, с. 88].

Преодоление противодействия расследованию со стороны подозреваемого не должно выходить за рамки правового поля. Стремясь сломить сопротивление фигуранта, следователь может допустить процессуальные нарушения, которые в дальнейшем приведут к признанию доказательств недопустимыми. Именно поэтому на первоначальном этапе крайне важен жесткий надзор со стороны прокуратуры.

Прокурор, оценивая законность проведения первоначальных следственных действий, выступает гарантом того, что тактические приемы не превратятся в психологическое насилие или принуждение к даче показаний. Своевременный прокурорский контроль за обоснованностью задержания, законностью проведения обысков без судебного решения (в случаях, не терпящих отлагательства) пресекает любые попытки неправомерного давления на подозреваемого. Более того, прокурор оказывает содействие следствию, оперативно реагируя на жалобы стороны защиты, которые часто подаются умышленно как элемент тактики противодействия с целью затянуть время и дезорганизовать работу следственной группы [4, с. 73].

Заключение. Преодоление противодействия расследованию со стороны подозреваемых на первоначальном этапе следствия представляет собой динамичный процесс, требующий от следователя сочетания глубоких психологических знаний, безупречной процессуальной дисциплины и гибкого тактического мышления.

Использование эффекта внезапности, детальная проверка вербальной информации, выявление негативных обстоятельств и грамотное оперирование доказательствами позволяют эффективно нейтрализовать деструктивные усилия фигурантов уголовного дела. При этом сбалансированное взаимодействие следователя с контролирующими и надзорными органами, в первую очередь с прокурором, обеспечивает не только результативность расследования, но и строгое соблюдение конституционных прав граждан, исключая превращение тактического соперничества в нарушение духа и буквы закона.

Список литературы

1. Баев, О. Я. Основы криминалистики : курс лекций / О. Я. Баев. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва :Эксмо, 2023. – 320 с. – ISBN 978-5-699-31069-2.

2. Ищенко, Е. П. Криминалистика : учебник для вузов /Е. П. Ищенко, А. А. Топорков ; под ред. Е. П. Ищенко. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Контракт : Инфра-М, 2024. – 464 с. – ISBN 978-5-98209-325-7.
3. Шепитько, В. Ю. Тактика допроса в конфликтной ситуации : монография / В. Ю. Шепитько. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2022. – 185 с.
4. Яблоков, Н. П. Криминалистические проблемы преодоления противодействия расследованию / Н. П. Яблоков. – Москва :Юрлитинформ, 2025. – 208 с. – ISBN 978-5-6052063-7-8.

УДК: 343.131

ПРИНЦИПЫ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИЕ СОБЛЮДЕНИЕ ПРАВ И СВОБОД УЧАСТНИКОВ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА, В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Кузьмина О. В., канд. юрид. наук, доц.,
Скотникова М. М., ORCID 0009-0003-3761-7944
ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет», г. Иваново, РФ
e-mail: kuzolga03@mail.ru, *skotnikovamarin@yandex.ru*

Введение. С начала двадцать первого столетия цифровизация как одна из тенденций развития общества и системы государственной власти не теряет своих ведущих позиций, постепенно проникая во все сферы жизни. В настоящее время она приобретает особые масштабы с учетом повсеместного внедрения искусственного интеллекта в дополнение к уже существующим техническим новшествам. Безусловно, уголовно-процессуальная деятельность не является исключением. Бессмысленно, по нашему мнению, спорить с тем, что она также подвержена влиянию технических новшеств, которые поступательно занимают все более основательное место в ней. Полагаем, что для наиболее прозрачной демонстрации всеобъемлющего влияния современных технологий на указанный предмет логично будет оценить их влияние, рассмотреть риски и перспективы их внедрения на примере принципов производства по уголовным делам в связи с их особым значением как с практической, так и с теоретической точек зрения.

Основная часть. Согласно одной из существующих в уголовно-процессуальной науке классификаций [1, с. 4], принципы уголовного судопроизводства делятся на два вида в зависимости от того, на обеспечение какой стороны указанной деятельности они направлены: процедуры производства по уголовным делам либо соблюдения прав и свобод участников уголовного процесса. Полагаем, что в условиях внедрения современных технологий рассмотрение именно последней категории представляет наибольший интерес.

Права и свободы человека, согласно Конституции РФ, являются высшей ценностью, в связи с чем при внесении в законодательство любого изменения данному аспекту должно уделяться особое внимание. В эту категорию считаем возможным включить следующие принципы: уважение чести и достоинства личности, неприкосновенность личности, жилища, охрана прав и свобод человека и гражданина, тайна переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Отнесение к этому виду иных основополагающих начал, закрепленных в главе 2 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) [3], на данном этапе нашего исследования считаем спорным.

В отношении рассматриваемого предмета, дискуссионным является сам вопрос о том, подвержены ли вышеуказанные принципы каким-либо изменениям в условиях внедрения современных технологий в уголовно-процессуальную деятельность. Представляется, что на сегодняшний день технические новшества все чаще используются в качестве средства обеспечения законности осуществляемой деятельности. Надежность фиксации и хранения цифровой информации, ее объективность делают современные носители достойным способом подтверждения или опровержения факта наличия нарушения тех или иных прав человека.

Рассмотрим два, с нашей точки зрения, взаимосвязанных принципа: уважение чести и достоинства личности, а также охрана прав и свобод человека и гражданина. С внедрением во многие процедуры уголовного судопроизводства возможности, а, в некоторых случаях, и обязанности уполномоченных лиц вести видеозапись, осуществлять фотофиксацию тех или иных следственных действий, укрепились гарантии реализации данных принципов. Так, действующим законом предусмотрена возможность ведения видеозаписи и фотографирования следственных действий (ч. 2 ст. 166 УПК РФ), в том числе освидетельствования, допроса и других. Осуществление видеозаписи допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний на месте с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля обязательно (ч. 5 ст. 191УПК РФ).

Таким образом, наличие видеозаписи хода следственного действия может служить гарантией соблюдения прав участвующих лиц, так как указанными способами взаимодействие участников процесса фиксируется объективно. Также запись может засвидетельствовать нарушение тех или иных прав человека, унижение его чести или достоинства.

В целях защиты частной жизни ч. 4 ст. 241 УПК РФ предусмотрена необходимость получения согласия лиц, участвующих в переписке, переговорах, зафиксированных на видеозаписях и в фотоматериалах, если последние носят личный характер, для их оглашения в открытом судебном заседании. Полагаем целесообразным считать это еще одной гарантией соблюдения прав человека, уважения чести и достоинства личности, вызванной необходимостью исследования цифровых доказательств в ходе уголовного судопроизводства.

В связи с тем, что происходит стремительный перенос многих аспектов социальной жизни людей в цифровую плоскость, все чаще доказательственное значение приобретают сведения, содержащиеся в телефонных переписках, расшифровках телефонных переговоров, легализованных в процессе в установленном законом порядке. Данное обстоятельство существенно повышает риск нарушения прав, гарантированных принципом, закрепленным в ст. 13 УПК РФ – тайна переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений.

Зачастую при обжаловании судебных решений сторона защиты обращается к вышеуказанному принципу для признания недопустимыми тех или иных доказательств, связанных с осмотром мобильных устройств лиц, привлекаемых к ответственности. Так, Приморский краевой суд [2] признал несостоятельным соответствующий довод адвоката, изложенный в апелляционной жалобе. Согласно позиции суда второй инстанции, на изъятие и осмотр телефона лица в рассматриваемой ситуации, вопреки указанию стороны защиты, не требовалось судебное решение, так как на мобильном устройстве содержались лишь сведения, относящиеся к совершаемому преступлению, но они не касались чьей-либо частной жизни.

В то же время, полагаем такую позицию заслуживающей критики, так как лица, ведущие процесс по делу, не могут заранее достоверно знать, обнаружатся ли на устройстве, в телефонных переговорах сведения, составляющие охраняемую законом тайну, в том числе тайну частной жизни. Такое суждение, по нашему мнению, идет в разрез с установленными ст.ст. 186, 186.1 УПК РФ правилами, в их взаимосвязи с трактовкой рассматриваемого принципа. Безусловно, привлечение к уголовной ответственности сопряжено с необходимым ограничением прав подозреваемых, обвиняемых в совершении преступлений, однако следует минимизировать риски безосновательного нарушения прав непричастных субъектов, либо лиц, подозрения в отношении которых не подтвердились, в связи с чем видимо, необходима корректировка правоприменительной практики в данной части.

Заключение. Внедрение современных технологий в производство по уголовным делам обеспечивает и гарантирует реализацию принципов, направленных на соблюдение прав и свобод участников процесса. Несмотря на существующие риски, связанные с использованием новых способов передачи, обработки и хранения информации, при надлежащем соблюдении положений закона, а также дальнейшем развитии нормативной базы, может быть существенно снижено количество случаев незаконного нарушения прав и свобод человека в ходе уголовного судопроизводства.

Список литературы

1. Камардина, А.А. Реализация принципов уголовного судопроизводства при производстве по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора: автореф. дис. … канд. юрид. наук. / Камардина А.А. – Ростов-на-Дону : б.и., 2012. – 24 с.

2. Апелляционное постановление Приморского краевого суда № 22-5159/2025 от 17 декабря 2025 г. – Текст: электронный // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. –URL: https://sudact.ru/regular/doc/0yfYaxUJgnmj/ (Дата обращения: 13.09.2026)
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 №174-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // СЗ РФ. – 2001. – № 52. – Ст. 4921; СЗ РФ. – 2026. – № 30. – Ст. 4097.

УДК 340.15:321.01:343.23 (477)

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ФАКТОРЫ СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Ладыга А. И., канд. ист. наук, доц.
ФГКОУ ВО «Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», г. Воронеж, РФ
e-mail: kafedra.tigp@bk.ru

Введение. Политика – самый сложный предмет правового посредничества, поскольку в ней аккумулируется огромное количество субъективных факторов, нередко противоположных и разнонаправленных. Найти разумный баланс этих устремлений и является задачей права и закона. Но бесконфликтное функционирование права и политики – это нонсенс. Политика оформляет право, придавая ему положительно определенные черты в политических отношениях, в борьбе интересов рождается нормативно-правовой акт, который в принципе не может удовлетворять интересы всех, а иногда – и большинства.

Следовательно, можно говорить о двух типичных криминологически значимых ситуациях: 1) использование инструмента правотворчества в узкокорпоративных целях вопреки общим интересам; 2) нивелирование положительно-правовых предписаний, в связи с приматом политического управления, на котором функционально замыкаются и правоохранительные органы, не способные в такой ситуации пресечь преступную деятельность политического истеблишмента. Речь идет по сути о подмене принципа законности принципом политической (или иной) целесообразности. И первая, и вторая ситуация представляют собой общественную деятельность, генерирующую политические факторы преступности. Рассмотрим их подробно.

Цель работы – определить политико-правовые факторы современной украинской политической преступности и дать им характеристику.

Основная часть. *Фактор первый – использование правотворчества в корпоративных целях вопреки общесоциальным интересам*. Известно, что правотворчество является инструментом управления, применяемым субъектами государственно-властных полномочий. Идеальная модель создания

новых норм права, корректировки, отмены существующих должна соответствовать требованиям правотворчества – т.е. выполнять функции восприятия и отражения реальных общественных отношений, научно обоснованного и справедливого, бесконфликтного порядка их реализации. И лишь тот политический режим, в котором функции правотворчества приближены к означенным способны претендовать на демократический.

Однако, консервацию обструктивных тенденций в сфере публичного администрирования с диалектической точки зрения следует рассматривать, по нашему мнению, как явление закономерное и управляемое, то есть как результат целенаправленного управленческого воздействия.

Политическая сфера является объектом управления, за влияние на которую конкурирует ряд субъектов. При этом формирование качественного состава органов государственной власти выступает целью указанной конкуренции, в которой абсолютное большинство граждан сознательного участия, к сожалению, не принимает. Причины этого:

а) низкий уровень образованности в сфере социального управления и технологий воздействия на электорат;

б) низкая политическая активность, обусловленная бытующим социальным мифом, что «политика – грязное дело» и т.п.;

в) манипулирование средствами политической коммуникации для реализации «тактики продуцирования согласия»: распространение недостоверной, закрытой информации и др.;

г) отсутствие цивилизованной нормативно закрепленной процедуры лоббизма, способной обеспечить представительские функции парламента;

д) исторически обусловленные формы сращения организованной преступности с органами государственной власти, что вызывает успешное функционирование финансовых и корпоративных «фильтров» и т.п.

Принимая во внимание возможность участия в формировании и функционировании политической системы украинского государства от высокого уровня финансового состояния, логично предположить и наличие существенной доли «преступных инвестиций» в государственном аппарате. А инвестиция, как известно, предполагает получение прибыли. Таким образом, несложной задачей представляется моделирование механизма влияния на субъекты политических отношений (политическая коррупция).

Таким образом, изложенные обстоятельства свидетельствуют, что криминогенные последствия могут быть не только целью, но и побочным результатом использования механизмов правотворчества для удовлетворения узкокорпоративных интересов. Несмотря на это, единичной плоскостью этих политико-правовых практик является теневой лоббизм.

Фактор второй – подмена принципа законности принципом политической целесообразности. В деятельности представителей украинской политико-управлинской элиты – справедливо отмечает О.В. Кукуруз – политика реализуется часто с нарушением права на основе политической

целесообразности. Последняя имеет огромное влияние на государствообразование и правотворчество [1, с.36].

С теоретической точки зрения, политическая целесообразность – это рациональные решения и полезная деятельность власти, в рамках существующего законодательства, направленная на улучшение жизни общества. Но на практике украинские политики подают его как мотивацию определенного решения или действия власти, отождествляя ее с необходимостью. Однако это не происходит в правовом поле, и не всегда понятно, какая цель и кем была поставлена, каким должен быть результат. Подмена же принципа законности политической целесообразностью влечет за собой ряд социально деструктивных последствий [2, с.134].

Во-первых, сами политические акты, в которых выражается указанная подмена, часто имеют признаки правонарушений, а потому юридическая сила принимаемых квазиправовых решений обоснованно ставятся населением, а также субъектами международного права под сомнение. Это вносит элемент конфликтности в социальные, межгосударственные и международные взаимодействия. Пути протекания и разрешения подобного рода конфликтов совмещены с массовыми криминальными практиками.

Во-вторых, нарушение законности органами государственной власти является мощным информационным фактором социальной дезорганизации. Происходит демонстрация достижения политической цели псевдоправовыми средствами. Именно такая демонстрация, неприкрытый нигилизм, является особо опасным криминогенным фактором.

Следовательно, подмена принципа законности политической целесообразностью всегда несет на себе бремя криминогенности. Это обстоятельство не исчезает даже при наличии действительной крайней необходимости в принятии незаконных, но правовых по духу решений.

Заключение. С учетом вышеизложенного, имеем возможность сформулировать определение политико-правовых факторов преступности, под которыми понимаем группу криминогенных факторов, проявляющихся в утверждении примата политической целесообразности над требованиями законности и/или целенаправленно создаваемых с использованием инструментов правотворчества возможностей совершения преступлений (общественно опасных деяний) или же криминогенные последствия реализации в нормативно-правовых актах сугубо политических (или иных узкогрупповых) интересов без учета требования их криминологической эффективности. Эта группа факторов носит комплексный характер, охватывает как специфику политической сферы, ее влияние на криминогенную ситуацию, так и особенности нормативно-правовой детерминации преступности. При этом именно интегрированное исследование обозначенных деструктивных аспектов деятельности публичной власти как во внутриполитическом, так и в геополитическом контекстах, и дальнейшая их обструкция, считаем, должна обеспечить создание фундамента противодействия преступности в любом государстве.

Список литературы

1. Кукуруз О.В. Реализация политики и права политико-управленческой элитой Украины / О.В. Кукуруз // Studia politologica Ucraino-Polona. – 2012. – Вып. 2. – URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Spup_2012_2_7.
2. Орлов Ю.В. Криминологическая экспертиза нормативно-правових актов и их проектов: научно-методическое обеспечение: монография / Ю.В. Орлов. – Симферополь : КРП «Издательство «Крымучпедгосиздат»», 2010. – 266 с.

УДК 343.72:343.37

К ВОПРОСУ О САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Левендаренко О. А., канд. юрид. наук, доц., ORCID 0009-0008-6698-5291,
Городецкая Е. В.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: o.levendarenko@mail.ru, gorodeckaya-k@mail.ru

Введение. На сегодняшний день одним из основных признаков современного развитого государства является наличие экономики, способной удовлетворять общественные и государственные потребности. Под экономической деятельностью следует понимать динамический процесс формирования производства для обеспечения необходимым количеством товаров и услуг субъектов, проживающих на территории России.

По официальной статистике, предоставленной Министерством экономического развития Российской Федерации, на 10 марта 2026 года зарегистрировано 6,9 миллиона малых и средних предприятий, которые осуществляют в приоритетных сферах для государства и общества свою деятельность, например, туризм и логистика.

Большие количественные показатели созданных малых и средних предприятий свидетельствуют о возникновении общественных и экономических отношений между предприятиями и другими субъектами (государство, физические и юридические лица). В то же время для извлечения пользы и достижения государственных результатов данный вид отношений между субъектами должен надлежащим образом находиться под охраной основного уголовного закона.

Основная часть. Следует согласиться с мнениями Н. В. Бурганова, Т. С. Кудашевой, Н. В. Пустотина, что при бурном процессе осуществления субъектами хозяйствования активно формируется собственность, вследствие чего на нее образуются права, подлежащие защите со стороны государства [2, с. 74].

В традиционном понимании мошенничество – это хищение чужого имущества или приобретения права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием [3] (ст.159 УК РФ).

Отметим, что в главе 21 «Преступления против собственности» УК РФ содержатся семь структурных единиц, устанавливающих ответственность за мошенничество и сферы, где оно может быть осуществлено. Основная проблема заключается в определении самостоятельности вида преступления в зависимости от сформированной структуры статьи.

Обратим внимание, что в указанной выше главе отсутствует статья, устанавливающая понятие «мошенничество в сфере экономической деятельности» также не определены способы его совершения и уголовная ответственность.

Криминализации мошенничества свойственно законодательное определение сфер и выделение отдельных способов его совершения, например, часть 1 статьи 159.6 «Мошенничество в сфере компьютерной информации» содержит как традиционные отдельные правовые категории, свойственные общему понятию «мошенничество», установленному в ст.159 УК РФ, а именно «Мошенничество, то есть хищение чужого имущества или приобретения права на чужое имущество …», так и новые способы совершения преступления, к таковым относятся: ввод, удаление, модификация компьютерной информации.

К аналогичному мнению приходит И.Р. Равилов, утверждая, что после массового формирования мошенничества в определенных сферах, возникла необходимость о введении градации мошенничества в зависимости от объекта, предмета и способа его совершения, в связи с чем был принят Федеральный закон от 29.11.2012 №207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [4, с. 259-3].

Как правило, ст.159.6 совместно применяется со статьями, содержащимися в главе 28 «Преступления в сфере компьютерной информации».

Аналогичная ситуация складывается с мошенничеством в сфере экономики – состав мошенничества входит в раздел преступлений в сфере экономики.

Заключение. Из приведенного следует, что необходимо внести изменения в основной уголовный закон с целью приведения к единой структуре главы 21 и устранения пробела в правовом регулировании относительно уголовной ответственности за мошенничество в сфере экономической деятельности.

Список литературы

1. С начала 2026 года в России появилось более 240 тысяч новых МСП [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития Российской Федерации. – URL:

https://www.economy.gov.ru/material/news/s_nachala_2026_goda_v_rossii_poyavilos_bolee_240_tysyach_novyh_msp.html (дата обращения: 10.09.2026).
2. Бурганов, Н. В. Мошенничество в сфере экономики и национальная экономическая безопасность / Н. В. Бурганов, Н. И. Демчик, Т. С. Кудашева. – Текст: электронный // Теория и практика современной науки. – 2021. – № 6 (72). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/moshennichestvo-v-sfere-ekonomiki-i-natsionalnaya-ekonomicheskaya-bezopasnost (дата обращения: 10.09.2026).
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
4. Равилов, И. Р. Экономическое мошенничество как угроза безопасности экономики / И. Р. Равилов. – Текст: непосредственный // Современные тенденции и инновации в науке и производстве: материалы IX Международной научно-практической конференции, 15 апреля 2020 г. – Прокопьевск, 2020. – С. 259-1–259-6.

УДК 343.1

ЗАПРЕТ ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ КАК АЛЬТЕРНАТИВА ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ ДЛЯ ОБВИНЯЕМЫХ В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СВЯЗАННЫХ С СВО: ПЕРСПЕКТИВЫ И РИСКИ

Левендаренко О. А., канд. юрид. наук, доц., ORCID 0009-0008-6698-5291,
Козорез Т. А.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: o.levendarenko@mail.ru, kozorez.tanya@bk.ru

Введение. В современных условиях элементы процессуального принуждения призваны обеспечивать нормальное функционирование уголовного судопроизводства. Одним из таких элементов, введённых в УПК РФ Федеральным законом от 18 апреля 2018 года № 72-ФЗ, стала мера пресечения в виде запрета определённых действий (статья 105.1 УПК РФ), задуманная как гуманистическая альтернатива заключению под стражу [1].

Несмотря на устойчивый рост числа случаев избрания данной меры (с 301 удовлетворённого ходатайства в 2018 году до 2 113 за шесть месяцев 2024 года), запрет определённых действий по-прежнему занимает периферийное положение. За шесть месяцев 2023 года судами рассмотрено 47 806 материалов о заключении под стражу (удовлетворено 41 724, или 87,3%), тогда как ходатайств о запрете определённых действий заявлено лишь 2 204 (удовлетворено 1 938, или 87,9%). В первом полугодии 2024 года – 46 643 и 40 963 (87,8%) против 2 303 и 2 113 (91,7%) соответственно [4]. Суды удовлетворяют ходатайства о запрете определённых действий даже чаще, чем о заключении под стражу: проблема не в отказах судов, а в том, что сторона обвинения заявляет такие ходатайства примерно в двадцать раз реже. Заявленная законодателем гуманистическая цель не достигнута в полной мере:

запрет определённых действий функционирует не как реальная замена заключению под стражу, а как дополнение к существующей системе, не изменяющее её репрессивного характера.

Основная часть. Статья 105.1 УПК РФ позиционирует запрет определённых действий как самостоятельную меру пресечения, однако анализ судебной практики выявляет устойчивую тенденцию к его использованию в качестве дополнительного ограничения при залоге или домашнем аресте (часть 11 статьи 106, часть 7.1 статьи 107 УПК РФ) [2]. Это создаёт концептуальную неопределённость: является ли запрет определённых действий полноценной альтернативой заключению под стражу или лишь «усилителем» иных мер? Для целей исследования преступлений, связанных со специальной военной операцией (далее – СВО), принципиальное значение имеет именно автономное применение данной меры.

К категории дел, связанных с СВО, относятся прежде всего преступления против основ конституционного строя и безопасности государства (статьи 275, 275.1, 276, 276.1, 277 УК РФ), а также воинские преступления (статьи 337–339 УК РФ). Для этих категорий запрет определённых действий обладает уникальным потенциалом, обусловленным двумя факторами. Во-первых, характерная для данной категории лиц устойчивая социальная интеграция (наличие постоянного места жительства, семейных связей, трудовой занятости) создаёт объективные предпосылки для применения мер, не связанных с изоляцией от общества. Во-вторых, данная мера позволяет точечно ограничить именно те коммуникативные и пространственные возможности, которые могут быть использованы для воспрепятствования производству по делу, не разрушая социальных связей обвиняемого. Дополнительным аргументом является отсутствие жёстких временных ограничений, свойственных заключению под стражу: согласно статье 109 УПК РФ, содержание под стражей не может превышать двух месяцев с возможностью продления до 6, 12 и 18 месяцев, тогда как запрет определённых действий такой системы предельных сроков не имеет. Это особенно значимо для дел СВО, расследование которых нередко носит длительный характер.

Центральной проблемой правоприменения остаётся неопределённость критериев оценки нарушений установленных запретов. Часть 13 статьи 105.1 УПК РФ предусматривает в качестве последствия нарушения изменение меры пресечения на более строгую, не дифференцируя нарушения по характеру и степени тяжести. В научной литературе справедливо отмечается, что при запрете на использование сети Интернет «затруднительно определить, обращался ли обвиняемый к сети через иные устройства или при посредстве третьих лиц», а также острой является проблема разграничения случайных и умышленных нарушений [6, с. 132]. Для дел, связанных с СВО, где обвиняемый может поддерживать контакты с широким кругом лиц, данная неопределённость создаёт повышенный риск необоснованного ужесточения меры пресечения.

Особого внимания заслуживает правовая коллизия, возникающая на стыке норм о мере пресечения и об освобождении от уголовной ответственности участников СВО. Статья 78.1 УК РФ и Федеральный закон от 2 октября 2024 года № 340-ФЗ устанавливают, что при призыве обвиняемого на военную службу в период мобилизации или при заключении контракта производство по делу приостанавливается, а мера пресечения отменяется (пункт 5 части 1 статьи 238, часть 1 статьи 110 УПК РФ) [2; 3]. Однако статья 78.1 УК РФ содержит исчерпывающий перечень преступлений, исключённых из освобождения от ответственности: государственная измена (статья 275), шпионаж (статья 276), посягательство на жизнь государственного деятеля (статья 277) и иные преступления против основ конституционного строя (статьи 275.1, 276.1, 278–280.2, 280.4, 281–283.2 УК РФ) [3].

Для обвиняемых по этим составам мера пресечения отменяется, но освобождения от ответственности не наступает: по возвращении из военной службы производство возобновляется, и возникает необходимость нового избрания меры пресечения. Применительно к наиболее тяжким СВО-связанным составам запрет определённых действий утрачивает обеспечительную функцию в момент направления обвиняемого на службу, однако преследование не прекращается, а лишь приостанавливается. Для обвиняемых по составам, не исключённым из статьи 78.1 УК РФ (в том числе по воинским преступлениям), применение запрета определённых действий также теряет практический смысл, поскольку приостановление производства и отмена меры происходят безусловно – с перспективой освобождения от ответственности.

Существенной проблемой является и ограниченная доступность судебной практики по делам рассматриваемой категории. Согласно пункту 1 части 2 статьи 241 УПК РФ, закрытое судебное разбирательство допускается, в частности, когда разбирательство может привести к разглашению государственной тайны. Дела о преступлениях, предусмотренных статьями 275, 276 УК РФ, по своему содержанию нередко связаны со сведениями, составляющими государственную тайну, что предопределяет рассмотрение вопросов об избрании мер пресечения в закрытом заседании. В результате опубликованные судебные решения, в которых запрет определённых действий был бы избран автономно по делу, связанному с СВО, в открытых базах практически отсутствуют.

Согласно части 11 статьи 105.1 УПК РФ, контроль за соблюдением запретов осуществляется уголовно-исполнительными инспекциями ФСИН России с использованием технических средств контроля, порядок применения которых определяется Правительством РФ. Однако на практике технологическая оснащённость контролирующих органов варьируется по регионам и не всегда позволяет обеспечить надлежащий мониторинг [5]. Для дел, связанных с СВО, где территориальная мобильность обвиняемого может быть значительной, данное ограничение приобретает критический характер: без эффективной системы контроля запрет определённых действий рискует превратиться в формальность.

Заключение. Преодоление обозначенных рисков требует комплексного подхода: законодательной дифференциации нарушений запретов с закреплением критериев их оценки и соответствующих мер реагирования; развития подзаконного регулирования в части порядка фиксации нарушений; инвестиций в технологическую инфраструктуру мониторинга; учёта специфики дел, связанных с СВО, при определении перечня запретов и условий их применения.

Проведённый анализ позволяет сделать ряд итоговых выводов. Во-первых, запрет определённых действий не стал реальной альтернативой заключению под стражу: сторона обвинения заявляет соответствующие ходатайства примерно в двадцать раз реже, при этом суды удовлетворяют их даже чаще. Во-вторых, для дел, связанных с СВО, данная мера обладает специфическим потенциалом, обусловленным социальной интеграцией обвиняемых, возможностью точечного ограничения коммуникативных возможностей и отсутствием жёстких предельных сроков. В-третьих, реализация этого потенциала блокируется недифференцированным подходом к оценке нарушений, неравномерным технологическим оснащением, ограниченной доступностью судебной практики, а также коллизией между институтом меры пресечения и нормами статьи 78.1 УК РФ. Без нормативной и организационной модернизации запрет определённых действий сохранит статус вспомогательного, а не самостоятельного института в системе мер пресечения.

Список литературы

1. Федеральный закон "О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста" от 18.04.2018 N 72-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_296073/ (дата обращения: 29.09.2026).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (с изм. и доп.) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 29.09.2026).
3. Федеральный закон «О внесении изменений в статью 78.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 02.10.2024 № 340-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_487085/ (дата обращения: 29.09.2026).
4. Отчёт о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 6 месяцев 2023 года и за 6 месяцев 2024 года // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: [сайт]. – URL: https://cdep.ru/?id=79 (дата обращения: 28.09.2026).
5. Цебекова Г. В., Аштаева С. С., Сухинин А. В. и др. Проблемные аспекты применения запрета определенных действий // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 7. – С. 330–334.
6. Тимошкина В. А. К вопросу о некоторых проблемах, возникающих при избрании запрета определенных действий в качестве меры пресечения / В.А. Тимошкина // Вестник российского университета кооперации. – 2022. – № 4. – С. 130–134.

УДК 343.1

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ СЛЕДСТВЕННОЙ ГРУППОЙ

Левендаренко О. А., канд. юрид. наук, доц., ORCID 0009-0008-6698-5291,
Хабибулина Е. А., ORCID 0009-0003-2991-8157,
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: o.levendarenko@mail.ru, kaika2018@mail.ru,

Введение. В настоящее время институт следственной группы представляет собой важнейший механизм в системе уголовного судопроизводства, предназначенный для обеспечения быстрого, полного, объективного и всестороннего расследования преступлений, характеризующихся особой сложностью или большим объемом.

Основная часть. Как справедливо отмечают А. Ю. Гордеев и С. Н. Хорьяков, часть вторая ст. 163 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) закрепляет обязанность руководителя следственного органа перечислить участников следственной группы, которым поручено производство по уголовному делу, в постановлении с указанием ее руководителя [1, с. 21].

Руководитель следственной группы, помимо функций координации и направления хода расследования, наделен исключительными полномочиями по принятию важнейших процессуальных решений. Стоит отметить, что к таковым относятся: составление обвинительного заключения, направление уголовного дела для применения принудительных мер медицинского характера, выделение дела в отдельное производство, его приостановление, возобновление или прекращение, привлечение лица в качестве обвиняемого, направление лица в медицинские учреждения для проведения стационарных экспертиз, а также возбуждение ходатайств о продлении сроков следствия и избрании мер пресечения. В остальном руководитель обладает идентичными правами, предусмотренными ст. 38 УПК РФ [2].

Требования, предъявляемые к вышеуказанным решениям, делятся на две группы: исходящие из закона (законность, обоснованность, мотивированность, своевременность, справедливость, полнота, объективность, всесторонность) и выработанные практикой и наукой (правовая определенность, грамотность, культура оформления). Соблюдение вышеуказанных требований, подробно раскрытых в трудах А. В. Гриненко [3, с. 175], является залогом успешного расследования в условиях большого объема уголовного дела.

Одной из фундаментальных проблем деятельности следственной группы является недостаточная степень нормативного регулирования отношений между руководителем и участниками, что проявляется в отсутствии

конкретных процессуальных норм в отношении распределения задач. С одной стороны, отсутствие необходимости документального оформления организационных вопросов позволяет избежать бюрократизации и потери времени. С другой стороны, поскольку взаимоотношения внутри группы носят уголовно-процессуальный характер, отсутствие регулирующих норм не позволяет в полной мере отразить их правовую природу.

Согласно п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ следователь уполномочен самостоятельно направлять ход расследования. Однако при работе в составе группы направление расследования и принятие ключевых решений остается исключительной прерогативой руководителя. Более того, следователь не вправе обжаловать решения руководителя следственной группы, что является фактическим упущением в законодательстве, ведь при единоличном расследовании следователь имеет право обжаловать действия руководителя следственного органа.

Кроме того, законодательством не регулируется порядок осуществления организационного руководства. Однако процесс координации и разграничения действий участников не закрепляется документально, приобретая характер межличностных отношений, что недопустимо для строго регламентированной сферы уголовного судопроизводства.

Наиболее острой проблемой, порождающей массовые жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ, является отсутствие четкой правовой регламентации процесса объявления состава участников следственной группы подозреваемому, обвиняемому и потерпевшему. Уголовно-процессуальным законодательством не предусмотрено регулирование сроков и порядка такого объявления. Стоит отметить, что на практике ознакомление происходит путем предъявления постановления о создании группы, однако в материалах дела оно содержится в единственном экземпляре, что исключает возможность одновременного ознакомления большого количества лиц. Ситуация усугубляется при изменении состава группы, что требует повторного ознакомления, которое часто срывается по причинам неявки лиц. Фактическое отсутствие срока объявления состава группы существенно понижает уровень соблюдения прав участников судопроизводства, лишая их возможности своевременно реализовать право на отвод [4].

Отдельного и пристального внимания требует проблема взаимодействия участников следственной группы с органами, уполномоченными осуществлять оперативно-розыскную деятельность (ОРД). Однако в УПК РФ отсутствует само понятие «следственно-оперативная группа». Так, часть 2 ст. 163 УПК РФ позволяет привлекать к работе группы должностных лиц органов дознания, а п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ наделяет следователя правом давать им обязательные письменные поручения. Тем не менее, на практике привлечение оперативных сотрудников закрепляется лишь формально: они документально не входят в состав следственной группы, их фамилии не указываются в постановлении о ее создании. Отсутствие документального закрепления сотрудников органа

дознания как участников группы влечет невозможность на начальной стадии заявить мотивированный отвод оперативным сотрудникам, которые фактически осуществляют сбор информации.

Еще одной неурегулированной проблемой является момент фактического начала деятельности следственной группы. По смыслу ч. 1 ст. 163 УПК РФ, производство следствия группой возможно после вынесения отдельного постановления или указания в постановлении о возбуждении уголовного дела. Однако такое неотложное следственное действие, как осмотр места происшествия, может осуществляется до возбуждения дела.

Заключение. В заключении стоит отметить, что для повышения уровня соблюдения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, в особенности касающихся вопросов реализации права на мотивированный отвод, законодателю следует: во-первых, установить императивные сроки и процессуальный порядок объявления состава следственной группы; во-вторых, документально закрепить механизм распределения задач внутри группы и наделить рядовых участников правом обжалования организационных решений руководителя; в-третьих, легализовать процессуальный статус сотрудников органов дознания, фактически работающих в составе следственной группы, включив их в постановление о ее создании.

Список литературы

1. Гордеев, А. Ю. Процессуальные особенности производства предварительного следствия следственной группой / А. Ю. Гордеев, С. Н. Хорьяков // Наука. Теория. Практика. – 2020. – № 3. – С. 19-27. – Текст: непосредственный.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ: [ред. от 04.08.2023] // КонсультантПлюс: справочно-правовая система: [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 10.09.2026). – Режим доступа: для авториз. пользователей. – Загл. с титул. экрана.
3. Гриненко, А. В. Уголовный процесс: учебник и практикум для вузов / А. В. Гриненко. – 7-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт, 2020. – 308 с. – Текст: непосредственный.
4. Алмаз, М. Э. Организационные и правовые аспекты деятельности следственных групп (бригад) / М. Э. Алмаз // Вестник криминалистики. – 2015. – Вып. 2 (54). – С. 45-52. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsionnye-i-pravovye-aspekty-deyatelnosti-sledstvennyh-grupp-brigad (дата обращения: 10.09.2026). – Загл. с титул. экрана.

УДК 343

АСПЕКТЫ ВЫБОРА ПРАВОВОЙ ПОЗИЦИИ ЗАЩИТЫ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПОДЗАЩИТНОГО АДВОКАТОМ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Максименко О. Б., Попов Б. И.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: olgamaksimenko2015@mail.ru, b.popov.donnu.jur@mail.ru

Введение. Адвокат в уголовном судопроизводстве для несовершеннолетнего и его законных представителей выступает лицом, способствующим реализации их конституционных прав на защиту от неправомерных действий на предварительном расследовании и при судопроизводстве. Следование правовой позиции защиты является одной из основных функций адвоката в уголовном судопроизводстве.

Цель работы проанализировать аспекты выбора правовой позиции защиты адвокатом несовершеннолетнего подзащитного и дать рекомендации по ее реализации.

Основная часть. Для реализации защиты несовершеннолетнего адвокат разрабатывает правовую позицию защиты. Правовая позиция защиты должна способствовать достижению цели защиты несовершеннолетнего с учетом отдельных особенностей. Выбор правовой позиции защиты несовершеннолетнего адвокатом не должно противоречить действующему законодательству Российской Федерации.

Правовую основу защиты несовершеннолетнего адвокатом составляют в частности: Конституция Российской Федерации [1], Конвенция прав ребенка ООН [2], Декларация о правах ребенка ООН [3], Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [4], Уголовный кодекс Российской Федерации [5], Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [6], Кодекс адвокатской этики и другие.

Однако законодатель не закрепляет норм, регулирующих выбор правовой позиции защиты несовершеннолетних адвокатами в уголовном судопроизводстве. Правовая позиция защиты, ее выбор и реализация осуществляется адвокатом с обязательным согласованием ее со своим подзащитным. Вместе с тем, выбор и изменение позиции защиты адвокатом несовершеннолетнего и адвокатом совершеннолетних имеет существенное отличие – волевой и осознанный аспекты несовершеннолетнего в силу его возраста и уровня психоэмоционального развития.

Отдельные авторы в своих исследованиях рассматривали реализацию несовершеннолетними своей защиты. Так, Д. Г. Попова, Е. А. Капитанова, В. А. Трексель [7], Т. Н. Балашова, А. В. Стремоухов, З. И. Корякина [8] и другие в своих публикациях рассматривали вопросы защиты

несовершеннолетних, однако вопросы самостоятельности при выборе адвокатом защиты несовершеннолетних рассматривались частично и остаются дискуссионными.

Несовершеннолетний, подозреваемый или обвиняемый в совершении преступления, зачастую может не осознавать в полной мере последствия своих показаний, изменения показаний, дачи ложных показаний, оговора третьих лиц или самооговора.

Несовершеннолетний не может полностью самостоятельно выбрать тактику своей защиты в случаях оказания давления на него, как смог бы взрослый подозреваемый, обвиняемый, или подсудимый. Этим также часто обеспокоены его законные представители – родители.

Со своей стороны, адвокат, во-первых, связан адвокатской тайной и в силу закона не всегда может раскрыть свою позицию законным представителям своего подзащитного; во-вторых, законные представители не всегда добросовестно действуют в интересах ребенка, могут сами быть заинтересованы в отведении подозрений от себя; и в третьих, законных представителей, которым мог бы сам доверять несовершеннолетний, может и не оказаться рядом. В этих случаях возникает этический вопрос, должен и может ли адвокат самостоятельно выбирать правовую позицию защиты, не смотря на то, что несовершеннолетний или его законные представители могут быть с нею не согласными. И каким может быть допустимый предел самостоятельных действий адвоката, которые не будут нарушением адвокатской этики.

Для анализа этического аспекта допустимости выбора правовой позиции защиты несовершеннолетних подзащитных предлагается принимать во внимание следующий перечень возможных правовых позиций защиты адвокатом несовершеннолетнего: 1) позиция доказывания отсутствия вины несовершеннолетнего подзащитного; 2) позиция доказывания отсутствия в действиях несовершеннолетнего подзащитного не содержится объективной стороны состава преступления; 3) позиция отрицания причастности несовершеннолетнего подзащитного к инкриминируемым ему деяниям; 4) позиция выяснения причины совершенных несовершеннолетним подзащитным противоправных деяний; 5) позиция снижения уровня общественной опасности совершенных несовершеннолетним подзащитным деяний; 6)позиция поиска смягчающих вину несовершеннолетнего подзащитного обстоятельств; 7) позиция доказывания обстоятельств, способствующих освобождению несовершеннолетнего подзащитного от уголовной ответственности; 8) позиция анализа материалов уголовного дела на допущенные процессуальные нарушения; 9) позиция доказывания обстоятельств, способствующих смягчению наказания несовершеннолетнему подзащитному; 10) позиция предупреждения совершения несовершеннолетним подзащитным противоправных действий в дальнейшем.

Выбрав и в дальнейшем следуя позиции защиты, также нельзя исключать возможность смены правовой позиции исходя из интересов несовершеннолетнего при изменении открывшихся обстоятельств, неизвестных ранее, либо возникновению новых доказательств в деле на предварительном расследовании или в суде.

Заключение. На основании вышеизложенного предлагаются следующие рекомендации по выбору правовой позиции защиты несовершеннолетнего в уголовном судопроизводстве.

При выборе правовой позиции защиты адвокату целесообразно учитывать следующие обстоятельства: 1) возраст и психоэмоциональное развитие несовершеннолетнего подзащитного; 2) обстоятельства, события, факты, ставшие известными адвокату со слов несовершеннолетнего подзащитного и свидетелей со стороны защиты; 3) обстоятельства дела, ставшие известными адвокату из материалов уголовного дела; 4) позицию по делу несовершеннолетнего подзащитного; 5) противоречия в интересах несовершеннолетнего и его законного представителя; и другие аспекты, имеющие отношения к защите несовершеннолетнего. Приняв во внимание перечисленные обстоятельства, адвокат должен выбрать правовую позицию защиты по делу исходя из интересов несовершеннолетнего потерпевшего.

Адвокат должен согласовать с подзащитным риски, объяснить последствия каждой из выбранной позиции, определиться с правовой позицией в интересах несовершеннолетнего и следовать ей. При появлении новых доказательств и выявлению новых фактов, следует менять позицию защиты в случае изменения обстоятельств.

Для защиты интересов несовершеннолетнего предлагается закрепить отдельной нормой право адвоката в особых случаях по собственному усмотрению самостоятельно избирать позицию защиты несовершеннолетнего подзащитного. Такая норма будет способствовать наиболее полной защите прав несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, подсудимых в уголовном судопроизводстве Российской Федерации.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 08.10.2026).
2. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/ (дата обращения: 08.10.2026).
3. Декларация прав ребенка (принята 20.11.1959 Резолюцией 1386 (XIV) на 841-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Международная защита прав и свобод человека: сб. документов. – М.: Юрид, лит., 1990. – 489 с. 3.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 14.04.2023) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481 (дата обращения: 08.10.2026).

5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 14.04.2023) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 08.10.2026).
6. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020, с изм. от 10.11.2022) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2022) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36945 (дата обращения: 08.10.2026).
7. Трексель В.А. Особенности процессуального положения адвоката несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства / В. А. Трексель // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2023 – №3. – С. 220-231. – DOI: 10.55001/2312-3184.2023.55.13.019
8. Корякина, З. И. Содержание права на защиту несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого / З. И. Корякина // Молодой ученый. – 2014. – № 6-1(65). – С. 13-18. – EDN SBZXST.

УДК 343.6

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УМЫШЛЕННОГО ПРИЧИНЕНИЯ ТЯЖКОГО ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ

Манивлец Э. Е., канд. юрид. наук, доц., ORCID 0009-0001-2935-5548,
Береговая А. И., ORCID 0009-0004-9039-672X
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: e.manivlets@mail.ru, anyaberegovaya13@mail.ru

Введение. В системе уголовно-правовых норм, направленных на охрану личности, особое место занимает законодательное регулирование ответственности за посягательства на здоровье граждан. Несмотря на наличие детально прописанных диспозиций в Особенной части Уголовного кодекса, правоприменительная практика регулярно сталкивается с существенными трудностями при квалификации деяний, связанных с причинением тяжкого вреда. Сложности обусловлены не только многообразием фактических обстоятельств, но и отсутствием в законе четкого доктринального определения ключевых понятий, что вынуждает следователей и судей обращаться к ведомственным медицинским инструкциям и подзаконным актам.

Цель исследования заключается в комплексном уголовно-правовом анализе состава преступления, предусмотренного статьей 111 Уголовного кодекса Российской Федерации, и выявлении проблемных сторон его квалификации.

Основная часть. Объектом рассматриваемого преступного деяния традиционно выступает сложная система общественных отношений, обеспечивающих физическую безопасность и неприкосновенность здоровья

граждан. В отечественной юридической доктрине принято выделять трехуровневую иерархию объекта: родовой, видовой и непосредственный. Родовым объектом признаются общие отношения по охране личности, что полностью коррелирует с размещением анализируемой нормы в седьмом разделе УК РФ [1]. Видовым объектом считается жизнь и здоровье человека, поскольку именно эти фундаментальные социальные блага защищаются нормами шестнадцатой главы Особенной части. Непосредственным объектом выступает исключительно здоровье потерпевшего, так как именно на это благо направлено криминальное воздействие.

Объективная сторона преступления характеризуется материальным составом, что законодательно предполагает обязательное наличие общественно опасных последствий в виде тяжкого вреда здоровью, а также установление прямой причинно-следственной связи между поведением виновного и наступившими последствиями. Отсутствие такой каузальной связи полностью исключает возможность квалификации содеянного по данной статье. При этом, деяние может выражаться как в активном действии, так и в бездействии, если на лице изначально лежала юридическая обязанность предотвратить наступление вреда.

Законодатель предусмотрел 11 квалифицированных составов, охватывающих различные обстоятельства совершения деяния, включая применение оружия, использование общеопасного способа, совершение в отношении малолетнего или беспомощного лица, а также извлечение органов или тканей. По мнению Ханахмедова А.С., специфика криминального насилия, в том числе совершенного несовершеннолетними, требует тщательного учета возрастных особенностей восприятия общественной опасности деяния, что непосредственно влияет на оценку объективных признаков состава и выбор адекватных мер реагирования [2, с. 34]. Так, субъектом преступления выступает физическое, вменяемое лицо. Особенностью данной нормы является снижение возраста уголовной ответственности до четырнадцати лет. Подобное законодательное решение продиктовано высокой степенью общественной опасности деяния, которую подростки данного возраста способны осознавать в полной мере.

Тем не менее, в юридической литературе высказывается справедливое замечание о диспропорции в установлении возраста ответственности за преступления против здоровья. Кадырова А.Т. считает, что минимальный возраст привлечения к ответственности следовало бы унифицировать, снизив его до двенадцати лет для наиболее опасных посягательств, поскольку запрет на умышленное применение насилия должен быть понятен в любом подростковом возрасте, а исключения целесообразно сохранять лишь для неосторожных форм вины [3, с. 127].

Субъективная сторона преступления характеризуется исключительно умышленной формой вины. Преступление может быть совершено как с прямым, так и с косвенным умыслом. При прямом умысле виновный осознает

общественную опасность своих действий, предвидит неизбежность или реальную возможность наступления тяжкого вреда и желает его наступления. Косвенный умысел характеризуется осознанием возможности причинения вреда, отсутствием желания его наступления, но сознательным допущением таких последствий либо безразличным к ним отношением. Иногамова-Хегай Л. В. указывает, что множественность норм и конкуренция составов требуют от правоприменителя четкого понимания направленности воли субъекта, поскольку именно форма вины и мотивы предопределяют квалификацию деяния и выбор соответствующей санкции [4, с. 42].

Наиболее острые проблемы правоприменительной практики связаны с отграничением части четвертой статьи 111 УК РФ от умышленного причинения смерти и причинения смерти по неосторожности. Ключевым дифференцирующим признаком здесь выступает направленность умысла виновного. Если лицо действовало с целью лишить потерпевшего жизни, содеянное квалифицируется как убийство. Когда умысел был направлен исключительно на причинение вреда здоровью, но наступление смерти не охватывалось предвидением виновного, применяется часть четвертая статьи 111 УК РФ. В случаях, когда смерть наступила вследствие неосторожности, при отсутствии умысла на причинение вреда любой тяжести либо при самонадеянном расчете на предотвращение последствий, деяние следует квалифицировать по статье 109 УК РФ.

Кроме того, Исакова Е.А. полагает, что типичные следственные ситуации при расследовании данных преступлений требуют фиксации всей совокупности обстоятельств: характера и локализации повреждений, используемых средств, интенсивности воздействия, а также поведения лица до и после совершения деяния [5, с. 7].

Для разрешения указанных коллизий на практике необходимо принятие специального постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Исчерпывающее разъяснение правил квалификации в тексте соответствующего судебного акта позволит устранить существующие разночтения, повысить качество предварительного расследования и обеспечить единообразие судебной практики.

Заключение. Таким образом, проведенный анализ уголовно-правовой характеристики умышленного причинения тяжкого вреда здоровью позволяет сделать вывод о том, что данный состав преступления обладает сложной внутренней структурой, требующей от правоприменителя глубокого понимания объективных и субъективных признаков. Существующие пробелы в законодательном регулировании, отсутствие четких законодательных дефиниций и неоднозначность в оценке формы вины создают серьезные препятствия для единообразного применения норм на практике. Резюмируя все вышеперечисленное, стоит отметить, что решение указанных проблем видится не в изменении текста Особенной части УК РФ, а в развитии официального судебного толкования.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. Ханахмедов, А. С. Характеристика криминального насилия несовершеннолетних против личности / А. С. Ханахмедов // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. – 2019. – № 4 (49). – С. 34-39.
3. Кадырова, А. Т. Законодательный опыт стран дальнего зарубежья в противодействии умышленному причинению тяжкого вреда здоровью / А. Т. Кадырова // Право и государство: теория и практика. – 2021. – № 5 (197). – С. 127-130.
4. Иногамова-Хегай, Л. В. Множественность и конкуренция норм о посягательствах против физической свободы лица / Л. В. Иногамова-Хегай // Юридический вестник Самарского университета. – 2020. – Т. 6. – № 1. – С. 42-46.
5. Исакова, Е. А. Типичные следственные ситуации при расследовании умышленного причинения тяжкого вреда здоровью / Е. А. Исакова // Российский следователь. – 2020. – № 9. – С. 7-11.

УДК 343.132

УЧАСТИЕ ЗАЩИТНИКА В СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ КАК ГАРАНТИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ПОДОЗРЕВАЕМОГО И ОБВИНЯЕМОГО НА ЗАЩИТУ

Манивлец Э. Е., канд. юрид. наук, доц., ORCID 0009-0001-2935-5548,
Ничипорук Л. А.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: e.manivlets@mail.com, ladanichiporuk364@gmail.com

Введение. Производство следственного действия нередко становится первым этапом получения сведений, которые впоследствии используются для обоснования обвинения. Если подозреваемый либо обвиняемый лишён возможности своевременно получить юридическую помощь, последующее ознакомление с протоколом не всегда позволяет устранить последствия нарушения, допущенного при получении показаний. Участие защитника непосредственно в процессуальном действии обеспечивает проверку соблюдения установленного законом порядка, разъяснение подзащитному его прав и своевременное заявление возражений.

Цель исследования – определить содержание участия защитника в следственных действиях как гарантии права подозреваемого и обвиняемого на защиту, выявить затруднения при реализации соответствующих полномочий и предложить способы их устранения.

Основная часть. В соответствии со ст. 16 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (далее – УПК РФ), подозреваемому и обвиняемому обеспечивается право на защиту,

осуществляемое лично либо с помощью защитника и законного представителя. Согласно ч. 1 ст. 49 УПК РФ, защитник осуществляет защиту прав и интересов указанных лиц и оказывает им юридическую помощь по уголовному делу. Право на участие в следственном действии связано не с формальным присутствием адвоката, а с возможностью подзащитного использовать юридическую помощь в момент формирования доказательственной информации [1].

Пределы указанного участия определены п. 5 ч. 1 ст. 53 УПК РФ: защитник вправе участвовать в допросе подозреваемого и обвиняемого, а также в иных следственных действиях, проводимых с их участием либо по ходатайству подзащитного или самого защитника. Реализация такого полномочия предполагает, что адвокат располагает сведениями о времени и месте действия заблаговременно. Т.В. Черкунова указывает на отсутствие в законе достаточно определённой процедуры извещения защитника и предлагает закрепить её в ст. 50 УПК РФ [2, с. 137]. При разрешении вопроса об извещении следует фиксировать способ, время отправления и получения уведомления, чтобы возможность явки адвоката подтверждалась материалами дела, а не выводилась только из последующего протокола.

В ходе допроса защитник вправе давать подзащитному краткие консультации в присутствии следователя или дознавателя, с разрешения указанного должностного лица задавать вопросы допрашиваемым и делать письменные замечания относительно правильности и полноты записей в протоколе. В соответствии с ч. 2 ст. 53 УПК РФ, следователь или дознаватель может отвести вопрос защитника, но обязан занести его в протокол [1]. Запись отведённого вопроса позволяет проверить причины его отклонения. Если вопрос не внесён в протокол, защитнику следует потребовать дополнения протокола до его подписания.

Е.А. Бравилова связывает затруднения при участии адвоката в следственных действиях с недостаточной определённостью ряда его процессуальных полномочий и предлагает закрепить право на письменные заявления о допущенных нарушениях с обязательным отражением таких заявлений в протоколе [3, с. 15].

Действующая ч. 6 ст. 166 УПК РФ предусматривает предъявление протокола участникам следственного действия и внесение их замечаний о дополнении и уточнении записей [1]. Предложение Е.А. Бравиловой касается фиксации заявления защитника о нарушении, выявленном непосредственно во время действия, а не только исправления протокола после его составления. Законодательное уточнение ч. 2 ст. 53 УПК РФ позволило бы прямо определить обязанность следователя или дознавателя отражать содержание такого заявления в протоколе; письменный текст заявления следовало бы приобщать к нему.

Неурегулированным остаётся вопрос о самостоятельной аудиозаписи защитником следственного действия, в котором он участвует. А.А. Давлетов

относит применение технических средств в ходе действия к полномочиям следователя и допускает их использование защитником после его окончания для копирования материалов [4, с. 44].

Ю.А. Филипенко обосновывает необходимость прямо предоставить адвокату право фиксировать ход и результаты действия посредством аудиозаписи [5, с. 365].

Для разрешения данного расхождения предлагается дополнить ст. 53 УПК РФ правилом, определяющим право участвующего защитника вести аудиозапись с уведомлением следователя или дознавателя и отражением факта записи в протоколе. В той же норме необходимо установить порядок представления записи вместе с замечаниями защитника и соблюдения требований ст. 161 УПК РФ об охране данных предварительного расследования.

Особого соблюдения установленного порядка требуют случаи обязательного участия защитника. Согласно п. 2 и 3 ч. 1 ст. 51 УПК РФ, защитник должен участвовать в деле несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого, а также лица, которое вследствие физических либо психических недостатков не может самостоятельно осуществлять право на защиту [1].

Если защитник не приглашён самим лицом или иными управомоченными лицами, его участие обеспечивает дознаватель, следователь или суд в соответствии с ч. 3 ст. 51 УПК РФ. Согласно ст. 52 УПК РФ, отказ от защитника не обязателен для дознавателя, следователя и суда и не лишает лицо права вновь ходатайствовать о его допуске [1]. Перед следственным действием необходимо проверить, допускается ли его проведение без адвоката.

Подписание протокола не прекращает возможность защиты от нарушений, допущенных в ходе следственного действия. Помимо замечаний к протоколу адвокат вправе обжаловать действия и решения следователя или дознавателя: по ст. 124 УПК РФ жалобу рассматривают прокурор либо руководитель следственного органа, а по ст. 125 УПК РФ в суд могут быть обжалованы действия и решения, способные причинить ущерб конституционным правам участников процесса или затруднить доступ к правосудию [1].

Судебному обжалованию подлежит не каждый спор о ходе допроса. В жалобе защитнику следует указать конкретное нарушение и сослаться на протокол и свои замечания. Сведения об извещении адвоката, его заявления и принятые решения необходимо сохранять в деле для проверки порядка проведения действия.

Заключение. Участие защитника обеспечивает реализацию права на защиту тогда, когда адвокат своевременно извещён о следственном действии, допущен к осуществлению предусмотренных ст. 53 УПК РФ полномочий, а его вопросы и замечания получают процессуальное отражение. Уточнение порядка извещения и правил аудиофиксации позволит снизить число споров о

фактическом ходе следственного действия и обеспечить проверяемость соблюдения прав подозреваемого и обвиняемого.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.
2. Черкунова, Т. В. Ненадлежащее извещение защитника о дате, времени, месте производства следственных или иных процессуальных действий как один из способов его устранения из процесса / Т. В. Черкунова // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2022. – Т. 13, № 2(48). – С. 137-143. – DOI 10.37973/KUI.2022.83.70.021. – EDN CXTTDD.
3. Бравилова, Е. А. Некоторые проблемы участия адвоката-защитника в следственных действиях / Е. А. Бравилова // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2021. – № 1(29). – С. 15-24. – EDN XYASIX.
4. Давлетов, А. Право адвоката применять технические средства при производстве следственных действий / А. Давлетов // Адвокатская практика. – 2020. – № 2. – С. 44-48. – EDN TMTLBW.
5. Филипенко, Ю. А. О некоторых проблемах участия адвоката-защитника при производстве следственных действий в уголовном судопроизводстве / Ю.А. Филипенко // Молодой ученый. – 2022. – № 46 (441). – С. 365–367.

УДК 615.849

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

Меркулов С. Н., канд. юрид. наук, доц.,
Пономаренко М. А.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: s.merkulov.dongu@mail.ru, mari.kapustina.2021@mail.ru

Введение. Организация прокурорского надзора за исполнением законов при производстве предварительного следствия представляет собой фундаментальный институт уголовно-процессуального права, направленный на обеспечение строгого соблюдения законности, защиту неотчуждаемых прав и свобод граждан, а также повышение общей эффективности расследования уголовных дел. Результативность деятельности органов предварительного следствия неразрывно переплетается с качеством прокурорского контроля, который выступает главным гарантом объективности и всесторонности досудебного производства.

Однако существующая модель надзора зачастую сталкивается с существенными трудностями на практике: в некоторых случаях качество

проводимых следственных действий не соответствует установленным нормам, фиксируются грубые нарушения законодательства, дела затягиваются на годы, сроки их рассмотрения неоднократно переносятся без достаточных на то оснований, а показатели раскрытия преступлений остаются недостаточными. Ключевой проблемой современного этапа развития отечественного уголовного процесса является поиск оптимального баланса между процессуальной самостоятельностью следователя и необходимостью действенного, непрерывного прокурорского реагирования на любые отклонения от закона.

Цель исследования – выявить проблемы организации прокурорского надзора за предварительным следствием и обосновать пути его совершенствования для обеспечения законности досудебного производства.

Основная часть. Исторически взаимодействие прокурора и следователя претерпевало радикальные изменения, начиная с эпохи Петра I, когда прокуратура создавалась как орган открытого надзора, и вплоть до советского периода, когда следственный аппарат был интегрирован в структуру прокуратуры. Особое, переломное значение имеет реформа 2007 года, которая кардинально изменила процесс уголовного преследования и лишила прокуратуру ряда ключевых следственных функций.

Анализируя вышеуказанные исторические и правовые изменения, А. А. Давлетов акцентирует внимание на следующем: «Если ранее прокурор выступал в роли полноценного субъекта уголовного преследования, наделенным всеми полномочиями по самостоятельному возбуждению и расследованию любого уголовного дела, то с 2007 г. эта сторона прокурорской деятельности претерпела существенные изменения. В связи с созданием Следственного комитета РФ уголовные дела, ранее подследственные органам прокуратуры, перешли в ведение следственного комитета, при этом следователи стали подчиняться не прокурору, а руководителю нового органа» [1, с. 50]. Данная трансформация была продиктована объективной необходимостью разграничения функций обвинения и надзора.

В научных трудах Е. Р. Ергашева особое внимание уделяется необходимости четкого разграничения полномочий между прокурорскими и следственными органами: «В соответствии с принципом разделения функций между органами прокуратуры, с одной стороны, и органами дознания и предварительного следствия, с другой стороны, выделение следствия из компетенции прокуратуры вполне разумно..., органы прокуратуры не должны самостоятельно расследовать уголовные дела и сами же осуществлять надзор за их расследованием. Расследование уголовных дел является функцией органов следствия и дознания» [2, с. 150].

Несмотря на теоретическую логичность такого разделения, на практике оно породило ряд системных проблем, связанных с ограничением реальных процессуальных возможностей прокурора. Как справедливо отмечает М. А. Гаджиев, несмотря на законодательные изменения, фактическая самостоятельность следователя не увеличилась, а надзор со стороны прокурора

был фактически заменен на ведомственный административный контроль руководителя следственного органа, что указывает на изменение форм контроля и надзора [3, с. 146].

В этой связи Д. В. Потапов указывает на крайне сложную конфигурацию во взаимодействии между следователем, руководителем следственного органа и прокурором, что неизбежно приводит к правовым коллизиям и затягиванию сроков расследования [4, с. 10].

Тем не менее, прокурор сохраняет за собой статус ключевого фигуранта в системе сдержек и противовесов. Р. А. Алиев подчеркивает, что прокуроры все еще располагают обширными полномочиями, которые позволяют им влиять на ход расследования, прекращать незаконные действия и требовать их пересмотра [5, с. 104].

Более того, О. С. Капинус подчеркивает необходимость активной роли прокурора в уголовном преследовании и его влияния на сбор, проверку и оценку доказательств, особенно на этапе утверждения обвинительного заключения [6, с. 9]. Именно на финальном этапе, при ознакомлении с материалами оконченного расследования, прокурор обязан оценить доказательства на предмет их законности, достоверности и достаточности для судебного разбирательства, а при выявлении недостатков – организовать дополнительное расследование.

Однако реализация надзорных функций на более ранних стадиях предварительного следствия сталкивается с серьезными бюрократическими барьерами. Например, анализ правоприменительной практики показывает, что копии постановлений следователей об отказе в возбуждении дела поступают в прокуратуру с существенным опозданием: обычно это происходит спустя 3-5 дней, а порой и более чем через 10 дней после вынесения решения. Кроме того, требование наличия обоснованного письменного запроса для ознакомления с материалами уголовного дела порождает определенные затруднения, поскольку критерии обоснованности трактуются следственными органами по-разному.

Подводя итог практическим сложностям, И. В. Сорокин выделяет проблемные аспекты прокурорского надзора, указывая на то, что отсутствие ясных законодательных рамок препятствует прокурорам в своевременном выявлении и устранении нарушений, так как из-за автономии следственных органов многие их действия остаются за пределами надлежащего контроля со стороны прокуратуры [7, с. 195].

Заключение. Проведённое исследование позволяет констатировать, что организация прокурорского надзора за исполнением законов при производстве предварительного следствия остаётся одним из центральных институтов уголовно-процессуального права, от эффективности которого непосредственно зависят законность досудебного производства, защита прав и свобод участников уголовного судопроизводства, а также общая результативность расследования. Прокурор, выступая ключевым элементом системы сдержек и

противовесов, призван обеспечивать объективность, всесторонность и своевременность следственных действий, однако реализация данной функции в современных условиях сопряжена с рядом системных трудностей.

Совершенствование организации прокурорского надзора требует комплексного подхода, включающего уточнение процессуальных норм с целью устранения правового формализма, внедрение цифровых платформ для оперативного документообмена и чёткое нормативное закрепление механизмов прокурорского реагирования. Стоит отметить, что лишь достижение разумного баланса между процессуальной самостоятельностью следователя и действенными надзорными полномочиями прокурора способно обеспечить неотвратимость ответственности за совершённые преступления и безусловное соблюдение законности в уголовном судопроизводстве.

Список литературы

1. Давлетов, А. А. Уголовное судопроизводство Российской Федерации: учебное пособие / А. А. Давлетов. – Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России. – 2022. – 324 с. – Текст: непосредственный.
2. Ергашев, Е. Р. Прокурорский надзор в Российской Федерации: учебник для вузов / Е. Р. Ергашев. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт. – 2024. – 474 с. – Текст: непосредственный.
3. Гаджиев, М. А. Процессуальная самостоятельность следователя / М. А. Гаджиев // Проблемы совершенствования законодательства : Сборник научных статей студентов юридического факультета. Том Выпуск 88/20. – Махачкала : Общество с ограниченной ответственностью "АЛЕФ", 2020. – С. 85-88. – EDN GWHPPT.
4. Потапов, Д. В. Проблемы взаимодействия следователя, руководителя следственного органа и прокурора в досудебном производстве по уголовному делу: дис. ... к.ю.н. / Д. В. Потапов. – Москва. – 2019. – 31 с. – Текст: непосредственный.
5. Алиев, Р. А. Функции и полномочия прокурора в уголовном процессе России / Р. А. Алиев // Закон и право. – 2021. – № 2. – С. 104–105. – DOI 10.24412/2073-3313-2021-2-104-105.
6. Капинус, О. С. К вопросу о процессуальном положении прокурора в уголовном судопроизводстве / О. С. Капинус // Прокурор. – 2013. – № 2. – С. 9-14. – Текст: непосредственный.
7. Сорокин, И. В. Проблемные аспекты прокурорского надзора за деятельностью органов дознания и предварительного следствия / И. В. Сорокин // Молодой ученый. – 2022. – № 1(396). – С. 195-197. – EDN FULJWC.

УДК 343.1

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПОНЯТИЙ «НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ» И «ПРАВОВОЙ ИММУНИТЕТ» В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Меркулов С. Н., канд. юрид. наук, доц.,
Амбарцумян И. М.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: s.merkulov.dongu@mail.ru, briyevskaya@mail.ru

Введение. В теории уголовно-процессуального права и в законодательстве Российской Федерации понятия «неприкосновенность» и «правовой иммунитет» зачастую употребляются как синонимичные, что порождает научные дискуссии и сложности правоприменительного характера. Отсутствие четких законодательных дефиниций данных категорий приводит к их фактическому отождествлению, хотя по своей правовой природе и объему содержания они не совпадают. Для целей уголовного судопроизводства разграничение указанных понятий имеет существенное значение, поскольку определяет правовой статус лица, пределы ограничения его прав и специфику процессуального порядка привлечения к ответственности.

Термин «неприкосновенность» используется как в широком смысле – применительно к каждому человеку (личная неприкосновенность, закрепленная в ст. 22 Конституции Российской Федерации), так и в специальном значении – как элемент правового статуса отдельных категорий лиц (например, депутатов, судей) [1].

В частности, Конституционный Суд РФ в Постановлении от 20 февраля 1996 г. № 5-П, рассматривая положения о статусе депутата, прямо отождествил понятия «неприкосновенность» и «парламентский иммунитет», указав при этом, что такая неприкосновенность является «гарантией более высокого уровня по сравнению с общими конституционными гарантиями неприкосновенности личности» [2]. Тем самым Суд признал наличие двух уровней гарантий: общего, распространяющегося на всех граждан, и специального, обусловленного особым статусом лица, однако не провел четкого разграничения между иммунитетом и неприкосновенностью как самостоятельными правовыми категориями.

Цель исследования – обосновать нетождественность понятий «правовой иммунитет» и «неприкосновенность» в уголовном процессе и предложить законодательные дефиниции для устранения терминологической неопределённости.

Основная часть. В научной литературе относительно соотношения рассматриваемых понятий сложилось несколько подходов. Часть исследователей (С. А. Авакьян, А. В. Малько, С. Ю. Суменков и др.) придерживаются позиции законодателя, считая данные термины равнозначными [3, с. 243]. Другие авторы указывают на их взаимосвязь, но не тождественность. Так, А. Д. Бойков отмечает, что «юридический иммунитет

связан с понятием неприкосновенности, но не сводится к нему» [4, с. 143-145]. Более того, в доктрине предлагается различать «неприкосновенность в узком смысле», понимаемую как особый порядок привлечения к уголовной ответственности, и «неприкосновенность в широком смысле», охватывающую все виды правовых исключений.

Значительный вклад в разработку проблемы внес А. А. Опалев, который обосновал, что «объектом личной неприкосновенности являются физическое состояние человека, его индивидуальная свобода, честь и достоинство» [5, с. 18]. При этом сторонники узкого подхода (А. Ф. Ефремов, Д. Л. Мердок, и др.) ограничивают содержание неприкосновенности исключительно гарантиями от незаконного ареста, задержания и привлечения к ответственности [6, с. 132]. Представляется, что подобное ограничение не в полной мере отражает многогранность данной правовой категории, которая включает как материально-правовые, так и процессуальные аспекты.

Наиболее обоснованным представляется подход, согласно которому правовой иммунитет является более широкой категорией, включающей различные виды изъятий из общего правового режима: дипломатические, налоговые, таможенные, уголовно-процессуальные и др. Неприкосновенность же в контексте уголовного судопроизводства выступает специальным видом иммунитета, направленным на защиту лица от произвольного уголовного преследования и обеспечивающим особый порядок применения мер процессуального принуждения. Данную позицию разделяют В. И. Руднев, Ф. А. Агаев, В. Н. Галузо, которые указывают, что термин «депутатская неприкосновенность» охватывает лишь часть правовых иммунитетов, в то время как правовой иммунитет включает и иные исключения из общего правового режима [7, с. 65-71].

Разграничение рассматриваемых понятий имеет не только теоретическое, но и практическое значение. В правоприменительной деятельности смешение данных категорий может приводить к необоснованному расширению или ограничению гарантий, предоставленных определенным категориям лиц. Примером практического разграничения данных категорий является Определение Конституционного Суда РФ от 29 мая 2025 года № 1260-О, где Суд, рассматривая жалобу муниципального депутата А. Горинова, отказался отождествлять понятия «иммунитет» и «неприкосновенность», указав, что последняя является лишь процессуальной гарантией, а не основанием для освобождения от ответственности за действия, признанные злоупотреблением правом, выходящим за рамки публичных функций [8].

Заключение. Понятия «правовой иммунитет» и «неприкосновенность» в уголовном процессе являются взаимосвязанными, но не тождественными. Правовой иммунитет представляет собой родовую категорию, охватывающую различные виды правовых исключений, тогда как неприкосновенность выступает специфическим видом иммунитета, реализуемым в сфере уголовного судопроизводства и направленным на защиту личности от произвольного привлечения к ответственности.

В целях устранения правовой неопределённости, возникающей в правоприменительной деятельности при смешении данных категорий, представляется целесообразным внесение изменений в уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации. В частности, предлагается дополнить ст. 5 УПК РФ («Основные понятия») нормативными дефинициями: «правовой иммунитет» – закреплённое законом комплексное изъятие из общего правового режима, устанавливающее особые условия применения норм права к отдельным категориям лиц в связи с их профессиональной или публичной деятельностью; «неприкосновенность» – процессуальная гарантия, предусматривающая особый порядок возбуждения уголовного дела, применения мер процессуального принуждения и привлечения к уголовной ответственности в отношении лиц, обладающих специальным правовым статусом.

Такое законодательное закрепление позволит: устранить терминологическую неопределённость в теории и практике уголовного судопроизводства; обеспечить единообразное применение норм о процессуальных гарантиях отдельных категорий лиц; предотвратить необоснованное расширение либо ограничение предоставленных правовых иммунитетов.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 4. – Ст. 445.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 20 февраля 1996 г. № 5-П по делу о проверке конституционности положений частей первой и второй статьи 18, статьи 19 и части второй статьи 20 Федерального закона от 8 мая 1994 года «О статусе депутата Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 9. – Ст. 1024.
3. Авакьян, С. А. Федеральное Собрание – парламент России / С. А. Авакьян. – Москва : Российский юридический издательский дом, 1999. – 432 с. – ISBN 5-88635-032-2.
4. Бойков, А. Д. Третья власть в России : Очерки о правосудии, законности и судебной реформе 1990–1996 гг. / А. Д. Бойков ; НИИ проблем укрепления законности и правопорядка. – Москва : НИИ проблем укрепления законности и правопорядка, 1997. – 264 с. – ISBN 5-93295-070-6.
5. Опалев, А. А. Личная неприкосновенность как объект уголовно-процессуального регулирования / А. А. Опалев // Российский следователь. – 2008. – № 7. – С. 17–21. – EDN: JVCHGR.
6. Ефремов, А. Ф. Принципы и гарантии законности / А. Ф. Ефремов. – Самара : Изд-во Самарской гуманитарной академии, 1999. – 148 с. – ISBN 5-89716-010-4.
7. Руднев, В. И. Правовой иммунитет и неприкосновенность в уголовном процессе / В. И. Руднев // Государство и право. – 2003. – № 5. – С. 65–71. – EDN: OVUJGF.
8. Определение Конституционного Суда РФ от 29 мая 2025 г. № 1260-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Горинова А. В. на нарушение его конституционных прав статьей 207.3 Уголовного кодекса Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://base.garant.ru (дата обращения: 05.10.2026).

УДК 343.36

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Меркулов С. Н., канд. юрид. наук, доц.,
Лебединский Я. С., ORCID 0009-0001-9941-0653
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: s.merkulov.dongu@mail.ru, iaroslav-lebedinskyi@mail.ru

Введение. Преступления против правосудия нарушают установленный порядок судебной деятельности, препятствуя установлению истины и принятию справедливых решений. Квалификация неуважения к суду (ст. 297 УК РФ), привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности (ст. 299 УК РФ) и заведомо ложного доноса (ст. 306 УК РФ) осложняется разногласиями в определении объекта посягательства, признаков объективной стороны и круга потерпевших, а также недостаточной согласованностью уголовных и уголовно-процессуальных норм.

Цель исследования – комплексный анализ актуальных теоретических и практических проблем квалификации преступлений против правосудия, выявление причин квалификационных ошибок и разработка предложений по совершенствованию уголовного законодательства

Основная часть. Определение основного непосредственного объекта неуважения к суду вызывает разногласия относительно приоритетной охраны авторитета судебной власти либо чести и достоинства участников судебного разбирательства.

Е. А. Мельников указывает, что признание личных интересов потерпевшего преимущественным объектом охраны создает опасность необоснованного прекращения уголовного дела за примирением сторон вопреки публично-правовой природе посягательства на судебную власть [3, с. 175]. Дополнительные затруднения связаны с определением круга потерпевших, включая лиц, содействующих отправлению правосудия, и установлением оснований разграничения преступлений, предусмотренных статьями 297 и 319 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (далее – УК РФ) [1].

Для устранения обозначенной проблемы предлагается закрепить в уголовном законе авторитет судебной власти как основной непосредственный объект неуважения к суду, предусмотрев охрану чести и достоинства потерпевшего в качестве дополнительного объекта. Законодательное уточнение круга потерпевших должно охватывать лиц, содействующих отправлению правосудия, и сопровождаться установлением критериев разграничения составов преступлений, предусмотренных ст. 297 и 319 УК РФ

[1]. Предлагаемые изменения направлены на обеспечение единообразной судебной практики и предупреждение произвольного истолкования уголовно-правовых предписаний.

Проблема установления объективной стороны неуважения к суду обусловлена ограничением уголовно наказуемого поведения оскорблением, за пределами которого остаются другие проявления неуважительного отношения к судебной деятельности. Создание препятствий проведению разбирательства либо нарушение порядка в зале судебного заседания, не сопровождающееся оскорбительными действиями, не охватывается рассматриваемым составом, что вызывает дискуссию о пределах его применения.

По замечанию Е.Б. Кургузкиной, формальный состав данного преступления предполагает его окончание с момента совершения оскорбительных действий, однако отсутствие четких критериев неприличной формы и унижения чести и достоинства осложняет правовую оценку поведения виновного [4, с. 183]. Неопределенность названных признаков затрудняет установление оскорбительного характера высказываний, особенно в случаях, когда разрешение сомнений требует привлечения специальных лингвистических знаний.

Устранение указанных затруднений предлагается обеспечить дополнением ч. 1 ст. 297 УК РФ формулировкой «а равно иное неуважение к суду, выразившееся в воспрепятствовании судебному разбирательству или нарушении установленного порядка в зале судебного заседания» [1]. В примечании к данной норме целесообразно раскрыть неприличную форму как способ выражения, явно противоречащий общепринятым нормам морали и нравственности, а в процессуальном законодательстве предусмотреть обязательное назначение лингвистической экспертизы при сомнениях в оскорбительном характере высказываний. Дополнительно предлагается включить в ст. 257 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (далее – УПК РФ) обязанность председательствующего предупреждать всех присутствующих в судебном заседании об уголовной ответственности по ст. 297 УК РФ [1; 2].

А. П. Неупокоев объясняет расхождения в понимании объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 299 УК РФ [1], отсутствием законодательного определения понятия «уголовная ответственность» [5, с. 458]. Недостаточная определенность содержания данной категории осложняет установление действий, образующих состав преступления, и момента, с наступлением которого посягательство следует признавать оконченным. Установление заведомой невиновности предполагает выяснение того, располагало ли лицо, осуществляющее уголовное преследование, достоверными сведениями о непричастности привлекаемого гражданина к преступлению. Подобная осведомленность может касаться отсутствия события преступления либо совершения деяния другим человеком, вследствие чего

оценка содеянного требует установления содержания сведений, известных виновному при принятии соответствующего процессуального решения.

Разрешение рассматриваемой проблемы предполагает дополнение ст. 299 УК РФ примечанием, определяющим уголовную ответственность для целей данной нормы через привлечение лица в качестве обвиняемого, составление обвинительного акта либо обвинительного постановления [1]. В ч. 1 ст. 299 УК РФ предлагается непосредственно указать, что моментом окончания преступления признается вынесение постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого [1].

Заключение. Таким образом, проблемы квалификации преступлений против правосудия выражаются в неоднозначном определении объекта неуважения к суду и круга потерпевших, недостаточной конкретизации признаков оскорбления, затруднениях разграничения смежных составов, неопределенности действий и момента окончания привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности. Для их разрешения предлагаются законодательное закрепление основного и дополнительного объектов неуважения к суду, уточнение круга потерпевших и критериев разграничения ст. 297 и 319 УК РФ, расширение форм наказуемого неуважения к суду, определение признаков неприличной формы, обязательное назначение лингвистической экспертизы при сомнениях в характере высказываний, введение предупреждения об ответственности по ст. 297 УК РФ, конкретизация содержания и момента окончания деяния, предусмотренного ст. 299 УК РФ.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 17.06.1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 24.12.2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.
3. Мельников, Е.А. Неуважение к суду (ст. 297 УК РФ): проблемные вопросы объекта и объективной стороны / Е.А. Мельников // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2025. – Т. 27, № 2. – С. 170–184. – DOI: https://doi.org/10.24866/1813-3274/2025-2/170-184
4. Кургузкина, Е. Б. Проблемы квалификации неуважения к суду (статья 297 УК РФ) / Е. Б. Кургузкина, Н. А. Власова // Право: история и современность. – 2024. – Т. 8, № 2. – С. 178-191. – DOI 10.17277/pravo.2024.02.pp.178-191. – EDN XSGYOO.
5. Неупокоев, А. П. Проблемы объективных признаков привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности / А. П. Неупокоев // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 2. – С. 457-460. – DOI 10.47643/1815-1337_2025_2_457. – EDN CZKNAU.

УДК 1(071)

ГЕНЕЗИС И ПРИРОДА ПОПРОШАЙНИЧЕСТВА

Миргородский А. А., канд. филос. наук, доц., ORCID 0009-0001-6321-452X,
Мазур А. А., ORCID 0009-0001-6321-452
Донецкий филиал ФГКОУ ВО «Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации», г. Донецк, РФ
e-mail: Mirgorodskiy87@mail.ru

Введение. В последние годы российское общество сталкивается с серьёзными проблемами, связанными с увеличением числа бездомных, людей без постоянного дохода, которые вынуждены заниматься бродяжничеством и попрошайничеством. Попрошайничество взрослых обычно не вызывает серьезных опасений у государства, если только они не совершают административных правонарушений или преступлений. Но, если говорить о несовершеннолетних, то попрошайничество представляют серьезную проблему, требующую комплексного подхода. Таких детей необходимо быстро изымать из неблагоприятных условий до того, как они станут правонарушителями. Важно также обращать внимание на взрослых, занимающихся этими деяниями, так как они способны вовлекать в них детей.

Цель данной работы – проанализировать генезис и природу попрошайничества в современных реалиях.

Основная часть. Работа органов внутренних дел по предотвращению безнадзорности, беспризорности, бродяжничества и попрошайничества среди несовершеннолетних крайне комплексна и разнообразна. В специальной литературе отмечается, что эти негативные явления получили свое отражение в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных, утвержденном 15 августа 1845 года, согласно которому бродяги должны были отправляться в исправительные арестантские учреждения сроком на четыре года. Конкретное закрепление норм о бродяжничестве и попрошайничестве произошло в советский период. В СССР главное противодействие этим явлениям началось в 60-е годы. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 23 июля 1951 года «О мерах борьбы с антиобщественными, паразитическими элементами» предписывал отправлять трудоспособных лиц, задержанных за попрошайничество и уклоняющихся от общественно полезного труда, а также бродяг без определенных занятий и места жительства, на специальные поселения в отдаленные районы страны сроком на пять лет.

Нужно сказать, что попрошайничество занимает значительное место среди асоциальных явлений, так как лица, выбирающие такой образ жизни, нередко совершают и другие антиобщественные деяния, которые несут собой хаос. Часто они сами становятся жертвами незаконного поведения. Девиантное поведение несовершеннолетних, особенно в форме попрошайничества,

вызывает постоянное беспокойство как у общества, так и у правоохранительных органов. Обычно в попрошайничество вовлекаются несовершеннолетние из малоимущих семей, дети, не имеющие постоянного места жительства, или воспитанники социальных приютов и детских домов. Однако настораживает тот факт, что в эту деятельность могут быть вовлечены и подростки из благополучных семей.

Попрошайничество – это выпрашивание у людей денег или других материальных ценностей, часто сопутствующее бродяжничеству. Согласно толковому словарю Д.Н. Ушакова, попрошайничество определяется как занятие нищенством или постоянное, надоедливое приставание с просьбами о чем-либо [1]. Если в XIX веке попрошайками в основном были обедневшие крестьяне, то в настоящее время среди попрошаек можно выделить несколько групп: освободившиеся из мест лишения свободы, алкоголики, пенсионеры, бездомные, а также сбежавшие из дома подростки. Эти люди зачастую не интегрированы в современное общество.

В современной России попрошайничество часто становится основным занятием бездомных. Уголовный кодекс Российской Федерации не предусматривает наказания за это действие, но устанавливает ответственность за привлечение несовершеннолетних к бродяжничеству или попрошайничеству, как указано в статье 151 УК РФ «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий». Однако родитель, вовлекающий своего ребенка в такие действия, может быть освобожден от ответственности, если это произошло из-за тяжелых жизненных обстоятельств, например, таких, как потеря источника средств к существованию или отсутствие жилья.

Анализируя проблемы терминологии статьи 151 УК РФ, можно заключить, что законодателем не предложены чёткие определения понятий «бродяжничество» и «попрошайничество». В результате текущая редакция примечания к статье вызывает споры, поскольку отсутствие детальных критериев оценки «жизненных обстоятельств» приводит к субъективным решениям судей. Отсутствие чётких легальных определений и невозможность провести границу между бродяжничеством и попрошайничеством – серьёзное упущение, отрицательно сказывающееся на уголовном законодательстве России.

Вовлечение несовершеннолетних в бродяжничество или попрошайничество подразумевает побуждение их желания путешествовать, бросать учебу или работу и жить за счёт подаяния. Закон освобождает родителей от уголовной ответственности в таких ситуациях, если их действия вызваны тяжелыми жизненными обстоятельствами. Однако термин «вовлечение» не применим ко всем несовершеннолетним. Например, маленькие дети не могут осознать, что их эксплуатируют. В 2015 году Государственной Думой РФ рассматривались изменения в статью 151 УК РФ, которые предусматривали бы ответственность не только за вовлечение детей в эти занятия, но и за их использование, однако законопроект был отклонен [2].

Нужно отметить, что организованное попрошайничество представляет собой сложную криминальную модель, включающую такие преступления, как похищение людей, торговля людьми и использование рабского труда. Также в этом секторе замечены вовлечение несовершеннолетних в антиобщественные действия и подмена детей. Как отмечал российский правовед А.А. Левенстим, подростки, попрошайничавшие с юных лет, привыкают к этой профессии, узнают все её тонкости, учатся обману и воровству [3]. Они растут в окружении людей, зачастую не избегающих пьянства и разврата, и, как следствие, сами превращаются в негодных членов общества.

Заключение. Таким образом, определение понятия попрошайничества критически важно, так как среди исследователей нет единого взгляда на это явление. Существующие дефиниции имеют недостатки и не полностью отражают его суть. Это осложняется отсутствием законодательной трактовки, что затрудняет квалификацию административных правонарушений и преступлений. Для эффективного противодействия таким явлениям необходимо сформулировать легальные определения терминов «бродяжничество» и «попрошайничество», а также разграничить уровни юридической ответственности. Следует внести изменения в статьи УК РФ, которые прежде всего касаются вовлечения несовершеннолетних в эти деяния и использования детей. Кроме того, важно предусмотреть реабилитационные меры, способствующие интеграции детей обратно в общество и нормальную жизнь.

Список литературы

1. Большой толковый словарь русского языка: современная редакция / Д. Н. Ушаков. – Москва: Дом Славянской кн., 2008. – С. 452.
2. Законопроект № 887289-6 О внесении изменения в статью 151 Уголовного кодекса Российской Федерации (в части установления уголовной ответственности за использование несовершеннолетних для занятия попрошайничеством) / [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности: [сайт]. – URL: https://sozd.duma.gov.ru/ (дата обращения: 09.10.2026).
3. Суеверие и уголовное право / А. А. Левенстим. – 3-е изд. – Москва: URSS, cop. 2016. – 176 с.

УДК 343.01:343.3/.7

АНАЛИЗ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ЗАПРЕТА ПУБЛИЧНОЙ ДЕМОНСТРАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Пантелеева А. О., ORCID 0009-0004-4408-5680
ФГКОУ ВО «Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»
г. Воронеж, РФ
e-mail: PanteleevaAlice2001@yandex.ru

Введение. Уголовный закон стремится своевременно реагировать на противоправные деяния путем их криминализации [1, с. 100; 2, с. 130]. Задержки в криминализации могут привести к причинению вреда общественным отношениям и интересам [3, с. 163–164]. Стремительное развитие технологий и расширение доступа к сети Интернет существенно изменили характер общественно опасных деяний, создав новые формы их совершения и трансляции. Одним из наиболее тревожных явлений последних лет стали так называемые «треш-стримы», которые формируют у аудитории, искажённое представление о допустимости девиантного поведения, снижают порог чувствительности к насилию и подрывают общественную нравственность.

Цель. Целью исследования является обоснование криминализации публичной демонстрации преступлений в средствах массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет) как превентивной меры, обусловленной неэффективностью гражданско-правовых и административных механизмов противодействия данному явлению в условиях цифровой информационной среды.

Основная часть. Критерий криминализации в виде невозможности эффективного противодействия преступным посягательствам посредством мер гражданско-правовой и административной ответственности может выражаться в том, что данные виды ответственности в большей мере представлены видами материальной (имущественной) ответственности. Они в большей степени направлены на лишение лица незаконно приобретенного имущества либо вознаграждения, а также восстановления имущественных прав того лица, чьи интересы были ущемлены преступным посягательством. Фактически ответственность наступает согласно решению суда, однако реальная возможность совершения деяния остается. За счет прибыльности треш-стримов, высок риск рецидив преступлений, совершенных с публичной демонстрацией в средствах массовой информации или информационно-телекомуникационных сетях (включая сеть Интернет).

Неэффективность иных мер ответственности как фактор криминализации преступлений, совершаемых с публичной демонстрацией, объясняется спецификой цифровой информационной среды.

Административные и гражданско-правовые механизмы регулирования в классическом виде оказываются недостаточными для пресечения распространения медиаконтента, содержащего сцены реальных преступлений, прежде всего из-за трех обстоятельств: анонимности субъектов, а также масштабности и высокой скорости информационных потоков.

Во-первых, анонимность в сети Интернет создаёт препятствия для идентификации лиц, осуществляющих распространение противоправного контента. Пользователи используют различные способы для шифрования данных, что увеличивает срок расследования преступления и поиск преступников. Это дает им шанс скрыться и подготовиться к совершению нового более масштабного преступления.

Во-вторых, Интернет не имеет конкретной физической территории, это виртуальное пространство. Место совершения преступления может находится в любом государстве с разными техническими возможностями контроля цифровой среды. В тоже время техническое оснащение и уровень знаний преступников, совершающих преступления с их публичной демонстрацией в средствах массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет), в некоторых случаях лучше, чем у государства. Примером является DarkNet, который служит инструментом анонимизации, позволяя преступникам скрываться от правоохранительных органов. Преступники могут использовать различные сайты для распространения видеоматериалов, а также сами удалять или ограничивать доступ к контенту, сообщая о краткосрочности изменения или особых условиях его получения. Даже при своевременной блокировке одного канала распространения подобных материалов, преступники могут иметь огромное количество запасных площадок для «тиражирования» противоправного контента.

В-третьих, административные и гражданско-правовые меры в большей степени содержат штрафные (материальные) санкции, что нивелируется прибылью донатов (пожертвований). Публичная демонстрация преступлений наносит ущерб не только частным интересам, но и здоровью населения (гл. 16, 18, 25 УК РФ), психическую безопасность несовершеннолетних (гл. 20 УК РФ), общественную нравственность и общественный порядок (гл. 24, 25 УК РФ), что негативно влияет на национальную безопасность и чувство защищенности населения.

Таким образом, публичная демонстрация преступлений в средствах массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет), наносит ущерб как материальный, так и нематериальный. Мерами административного и гражданско-правового реагирования предупредить совершение данных преступлений не представляется возможным.

Важно, что установление квалифицирующего признака **улучшает положение потерпевших**. Теперь суд, рассматривая дело, обязан учесть публичное распространение как фактор, усугубивший вред. Это повышает

шансы потерпевших на более справедливое решение. Кроме того, суд может назначить дополнительные меры исправительного характера, например, ограничить осужденному доступ к определённым видам деятельности или ресурсам (запрет вести стримы, быть администратором сообществ и т.п.). Такая санкция и наказание одновременно служит защите общества от рецидива подобных преступлений.

Цель криминализации деяний заключается в эффективном предупреждении совершения действий (бездействия), причиняющих вред правам и законным интересам других лиц [4; 5; 6, с. 258–261]. Данный тезис закреплен в ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации.

Заключение. Наличие уголовно-правового запрета способствует снижению привлекательности криминального образа жизни, активно пропагандируемого в сети Интернет; укреплению доверия общества к институтам государства, обеспечивающим информационную безопасность; созданию правовой среды, в которой даже единичные случаи публичной демонстрации преступлений рассматриваются как недопустимые.

Введение уголовной ответственности обеспечивает ограничение деятельности треш-стримеров, что в свою очередь следует рассматривать не как цензуру, а как превентивную меру, направленную на защиту интересов общества. Особенность превентивного потенциала уголовного права состоит в том, что оно ориентировано не только на наказание, но и на формирование общественного правосознания.

Список литературы

1. Козаев Н. Ш. Состояние уголовной политики и вопросы преодоления кризисных ситуаций в уголовном праве // Юридический вестник ДГУ. – 2016. – Т. 17, № 1. – С. 96-101.
2. Алексеев А. М. Общественно опасные последствия преступлений в сфере экономики : дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2024. – 211 с.
3. Лопашенко Н. А. Размышления об уголовном праве. Уголовная политика : авторский курс. – Москва : Юрлитинформ, 2025. – 352 с. – ISBN 978-5-6052229-0-3
4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25.04.2001 № 6-П «По делу о проверке конституционности статьи 265 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.А. Шевякова» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 23. – Ст. 2408.
5. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 10.07.2003 № 270-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Курганского городского суда Курганской области о проверке конституционности части первой статьи 3, статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации и пункта 13 статьи 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 2003. – № 5.
6. Борцов В. В. Криминализация как мера профилактики общественно опасного поведения водителя // Право и государство: теория и практика. – 2021. – № 3 (195). – С. 258–261. – DOI 10.47643/1815-1337_2021_3_258. – EDN JJHMIH.

УДК 343.35

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ НОРМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КОРРУПЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Панько Н. А., ORCID 0000-0003-1023-7266,
Лисняк А. К.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: n.a.panko@mail.ru

Введение. Анализ действующего законодательства показывает, что на сегодняшний день одной из фундаментальных проблем является отсутствие в УК РФ определения понятия «коррупционного преступления» [1]. Федеральный закон «О противодействии коррупции» раскрывает понятие коррупции, но не дает четкого перечня соответствующих преступлений [2]. Кроме того, в законодательстве отсутствуют четкие критерии для отграничения коррупционных преступлений от иных деяний в сфере служебной деятельности. Существующий перечень таких преступлений ограничен. В научной литературе отмечается, что получение коррупционного вознаграждения (откат, взятка) является основным критерием для отграничения коррупционных преступлений от должностных. Однако данный критерий не является универсальным, так как не охватывает случаи, когда коррупционный вред причиняется без прямого вознаграждения. Указанное приводит к тому, что квалификация деяний зачастую осуществляется произвольно, а границы уголовно-правового запрета размываются.

Целью настоящего исследования выступает анализ проблем уголовно-правовой квалификации коррупционных деяний и выработка предложений по их разрешению.

Основная часть. Одной из проблем уголовно-правовой квалификации рассматриваемого вида преступлений является определение предмета взятки. Полагаем, что для установления стоимости благ необходимо задействовать механизмы рыночного ценообразования, опирающиеся на соотношение спроса и предложения, которое, в свою очередь, определяется платежеспособностью покупателей – их желанием приобрести товар или получить услугу и готовностью понести соответствующие расходы. Если ценность объекта подтверждена, он относится к имущественным активам. При этом отсутствие возможности точно рассчитать его стоимость по объективным причинам, таким как утрата или объединение с однородными предметами, не лишает данный объект имущественного статуса и не исключает его признания предметом взятки.

Однако для правоприменения важно установить четкие критерии, отличающие рыночную цену от субъективной оценки дающего. В этом смысле

ключевым становится механизм фиксации стоимости – будь то данные биржевых торгов, кадастровая оценка, либо независимая экспертиза, проведенная до момента утраты предмета.

Особую сложность представляют случаи, когда благо не имеет прямого рыночного аналога, например, услуги интеллектуального характера или нематериальные преференции. Здесь следует применять метод сопоставимых сделок, а при его невозможности – учитывать совокупность затрат на создание блага и фактическую выгоду получателя. Важно, что сама по себе невозможность точного расчета не должна вести к отказу в уголовном преследовании, иначе это создает лакуну для злоупотреблений.

Наконец, предложенная концепция требует законодательного закрепления в виде дополнений к примечаниям статьи 290 УК РФ, где следует прямо указать, что имущественный характер блага определяется его способностью быть предметом товарооборота. Это устранит существующую неопределенность в судебной практике и позволит квалифицировать даже те случаи, когда предмет взятки был уничтожен или переработан до выявления преступления.

Не разрешенной проблемой также является отграничение мнимого посредничества от мошенничества. Например, когда посредник изначально намеревался передать взятку, но затем присвоил ее часть, или когда умысел на присвоение возник уже после получения ценностей. В этих случаях квалификация по ст. 159 УК РФ вызывает споры. Изменение умысла после получения ценностей требует более тонкого подхода.

Проблема разграничения мнимого посредничества и мошенничества, как верно отмечают ученые, лежит в плоскости субъективной стороны [3]. При реальном посредничестве виновный осознает, что получает ценности исключительно для передачи взяткополучателю. При мнимом – отсутствует волевой момент прямого умысла, и лицо изначально не желает передавать взятку другому лицу. Таким образом, критерий разграничения – это направленность умысла на передачу ценностей по назначению или на их обращение в свою пользу. Если посредник, получив предмет взятки, решил обратить его в свою пользу, его действия следует квалифицировать как посредничество во взяточничестве (в части получения) и мошенничество (в части присвоения), поскольку первоначальный умысел на передачу был реализован в объективной реальности, а последующее присвоение образует самостоятельный состав. Это позволяет избежать двойного вменения и сохранить точность квалификации. Для ситуаций, когда посредник изначально планировал присвоить всю сумму, но затем передал ее часть, необходимо учитывать фактически переданное. Если часть была передана взяткополучателю, а часть обращена в пользу посредника, содеянное образует совокупность преступлений: посредничество в части фактически переданной суммы и мошенничество в части присвоенной. При этом размер взятки для посредничества определяется только переданной частью, что исключает необоснованное завышение ответственности.

По нашему мнению, решение данной проблемы видится в уточнении разъяснений Пленума Верховного Суда РФ применительно к пограничным ситуациям, которые мы обозначили (частичное присвоение, изменение умысла). Например, квалифицировать частичное присвоение посредником части взятки как совокупность посредничества во взяточничестве и мошенничества. Совершенствование именно этого аспекта правоприменения, а не законодательной конструкции, представляется более точным ответом на существующую проблему.

Отмечаем, что коррупция представляет собой системное явление, и борьба с ней не может сводиться к ужесточению санкций. Уголовный кодекс фиксирует лишь вершину айсберга, тогда как его основание – административные и экономические механизмы. Пока сохраняются избыточные разрешительные процедуры, непрозрачные тендеры и отсутствие реальной конкуренции, любые карательные меры будут лишь временным сдерживающим фактором, а не решением.

Не менее значимы пробелы в гражданском, налоговом и бюджетном законодательстве. Именно они создают «серые зоны», где должностные лица получают возможность действовать вне правового поля. Устранение таких пробелов, введение четких регламентов и обязательной публичной отчетности снижают саму мотивацию к злоупотреблениям, делая коррупцию невыгодной и технически сложной.

Важно также совершенствовать уголовно-процессуальные нормы. Необходимо обеспечить соразмерность мер пресечения, сократить сроки предварительного следствия, гарантировать независимость суда и прозрачность отбора присяжных. Без этого статьи УК остаются инструментом избирательного правоприменения, что подрывает доверие к системе и провоцирует новые злоупотребления.

Заключение. Таким образом, комплексный подход предполагает синхронную работу по трем направлениям: правовому (уголовное и процессуальное право), институциональному (контроль и управление) и культурному (этика и ответственность). Только при их одновременном развитии возможно устойчивое снижение коррупции, а не имитация борьбы с ней.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. – № 25. – Ст. 2954.
2. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (в ред. от 25.04.2026 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 29 декабря 2008 г. – № 52 (часть I). – Ст. 6228.
3. Меньшикова, А. Г. Мнимое посредничество во взяточничестве: спорные вопросы квалификации / А. Г. Меньшикова, В. В. Забродина // Научный портал МВД России. – 2021. – № 4 (56). – С. 39-44. – EDN MMIHUI.

УДК 343.14

ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДЫ ФИКСАЦИИ ЦИФРОВЫХ СЛЕДОВ, OSINT И ТАКТИКА ДОПРОСА: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ И ДИДАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Поваляев Э. А., ORCID 0009-0000-4571-4400
Луганский филиал ФГКОУ ВО «Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», г. Луганск, РФ
e-mail: eapovalyaev@mail.ru

Введение. В современных условиях стремительный рост преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, требует концептуального пересмотра традиционных следственных алгоритмов. Вначале нашего обзора выделим, что в то время как одни исследователи концентрируют внимание исключительно на аппаратных методах извлечения данных, другие предлагают сместить фокус на комплексную разведку по открытым источникам (OSINT) и последующее вербальное взаимодействие с преступником.

Цель данной работы – обосновать эффективность интеграции методов OSINT-анализа цифровых следов и передовых тактических приемов допроса технически грамотных лиц, а также выделить дидактические особенности подготовки профильных кадров в системе МВД России.

Основная часть. На современном этапе развития криминалистики цифровая среда рассматривается не просто как инструмент совершения противоправного деяния, но и как масштабное информационное поле, хранящее виртуальные следы. Придерживаясь классических точек зрения ведущих ученых-криминалистов, укажем, что «расследование преступлений есть не что иное, как процесс собирания, исследования и оценки доказательств, то есть процесс информационный» [3, с. 21]. В отличие от классического осмотра, нами уточнена роль разведки на основе открытых источников (OSINT). Анализ метаданных, социальных графов, истории транзакций и открытых репозиториев кода позволяет следователю составить исчерпывающий цифровой профиль подозреваемого еще до момента вступления с ним в прямой контакт.

Вместе с тем, важным этапом процессуальной легализации полученной информации остается допрос. С одной стороны, OSINT дает следователю фактуру, с другой стороны, именно грамотно выстроенная тактика вербального общения позволяет установить истинные мотивы, соучастников и субъективную сторону деяния. В связи со сказанным, обратимся к фундаментальному положению: «Допрос как вербальное следственное действие является основным источником получения информации об обстоятельствах дела, позволяя следователю не только восполнить пробелы в доказательственной базе, но и проверить следственные версии на соответствие реальному механизму преступления» [5, с. 284].

Вследствие установленного факта, что киберпреступники зачастую обладают глубокими техническими познаниями, тактика их допроса кардинально отличается от работы с общеуголовным элементом. Соглашаясь с позицией современных исследователей, добавим, что при планировании расследования необходимо «строиться на предварительном изучении технического механизма деяния, обязательном привлечении профильных специалистов и своевременном закреплении летучих цифровых данных» [4, с. 52].

Исходя из этого, перед следователем стоит задача тщательной подготовки, опирающейся на результаты цифровой разведки. Следователю необходимо учитывать, что допрашиваемые по этой категории дел часто являются лицами с высшим образованием, высоким интеллектом и в совершенстве владеют специфической терминологией, которая не всегда понятна правоохранителям. Для преодоления данного барьера, прежде всего, укажем на то, что «при работе с технически грамотными лицами следователь обязан применять тактический прием детализации показаний, последовательно раскрывая смысл специфической терминологии и фиксируя ее в протоколе для последующего сопоставления с материалами судебной экспертизы» [1, с. 301].

Однако, вопреки рассмотренным позициям, допрос может зайти в тупик, если подозреваемый замыкается. В таких ситуациях А. Е. Викторова справедливо отмечает: «Следователь должен донести до подозреваемого, что несогласие на дачу показаний не повлияет на дальнейшее развитие расследования. Кроме того, следователь может обратить внимание на положительные качества и характеристики допрашиваемого» [7, с. 98]. Аналогично рассмотрим и процессуальные ограничения, о которых предупреждает А. И. Баянов: «...допрос не должен содержать подсказок или элементов навязывания мнений следователя, логических ловушек и неоднозначных формулировок» [2, с. 227].

Заключение. Итак, на основе сказанного можно сделать вывод о том, что расследование современных преступлений невозможно без глубокой и всесторонней интеграции технической (виртуальной) разведки и классических следственных действий. В заключение следует отметить, что предварительный OSINT-анализ выступает мощнейшим катализатором эффективности допроса, обеспечивая следователя исчерпывающим доказательственным материалом против технически подкованного злоумышленника. Как было показано в настоящем исследовании, без предварительной аналитической работы по формированию цифрового следа субъекта преступления, вербальные следственные действия теряют свою ценность, рискуя превратиться в манипуляцию со стороны подозреваемого.

Обобщая сказанное, озвучим важный тезис: «Проведение допроса лиц, вовлечённых в преступления, связанные с использованием компьютерных технологий, требует учета специфики их поведения, технической грамотности и особенностей восприятия информации» [6, с. 32]. В процессе коммуникации

необходимо строго соблюдать баланс между процессуальными требованиями УПК РФ и учетом цифровой природы противоправного деяния, обеспечивая создание условий для фиксации достоверных показаний без нарушения прав допрашиваемого. Для повышения доказательственной значимости вербальной информации целесообразно применять комплексный подход, сочетающий оперативную OSINT-разведку, процессуальную фиксацию метаданных и привлечение судебных экспертов в области компьютерных технологий. Разработка единых методических рекомендаций по тактике допроса IT-специалистов является объективной необходимостью для минимизации ошибок на этапе предварительного расследования.

Адаптация системы органов внутренних дел к этим вызовам невозможна без качественного рывка в педагогической науке. Развитие дидактической компетентности преподавателей высшей школы полиции, их способность конструировать образовательный процесс с учетом новейших цифровых реалий – это тот фундамент, на котором базируется национальная безопасность. Повышение эффективности расследования киберпреступлений требует целенаправленной подготовки следователей, обладающих не только фундаментальными юридическими знаниями, но и сформированными компетенциями в сфере информационной безопасности, работы с цифровыми доказательствами и анализа открытых источников. Синергия криминалистической тактики, процессуального права и инновационной педагогики является безусловным залогом успешной подготовки правоохранителей, способных гарантировать законность и правопорядок в условиях цифровой трансформации общества.

Список литературы

1. Белкин, Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории к практике / Р. С. Белкин. – Москва: Юридическая литература, 2018. – 464 с.
2. Баянов, А. И. Приемы допроса, основанные на демонстрации материальных объектов, не являющихся вещественными доказательствами / А. И. Баянов, И. А. Журавлева // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2018. – № 3 (38). – С. 226-236. – EDN YUTZQR.
3. Криминалистика: учебник для вузов / под общ. ред. Е. Р. Россинской. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2020. – 848 с. – ISBN 978-5-392-11531-3.
4. Вехов, В. Б. Расследование преступлений в сфере компьютерной информации: учебное пособие / В. Б. Вехов. – Москва: Юрлитинформ, 2019. – 256 с. – ISBN 978-5-4396-1842-1.
5. Криминалистика: учебник для юридических вузов / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов, Е. Р. Россинская. – 4-е изд., перераб. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2018. – 736 с.
6. Поваляев, Э. А. Отдельные аспекты допроса лиц по преступлениям, связанным с использованием компьютерных технологий / Э. А. Поваляев // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. – 2025. – № 11-1. – С. 32–40. – EDN FTEXVV.
7. Викторова, А. Е. Ситуационное моделирование в тактике допроса потерпевшего, свидетеля, подозреваемого и обвиняемого / А. Е. Викторова // Символ науки: международный научный журнал. – 2021. – № 1. – С. 96-98. – EDN BQYXZT.

УДК 343.126

О ПОДХОДКАХ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ МЕР УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

Протасов Д. В.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: danil.protasov.96@list.ru

Введение. Развитие Российской Федерации сопровождается образованием множеством общественных отношений между, как физическими лицами, так и юридическими, во всех сферах жизнедеятельности населения. В то же время развитие новых, а также преобразование устоявшихся общественных институтов создают совершенно новые условия, в которых совершаются преступления. К новым, например, целесообразно отнести оборот криптовалюты и ее применение, а также искусственный интеллект.

Возникновение и преобразование приведенных выше общественных сфер нуждается в новой доктринальной переоценке особенностей действий субъектов, совершивших преступления и возникает проблема в правильности выбора той или иной меры уголовно-процессуального принуждения.

Основой (объектом) для корректировки нормативной-правовой основы и содержания в теории уголовно-процессуального права – является дефиниция «мера уголовно-процессуального принуждения».

В доктрине уголовно-процессуального права отсутствует единство взглядов на содержание рассматриваемого понятия, что впоследствии влияет на точность и ясность разработки содержание как самого понятия «мера уголовно-процессуального принуждения», так и закрепления содержания каждой отдельно взятой меры, определенной в уголовно-процессуальном кодексе.

Цель исследования заключается в анализе мнений ученых уголовно-процессуального права относительно понятия «мера уголовно-процессуального принуждения».

Основная часть. Принуждение как преобладающий элемент уголовно процессуальной меры взаимосвязан с основными правами и свободами человека, определенными в Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 04.12.1950 [1] и Всеобщей декларации прав человека от 10.12.1948 [2], которые определяют, что права и свободы человека являются естественными и неотъемлемыми.

Однако в связи с принятием Федерального закона «О прекращении действия в отношении действия Российской Федерации международных договоров Совета Европы» от 28.02.2023 N 43-ФЗ [3], с 16 марта 2022 года в отношении Российской Федерации прекратила действие Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года.

Юридическое содержание правовой категории как «свобода» заключается в возможности делать все, что не наносит вреда другим – осуществление естественных прав каждого человека ограничено лишь теми пределами, которые обеспечивают другим членам общества пользование теми же правами.

Если же говорить о нормах права, подлежащих применению в уголовном судопроизводстве, то принуждение является обязательной составляющей, поскольку связано с общественно опасным деянием, совершенным тем или иным лицом и реализацией в отношении него процессуального механизма (зачастую принудительного), поэтому права и свободы ограничиваются.

В узком правопонимании категория «принуждение» тесно связана с отдельными мерами уголовного судопроизводства, обличенные в нормы права и применяемые действиями уполномоченных должностных лиц для обеспечения исполнения своих обязанностей подсудимым, обвиняемым и иными лицами принимающих участие в уголовном процессе.

Власова Н.А. отмечает, что под мерами уголовно-процессуального принуждения необходимо понимать средства предусмотренные основном уголовно-процессуальным законом, направленные на ограничение прав и свобод субъекта, совершившего преступление в целях соблюдения надлежащего порядка уголовного судопроизводства и исполнения приговора [4, с. 44].

С. Потапкин, Н. Перетятько, В. Кучин содержание понятия «уголовно-процессуальная мера» определяют через УПК РФ, а именно под ними понимают процессуальные средства принудительного характера, лицами наделенными правом их применять – следователь, дознаватель или суд в случаях и порядке, предусмотренном основным уголовно-процессуальным законом с целью предупреждения и пресечения неправомерных действий со стороны участников уголовного судопроизводства [5, с. 92].

Цоколова О. И. рассматривает подход к определению содержания уголовно-процессуальных мер через воздействие государственного принуждения не на участника уголовного процесса, а на уголовно-процессуальные правоотношения для достижения целей уголовного судопроизводства [6, с. 112].

Заключение. Таким образом, доктринальный анализ понятия «мера уголовно-процессуального принуждения» позволяет сделать вывод о том, что ее следует рассматривать через нормы права, связанные с ограничением свободы и категорию государственного принуждения, что впоследствии должно четко должно отражать охранительную функцию государства с целью достижения справедливости в обществе и государстве.

Список литературы

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод : заключена в г. Риме 04.11.1950 // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 2. – Ст. 163. – Текст : непосредственный.

2. Всеобщая декларация прав человека : принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 // Российская газета. – 1995. – 5 апр. – С. 3. – Текст : непосредственный.
3. Федеральный закон от 28.02.2023 № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы» // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 9. – Ст. 1404. – Текст : непосредственный.
4. Власова, Н. А. Уголовно-процессуальное право : учебное пособие / Н. А. Власова. – 2-е изд., стереотип. – Москва : МГИУ, 2008. – 158 с. – Текст : непосредственный.
5. Уголовный процесс : учебник для академического бакалавриата / под редакцией А. И. Бастрыкина, А. А. Усачева. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2017. – 425 с. – (Бакалавр. Академический курс). – Текст : непосредственный. – ISBN 978-5-534-03167-6 .
6. Цоколова, О. И. Меры уголовно-процессуального принуждения, состоящие в изоляции подозреваемого, обвиняемого / О. И. Цоколова. – Москва : ВНИИ МВД России, 2008. – 132 с. – Текст : непосредственный.

УДК 343.9

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРИЧИНЕНИЯ СМЕРТИ ПО НЕОСТОРОЖНОСТИ

Семыкина Л. А., канд. юрид. наук, доц., ORCID 0009-0006-4886-8062,
Земляная К. С.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г.Донецк, РФ
e-mail: l.semikina.donnu.jur@mail.ru, karina.zemlyanaya@bk.ru

Введение. Уголовное законодательство содержит нормы, предусматривающие ответственность за вред, причиненный с неосторожной формой, в их числе и ст. 109 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) «Причинение смерти по неосторожности». Несмотря на то, что причинение смерти по неосторожности не является умышленным преступлением, определённый комплекс социальных и уголовно-правовых мер позволит сократить количество деяний посредством комплексного воздействия на личность и общество. Существующие нормы (ст. 109 УК РФ) требуют постоянного анализа и адаптации к новым вызовам. Дискуссионными остаются вопросы о пределах ответственности, о том, как разграничивать данное преступление со смежными составами (например, с убийством (ст. 105 УК РФ) или с неосторожным причинением тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего (ч. 4 ст. 111 УК РФ).

Цель работы – проанализировать факторы, которые способствуют предупреждению причинения смерти по неосторожности.

Основная часть. Профилактические меры по предупреждению причинения смерти по неосторожности должны быть направлены на устранение факторов, способствующих совершению данного вида преступления.

Указанные факторы условно делятся на несколько категорий:

1. Субъективные факторы (к которым, например, могут относиться интеллектуальные, волевые, мотивационные, психофизиологические). В частности, они могут включать в себя непрофессионализм, легкомыслие, пониженная ответственность, игнорирование правил, физические и психологические факторы и иные.

2. Профессионально-деятельностные факторы: нарушение инструкций, стандартов, протоколов, правил безопасности, ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей: отказ в помощи, несвоевременное вмешательство, эксплуатация неисправной техники, нарушение режима труда и отдыха.

3. Организационные и средовые факторы: дефицит кадров, ресурсов, лекарств, оборудования.

4. Системные и коррупционные факторы. В частности, коррупция смещает мотивацию человека, особенно, если речь идёт о медицинских работниках. В ситуациях, когда имеет место быть коррупционный фактор, решение врача или медицинского работника принимается не в интересах пациента, а с целью получения выгоды. То же самое касается и коррупции в госзакупках, распределении ресурсов и проверках, которая ведёт к безнаказанности, особенно при многократном повторении. Смерть по неосторожности возникает, когда субъективный дефект (невнимательность, самонадеянность, усталость) накладывается на профессиональный или организационный дефект (нарушение стандарта, перегрузка, отсутствие контроля), а иногда усиливается коррупционным фактором, что делает данное преступление более общественно опасным.

Одним из ключевых направлений противодействия является установление четких и понятных норм, определяющих случаи, когда неосторожное поведение влечет уголовную ответственность. Важно разграничить ситуации, когда лицо проявило преступную небрежность или легкомыслие, от несчастных случаев, не связанных с нарушением правил предосторожности. Эффективное применение уголовного закона предполагает не только наказание виновных, но и предупреждение совершения новых преступлений. Это достигается путем формирования в обществе понимания недопустимости безответственного поведения, которое может привести к гибели людей.

Необходимо также совершенствовать систему подготовки специалистов, чья деятельность связана с повышенным риском для жизни окружающих. Обучение правилам безопасности, проверка знаний и регулярная аттестация должны стать обязательными элементами их профессиональной деятельности. Кроме того, важна работа по повышению правовой грамотности населения. Люди должны знать о возможных последствиях неосторожных действий и о том, как соблюдение правил безопасности может предотвратить трагедии [1, с. 61].

Следует подчеркнуть, что в системе мер предупреждения неосторожных причинений смерти все большее значение приобретают предупредительные меры общесоциального характера. Нейтрализация негативных воздействий и устранение психотравмирующих факторов на личность в семье (неправильное воспитание, недостаток внимания при обращении с детьми и подростками, асоциальное поведение родителей, сочетаемые нередко с алкоголизмом и наркоманией) способны положительно влиять на профилактическую деятельность. Поэтому необходимо предусмотреть меры, направленные как на родителей, ведущих антиобщественный образ жизни, так и на конкретные области микросреды, в которой они находятся.

Общесоциальное предупреждение охватывает крупномасштабные мероприятия, обеспечивающие прогрессивное развитие общества в экономической, социальной, духовно-нравственной и иных сферах. Эти мероприятия преследуют гораздо более широкие цели, нежели борьбу с преступностью, но именно они создают тот фундамент, на котором формируется культура безопасности и ответственности. На уровне экономики – это развитие производства на основе современных технологий, продуманная инвестиционная стратегия, укрепление финансовой системы, снижение инфляции: всё то, что в конечном счёте повышает жизненный уровень и качество жизни населения, а значит, уменьшает социальную напряжённость, стресс и неуверенность, которые выступают питательной средой для ошибочных решений [2, с. 21].

Также важную роль играют и технические меры. Технические меры профилактики включают различные технологии, правила, средства и приспособления, препятствующие причинению общественно опасных последствий в процессе социальной деятельности людей. Это технологии, исключающие аварийность на производстве, средства охранной сигнализации, запирающие устройства, системы автоматического контроля. Повышению конструктивной безопасности изделий предшествует изучение опыта эксплуатации технического средства и анализ самых распространённых ошибок и нарушений правил безопасности, выявление узлов и механизмов, наиболее уязвимых по отношению к факторам аварийности.

Заключение. Таким образом, предупреждение неосторожной преступности в целом и неосторожного причинения смерти, в частности, является важным фактором для сокращения уровня преступности. Важную роль в этом имеют общесоциальные факторы предупреждения, которые включают меры, направленные на снижение вероятности причинения смерти по неосторожности: совершенствование законодательства, повышение и правовой, и технической культуры, улучшение условий труда и быта, научное прогнозирование рисков. Нельзя не обращать внимания и на технические меры, которые делают акцент на соблюдении правил безопасности при обращении с техническими средствами. Именно комплексное применение этих

и других мер позволит понизить уровень неосторожной преступности. Предупреждение неосторожных преступлений необходимо осуществлять не изолированно, а в сочетании с мерами, направленными на борьбу с умышленными преступлениями, поскольку неосторожные и умышленные преступления взаимозависимы и существование одних обусловливает и предопределяет наличие других.

Список литературы

1. Шарафутдинова Д.Н. Противодействие уголовно-правовыми средствами причинению смерти по неосторожности / Д.Н. Шарафутдинова // Вестник магистратуры. – 2025. – №5-3 (164). – С. 59-62.
2. Гармышев, Я. В. Некоторые вопросы совершенствования стратегии противодействия неосторожной преступности / Я. В. Гармышев // ГлаголЪ правосудия. – 2015. – № 2(10). – С. 19-24. – EDN VKUMBF.

УДК 343

ФИНАНСОВОЕ МОШЕННИЧЕСТВО: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Семыкина Л. А., канд. юрид. наук, доц., ORCID 0009-0006-4886-8062,
Медведева А. Э.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: l.semikina.donnu.jur@mail.ru, @turchinovich3112»gmail.com

Введение. В настоящее время мошенничество – явление, укоренившееся в истории России с момента её образования. Так, возникнув на почве товарообменных отношений, где стремление к личной выгоде было максимальным, оно эволюционировало вместе с развитием государства, постоянно увеличивая количество преступлений мошеннического характера. Стоит отметить, что в условиях продолжительной пандемии, усугубляемой острой военно-политической ситуацией и новыми санкциями, актуальность борьбы с финансовым мошенничеством не только не снизилась, но и, напротив, значительно возросла.

Цель исследования состоит в криминологическом анализе финансового мошенничества как динамично развивающегося преступного явления, выявлении его сущностных характеристик, многообразия схем и механизмов реализации, а также в определении ключевых проблем противодействия данному виду преступности в современных социально-экономических условиях.

Основная часть. По мнению Кузнецова Д. С. и Гусева М. Н. финансовое мошенничество как преступление в настоящее время отличается исключительным многообразием, адаптивностью, динамизмом и способностью к модернизации в зависимости от сферы проникновения. Авторы считают, что широкое распространение настоящее деяние получило ввиду подверженности нашей жизни. Также, по мнению авторов, если раньше злоумышленнику необходимо было осуществлять все свои мошеннические замыслы «вручную», что требовало значительного времени, то в настоящее время, как указывает автор для достижения аналогичного результата [1, с. 79].

В соответствии с ч. 1 ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) мошенничество – это хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием.

В финансовой сфере существует множество разновидностей мошеннических схем, каждая из которых имеет свои особенности и механизмы. Стоит отметить, что среди них можно выделить несколько основных типов: мошенничество в сфере кредитования (ст. 159.1 УК РФ); мошенничество при получении выплат (ст. 159.2 УК РФ); мошенничество в сфере страхования (ст. 159.5 УК РФ); мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ).

Важно отметить, что мошеннические действия могут совершаться как одним человеком, так и целой группой лиц, включая организованные преступные сообщества или даже коммерческие организации. Зачастую именно юридические лица используются для прикрытия незаконной деятельности. Сложность борьбы с финансовым мошенничеством заключается, прежде всего, в трудностях с идентификацией всех лиц, вовлечённых в финансовые операции. Особенно вышеуказанное касается тех, кто имеет доступ к конфиденциальной информации.

Как отмечает Галали Р. Дж. А., проведенная в 2019 году комплексная оценка соответствия российской системы противодействия отмыванию преступных доходов и финансированию терроризма международным стандартам ФАТФ показала ее эффективность. Но, вместе с тем, как считает автор, сохранение высоких результатов и обеспечение прогресса в развитии российской системы возможны, если финансово-кредитная система имеет эффективный механизм противодействия дестабилизирующей и деструктивной экономической активности [2, с. 72].

Заключение. Проведённое исследование позволяет констатировать, что финансовое мошенничество в современной России представляет собой высокоадаптивное, динамично развивающееся преступное явление, характеризующееся многообразием схем и механизмов реализации. Усложнение социально-экономических условий, обусловленное последствиями пандемии, санкционным давлением и нестабильной военно-политической

обстановкой, создаёт дополнительную питательную среду для роста данного вида преступности, что подтверждает необходимость непрерывного совершенствования криминологических подходов к его предупреждению.

Криминалистический и криминологический анализ показывает, что ключевой проблемой противодействия финансовому мошенничеству остаётся затруднённость идентификации всех участников преступных цепочек, особенно в случаях использования юридических лиц как инструментов прикрытия незаконной деятельности и вовлечения лиц, обладающих доступом к конфиденциальной информации. Многообразие нормативно закреплённых составов (ст. 159.1, 159.2, 159.5, 159.6 УК РФ) свидетельствует о дифференцированном подходе законодателя, однако не снимает задачи формирования единой системной стратегии профилактики.

Вместе с тем положительная оценка российской системы противодействия отмыванию преступных доходов по стандартам ФАТФ указывает на наличие действенного институционального фундамента. Дальнейший прогресс в борьбе с финансовым мошенничеством возможен лишь при условии интеграции правовых, экономических и технологических механизмов, направленных на нейтрализацию деструктивной активности в финансово-кредитной сфере и минимизацию виктимологических рисков для граждан и организаций.

Список литературы

1. Кузнецов, Д. С. Финансовое мошенничество в России: сущность, виды, проблемы противодействия / Д. С. Кузнецов, М. Н. Гусева // Наука и Образование. – 2022. – Т. 5, № 3. – EDN ICWCIT.
2. Галали, Р. Д. А. Совершенствование мониторинга рисков вовлечения банков в процессы легализации преступных доходов и финансирования терроризма : специальность 08.00.10 "Финансы, денежное обращение и кредит" : диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Р. Д. А. Галали, 2021. – 175 с. – EDN UKAZNG.

УДК 343.14

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДОСТОВЕРНОСТИ ЦИФРОВЫХ МАТЕРИАЛОВ НА СТАДИИ ДОСЛЕДСТВЕННОЙ ПРОВЕРКИ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Солодова С. В., канд. экон. наук, доц., ORCID 0000-0002-4623-3059,
Андреев А. А., ORCID 0009-0000-1277-7886,
Николаев М. М., ORCID 0009-0009-7480-5518
ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», г. Санкт-Петербург, РФ
e-mail: 79109663920@yandex.ru, mihailnikolaev10@yandex.ru, ipa70@mail.ru

Введение. Развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ) даёт огромный потенциал для расширения возможностей создания и редактирования аудиовизуальных источников цифровой информации. Внешняя убедительность таких материалов вызывает затруднение первоначальной оценки сведений человеком, который обращается в правоохранительные органы с сообщением о преступлении. В.С. Нестеров рассматривает цифровую фальсификацию в качестве основания для совершенствования криминалистических средств и подготовки кадров [1]. Целью данного исследования является определение вектора проверки достоверности цифровых материалов с учётом возможности их искусственной генерации с использованием технологий ИИ. Для достижения цели исследования нами были использованы формально-юридический анализ и моделирование ситуации предоставления недостоверных цифровых данных.

Цель исследования – обосновать подход к проверке достоверности цифровых материалов, учитывающий возможность их генерации технологиями ИИ, и предложить меры по снижению рисков цифровой фальсификации.

Основная часть. Правовая основа сформирована на положениях Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ). Часть 1 статьи 144 предусматривает проверку сообщения о преступлении и допускает назначение судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела [2]. Основанием для возбуждения уголовного дела согласно части 2 статьи 140 УПК РФ является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Предоставление цифрового файла само по себе не предрешает процессуальное решение, поскольку оцениванию подлежит его содержание, происхождение и наличие связи между таким файлом и иными полученными данными. Однако следует чётко разграничивать цифровые материалы, которые предоставляются в процессе поступления и разработки информации о преступлении, и их последующее использование в процессе доказывания. Часть 1.2 статьи 144 УПК РФ связывает использование поступившей информации в качестве доказательств с соблюдением статей 75 и 89 УПК РФ.

Именно в этой связи в данной работе термин «цифровые материалы» обозначает файлы и информацию в них, не предполагая заранее установленной достоверности или доказательственного значения.

Исследуя аудио- и видеоинформацию, следует отделять достоверность отображаемого события и целостность файла. Отсутствие каких-либо следов монтажа не гарантирует реальность записанного разговора или совершённого действия. Искусственная генерация посредством ИИ может охватывать как запись в целом, так и отдельные её элементы. Обзор технических подходов к выявлению синтетического контента показывает ограничения средств обнаружения и необходимость учитывать происхождение данных [3]. Следовательно, результат одного программного инструмента необходимо сопоставлять с другими результатами проводимой аналитики.

Прямое практическое значение имеет правильная постановка вопросов эксперту. Наряду с исследованием изменений записи целесообразно определить, существуют ли в исследуемом материале признаки искусственной генерации изображения или звука, и на основании каких особенностей материала эксперт может сделать соответствующий вывод. Формулировки, предоставляемые эксперту, определяются с учётом объекта, компетенции эксперта и возможностей применяемых им методик. Так, часть 2 статьи 204 УПК РФ даёт возможность эксперту указать в заключении значимые обстоятельства, по поводу которых вопросы не ставились. Узость формулировки вопроса не исключает экспертной инициативы, но может затруднить понимание исследовательской части.

Смоделируем условное событие: в ходе корпоративного конфликта в правоохранительные органы представлена аудиозапись, приписывающая руководителю предприятия обсуждение и попытки заключить противоправную сделку. Модель показывает риск поступления ложной информации и не описывает установленный случай из практики. Проверка информации предполагает определение условий, в которых была получена такая запись, сопоставление её содержания с имеющимися объяснениями и иными документами, а при необходимости – применение специальных знаний.

Само наличие конфликта не может доказывать ложность сообщения, как и узнаваемость голоса не может однозначно подтверждать достоверность записи. При проверке сведений о спортивной сделке значение имеет сопоставление документов. С. В. Солодова и И. А. Грачёв отмечают: «Одной из базовых методик обнаружения заведомых искажений служит встречная проверка разных экземпляров отчётности, которая одновременно представлена сразу нескольким адресатам» [4].

В данной ситуации сопоставление документов организации и контрагентов может дополнять проверку содержания записи. В рассматриваемой модели ложная информация может осложнить взаимодействие с контрагентами и иными лицами, вызвать расходы на правовую защиту.

В целях снижения обозначенных рисков нами предлагается развивать методические рекомендации по комплексу направлений:

Во-первых, документирование происхождения и движения файла;

Во-вторых, формирование примерных вопросов о признаках монтажа и генерации с учётом возможностей соответствующих видов экспертиз;

В-третьих, интеграция в кадровую подготовку практических заданий по сопоставлению цифровых материалов и критического подхода к оценке результатов автоматизированного анализа.

В качестве дополнительной меры может выступать фиксация контрольных значений файла при его получении и последующей передаче эксперту на исследование. Подобная фиксация может помочь повысить уровень контроля неизменности исследуемого объекта, однако она не удостоверяет истинность его содержания. В методических рекомендациях по проведению экспертиз стоит отдельно обозначать случаи, в которых отсутствие исходного файла или недостаточное качество записи может ограничить выводы эксперта. Неустранимая техническая неопределённость должна отражаться в результатах исследования, а не подменяться категорическим суждением о достоверности.

Заключение. Представленные в данной работе предложения развивают предусмотренные законом средства проверки. Всеобщая обязанность проводить экспертизу цифровых материалов требует отдельного обоснования с учётом процессуальных сроков и экспертных материальных и трудовых ресурсов. Приоритет следует отдавать выбору способов проверки в зависимости от значения материала и сомнений в его достоверности. Противодействие цифровой фальсификации предполагает исследование происхождения файла, признаков изменения или генерации и согласованности с иными сведениями. Разграничение технической целостности и содержательной достоверности исследуемого материала, развитие методического обеспечения в совокупности с подготовкой высококвалифицированных специалистов способствуют повышению качества доследственной проверки.

Список литературы

1. Нестеров, В. С. Использование цифровых технологий при фальсификации доказательств в досудебном производстве по уголовным делам / В. С. Нестеров // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2025. – № 8. – DOI 10.24412/2220-2404-2025-8-17;
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // КонсультантПлюс : сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 01.10.2026). – Текст : электронный;
3. Reducing Risks Posed by Synthetic Content: An Overview of Technical Approaches to Digital Content Transparency / B. Chandra, J. Dunietz, K. Roberts [et al.]. – Gaithersburg : NIST, 2024. – (NIST AI 100-4). – DOI 10.6028/NIST.AI.100-4;

4. Солодова, С. В. Судебная экономическая экспертиза бухгалтерской (финансовой) отчётности на предмет искажения / С. В. Солодова, И. А. Грачев // Бухгалтерский учёт, анализ, аудит и налогообложение: проблемы и перспективы : сборник статей VIII Всероссийской научно-практической конференции (15–16 января 2020 г.) / под общ. ред. Н. Н. Бондиной. – Пенза : РИО ПГАУ, 2020. – С. 172–175.

УДК 343.2

КОНЦЕПЦИЯ ВОССТАНОВИТЕЛЬНОГО ПРАВОСУДИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ: ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ ЧЕРЕЗ ИНСТИТУТ МЕДИАЦИИ

Сорокун Н. С., канд. юрид. наук, доц.,
Саидова Ю. В., Сергиенко А. Н.
Ростовский филиал ГКОУ ВО «Российская таможенная академия», г. Ростов-на-Дону, РФ
e-mail: panasitsckaia@yandex.ru, alonoksergienko@mail.ru

Введение. Современная российская уголовно-правовая система, сохраняя выраженный карательный уклон, демонстрирует ограниченную эффективность. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2023 г. осуждено свыше 870 тыс. человек, при этом лишь 15–17 % дел прекращались по нереабилитирующим основаниям, включая примирение сторон (статья 25 УПК РФ). Это свидетельствует о формальном применении соответствующих норм без глубокой работы с последствиями преступления. Гиперрепрессивность и перегруженность судов актуализируют поиск альтернативных механизмов разрешения уголовно-правовых конфликтов.

Теоретические основы. Таким механизмом выступает концепция восстановительного правосудия, переносящая фокус с наказания виновного на восстановление социальной гармонии, заглаживание вреда, причинённого потерпевшему, и принятие ответственности обвиняемым. Её ключевой инструмент – восстановительная медиация. Исторические корни концепции уходят в древность: в догосударственных обществах конфликты разрешались через материальное возмещение вреда. «Русская Правда» (11-12 века) детально регламентировала виры и головничества, ориентируясь не на кару, а на восстановление нарушенного баланса. С монополизацией государством права на суд и наказание уголовный конфликт был переосмыслен как посягательство на публичный интерес, а личность потерпевшего отодвинута на периферию процесса. Становление восстановительного правосудия как самостоятельной научной концепции произошло во второй половине 20 века, как ответ на кризис традиционной системы, обнаружившей неэффективность в вопросах ресоциализации преступников и удовлетворения потребностей жертв. Пионером выступил американский исследователь Ховард Зер, в работе

«Восстановительное правосудие: новая линза» (1990) предложивший рассматривать преступление, прежде всего, как нарушение отношений между людьми, а не только закона государства. Ключевые принципы концепции – это диалог, добровольность и информированность участия сторон, признание и заглаживание вреда, фокус на восстановлении материального, морального и психологического ущерба, а также социальных связей в сообществе [5].

Медиация и её модели. В контексте уголовного судопроизводства восстановительная медиация – это структурированный процесс, в котором жертва и преступник с помощью беспристрастного третьего лица (медиатора) совместно разрешают последствия преступления, обсуждая его обстоятельства, причинённый вред и пути его заглаживания [6]. В мировой практике сложилось несколько моделей. Виктим-офендерная медиация предполагает прямую встречу сторон, которую готовит медиатор, обеспечивая безопасную и уважительную атмосферу диалога. Семейные конференции вовлекают семьи, близких, значимых лиц и социальные службы и особенно эффективны в работе с несовершеннолетними правонарушителями, так как мобилизуют ресурсы семьи для их ресоциализации. Круги правосудия, имеющие корни в культурах коренных народов Северной Америки, выходят за рамки конкретного преступления и нацелены на исцеление всего сообщества, вырабатывая коллективное консенсусное решение.

Подготовка медиатора. Специфика работы медиатора в уголовном процессе требует от него не только владения классическими техниками медиации, но и глубокого понимания психологии травмы, криминологии, основ уголовного и уголовно-процессуального права. Его подготовка должна включать такие модули, как работа с посттравматическим стрессовым расстройством у жертв, методы работы с сопротивлением и манипуляциями со стороны обвиняемого, знание правовых рамок и последствий медиативного соглашения, этика и обеспечение безопасности процесса.

Законодательные предпосылки в России. Действующее законодательство содержит ряд норм, то есть потенциальную основу для внедрения восстановительной медиации, однако они носят фрагментарный характер и не образуют целостной системы. Статья 76 УК РФ признаёт примирение с потерпевшим материально-правовым основанием освобождения от уголовной ответственности [2], но не указывает процессуальный механизм такого примирения. Статья 25 УПК РФ развивает эту норму, предоставляя право прекратить дело в связи с примирением сторон [1], однако процессуально лаконична: не определено, что является доказательством примирения и каковы критерии заглаживания вреда. Отдельный потенциал содержат дела частного обвинения (статья 20 УПК РФ) и прекращение преследования несовершеннолетних с применением воспитательных мер (статья 427 УПК РФ). Таким образом, в законодательстве есть «окна возможностей», но они концептуально и процедурно не заполнены [7].

Системные противоречия. Основное из них – это конфликт публично-правовой природы уголовного преследования и частноправовой природы медиации. Отсюда вытекают процессуальные проблемы: не определён статус медиатора как участника процесса. Принцип конфиденциальности переговоров вступает в противоречие с принципом установления объективной истины (статья 73 УПК РФ); медиативное соглашение не имеет заранее определённой юридической силы. Отсутствует и механизм контроля исполнения соглашения: при уклонении обвиняемого от принятых обязательств потерпевший оказывается в уязвимом положении. Барьеры усугубляются обвинительным уклоном и отсутствием стимулов у следователей и судей, недоверием населения и правовым нигилизмом.

Зарубежный опыт. Наиболее системно медиация урегулирована в Австрии и Германии. В Австрии на базе службы пробации организована виктим-офендерная медиация, а параграф 204 УПК Австрии позволяет прокурору приостановить уголовное преследование на срок до шести месяцев при условии, среди прочего, стремления к примирению с потерпевшим [3]; успешное проведение медиации служит основанием для окончательного прекращения дела. Германская модель (параграфы 155a, 155b УПК ФРГ) во многом схожа, но делает больший акцент на делах несовершеннолетних и молодых взрослых [4]. Сравнительный анализ позволяет выделить адаптируемые для России элементы: чёткую законодательную базу, интеграцию медиации в систему пробации, гибкость применения с учётом культурного контекста, а также потенциальные риски: децентрализацию, коммерциализацию и ослабление прав обвиняемого.

Предложения. Интеграция медиации требует внесения в УПК РФ новой главы, регламентирующей приостановление дела для её проведения: стадии применения (от предъявления обвинения до вынесения приговора); приостановление дела на срок до двух месяцев с назначением медиатора и разъяснением последствий; утверждение судом медиативного соглашения, получающего силу исполнительного документа; гарантии добровольности, конфиденциальности и защиты потерпевшего. Организацию медиации целесообразно возложить на уголовно-исполнительные инспекции. Перспективы развития – это включение в цели судопроизводства и наказания «восстановления социальной гармонии» и формирование ювенальных судов и должностей судей по восстановительным практикам.

Заключение. Интеграция концепции восстановительного правосудия в уголовно-правовую систему России через институт медиации является не только теоретически обоснованной, но и практически достижимой. Внедрение возможно без кардинального разрушения существующей системы через гибкую правовую модель, действующую в «коридорах возможностей» действующего законодательства. Предложенная модель позволяет начать интеграцию медиации с последующей трансформацией самого подхода к правосудию.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Австрии. URL:https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/18682.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Германии. URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/23187.
5. Карнозова, Л. М. Введение в восстановительное правосудие (медиация в ответ на преступление) / Л. М. Карнозова ; Институт государства и права Российской академии наук. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2024. – 264 с. – ISBN 978-5-392-40101-7. – EDN ICGHNF.
6. Оганов, К. К. Медиация в уголовном процессе Российской Федерации / К. К. Оганов // Молодой ученый. – 2021. – № 23(365). – С. 225-227. – EDN IBTTEZ.
7. Сатыгин, В. Д. Примирение с потерпевшим как основание освобождения от уголовной ответственности: история и практика / В. Д. Сатыгин // Молодой ученый. – 2015. – № 14(94). – С. 375-378. – EDN UCCZIH.

УДК 343.337.4:343.326

ПРИМЕНЕНИЕ УДАРНЫХ БЕСПИЛОТНЫХ ВОЗДУШНЫХ СУДОВ В ВООРУЖЕННОМ КОНФЛИКТЕ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Старовойтова Ю. Г., канд. юрид. наук, доц., ORCID 0009-0000-7468-5602
ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени В. Даля», г. Луганск, РФ
e-mail: y.g.starovoitova@mail.ru

Введение. Известно, что обстановка вооруженного конфликта значительно повышает степень общественной опасности совершенного противоправного деяния, что подтверждается включением данного обстоятельства в перечень отягчающих в ст. 63 УК РФ. В некоторых случаях указанное обстоятельство выступает кримобразующим признаком, влияющим не только на степень, но и на характер общественной опасности содеянного. Примером такого состава является применения запрещенных международным договором РФ средств и методов ведения войны (ч. 1 ст. 356 УК РФ). Долгое время данное деяние оставалось превентивно криминализованным, однако, вооруженный конфликт между Россией и Украиной реанимировал интерес теоретиков и практиков к нормам ст. 356 УК РФ.

Основная часть. Особенностью упомянутого конфликта является беспрецедентно масштабное использование беспилотных воздушных судов (далее – БВС). Ежедневно БВС Вооруженных сил Украины повреждают объекты критически важной российской инфраструктуры, причиняют

страдания гражданскому населению, унося и подвергая опасности жизни людей по всей стране, наносят значительный ущерб имуществу граждан и организаций. Часто подобные факты применения БВС не для выполнения боевых задач оцениваются российскими компетентными органами [1] и должностными лицами [2] как террористический акт.

Несомненно, применение БВС для поражения гражданских целей, для выполнения боевых задач в густонаселенных пунктах, равно как и неизбирательное их использование оказывает устрашающее воздействие на население, создает опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба и наступления иных тяжких последствий, то есть подпадает под признаки объективной стороны террористического акта. Учитывая то, что цель таких действий в конечном итоге состоит в принуждении высшего политического и военного руководства страны к принятию определенных решений, касающиеся СВО и статуса вновь присоединенных территорий, то и субъективная сторона террористического актах в подобных атаках усматривается. Однако, не менее юридически значимыми здесь представляются и следующие обстоятельства их совершения: а) обстановка вооруженного конфликта; б) субъектами атак с применением БВС являются представители вооруженных сил противника; в) большое количество потерпевших среди гражданского населения.

Отношения, возникающие в связи с вооруженным конфликтом, являются предметом международного гуманитарного права. Основополагающие принципы, касающиеся средств и методов ведения войны отражены в Дополнительном протоколе I от 8.06.1977 г. (далее – ДП-1) к Женевским конвенциям от 12.08.1949 г. Статья 35 данного документа накладывает полный запрет на применение оружия, снарядов, веществ и методов ведения военных действий, которые способны причинить излишние повреждения или излишние страдания. Статья 51 ДП-1 запрещает нападать на гражданское население, совершать акты насилия или угрозы насилием, имеющие основной целью терроризировать гражданское население, совершать нападения неизбирательного характера. В 1979 г. под эгидой ООН была принята Конвенция «О запрещении или ограничении применения конкретных видов оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие» и Протоколы к ней. Российская Федерация является участницей всех этих международных документов. Учитывая изложенное, нетрудно сделать вывод, что использование вооруженными формированиями Украины ударных БВС против гражданских объектов и гражданской инфраструктуры на территории РФ представляет собой запрещенное, с точки зрения международного гуманитарного права, деяние.

Получается, что такие атаки одновременно подпадают под признаки и террористического акта, и применения запрещенных международными договорами РФ средств и методов ведения войны. Вместе с тем состав

преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 356 УК РФ, содержит дополнительные признаки – обстановку вооруженного конфликта и специальный субъект, которые наиболее точно соответствуют признакам совершаемых деяний. Следовательно, ч. 1 ст. 356 УК РФ в части, предусматривающей ответственность за деяние, совершаемое в последней форме объективной стороны, является специальной по отношению к нормам ст. 205 УК РФ. Из этого вытекает, что, во-первых, согласно правилам квалификации, применению подлежит специальная норма; во-вторых, поскольку специальная норма в качестве конструктивного признака состава указывает на обстоятельство, отягчающее ответственность, санкция ч. 1 ст. 356 УК РФ должна быть более суровой по сравнению с санкциями норм ст. 205 УК РФ. Так должно быть в идеале, с точки зрения, материального права.

В реальности квалификация атак при помощи ударных БВС сопряжена с проблемами доказывания как объективных, так и субъективных признаков. Прежде всего необходимо установить именно признак запрещенности, ведь применение ударных БВС для поражения военных объектов противника вполне допустимо. Кроме того, международные правовые нормы содержат ряд оговорок к установленным запретам. Например, в п. 3 ст. 2 Протокола III к Конвенции ООН от 1979 г. говорится о запрете подвергать любой военный объект, расположенный в районе сосредоточения гражданского населения, нападению с применением зажигательного оружия.

Далее, в этом же пункте указаны исключения: а) если зажигательное оружие доставляется по воздуху; б) если военный объект четко отделен от сосредоточения гражданского населения и принимаются все возможные меры предосторожности для избежания или сведения к минимуму случайных жертв среди гражданского населения, ранения гражданских лиц и повреждения гражданских объектов. Возникает вопрос, допустим ли запуск БВС, начиненного зажигательными снарядами, с четко заданными координатами военного объекта, если планирующему запуск лицу известно, что в ста метрах от этого объекта расположен магазин, спортивная площадка, больница или иной гражданский объект, который неизбежно получит повреждения, когда БВС достигнет цели? Любой ответ здесь будет небесспорным. Другой пример: ударный БВС противника сбит, а его обломки упали на отдельно стоящее домостроение. Для применения в этом случае ч. 1 ст. 356 УК РФ надлежит доказать, что его конечной целью был гражданский объект, что представляется практически невозможным. Очевидно, что, как в первом, так и во втором случае в содеянном проще установить признаки террористического акта, что, с практической точки зрения, видится вполне оправданным.

Второй проблемный вопрос, вытекающий из сказанного выше, связан с законодательной конструкцией санкции ч. 1 ст. 356 УК РФ. Вполне закономерно, что применение запрещенных средств и методов ведения войны может привести к гибели людей. При этом максимальное наказание, предусмотренное в ч. 1 ст. 356 УК РФ, составляет двадцать лет лишения

свободы. В то время как за террористический акт виновному может быть назначено пожизненное лишение свободы.

Заключение. Все вышеизложенное обосновывает необходимость дальнейшего научного осмысления признаков состава преступления, предусмотренного ст. 356 УК РФ, и качественного изменения его законодательной конструкции.

Список литературы

1. Возбуждено уголовное дело об атаке ВСУ на гражданские объекты Белгорода: сводка новостей от 9 августа 2026 г. // Следственный комитет РФ : офиц. сайт. URL: https://sledcom.ru/news/item/2114467/ (дата обращения: 7.10.2026).
2. Речь В.В. Путина на встрече с выпускниками первого потока программы «Время героев» // Президент России : офиц. сайт. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/79814 (дата обращения: 7.10.2026).

УДК 343

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ: ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ

Татьянина А. В., канд. социол. наук, доц.,
ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог, Ростовская обл., РФ
e-mail: a.karyagina@tmei.ru

Введение. Концептуальное осмысление коррупции как деструктивного системного феномена неизбежно требует формирования адекватного ответа со стороны государства, институтов гражданского общества и бизнес-сообщества. Таким ответом выступает антикоррупционная политика Российской Федерации, представляющая собой специализированное направление государственной деятельности, нацеленное на защиту прав граждан, обеспечение национальной безопасности и повышение эффективности публичного управления [3, с. 66].

Основная часть. В отечественной юридической науке понятие антикоррупционной политики интерпретируется как научно обоснованная, последовательная и системная деятельность органов государственной власти, органов местного самоуправления и институтов гражданского общества по минимизации коррупционных рисков, устранению причин и условий, порождающих коррупцию, а также по привлечению к ответственности лиц, совершивших коррупционные правонарушения. Нормативную основу данной политики образует разветвленная система правовых актов, ключевым элементом которой выступает Федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», заложивший базовые дефиниции и

организационные принципы превентивного и карательного воздействия. При этом содержание рассматриваемого феномена существенно шире исключительно нормотворческой активности, поскольку оно охватывает идеологические, организационные, кадровые, информационные и просветительские аспекты государственной деятельности [1].

Для раскрытия правовой природы антикоррупционной политики России необходимо детально проанализировать ее ключевые признаки, которые обособляют ее от других направлений правовой и социальной политики государства.

Первым фундаментальным признаком антикоррупционной политики является ее комплексный и многоаспектный характер. Государственная стратегия противодействия коррупции не ограничивается жестким уголовно-правовым преследованием лиц, совершивших преступления против государственной власти. Напротив, современная российская модель строится на сочетании трех ключевых векторов воздействия, к которым относятся предупреждение коррупции посредством выявления и последующего устранения ее причин, непосредственная борьба с коррупционными проявлениями через выявление, пресечение и расследование правонарушений, а также минимизация и ликвидация последствий коррупционных деяний [2, с. 5].

Такой триединый подход позволяет воздействовать на деструктивное явление на всех стадиях его проявления – от зарождения коррупционного умысла до устранения вреда, причиненного охраняемым законом общественным отношениям. В связи с этим государственные меры включают в себя как совершенствование административных регламентов и внедрение цифровых технологий контроля, так и проведение жестких криминологических процедур, что подтверждает широту охвата изучаемой политики.

Вторым системообразующим признаком выступает институциональная многосубъектность, предполагающая привлечение к реализации антикоррупционных мер широкого круга участников. Традиционное представление о том, что борьба с коррупцией является исключительной прерогативой правоохранительных органов, в современных российских реалиях признано неэффективным. Действующее законодательство распределяет антикоррупционные функции между Президентом Российской Федерации, определяющим ключевые направления государственной политики в ежегодных посланиях и указах, Правительством Российской Федерации, обеспечивающим исполнение федерального законодательства, и профильными министерствами.

Наряду с органами государственной власти важнейшими субъектами реализации политики признаются органы местного самоуправления, институты гражданского общества, средства массовой информации, научные организации и коммерческие структуры, внедряющие механизмы комплаенс-контроля.

Еще одним важным признаком рассматриваемой политики выступает ее превентивная доминанта, означающая смещение акцента с карательных мер на

профилактические процедуры. Исторический и зарубежный опыт доказывает, что ужесточение уголовного наказания само по себе не способно искоренить коррупционные практики при сохранении условий для их воспроизводства. Современная российская антикоррупционная политика ставит во главу угла создание условий, при которых совершение коррупционного деяния становится невыгодным, сопряженным с высокими рисками неминуемого выявления и увольнения в связи с утратой доверия [4, с. 162].

Превенция реализуется через сужение дискреционных полномочий должностных лиц, цифровизацию государственных услуг, устранение личного контакта гражданина и чиновника, а также через формирование антикоррупционной культуры и правосознания в обществе, что кардинально меняет психологическое отношение населения к практике дачи взяток.

Пятым конституирующим признаком антикоррупционной политики является ее динамичность и адаптивность к изменяющимся внешним и внутренним условиям. По мере цифровизации экономики и государственного сектора классические формы коррупции трансформируются, приобретая латентный характер через использование криптовалют, скрытых долей в коммерческих компаниях и сложных трансграничных финансовых схем.

Российская антикоррупционная политика вынуждена непрерывно эволюционировать, оперативно реагируя на новые вызовы, что выражается в расширении сферы действия цифрового контроля, совершенствовании систем мониторинга банковских транзакций должностных лиц и усилении механизмов возврата незаконно нажитых активов. В итоге, антикоррупционная политика России представляет собой высокоорганизованную, динамично развивающуюся систему правовых и управленческих мер, которая, опираясь на принципы законности, публичности и стратегического планирования, последовательно трансформирует государственную службу в направлении прозрачности, подотчетности и служения общественным интересам.

Заключение. Таким образом, коррупция является сложной, латентной угрозой безопасности, требующей гибкого ответа из-за ее эволюционирующих форм. Антикоррупционная политика РФ представляет собой системную, превентивную деятельность, смещающую фокус с наказания на профилактику, прозрачность и устранение правовых разрывов.

Список литературы

1. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. N 273-ФЗ «О противодействии коррупции» – Текст: электронный // Государственная система правовой информации: Официальный интернет портал правовой информации. 2005-2026 гг. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102041891 (дата обращения: 28.09.2026)
2. Антикоррупционная политика : учебное пособие / Н. В. Еременко, С. И. Луговской, Н. В. Мирошниченко [и др.]. – Ставрополь : Ставропольский государственный аграрный университет, 2023. – 88 с. – Текст : электронный // Цифровой образовательный ресурс IPR SMART : [сайт]. – URL: https://www.iprbookshop.ru/138951.html (дата обращения: 25.09.2026)

3. Карягина, О. В. Анализ современных угроз национальной безопасности страны / О. В. Карягина // Государство и право России в современном мире : материалы международной научно-практической конференции, Кизляр, 15 мая 2024 года. – Махачкала: Формат, 2024. – С. 66-71. – EDN DOPLKS.
4. Сундуров, Ф. Р. Наказание в уголовном праве : учебное пособие / Ф. Р. Сундуров, М. В. Талан. – Москва : Статут, 2015. – 256 с. – ISBN 978-5-8354-1134-4. –Текст : электронный // Цифровой образовательный ресурс IPR SMART : [сайт]. – URL: https://www.iprbookshop.ru/49079.html (дата обращения: 25.09.2026)

УДК 343.2

СУДЕБНЫЙ ШТРАФ КАК ИНАЯ МЕРА УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА И ЕГО СООТНОШЕНИЕ СО ШТРАФОМ КАК ВИДОМ НАКАЗАНИЯ

Татьянина А. В., канд. соц. наук, доц.,
Джиджавадзе В. М., ORCID 0009-0006-5503-9561
ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог, Ростовская обл., РФ
e-mail: dzhidzhavadzev@bk.ru, a.karyagina@tmei.ru

Введение. Появление судебного штрафа в уголовном законодательстве Российской Федерации расширило перечень средств, позволяющих реагировать на совершенное преступление без назначения наказания. Особое значение для правоприменительной практики имеет вопрос о месте судебного штрафа среди существующих форм уголовно-правового воздействия. Необходимость его самостоятельного исследования обусловлена тем, что внешнее выражение рассматриваемой меры в виде денежного взыскания сближает ее со штрафом как видом наказания. Однако указанное сходство не исключает различий между ними.

Цель исследования заключается в анализе судебного штрафа в качестве иной меры уголовно-правового характера и его соотношения со штрафом как видом наказания.

В соответствии с поставленной целью исследования внимание будет сосредоточено на рассмотрении правовой природы и целевого предназначения судебного штрафа, а также установлении критериев его разграничения со штрафом, применяемым в качестве уголовного наказания.

Основная часть. С принятием Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ уголовное законодательство Российской Федерации было дополнено положениями, регулирующими освобождение от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ) [5]. Кроме того, институт судебного штрафа был включен законодателем в систему иных мер уголовно-правового характера как самостоятельный правовой механизм

реагирования на преступное поведение. Его юридическая сущность проявляется в отказе государства от привлечения лица к уголовной ответственности при условии исполнения им обязанности по перечислению денежной суммы, определенной судом. Вместе с тем применение судебного штрафа допускается только при наличии условий, предусмотренных ст. 76.2 УК РФ [6].

Целевое назначение судебного штрафа следует определять через тот правовой эффект, который законодатель стремится обеспечить посредством его применения. Закрепленный в ч. 2 ст. 7 УК РФ принцип гуманизма распространяется и на судебный штраф, вследствие чего применение данной меры исключает причинение лицу физических страданий или умаление его достоинства.

Обратим внимание, что в настоящее время в научной литературе отсутствует единый подход к определению целей судебного штрафа. Например, по мнению Н. С. Луценко, рассматриваемая мера обладает коррекционным потенциалом, позволяющим сопоставлять ее целевую направленность с положениями ст. 43 УК РФ. Речь идет о воздействии с целью коррекции поведения лица, совершившего противоправное деяние, недопущения совершения им новых преступлений, а также устранения последствий нарушения общественных отношений [3].

В работах Н. А. Егоровой представлен иной взгляд на данный вопрос, согласно которому механизм освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа не во всех случаях обеспечивает справедливое уголовно-правовое реагирование на совершенное деяние. Это связано с тем, что действующее законодательство не относит примирение с потерпевшим и раскаяние виновного к числу обязательных причин использования ст. 76.2 УК РФ [1].

Назначение судебного штрафа можно рассматривать как средство уголовно-правового воздействия, применяемое без реализации карательной функции наказания. Посредством имущественного воздействия законодатель также предотвращает повторное совершение преступления, обеспечивает дальнейшее соблюдение виновным требований УК РФ.

Сегодня штраф и судебный штраф занимают различное положение в системе уголовно-правовых мер. Так, денежное взыскание, выступающее в качестве наказания в соответствии со ст. 44 и 46 УК РФ, назначается только по итогам рассмотрения уголовного дела и вынесения обвинительного приговора. Его размер и иные параметры определяются с соблюдением общих начал назначения наказания, предусмотренных ст. 60 УК РФ [2]. В свою очередь, ст. 76.2 УК РФ предусматривает возможность освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, сущность которого раскрыта в ст. 104.4 УК РФ и который, как было отмечено ранее, является иной мерой уголовно-правового характера. Сказанное подтверждается и разъяснением Пленума Верховного Суда РФ №19, содержащим информацию о

том, что правила, установленные ст. 46 УК РФ для штрафа, не подлежат применению к судебному штрафу в силу различия их правовой природы [4].

Более того, при назначении штрафа лицо продолжает находиться в статусе осужденного. Неисполнение наказания, в свою очередь, влечет применение предусмотренного законом механизма его замены (ч. 5 ст. 46 УК РФ). Согласно ч. 2 ст. 104.4 УК РФ невыполнение обязанности по уплате судебного штрафа в установленный судом срок влечет отмену решения об освобождении от уголовной ответственности [6]. При наступлении указанных обстоятельств прекращение уголовного преследования становится невозможным, вследствие чего дело подлежит дальнейшему рассмотрению по общим правилам уголовного судопроизводства.

Размер и порядок уплаты рассматриваемых мер также имеют различия, представленные в таблице 1.

Таблица 1

Размер и срок уплаты штрафа и судебного штрафа

Критерий	Штраф как наказание	Судебный штраф
Размер	По санкции статьи; 5 тыс. – 5 млн руб. либо в размере дохода	До 1/2 максимального штрафа по статье; при его отсутствии – до 250 тыс. руб.
Срок уплаты	60 дней со дня вступления приговора в силу	Устанавливается судом

На основе вышеизложенного приходим к выводу, что освобождение лица от уголовной ответственности в предусмотренных законом случаях может сопровождаться назначением судебного штрафа, который по своей юридической природе относится к иным мерам уголовно-правового характера. Разграничение судебного штрафа и штрафа как вида уголовного наказания должно осуществляться по совокупности взаимосвязанных критериев. К основным из них относится их правовая природа, цель, основания и процедура применения, а также правовые последствия неисполнения. Различия в указанных критериях не позволяют рассматривать судебный штраф и штраф как вида уголовного наказания в качестве тождественных мер.

Список литературы

1. Егорова Н.А. Новый вид освобождения от уголовной ответственности: теоретический, законодательный и правоприменительный аспекты // Российский журнал правовых исследований. – 2017. – Т. 4. – №. 3. – С. 158-166. – EDN QHJIPJ.
2. Кленова Т. В., Лазарева В. А. Судебный штраф: проблема легитимизации по целям, основанию и порядку прекращения уголовного дела // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2024. – №. 2. – С. 170-194. – DOI 10.17323/2072-8166.2024.2.170.194. – EDN GDYVUV.
3. Луценко Н.С. Судебный штраф: сущность и цели // Право и государство: теория и практика. – 2019. – №. 6 (174). – С. 105-108. – EDN SOYASJ.
4. О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 : в ред. от 09.12.2025 // КонсультантПлюс : справочно-

правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135861/ (дата обращения: 30.09.2026).
5. Подройкина И. А., Сафонова А. М. Судебный штраф: некоторые проблемы законодательной регламентации // Теория и практика общественного развития. – 2025. – №. 5. – С. 148-153.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 4 августа 2026 г.). – Текст : электронный // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 30.09.2026).

УДК 342.2

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ПО ДЕЛАМ О ТОРГОВЛЕ ЛЮДЬМИ: АНАЛИЗ ОШИБОК И ТЕНДЕНЦИЙ

Татьянина А. В., канд. соц. наук, доц.,
Сафонова Я. Д.
ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог, Ростовская обл., РФ
e-mail: dmitrievna.y44@gmail.com, a.karyagina@tmei.ru

Введение. Проблема траффикинга (торговли людьми) по-прежнему классифицируется как одно из наиболее опасных и трудновыявляемых правонарушений, посягающих на права и свободы человека. По экспертным оценкам Международной организации труда, в условиях подневольного труда во всем мире вынуждены находиться порядка 50 млн человек, из которых около 2 млн случаев, предположительно, приходятся на Российскую Федерацию. Несмотря на то что ст. 127.1 УК РФ была имплементирована в российское законодательство еще в 2003 году, судебная практика демонстрирует парадоксальную картину: количество выносимых обвинительных приговоров остается крайне низким, а методология правовой квалификации данных деяний – нестабильной. Данная работа посвящена выявлению типичных ошибок, допускаемых судами при рассмотрении таких дел, а также исследованию векторов развития судебной практики в течение последних пяти лет.

Основная часть. Согласно актуальным данным Судебного департамента при ВС РФ, наблюдается отчетливая тенденция к снижению числа лиц, привлеченных к уголовной ответственности за торговлю людьми. Статистика последних лет показывает невысокие показатели: 16 человек в 2021 году, 11 – в 2022-м, 17 – в 2023-м и 12 человек в 2024 году. Если провести ретроспективный анализ (например, сравнить с 2015 годом, когда было осуждено 38 человек, или 2016-м – 24), становится очевидным устойчивый тренд на сокращение репрессивной практики по данному составу преступления [3].

Отдельного внимания заслуживает характер назначаемых наказаний. Анализ за 2021–2024 годы подтверждает, что суды придерживаются либерального подхода: доля реального лишения свободы остается незначительной, уступая место условным срокам или иным мерам наказания. Параллельно с этим фиксируется и общее снижение выявляемости таких преступлений: в странах СНГ в 2023 году было зарегистрировано 133 подобных факта, что на 11,9% меньше показателей предыдущего года.

Нормативную базу борьбы с торговлей людьми образует совокупность национальных и международных правовых актов: нормы УК РФ, закрепленные в ст. 127.1; Постановление Пленума ВС РФ № 58 от 24.12.2019 (в актуальной редакции от 09.12.2025), регламентирующее вопросы квалификации преступлений против личной свободы; Совместное указание Генпрокуратуры РФ и МВД РФ № 503/11/1 от 28.07.2025, устанавливающее порядок формирования статистического учета; Положения Палермского протокола 2000 года, ратифицированные Россией[4].

Одной из фундаментальных проблем остается разграничение торговли людьми со смежными составами. Научное сообщество указывает на отсутствие унифицированного подхода к отграничению ст. 127.1 УК РФ от преступлений, связанных с организацией проституции (ст. 241 УК РФ). В судах нередко происходит переквалификация деяний в процессе слушаний, что обусловлено схожестью квалифицирующих признаков, в частности, при совершении преступлений в отношении несовершеннолетних.

Также возникают трудности при квалификации деяний в ситуациях, граничащих с похищением человека или незаконным лишением свободы. Объективная сторона торговли людьми включает такие действия, как вербовка, перевозка, передача или укрывательство, которые могут внешне дублировать способы совершения похищения. Ключевым разграничительным признаком должна выступать цель эксплуатации, однако доказывание данного субъективного элемента сопряжено с серьезными процессуальными сложностями. Кроме того, требует внимания вопрос трактовки оконченного состава преступления. Согласно разъяснениям, содержащимся в Постановлении Пленума ВС РФ № 58, деяние признается завершенным в момент совершения хотя бы одного из альтернативных действий, прописанных в диспозиции нормы. При этом фактическая эксплуатация потерпевшего не является обязательным условием для квалификации преступления как оконченного.

Тем не менее, в реальных судебных процессах часто наблюдается правовой перекос: судьи нередко настаивают на необходимости подтверждения факта состоявшейся эксплуатации потерпевшего. Подобная позиция идет вразрез с официальными рекомендациями Пленума ВС РФ, что зачастую становится причиной вынесения необоснованных оправдательных вердиктов.

Анализ позволяет выделить три доминирующие тенденции:

1. Смягчение карательной политики. Как было показано ранее, суды крайне редко назначают реальное лишение свободы по ст. 127.1 УК РФ.

Вероятно, это вызвано как доказательственными барьерами, так и отсутствием консенсуса относительно степени общественной опасности подобных деяний.

2. Узость предметной области. В поле зрения правосудия попадают преимущественно дела, связанные с принуждением к труду или сексуальной эксплуатации. Случаи, касающиеся принудительного заключения браков или изъятия биологических органов, в российской судебной практике практически не представлены.

3. Адаптация международных принципов. Важным этапом стало принятие ЕСПЧ решения по делу «F.M. и другие против России» (2024). В данном акте было зафиксировано нарушение ст. 4 Конвенции о защите прав человека, выразившееся в неспособности государства обеспечить реализацию позитивных обязательств по превенции траффикинга и обеспечению должной защиты пострадавших [2].

Прецедент по делу «F.M. и другие против России» задает важный вектор для развития отечественного права. Суд подчеркнул, что ст. 4 Конвенции налагает на государство комплекс обязательств: от пресечения преступной деятельности до эффективного расследования и реабилитации жертв. Ожидается, что данная правовая позиция в среднесрочной перспективе трансформирует подходы российских судов к оценке доказательственной базы и квалификации преступных деяний.

Параллельно с этим, нормы Палермского протокола (2000 г.), обязательные для исполнения РФ, формируют глобальные стандарты трактовки торговли людьми. В частности, Протокол императивно требует игнорировать согласие потерпевшего на эксплуатацию, если в отношении него применялись манипуляции, обман, принуждение или иные формы злоупотребления властным положением. На текущий момент данный принцип недостаточно активно интегрирован в российскую следственно-судебную деятельность.

Итоговый анализ свидетельствует о системных проблемах: количество обвинительных актов по делам о торговле людьми демонстрирует стабильное снижение, а назначаемые меры наказания носят преимущественно мягкий характер. Типичные правовые ошибки проистекают из сложности разграничения ст. 127.1 УК РФ со смежными составами (в частности, похищением человека или вовлечением в проституцию), а также из неверной интерпретации момента завершения преступления. Для исправления сложившейся ситуации требуется не только дальнейшая детализация разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, но и системная имплементация международных правовых стандартов, включая практику ЕСПЧ, в национальное судопроизводство.

Список литературы

1. Бекмагамбетов А.Б. Структурные элементы политики противодействия преступности, связанной с торговлей людьми // Юридический центр. – 2021. – С. 168. – ISBN 978-5-94-201762-0, 978-5-94201-762-0.

2. Особенности предотвращения и расследования преступлений, связанных с торговлей людьми : учебное пособие / Американская ассоциация юристов. – Москва : Американская ассоциация юристов, 2023. – 304 с. – ISBN 978-1-61632-060-7.
3. Староверов А.В. Уголовная ответственность за торговлю людьми. Актуальные вопросы судебной практики // ЮНИТИ-ДАНА. – 2021. – С. 175. – ISBN 978-5-238-03400-3.
4. Тюрюканова Е. В. Торговля людьми в Российской Федерации: обзор и анализ текущей ситуации по проблеме / под общ. ред. Е. В. Тюрюкановой, Л. Д. Ерохиной. – Москва : Academia, 2024. – 224 с. – ISBN 978-5-87444-159-3.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 4 августа 2026 г.). – Текст : электронный // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 30.09.2026).

УДК 343.72:004.056

СПОСОБЫ ПРОТИВОПРАВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА КОМПЬЮТЕРНУЮ ИНФОРМАЦИЮ: КОЛЛИЗИИ В КВАЛИФИКАЦИИ СТ. 159.6 И СТ. 272 УК РФ

Ушакова К. С.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: k.yshakova@mail.ru

Введение. С момента создания Российской Федерации, активно начали развиваться компьютерные технологии, помогающие государству и обществу в реализации целей, например, создание баз данных, реестров, информационно-аналитических систем – перечисленные объекты наделены техническими свойствами по созданию, изменению или удалению информации.

Компьютер как технология – совокупность вычислительных технологий, обеспечивающий целостность функционирования определенных операционных систем. История компьютерных технологий (как отдельных компонентов) берет свое начало с 1960 года, а официальная компания MITS была создана в 1968 году ЭД Робертсом. Первый персональный компьютер, имевший название «Altair» и имевший возможность ввода и вывода информации (1974 г).

Основная проблема распространения мошенничества в сфере компьютерной информации заключается в широком распространении компьютеров как источников хранения информации (практически у каждого гражданина и организации, учреждения) и установление связи между ними через информационно-телекоммуникационную связь «Интернет». Другой немаловажной проблемой является получение доступа к компьютерной информации физических и юридических лиц Российской Федерации, из других недружественных государств преследуя цели обогатится и нанести ущерб экономическим интересам.

Наличие данных технологий при развитии современных государств, а также коммерческой деятельности позволяют преступникам получать незаконный доступ к информации и осуществлять в отношении нее три действия: создавать, изменять, удалять.

По статистике за 2024 год по ст.ст. 159-159.6 УК РФ [1] на территории Российской Федерации было совершено 445 690 преступлений. Данная количественная статистическая информация позволяет утверждать, что компьютерная информационная среда является актуальной для преступников, осуществляющих мошеннические действия с целью получения определенной выгоды.

Основная часть. Современная стратегия законодателей Российской Федерации по криминализации сосредоточена на выработке правовых механизмов (криминализации) квалификации мошенников, совершающих преступления в сфере компьютерной информации. Так, в 29 ноября 2012 г. был принят Федеральный закон N 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2], дополняющий Уголовный кодекс Российской Федерации статьей 159.6.

В ч.1 указанной статьи определено официальное понятие «мошенничество в сфере компьютерной информации», под которым законодатель понимает следующее «…Мошенничество в сфере компьютерной информации, то есть хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей …».

Часть 1 статьи 159.6 содержит как традиционные отдельные правовые категории, свойственные общему понятию «мошенничество», установленному в ст.159 УК РФ, а именно «Мошенничество, то есть хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество …», так и определены новые способы совершения преступления, к таковым относятся: ввод, удаление, модификация компьютерной информации.

Сходная аналогия, как общественно опасное деяние, а не способ совершения преступления содержится в ч.1 ст.272 УК РФ, к которым отнесены следующие: уничтожение, блокирование, модификация или копирование компьютерной информации.

В обоих случаях способы направлены на информацию, расположенную в компьютерных и других вычислительных системах, однако, способы частично отличаются, за исключением модификацией компьютерной информации.

При этом на сегодняшний день существует Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 N 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием

электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» [3] (далее – ППВС N 37) в преамбуле, которого сформулирована следующая цель – применение законодательства за преступления в сфере компьютерной информации, предусмотренные статьями 272, 273, 274, 274.1 УК РФ, а также за иные преступления, совершенные с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет».

Из приведенного следует отметить, что в преамбуле четко отграничен способ совершения преступления – использование информационно-коммуникационных сетей, что четко соответствует способу, изложенному в ч.1 ст.159.6, но сама статья, связанная со сферой компьютерной информации в перечень наряду с 272, 273, 274, 274.1 УК РФ, не включена.

Анализ нормативного содержания п.16 ППВС N 37, показал, что ст.159.6 относится к компьютерным системам в пределах дополнительной квалификации по указанным в преамбуле статьям.

Заключение. Таким образом, ППВС N 37, а также как и другие нормативные правовые акты, регулирующие в пределах уголовного права вопросы квалификации преступлений, связанных со сферой компьютерной информации, четко не дают разъяснений, что следует понимать под следующими понятиями: ввод и удаление.

А также остается вопрос о правильности толкования таких способов совершения преступления, предусмотренного ст.159.6 как блокирование, модификация, применяя п.4 ППВС № 159.6, что указывает на необходимость нормативно-правового совершенствования содержания способов совершения преступления, предусмотренного ст.159.6 УК РФ.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954. [Электронный ресурс]. – URL: https://sudact.ru/law/uk-rf/ (дата обращения: 06.09.2026).
2. Федеральный закон от 29.11.2012 № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 49. – Ст. 6752. [Электронный ресурс]. – URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=281350 (дата обращения: 06.09.2026).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть "Интернет"» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2023. – № 2. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_434573/ (дата обращения: 06.09.2026).

УДК 343.985

ОСМОТР ИНТЕРНЕТ-СТРАНИЦ КАК СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЙСТВИЕ: ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ПРИРОДА И ПРОБЛЕМЫ ФИКСАЦИИ

Ушакова К. С., Васильева Л. А.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: k.yshakova@mail.ru, lyubov.vas.1005@mail.ru

Введение. Активное внедрение информационно-телекоммуникационных технологий в уголовно-процессуальную деятельность обусловило активное использование интернет-страниц как источника информации, имеющей доказательственное значение. Вместе с тем динамическая природа сетевого контента, допускающего оперативное изменение, дополнение или удаление, существенно осложняет его процессуальное закрепление и последующую проверку достоверности полученных данных. Действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) [1] не содержит специальных норм, определяющих процессуальный статус интернет-страницы, порядок ее осмотра и особенности фиксации обнаруженной информации. Отсутствие специальной регламентации детерминирует нормативную неопределенность относительно процессуальной формы данного действия и способов обеспечения достоверности его результатов. В связи с этим актуализируется необходимость определения правовой природы осмотра интернет-страницы и обоснования специальной процессуальной регламентации его производства.

Цель исследования заключается в определении процессуальной природы осмотра интернет-страницы, выявлении проблем правового регулирования и фиксации размещенной на ней информации, а также разработке предложений по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства.

Основная часть. Статьи 176–177 УПК РФ закрепляют общие основания и порядок осмотра места происшествия, местности, жилища, иного помещения, предметов и документов, не выделяя информацию, размещенную в сети «Интернет», в самостоятельный объект. Специфика такого объекта состоит в том, что его визуальное представление формируется программно-техническими средствами, тогда как исходные данные могут находиться на удаленных и территориально распределенных ресурсах. Как отмечает В. С. Черкасов, восприятие электронной информации носит опосредованный характер, а сама она может сохраняться на различных физических носителях, в том числе находящихся в разных пространственных промежутках [2, с. 182–183]. Поэтому интернет-страницу целесообразно рассматривать не как новый материальный объект осмотра, а как форму отображения информации. Отсюда осмотр общедоступной интернет-информации представляет собой специальную разновидность следственного осмотра, выделяемую по

особенностям объекта и фиксации, но осуществляемую в рамках главы 24 УПК РФ.

Современная судебная практика фактически восполняет отсутствие специальной нормы посредством применения общей процедуры осмотра. Так, определением судебной коллегии по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 26 мая 2026 г. по делу № 7У-2662/2026 [77-1516/2026] протокол осмотра страницы социальной сети «ВКонтакте» был оценен с точки зрения соблюдения требований ст. 164, 166, 176 и 177 УПК РФ [3]. Суд признал протокол составленным уполномоченным лицом и соответствующим требованиям уголовно-процессуального закона. Данный подход подтверждает возможность исследования интернет-информации в рамках действующей процедуры, однако одновременно показывает, что ее допустимость обеспечивается посредством применения общих норм, не учитывающих специфику цифрового объекта.

Особую проблему составляет фиксация результатов осмотра. Скриншот отражает состояние страницы в конкретный момент, но не воспроизводит последовательность доступа к информации, условия ее получения и программно-техническую среду исследования. Показательно, что в апелляционном определении судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 7 апреля 2025 г. по делу № 10-4591/2025 суд учитывал наличие в протоколах сведений о времени, месте и условиях осмотра, примененных технических средствах, последовательности действий следователя и фотоматериалах [4]. Тем самым практика ориентируется на комплексность фиксации, однако единый минимальный стандарт ее содержания законом не установлен.

Часть 5 ст. 166 УПК РФ уже предусматривает отражение в протоколе технических средств, условий и порядка их применения, объектов и полученных результатов. Для интернет-информации этого недостаточно, поскольку специальные требования к идентификации ресурса и воспроизводимости его содержания отсутствуют.

В научной литературе Н. И. Герасименко и Е.В. Герасименко обосновывают необходимость отражения в протоколе осмотра интернет-ресурса сведений о технических и программных средствах, способе доступа к сети и маршруте перехода к исследуемой странице [5]. С учетом этого в протоколе целесообразно указывать полный URL-адрес, дату и точное время начала и окончания осмотра, используемые устройство, операционную систему и программное обеспечение, способ подключения к сети, последовательность переходов и способ сохранения результата. При наличии технической возможности следует фиксировать также контрольное значение хеш-функции сохраненной копии.

Для устранения выявленного пробела предлагается дополнить часть 1 статьи 176 УПК РФ после слов «предметов и документов» словами: «, а также

информации, размещенной в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и находящейся в открытом доступе».

Одновременно главу 24 УПК РФ целесообразно дополнить статьей 177.1 «Осмотр информации, размещенной в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». В ее части первой следует определить пределы применения нормы: осмотру подлежит только информация, доступная без авторизации, введения учетных данных, обхода технических ограничений и иного преодоления установленного режима доступа. Это позволит разграничить осмотр открытого сетевого контента и получение сведений из закрытых учетных записей, электронной переписки и иных объектов, в отношении которых действуют специальные процессуальные гарантии.

В части второй предлагаемой статьи следует закрепить указанные реквизиты протокола. Часть третью целесообразно посвятить обязательной непрерывной видеофиксации хода осмотра; при технической невозможности ее проведения соответствующая причина должна отражаться в протоколе. Фотографирование и скриншоты следует сохранить как дополнительные средства фиксации, поскольку они позволяют детализировать отдельные элементы содержимого, но не воспроизводят весь ход процессуального действия.

Часть четвертая должна предусматривать приобщение к протоколу сохраненных электронных материалов в исходной форме либо в форме, обеспечивающей их воспроизведение, с указанием способа получения, формата и индивидуализирующих характеристик. ГОСТ Р ИСО/МЭК 27037-2014 [6], устанавливающий рекомендации по идентификации, сбору, получению и сохранению цифровых свидетельств, может быть использован при формировании технических требований к такому сохранению.

Часть пятую предлагаемой статьи целесообразно связать с участием специалиста: при сохранении, копировании или иных технически сложных операциях, требующих специальных знаний, его участие должно быть обязательным; при простом визуальном осмотре общедоступной страницы вопрос о привлечении специалиста может решаться следователем. При этом специалист обеспечивает техническую сторону получения и сохранения цифрового материала, не подменяя следователя при оценке его относимости, допустимости и достоверности.

Заключение. Таким образом, осмотр интернет-страницы следует рассматривать как специализированную разновидность следственного осмотра, объектом которой выступает общедоступная информация, размещенная в сети «Интернет». Основной пробел действующего регулирования заключается не в отсутствии возможности такого осмотра, а в отсутствии единых требований к пределам доступа, реквизитам фиксации и сохранению цифрового результата. Для его устранения предлагается дополнить часть 1 статьи 176 УПК РФ указанием на общедоступную интернет-информацию и ввести статью 177.1, закрепляющую специальный порядок ее осмотра, комплексную фиксацию и требования к сохранению полученных материалов.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 20.09.2026).
2. Черкасов В. С. Правовое регулирование применения электронных средств в доказывании на досудебных стадиях уголовного процесса: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09. Хабаровск, 2022. 210 с.
3. Определение судебной коллегии по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 26.05.2026 по делу № 7У-2662/2026 [77-1516/2026] // ГАРАНТ. URL: https://base.garant.ru/470892745/ (дата обращения: 20.09.2026).
4. Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 07.04.2025 по делу № 10-4591/2025 // ГАРАНТ. URL: https://base.garant.ru/346091053/ (дата обращения: 20.09.2026).
5. Герасименко Н. И., Герасименко Е. В. Содержание протокола осмотра интернет-ресурса // Закон и право. 2020. № 6. С. 165–166. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhanie-protokola-osmotra-internet-resursa (дата обращения: 20.09.2026).
6. ГОСТ Р ИСО/МЭК 27037-2014. Информационная технология. Методы и средства обеспечения безопасности. Руководства по идентификации, сбору, получению и хранению свидетельств, представленных в цифровой форме. URL: https://protect.gost.ru/gost/details/5a75f0ab-0085-487a-aa1e-76712395d3dd (дата обращения: 20.09.2026).

УДК 343.14

ЦИФРОВЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Ушакова К. С., Писакина Д. М.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: k.yshakova@mail.ru, pisakina.dana@gmail.com

Введение. Институт доказательств занимает центральное место в системе уголовно-процессуального права, поскольку именно через доказательства устанавливаются все обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела. В соответствии с частью 1 статьи 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) доказательствами являются любые сведения, на основе которых устанавливаются наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию и имеющих значение для уголовного дела [1]. От того, насколько полно и объективно собраны, проверены и оценены доказательства, зависит законность и обоснованность любого процессуального решения на любой стадии уголовного процесса.

Цифровая трансформация, охватившая все сферы общественной жизни, не могла не затронуть уголовное судопроизводство. Рост числа преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, привел к широкому использованию в процессе доказывания сведений, содержащихся на электронных носителях и размещенных в сети «Интернет». Это способствует формированию института цифровых (электронных) доказательств и одновременно вызывает ряд теоретических и практических трудностей. Тогда как недостатки правовой регламентации снижают качество расследования и эффективность работы с электронными доказательствами. [2, с. 111].

Отдельные аспекты данной проблематики рассматривались в работах А. Р. Шариповой, А. И. Зазулина, В. Б. Вехова, А. В. Черецких и других ученых. Вместе с тем, единого подхода к определению правовой природы цифровых доказательств, их классификации и процессуальному порядку использования в судопроизводстве до настоящего времени не выработано.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ теоретических и правоприменительных проблем, связанных с использованием цифровых доказательств в уголовном процессе, а также выработка предложений по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства в данной сфере.

Основная часть. Прежде всего необходимо отметить, что в науке уголовно-процессуального права до сих пор не сложилось единого мнения относительно понятия «цифровые (электронные) доказательства». В научной литературе и правоприменительной практике можно встретить различные термины: «электронные доказательства», «цифровые доказательства», «компьютерная информация», «доказательства, полученные с использованием информационно-телекоммуникационных сетей». Это явно подтверждает вывод о том, что «ни в основных, ни в субсидиарных источниках нет легального определения цифрового или электронного доказательства, как не сложилось единого подхода к их определению и разграничению в процессуальной доктрине» [3, с. 39].

Так, А. И. Зазулин рассматривает цифровую информацию как сведения, закодированные в двоичной системе счисления и содержащиеся на специальных материальных носителях [4, с. 70]. А. В. Черецких определяет ее как данные в цифровом формате, пригодные для распознавания, обработки или хранения компьютерными системами [2, с. 111]. В свою очередь, В. Б. Вехов понимает под электронными доказательствами любые сведения, представленные в электронной форме, на основе которых могут быть установлены обстоятельства, имеющие значение для правильного рассмотрения дела [5, с. 46].

Нам представляется, что понятие «цифровые доказательства» является более точным, поскольку отражает способ кодирования информации в двоичной системе счисления, что соответствует современному уровню

развития технологий. Термин же «электронные доказательства», будучи более широким, охватывает любые сведения, существующие в электронной форме, включая и аналоговые по способу записи, но воспроизводимые электронными средствами.

Непосредственно УПК РФ термин «цифровое доказательство» не использует и в ч. 2 ст. 74 закрепляет традиционную систему доказательств: показания, заключения эксперта и специалиста, вещественные доказательства, протоколы следственных и судебных действий и иные документы. Цифровая информация в действующей модели не образует самостоятельного вида доказательства: ее доказательственное значение зависит от процессуальной формы получения и закрепления. Это связано с тем, что особенность цифровых доказательств заключается в единстве двух элементов: материального носителя и содержащихся на нем сведений.

Как верно отмечает А. Е. Федулова, для применения цифровых доказательств в уголовном судопроизводстве им необходимо придать процессуальную форму, которой является электронный носитель информации, признаваемый согласно п. 5 ч. 2 ст. 82 УПК РФ доказательством по уголовному делу [6, с. 93]. Данное обстоятельство порождает дискуссии о месте цифровых доказательств в системе источников доказательств, установленной ч. 2 ст. 74 УПК РФ: одни авторы предлагают относить их к иным документам, другие – к вещественным доказательствам, третьи – выделять в самостоятельный вид.

Неопределенность понятийного аппарата порождает проблемы правоприменения, в том числе и различную оценку судами цифровых доказательств. Наиболее распространенными основаниями признания их недопустимыми являются нарушения порядка изъятия электронных носителей, копирование информации без обеспечения неизменности данных и отсутствие в протоколе сведений об использованных программных средствах. С учетом изложенного представляется обоснованной позиция авторов, предлагающих дополнить ч. 2 ст. 74 УПК РФ указанием на новый вид доказательств – цифровые (электронные) доказательства. Однако данное предложение остается дискуссионным, поскольку для его реализации необходима разработка не только дефиниции, но и процессуального порядка собирания, проверки и оценки.

Проблема собирания цифровых доказательств является не менее значимой. В соответствии с ч. 1 ст. 164.1 УПК РФ, при производстве следственных действий по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности, не допускается необоснованное изъятие электронных носителей информации. Однако данная норма не регламентирует порядок действий следователя, если имеющая значение для уголовного дела информация не может быть изъята, например, размещена в сети «Интернет». В таких случаях используется фиксация посредством скриншотов (изображений, сделанных устройством и отражающим то, что видит пользователь в данный момент). Вместе с тем, как отмечает А. Р. Шарипова, цифровую информацию нельзя сводить лишь к

отображаемому на экране содержанию [7, с. 78]. Скриншот отражает лишь внешнее содержание, но не позволяет установить подлинность информации, автора и иные важные для доказывания обстоятельства.

В связи с этим возникает необходимость в разработке специальных процессуальных правил фиксации цифровой информации, размещенной в сети «Интернет», с участием специалиста, обладающего необходимыми техническими знаниями. Так, при осмотре интернет-страниц необходимо фиксировать не только ее внешнее содержание, но и технические параметры: URL-адрес, время доступа, сведения о программном обеспечении, использованном для просмотра. Целесообразно также применять хеширование – цифровой способ фиксации содержания файлов для контроля факта внесения последующих изменений, что вполне доступно для самостоятельного применения и оценки любыми участниками судопроизводства [7, с. 86].

Отдельной проблемой является аутентификация цифровых доказательств, то есть установление их подлинности и принадлежности конкретному лицу.

Кроме того, еще одной связанной с этой проблемой является вопрос допустимости цифровых доказательств, который формально должен решаться через общие требования ст. 75, 88 УПК РФ. В соответствии с ч. 1 ст. 88 УПК РФ каждое доказательство оценивается с точки зрения относимости, допустимости и достоверности, а их совокупность – достаточности для разрешения уголовного дела. Применительно к цифровой информации это означает необходимость проверить законность источника и способа получения, соблюдение процессуальной формы, сохранность первоначальных данных, возможность воспроизведения и проверки способа их формирования, а также связь информации с обстоятельствами дела.

При этом, если цифровое доказательство получено в ходе оперативно-розыскного мероприятия, то оно должно быть введено в уголовный процесс еще и в порядке, установленном ст. 89 УПК РФ, поскольку результаты оперативно-розыскной деятельности также не приобретают доказательственного значения автоматически. Вследствие этого, при оценке цифровых доказательств возникает еще больше вопросов.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что использование цифровых доказательств в уголовном судопроизводстве опережает уровень их законодательного обеспечения, поскольку их правовой режим остается фрагментарным, что порождает как теоретические, так и правоприменительные сложности.

В соответствии с этим, очевидно, что нормативное регулирование видов доказательств в уголовном процессе требует корректировки.

Заключение. Таким образом, по нашему мнению, выявленные проблемы свидетельствуют о необходимости совершенствования как законодательной регламентации цифровых (электронных) доказательств, так и практики их применения.

В целях устранения существующих пробелов представляется целесообразным дополнить ч. 2 ст. 74 УПК РФ указанием на новый вид доказательств – цифровые (электронные) доказательства, а также закрепить их определение в ст. 5 УПК РФ, понимая под ними сведения, представленные в электронно-цифровой форме, зафиксированные на материальном носителе или в информационно-телекоммуникационных сетях, доступные для восприятия и проверки с использованием специальных технических средств.

Более того, совершенствование УПК РФ должно быть направлено прежде всего на установление понятных процедур получения, сохранения и проверки цифровых данных при сохранении общих принципов допустимости, достоверности и судебной оценки доказательств.

С этой целью требуется установить минимальные требования к фиксации интернет-данных и иных изменяемых цифровых объектов, закрепить правила документирования примененных технических средств и сохранения исходных данных, а также предусмотреть единые подходы к аутентификации и проверке целостности цифровой информации.

Ко всему прочему, не менее значимым представляется в развитие ст. 164 и 164.1 УПК РФ детализировать порядок участия специалиста и фиксации результатов технических операций с обязательным применением технических средств, обеспечивающих неизменность данных.

С учетом изложенного, становится очевидным, что совершенствование регулирования цифровых доказательств является объективной необходимостью. Предложенные изменения позволят повысить эффективность уголовно-процессуального доказывания, и обеспечить надлежащую защиту прав участников уголовного процесса.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Закон РФ от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 24.12.2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.
2. Черецких, А.В. Цифровые (электронные) доказательства в уголовном судопроизводстве // Правопорядок: история, теория, практика. – 2023. – № 4 (39). – С. 110–117. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-elektronnye-dokazatelstva-v-ugolovnom-sudoproizvodstve?ysclid=mta2jg9h7z51802518 (дата обращения: 20.09.2026).
3. Полицан, Д.А. Цифровое и электронное доказательство – pro et contra: проблемы терминологии // Российский судья. – 2022. – № 7. – С. 38 – 44. – URL: https://legislationrf.ru/info4/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=143849&cacheid=4BB513717386A319531A16AAF0756002&mode=splus&rnd=UwQWKWVIXOFZHYS5#EbTWKWVIJPBO3No51 (дата обращения: 15.09.2026).
4. Зазулин, А.И. Использование цифровой информации в доказывании по уголовным делам: монография. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 168 с.
5. Вехов, В.Б. Электронные доказательства: проблемы теории и практики // Правопорядок: история, теория, практика. – 2016. – №4 (11). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnye-dokazatelstva-problemy-teorii-i-praktiki (дата обращения: 16.09.2026).

6. Федулова, А.Е. Электронные носители информации в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2022. – № 2 (60). – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=48688246&ysclid=muhkhkj27b389309376 (дата обращения: 20.09.2026).
7. Шарипова, А.Р. Новые источники уголовно-процессуальных и иных судебных доказательств в цифровой реальности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2023. – Т. 14. – Вып. 1. – С. 73–89. – URL: https://doi.org/10.21638/spbu14.2023.105 (дата обращения: 16.09.2026).

УДК 347.963

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ЭКСПЕРТИЗА НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ И ИХ ПРОЕКТОВ КАК СРЕДСТВО ПРОКУРОРСКОГО РЕАГИРОВАНИЯ

Франципоров А. Ю., канд. юрид. наук,
Загороднев Н. С., ORCID 0009-0002-1780-1026,
Ламков А. В., ORCID 0009-0000-3672-5132
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», г. Саратов, РФ
e-mail: nikitazagorodnev@yandex.ru, andrey.lamkov@gmail.com, franciforov80@mail.ru

Введение. Антикоррупционная экспертиза позволяет выявлять недостатки нормативного регулирования, создающие условия для необоснованного усмотрения должностных лиц. Такой риск может быть связан с неопределенностью полномочий, отсутствием процедур, коллизиями, оценочными понятиями или чрезмерно широкими пределами усмотрения. Поэтому устранение коррупциогенных положений имеет профилактическое значение еще до возникновения конкретного правонарушения.

Основная часть. Правовые основы экспертизы закреплены Федеральным законом от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ. Он определяет коррупциогенные факторы и устанавливает принципы обоснованности, объективности и проверяемости результатов, компетентности лиц, проводящих экспертизу, а также оценки нормативного правового акта во взаимосвязи с другими актами [1]. Прокуратура занимает среди субъектов экспертизы особое место: при выявлении коррупциогенных факторов прокурор вправе внести требование об изменении нормативного правового акта либо обратиться в суд [2]. При этом сама экспертиза является не актом реагирования, а исследованием, результаты которого создают основание для применения прокурором предусмотренных законом средств.

Методической основой работы является Постановление Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96 [3]. Утвержденная им Методика предусматривает выявление широты дискреционных полномочий, определения

компетенции по формуле «вправе», отсутствия или неполноты административных процедур, нормативных коллизий, юридико-лингвистической неопределенности и других факторов. Приказ Генерального прокурора РФ от 10 октября 2022 г. № 581 предписывает проводить экспертизу на постоянной основе в пределах компетенции в отношении актов, принятых поднадзорными органами и должностными лицами [4].

При обнаружении коррупциогенного фактора прокурор вносит требование, в котором должны быть указаны конкретный фактор и способ его устранения [1]. Пункт 2.24 Приказа № 581 допускает внесение изменений в акт, отмену акта или отдельных норм либо принятие иного нормативного правового акта [4]. Требование следует отличать от протеста: протест обусловлен противоречием правового акта закону, тогда как требование связано с коррупциогенным фактором, который не всегда означает прямую незаконность нормы.

Спорным остается вопрос об обязательности требования. Пункт 1 ст. 6 Закона о прокуратуре предусматривает безусловное исполнение требований прокурора, вытекающих в том числе из ст. 9.1 [2]. Одновременно специальные нормы закрепляют обязательность рассмотрения требования и возможность судебного разрешения разногласий [1; 2]. С.В. Праскова приходит к выводу, что требование обязательно для рассмотрения, но само по себе не создает безусловной обязанности изменить нормативный правовой акт [5, с. 383-386]. На наш взгляд, ст. 9.1 Закона о прокуратуре следует дополнить прямым указанием: адресат обязан рассмотреть требование, дать мотивированный ответ и сообщить о принятых мерах, а при несогласии окончательное решение должно приниматься судом. Такой подход соответствует п. 2.25 Приказа № 581, предусматривающему обращение прокурора в суд при отклонении требования [4].

Отдельная проблема касается проектов нормативных правовых актов. Часть 1 ст. 3 Федерального закона № 172-ФЗ относит к объектам прокурорской экспертизы и акты, и их проекты [1], однако ст. 9.1 Закона о прокуратуре и порядок внесения требования ориентированы прежде всего на уже принятые акты [2; 4]. Распространять требование об изменении нормативного правового акта на проект нецелесообразно. На стадии проекта прокурор должен направлять мотивированные замечания или заключение с предложением устранить выявленный фактор, а при его сохранении после принятия акта использовать требование. Это позволит разграничить участие прокуратуры в правотворчестве и последующее прокурорское реагирование.

Проблемы существуют и в организации самой экспертизы. А.Н. Митин, А.В. Рассохин и О.В. Соболев отмечают отсутствие единых требований к компетенции работников прокуратуры, утвержденной формы требования и детального порядка проведения антикоррупционной экспертизы [6, с. 70-77]. Приказ № 581 определяет основные полномочия, но не закрепляет единую последовательность экспертного исследования, что способно порождать различия в практике отдельных прокуратур.

А.М. Григорьев, А.В. Рассохин и О.В. Соболев предлагают оформлять результаты исследования специальным заключением, которое становится основанием для подготовки требования [7, с. 92-95]. Данная идея может быть реализована в виде внутреннего заключения, остающегося в материалах прокуратуры. В нем следует фиксировать исследованную норму, вид коррупциогенного фактора по Методике, аргументацию вывода и способ его устранения. Внешним актом реагирования при этом остается требование, предусмотренное законом.

Целесообразно также утвердить типовую форму требования как приложение к Приказу № 581 и систематически включать вопросы антикоррупционной экспертизы в программы повышения квалификации прокурорских работников. Единая структура требования позволит унифицировать практику, а специальная подготовка необходима для исследования актов в бюджетной, налоговой, земельной, градостроительной и иных сферах, где одного знания Методики недостаточно.

Заключение. Таким образом, основные проблемы прокурорской антикоррупционной экспертизы связаны не с недостатком полномочий, а с порядком их реализации. Для повышения эффективности необходимо разграничить работу с действующими нормативными правовыми актами и их проектами, определить юридические последствия требования, закрепить единый алгоритм проведения экспертизы и унифицировать оформление ее результатов. Это позволит сохранить профилактическую направленность экспертизы и повысить обоснованность прокурорского реагирования.

Список литературы

1. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов : Федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 29. – Ст. 3609.
2. О прокуратуре Российской Федерации : Закон РФ от 17.01.1992 № 2202-I // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. – 1992. – № 8. – Ст. 366.
3. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов : Постановление Правительства РФ от 26.02.2010 № 96 // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 10. – Ст. 1084.
4. Об осуществлении прокурорского надзора и реализации прокурорами иных полномочий в сфере противодействия коррупции : Приказ Генерального прокурора РФ от 10.10.2022 № 581 // Законность. – 2022. – № 11.
5. Праскова, С. В. Требование прокурора об изменении нормативного правового акта: существующая практика и перспективы использования / С. В. Праскова // Академический юридический журнал. – 2022. – Т. 23, № 4. – С. 378-388. – DOI 10.17150/1819-0928.2022.23(4).378-388.
6. Митин, А. Н. О правовом механизме реализации органами прокуратуры полномочий в сфере противодействия коррупции / А. Н. Митин, А. В. Рассохин, О. В. Соболев // Российское право: образование, практика, наука. – 2024. – № 2. – С. 70-77.
7. Григорьев, А. М. О юридическом механизме реализации полномочий прокурора при выявлении коррупциогенных факторов / А. М. Григорьев, А. В. Рассохин, О. В. Соболев // Вестник Гуманитарного университета. – 2025. – Т. 13, № 4. – С. 87-96.

УДК 343.985

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ПОТЕРПЕВШЕГО И СВИДЕТЕЛЯ

Хань Г. А., канд. юрид. наук, ORCID 0009-0007-9829-0876,
Перепелица Д. Я., ORCID 0009-0001-7577-0259
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: g.khan.donnu.jur@mail.ru, perepelitsadiana071004@gmail.com

Введение. Факт совершения преступления непременно затрагивает нескольких лиц, среди которых, как правило, присутствуют не только сами преступные элементы, но и пострадавшие от их посягательств, а также свидетели, наблюдавшие произошедшее неправомерное деяние. Факт вынужденного столкновения данных лиц с событием преступления достаточно часто оставляет сильный отпечаток на их психике, особенно если говорить о тяжких или особо тяжких преступлениях, а также преступлениях против жизни и здоровья человека. В связи с этим при допросе указанных лиц необходимо особенно тщательно учитывать особенности их психики, которая может быть травмирована произошедшими событиями.

Цель работы – проанализировать особенности психики и психологического состояния лиц, которые стали жертвами преступлений, либо свидетелями преступных деяний.

Основная часть. Потерпевший и свидетель являются важными участниками события преступления, роль которых при расследовании преступных деяний достаточно велика, поскольку они могут раскрыть следствию полную картину совершенного преступления. Их психика может быть травмирована тем, что они увидели на месте преступления, что может спровоцировать закрытость, нежелание общаться со следствием, страх и иные эмоции. В связи с этим, необходимо учитывать данные особенности личности этих людей при допросе следователем.

Цели допроса свидетеля или потерпевшего могут быть различными, поскольку они зависят от конкретной ситуации и характера дела.

Главными целями допроса являются:

1. Получение доказательств, имеющих значение для установления объективной истины.

2. Установление деталей хода и результатов происшедшего события.

3. Раскрытие лжи и иных недостоверных показаний свидетеля.

4. Уточнение обстоятельств, значимых для дела.

Свидетелем по любому уголовному делу является как человек (физическое лицо), который непосредственно воспринимал событие преступления или иные обстоятельства, имеющие значение для дела, так и тот,

кому стало известно об этом со слов других лиц или из документов, а также из других источников.

Важно отметить, что свидетель – это всегда незаинтересованное лицо, в рамках уголовного дела его права и интересы никак не затрагиваются. Если же свидетель обладает какой-либо заинтересованностью в исходе уголовного дела, это может существенно повлиять на психологические аспекты допроса и методы его проведения.

Потерпевший – это заинтересованное физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо (представитель юридического лица), если преступлением был причинен вред его имуществу и деловой репутации. Он так же, как и свидетель, может быть допрошен о любых обстоятельствах, подлежащих доказыванию, а также о своих взаимоотношениях с обвиняемым [1, с. 60].

Для того, чтобы наладить контакт с такими лицами, следователю желательно избегать давления и агрессии при разговоре. Также успешным приёмом будет являться использование повторов, открытых вопросов, визуальных материалов, например, фото- и видеозаписей, а также желательно активно сосредотачиваться на информации, излагаемой допрашиваемым с последующим задаванием уточняющих вопросов.

Ситуация может усложняться ещё больше в том случае, когда субъектом допроса являются несовершеннолетние. Как отмечает Елфимов П.В., допрос несовершеннолетних свидетелей и потерпевших специфичен, что связано с их возрастными и социально-психологическими особенностями, которые важно проанализировать. Типологические особенности психологии несовершеннолетних обусловлены, в первую очередь, процессуальным положением лица, его правами и обязанностями, его взаимоотношениями с иными участниками данного следственного действия [2, с. 12].

Несовершеннолетние, пожилые люди, лица с психическими расстройствами более уязвимы как в момент преступления, так и в дальнейшем, при взаимодействии со следствием. У детей и подростков часто наблюдается отсроченное сообщение о преступлении из-за стыда, страха или недоверия. Также в целом сам процесс допроса и судебного разбирательства может стать дополнительным травмирующим фактором (вторичная виктимизация). Поэтому, стоит ещё раз подчеркнуть, что важно создавать безопасную обстановку, избегать многократных повторных опросов и не допускать прессинга.

Важно понимать ещё одну проблему допроса указанных категорий лиц. Так, неправильное понимание следователем информации, исходящей от допрашиваемого, на практике еще имеет место. Иногда допрашиваемый, неточно поняв вопрос следователя, неверно отвечает на него. В других случаях следователь, не поняв допрашиваемого, делает ошибки в протоколе. Опасность неправильной передачи показаний увеличивается в тех случаях, когда допрос

проводится с участием переводчика. Увлечение одной версией также может привести к искажениям. Следователю важно оставаться предельно объективным. Он обязан уточнять непонятное, устранять двусмысленности. Только такое требовательное отношение к себе способно оградить от ошибок, тенденциозной переработки воспринятой информации [3, с. 252].

Заключение. Таким образом, процесс допроса потерпевшего и свидетеля должен производиться без давления и агрессии, с внимательным слушанием всего, что говорит человек, а также с демонстрацией визуальных материалов и повторов. Психика такого лица может быть повреждена вследствие негативного взаимодействия с фактом преступного события. Это может порождать страх, нежелание делиться информацией со следствием, эмоциональную закрытость. Помимо этого, сама по себе личность потерпевшего или свидетеля с точки зрения условий его жизни, окружения и иных факторов, которые также должны учитываться при допросе. В случае, если потерпевший получил травмы при совершении преступления, это может дополнительно повлиять на него.

Список литературы

1. Муждабаева С.Л. Некоторые аспекты психологии допроса свидетелей и потерпевших / С.Л. Муждабаева // Современные проблемы юриспруденции в условиях глобальных вызовов и трансформационных процессов: теория и практика: тез.докл.на конф. – 2024. – С. 59-62.
2. Елфимов П.В. Тактико-психологические особенности производства допроса несовершеннолетних свидетелей и потерпевших / П.В. Елфимов // На страже закона. – 2025. – №3 (11). – С. 10-13.
3. Вологина Е.В. Психология допроса свидетелей и потерпевших / Е.В. Вологина // Форум. – 2015. – №1 (4). – С. 250-254.

УДК 343.98

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОСМОТРА МЕСТА ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОГО ПРОИСШЕСТВИЯ НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ РАССЛЕДОВАНИЯ

Хань Г. А., канд. юрид. наук, ORCID 0009-0007-9829-0876,
Толстошеева Е. А., ORCID 0009-0007-3423-8024
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: g.khan.donnu.jur@mail.ru, ekaterinatolstosheeva11@mail.ru

Введение. Современная дорожно-транспортная среда характеризуется стремительным увеличением интенсивности транспортного потока, что закономерно ведет к росту числа преступных деяний, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Квалификация и расследование данной категории уголовных дел сопряжены со значительными процессуальными и криминалистическими трудностями, обусловленными динамичностью обстановки, кратковременностью сохранения следов и высокой вероятностью их утраты или искажения. В связи с этим первоначальный этап расследования приобретает решающее значение для установления объективной картины происшествия, выявления причинно-следственных связей и формирования доказательственной базы. Осмотр места происшествия выступает центральным следственным действием, от качества и своевременности проведения которого напрямую зависит успех всего последующего расследования.

Цель исследования заключается в комплексном анализе тактических и организационно-управленческих особенностей производства осмотра места дорожно-транспортного происшествия на первоначальном этапе расследования.

Основная часть. Успешное раскрытие и расследование дорожно-транспортных преступлений неразрывно связано с правильной оценкой следственной ситуации на первоначальном этапе, которая предопределяет выбор рациональных направлений деятельности следователя. По мнению В. В. Осяка и Г. В. Бондаревой, должное организационно-управленческое обеспечение выступает весомым аргументом для решения первостепенных задач следствия, поскольку именно на начальном этапе закладывается фундамент всего доказывания [1, с. 48]. Следователь обязан незамедлительно обеспечить оказание медицинской помощи пострадавшим, организовать охрану места происшествия, предотвратить возможные попытки скрытия следов или уничтожения вещественных доказательств, а также при необходимости дать поручения оперативным подразделениям на розыск скрывшегося участника дорожного движения. Эффективность решения указанных задач напрямую зависит от соблюдения фундаментальных

криминалистических принципов, среди которых выделяются законность, своевременность, полнота, планомерность, всесторонность, объективность, единое руководство, активность применения научно-технических средств и непрерывность процессуального контроля.

Качественное проведение осмотра невозможно без привлечения лиц, обладающих специальными познаниями в области автотехники, криминалистики, судебной медицины и инженерной графики. А. Ш. Габдрахманов и С. Л. Миролюбов отмечают, что выявление и фиксация следов, необходимых для установления механизма происшествия, требуют от следователя применения системы научно обоснованных приемов и методов, реализуемых во взаимодействии с профильными специалистами [2, с.53]. На практике для оцепления территории и регулировки движения задействуются сотрудники ГИБДД, а при наличии признаков скрытия лица, управлявшего транспортным средством, к работе подключаются оперативные сотрудники уголовного розыска.

Особое внимание уделяется определению границ места происшествия, которое целесообразно визуально разделить на три функциональных участка. Первичный участок включает точку первоначального восприятия водителем создавшейся опасности, вторичный охватывает зону принятия мер по предотвращению столкновения или начала торможения, а третий фиксирует непосредственное место наезда, столкновения или опрокидывания транспортного средства. Согласно Уголовно-процессуальному кодексу, после обозначения границ следователь разъясняет участникам их процессуальные права и обязанности в строгом соответствии с нормами уголовно-процессуального законодательства, что гарантирует легитимность получаемых доказательств и исключает возможность признания их недопустимыми в суде [3]. При работе на местности активно применяются измерительные приборы, включая лазерные дальномеры, рулетки, циркули и оптическое оборудование, а также специализированные комплекты, такие как «Инспектор», «Пульсар» и «Марпл», позволяющие документировать взаимное расположение объектов и оценивать механические повреждения. В условиях отсутствия неподвижных ориентирующих объектов на пустынных участках трасс целесообразно использовать портативные навигационные системы GPS и ГЛОНАСС, обеспечивающие высокую точность геопривязки с минимальной погрешностью.

Фиксация обстановки осуществляется с использованием методов судебной фотографии. При этом точка съемки выбирается таким образом, чтобы отражать реальные условия видимости, освещенности и погодных факторов. Транспортные средства фотографируются по диагонали с двух противоположных точек, что обеспечивает полный обзор всех сторон, а следы торможения, скольжения и разброса деталей фиксируются с обязательной привязкой к базовым линиям. В процессе детальной стадии осмотра недопустимо перемещение объектов до завершения их полной фиксации, так

как это нарушает целостность исходной обстановки и искажает механизм события.

В случаях причинения тяжкого вреда здоровью или смерти человека первоочередному осмотру подлежит тело потерпевшего, что требует участия судебного медика в качестве специалиста. По мнению В. Р. Гайнельзяновой, исследование трупа должно производиться эксцентрическим способом, начиная от центрального объекта к периферии, с обязательной фиксацией положения тела, характера и локализации повреждений, наличия следов протекторов, биологических жидкостей и загрязнений на одежде [4, с.57]. Неопознанные тела фотографируются по правилам сигналитической съемки, что в дальнейшем упрощает процедуру установления личности. Все обнаруженные предметы, образцы грунта, фрагменты лакокрасочного покрытия и стекла подлежат изъятию, упаковке с использованием криминалистически нейтральных материалов и опечатыванию с обязательным указанием времени, места и подписей участников.

Заключение. Таким образом, осмотр места происшествия по делам о дорожно-транспортных преступлениях представляет собой сложный, многоаспектный процесс, требующий от следователя глубоких знаний криминалистической тактики, процессуальных норм и современных технических возможностей. Правильная фиксация, изъятие и упаковка вещественных доказательств, а также качественное документирование обстановки посредством фото- и видеосъемки формируют надежную доказательственную базу, позволяющую точно установить механизм происшествия, выявить виновных лиц и обеспечить реализацию принципа неотвратимости ответственности.

Список литературы

1. Осяк, В. В., Бондарева, Г.В. Методика расследования дорожно-транспортных преступлений: учебно-методическое пособие / В. В. Осяк, Г. В. Бондарева. – Ростов на Дону: ФГКОУ ВО РЮИ МВД России. – 2020. – 64 с.
2. Габдрахманов, А. Ш., Миролюбов, С.Л. Сущность и значение следственного осмотра при расследовании мошенничества в сфере автострахования / А. Ш. Габдрахманов, С. Л. Миролюбов // Казань: Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2017. – С. 53–57.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 04.08.2023). – Москва: Омега-Л. – 2023. – 512 с.
4. Гайнельзянова, В. Р. Научные основы использования понятия «специальные знания» / В. Р. Гайнельзянова // Уфа: Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2016. – С. 57–60.

УДК 343.8

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕЖВЕДОМСТВЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ

Хомченко В. В.
ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина», г. Елец, РФ
e-mail: vovchenko.92@mail.ru

Введение. Отечественная уголовно-исполнительная политика всё больше склоняется к гуманизации, дифференциации и индивидуализации наказаний за совершенные преступления, тем самым расширяя альтернативы назначению лишения свободы. И одной из ключевых таких альтернатив выступает уголовное наказание, предусмотренное ст. 53 УК РФ – ограничение свободы.

Целью настоящего исследования является анализ проблемных аспектов нормативного регулирования и работы ведомств при исполнении наказания в виде ограничения свободы; поиск существующих противоречий и предложений по совершенствованию нормативной базы.

Основная часть. Названная выше ст. 53 УК РФ за время своего существования была значительно реформирована, и в новой своей редакции существует с 10 января 2010 года. В Уголовном кодексе появилось фактически новое наказание, которое не разрывает социальные связи осужденных и является одним из самых гуманных и при этом эффективных видов уголовно-процессуальных ограничений [1].

Это наказание отбывается по месту жительства осужденного в том числе с целью сохранения его трудовых отношений, семейных и иных социально полезных связей [2]. Ограничение свободы не изолирует преступника от общества и, с одной стороны, помогает в его ресоциализации, а с другой – снижает нагрузку на пенитенциарную систему.

Социальная значимость и гуманность ограничения свободы напрямую поддерживается и действующей уголовной политикой Российской Федерации. Так, Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 29.04.2021 года № 1138-р, подразумевает развитие и более частое применение наказаний, не изолирующих осужденных от общества, и более активное использование института пробации [3]. Важнейшим шагом в этом направлении стало принятие Федерального закона от 06.02.2023 года № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации», которое на законодательном уровне закрепило основы постпенитенциарного сопровождения лиц [4].

Однако следует иметь ввиду, что эффективность ограничения свободы как уголовного наказания прямо зависит от качества взаимодействия уголовно-

исполнительных инспекций (далее – УИИ) с иными социальными и правовыми институтами: органами внутренних дел, администрациями муниципальных образований, медицинскими учреждениями, службами занятости, организациями социального обслуживания, общественными организациями, комиссиями по делам несовершеннолетних, учреждениями образования и работодателями. И такое взаимодействие сегодня является одной из причин серьезных организационных и правовых проблем, которые требуют глубокого научного осмысления и уверенных практических решений.

Ограничение свободы, как и любое другое уголовное наказание, по своей сути является комплексом ограничений, которые суд возлагает на осужденное лицо. И важно понимать, что исполнение таких ограничений невозможно силами одних лишь только УИИ. Оно требует отлаженного взаимодействия вышеназванных субъектов. Как отмечает В.И. Селиверстов, «… изоляция уголовно-исполнительной системы от общества и других государственных институтов оборачивается изоляцией самого осужденного, для которого инспектор становится единственным каналом связи с государством, каналом, передающим лишь санкции, но не ресурсы» [5].

Что следует понимать под взаимодействием субъектов в рамках исполнения ограничения свободы? По нашему мнению, это должна быть нормативно обоснованная деятельность органов государственной власти, местного самоуправления и социальных институтов, которая прямо направлена на ресоциализацию осужденных. УИИ должна беспрепятственно взаимодействовать с такими субъектами в части обмена информацией, проведения различных совместных мероприятий, создания совместных рабочих групп. Однако, к большому нашему сожалению, необходимая нормативная база для такого взаимодействия на сегодняшний день не разработана.

Правовое регулирование взаимодействия УИИ с иными субъектами фрагментировано. Ст. 59 УИК РФ закрепляет взаимодействие УИИ с ОВД, но не устанавливает его сроки и формы, что, в свою очередь, рождает множество подзаконных актов, которые не в силах охватить все возможные возникающие ситуации. Работа с муниципалитетами строится на гражданско-правовых соглашениях, которые от региона к региону либо разнятся, либо попросту отсутствуют.

Важнейшим и необходимым государственным шагом было принятие закона «О пробации в Российской Федерации», но данный закон также не регулирует взаимодействие УИИ с другими участниками правоотношений.

Также следует присмотреться к порядку обработки, хранения и передачи персональных данных, который устанавливаются Федеральным законом от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» [6]. Так, УИИ необходимо получить от осужденного письменное согласие на обработку и передачу его данных, к примеру, в какую-либо общественную организацию. Однако такое согласие получить получается не всегда, что затрудняет информационный

обмен: сотрудники УИИ либо должны нарушать положения закона, либо совсем не передавать информацию, что, в свою очередь, влечет малую эффективность взаимодействия.

Для того, чтобы избавиться от такого формального подхода к взаимодействию и установить его обязательный характер, необходимо законодательно установить ответственность участников взаимодействия за неисполнение запросов УИИ и непредоставление информации.

Заключение. Подводя итог, можно твердо утверждать, что нормативная база взаимодействия УИИ с иными субъектами несет в себе ряд проблем. В первую очередь, в нашем законодательстве отсутствует единый правовой механизм, который мог бы охватить все стадии и формы такого взаимодействия. Для решения возникающих вопросов следует нормативно предусмотреть возможность создания специальных межведомственных групп. Ведь эффективность исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, в том числе и ограничение свободы, напрямую зависит от полноты и оперативности получения информации о поведении осужденного.

Решение названных проблем поможет стать ограничению свободы сильной и самостоятельной альтернативой лишению свободы. И построение эффективной системы государственно-общественного взаимодействия в сфере деятельности УИИ станет вкладом не столько в гуманизацию уголовной политики, сколько в укрепление социальной безопасности и общества в целом [7].

Список литературы

1. Ильин, Р. Н. Теоретические и практические вопросы применения наказания в виде ограничения свободы / Р. Н. Ильин, М. И. Кольцов // Тамбовские правовые чтения имени Ф. Н. Плевако : Материалы VI Международной научно-практической конференции, Тамбов, 19--21 мая 2022 года. – Тамбов : Издательский дом «Державинский», 2022. – С. 192-194.
2. Дворянсков И.В. Правовые основы исполнения наказаний, иных уголовно-правовых и уголовно-процессуальных мер, не связанных с изоляцией от общества: монография. – Москва : Юрлитинформ, 2013. – 280 с.
3. Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 N 1138-р (ред. от 27.05.2023) «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС Консультант Плюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_383610/ (дата обращения: 08.10.2026)
4. Федеральный закон "О пробации в Российской Федерации" от 06.02.2023 N 10-ФЗ // СПС Консультант Плюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_439127/ (дата обращения: 08.10.2026).
5. Селиверстов, В.И. Уголовно-исполнительное право России: учебник для вузов / В. И. Селиверстов. – 7-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2023. – 480 с.
6. Федеральный закон "О персональных данных" от 27.07.2006 N 152-ФЗ // СПС Консультант Плюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 08.10.2026).
7. Кривенцева, С. М. Содействие государственных органов и общественности в работе уголовно-исполнительных инспекций / С. М. Кривенцева // Флагман науки. – 2026. – № 1(36). – С. 644-646.

УДК 343.34

ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА О ВОЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В НАЦИОНАЛЬНОЕ УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Щусь Е. В., ORCID 0009-0006-3934-1672
ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации», г. Москва, РФ
e-mail: shchus98@mail.ru

Введение. Имплементация норм международного гуманитарного права (далее – МГП) о военных преступлениях обеспечивает уголовно-правовую защиту жертв вооружённых конфликтов. Её актуальность обусловлена необходимостью полного закрепления международных запретов при соблюдении принципа законности и определённости оснований ответственности.

Цель исследования – сопоставить российский и зарубежные подходы и обозначить направления совершенствования УК РФ. Использованы формально-юридический и сравнительно-правовой методы.

Основная часть. Механизм имплементации международного уголовного права исследован в монографии Е. Н. Субботиной [1]. В настоящей работе имплементация рассматривается как принятие внутригосударственных мер по установлению уголовной ответственности за запрещённые деяния и обеспечению уголовной юрисдикции.

Женевские конвенции 1949 года обязывают государства устанавливать эффективные уголовные наказания за серьёзные нарушения, разыскивать обвиняемых в их совершении или отдаче соответствующих приказов и предавать их своему суду либо при предусмотренных условиях передавать другому государству-участнику [4, ст. 49 Конвенции I; ст. 50 Конвенции II; ст. 129 Конвенции III; ст. 146 Конвенции IV]. Дополнительный протокол I относит серьёзные нарушения конвенций и протокола к военным преступлениям [5, ст. 85]. Этот договорный режим следует отличать от регулирования нарушений МГП в немеждународных вооружённых конфликтах.

Ст. 8 Римского статута Международного уголовного суда охватывает военные преступления в международных и немеждународных вооружённых конфликтах. Статут закрепляет комплементарность Суда по отношению к национальной уголовной юстиции [2, ст. 1, 8, 17]. Россия не является его участником, поэтому здесь он используется как сравнительно-правовой ориентир, а не источник договорных обязательств Российской Федерации.

В этом исследовании подходы к имплементации можно разложить по двум основаниям:

1) где именно они закреплены: в уголовном кодексе или в отдельном законе;

2) как именно сформулирован запрет: через подробное описание признаков преступления, через отсылку к международным нормам или через сочетание этих способов. Это авторская схема анализа, которая разводит место нормы и способ её построения.

В германском Кодексе преступлений против международного права военные преступления делятся на посягательства против людей, имущества и иных прав, на преступления против гуманитарных операций, а также на деяния, связанные с запрещёнными методами и средствами ведения войны [6, §§ 8–12]. Во Франции такие положения включены в книгу IV bis Уголовного кодекса; статья 461-1 связывает деяние либо с международным, либо с немеждународным вооружённым конфликтом [7]. Детальная регламентация здесь возможна и в одном, и в другом случае законодательного закрепления.

В России ключевое значение имеет статья 356 УК РФ. Она предусматривает ответственность за жестокое обращение с военнопленными или гражданским населением, за депортацию гражданского населения, за разграбление национального имущества на оккупированной территории, а также за применение средств и методов ведения войны, которые запрещены международным договором РФ.

Кроме того, отдельно установлена ответственность за использование оружия массового поражения, если его запрещает такой договор. Также нельзя забывать и о статье 356.1 УК РФ о мародёрстве [3]. При этом геноцид, экоцид и наёмничество описаны через собственные признаки, поэтому автоматически отождествлять их с военными преступлениями нельзя.

Российская модель соединяет описание конкретных деяний с бланкетной отсылкой к международным договорам. Чтобы применить статью 356 УК РФ, нужно понять, в чём именно состоит запрет, на какую сферу он распространяется и есть ли связь между деянием и вооружённым конфликтом. Международная норма помогает раскрыть состав преступления, но не способна заменить его закрепление в уголовном законе [3, ст. 3, 8, 356].

Если говорить о развитии российского законодательства, то здесь можно выделить три главные задачи.

Первая – проверить, все ли деяния, которые запрещает международное гуманитарное право и которые обязательны для России, уже предусмотрены в уголовном законе. Сам по себе тот факт, что в УК РФ нет отдельной статьи, полностью повторяющей норму Римского статута, ещё не говорит о пробеле: нужное деяние может подпадать под статью 356 или под другие положения кодекса. При этом отдельно стоит разобрать, как в законе описаны запреты на сексуальное насилие, связанное с конфликтом, а также на вербовку и использование детей в боевых действиях. Здесь важно чётко обозначить возраст и условия, при которых наступает ответственность.

Вторая задача – сделать формулировки точнее. Это касается и того, что

именно понимается под «жестоким обращением», и того, насколько широко можно отсылать к международным договорам. Бланкетные нормы допустимы, но запреты, на которых они держатся, должны быть понятны и не вызывать вопросов у того, кто потом будет их применять.

Третья задача – чётко развести, когда состав преступления работает в немеждународном вооружённом конфликте, а когда уже речь идёт об уголовной юрисдикции России. В первом случае нужно учитывать признаки самого преступления, общую статью 3 Женевских конвенций и Дополнительный протокол II. Во втором – статьи 11 и 12 УК РФ и те международные договоры, которые подлежат применению [3-5]. Если уточнять специальные нормы, это надо делать вместе с наведением порядка в правилах о вине, соучастии и исполнении приказа.

Отсюда вывод простой: уровень имплементации зависит не от того, как именно закреплена норма, а от того, насколько полно она охватывает запрещённые деяния, насколько ясно сформулированы составы и насколько согласованы между собой все правовые положения.

Для России в первую очередь важны проверка полноты криминализации и уточнение условий, при которых действуют специальные запреты.

При подготовке поправок в УК РФ можно опираться на зарубежный опыт и положения Римского статута, но переносить их дословно нельзя. Нельзя и путать сравнительно-правовые ориентиры с международными обязательствами России.

Список литературы

1. Субботина, Е. Н. Механизм имплементации международного уголовного права в зарубежных странах и в России : монография / Е. Н. Субботина. – Москва : Юрлитинформ, 2012. – 213, [1] с. – (Уголовное право). – ISBN 978-5-4396-0131-8. – Текст : непосредственный.
2. Римский статут Международного уголовного суда : [принят 17 июля 1998 г.] // ГАРАНТ : справочно-правовая система. – URL: https://base.garant.ru/12118701/ (дата обращения: 05.10.2026).
3. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
4. Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны // Конституция РФ : [сайт]. – URL: https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2540383/ (дата обращения: 06.10.2026).
5. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12.08.1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I) : принят 08.06.1977 г. // Конституция РФ : [сайт]. – URL: https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2540377/ (дата обращения: 04.10.2026).
6. Völkerstrafgesetzbuch : vom 26. Juni 2002 // Gesetze im Internet : [сайт]. – URL: https://www.gesetze-im-internet.de/vstgb/ (дата обращения: 05.10.2026).
7. Уголовный кодекс Франции : принят 22.07.1992 г. // WIPO Lex. Всемирная организация интеллектуальной собственности : [сайт]. – URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/23309 (дата обращения: 06.10.2026).

УДК 343.2

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Якутин О. И.
Луганский филиал ФГКОУ ВО «Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», г. Луганск, РФ
e-mail: police.tenente@gmail.com

Введение. В условиях реализации Стратегии национальной безопасности РФ и Концепции развития уголовно-исполнительной системы на период до 2030 года, отечественная уголовная политика демонстрирует устойчивый тренд на гуманизацию и расширение практики применения мер, альтернативных лишению свободы. Необходимость такой оптимизации продиктована не только потребностями в экономии бюджетных средств на содержание пенитенциарных учреждений, но и стратегической задачей по сохранению социально полезных связей правонарушителей. Однако анализ судебной статистики свидетельствует о том, что уровень рецидивной преступности остается стабильно высоким. Как справедливо отмечает В.К. Дуюнов, «данный факт напрямую свидетельствует о наличии глубоких системных сбоев в механизме индивидуализации наказания, а также о существенных пробелах в пенитенциарном и постпенитенциарном контроле» [1, с. 144]. Вместе с тем, существующая законодательная «лестница наказаний» содержит ряд устаревших конструкций и межотраслевых коллизий, которые объективно снижают общий превентивный потенциал уголовного закона.

Целью данного исследования является комплексный анализ системных противоречий действующей системы уголовных наказаний и разработка предложений по их устранению для повышения эффективности ресоциализации осужденных.

Основная часть. Первое важнейшее направление совершенствования уголовного закона связано с необходимостью структурной «очистки» системы наказаний от рудиментарных норм. Хрестоматийным примером такой законодательной аномалии является арест (ст. 54 УК РФ). Задуманный как метод краткосрочной «шоковой терапии», арест с 1996 года остается юридической фикцией из-за отсутствия сети арестных домов. Как подчеркивают Ф.Р. Сундуров и М.В. Талан, «дальнейшее искусственное сохранение ареста в перечне наказаний лишь дезориентирует правоприменителя и подрывает принцип неотвратимости наказания» [2, с. 144]. В связи с этим арест подлежит полному исключению из ст. 44 УК РФ и санкций Особенной части.

Глубокого переосмысления требует и догматическая сущность такого вида наказания, как принудительные работы (ст. 53.1 УК РФ). Несмотря на то,

что на этапе законотворческой разработки данный институт позиционировался исключительно в качестве щадящей замены тюремной изоляции, фактическая правоприменительная практика наделила его чертами независимой и весьма репрессивной меры воздействия. Ю. Г. Старовойтова в своем исследовании обоснованно обращает внимание на то, что «условия отбывания принудительных работ... фактически эквивалентны лишению свободы в колонии-поселении» [3, с. 322]. Кроме того, профессор А. И. Чучаев указывает, что «существующий механизм замены лишения свободы принудительными работами с зачетом сроков «один к одному» прямо противоречит общей иерархии сроков наказаний» [4, с. 215]. Назрела необходимость трансформировать принудительные работы из суррогатной меры замены в полноценное основное наказание с прямым закреплением в санкциях статей Особенной части УК РФ.

Существенные правоприменительные барьеры сопровождают и реализацию мер ответственности, альтернативных тюремному заключению. Исследователь Е. Р. Комбарова совершенно резонно подчеркивает, что «превентивная эффективность таких мер критически зависит от плотности межведомственного взаимодействия УИИ ФСИН и подразделений органов внутренних дел, которое на данный момент нуждается в автоматизации» [5, с. 401]. Концептуальным решением проблемы постпенитенциарного контроля выступает вступление в силу Федерального закона от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» [6]. Данный закон смещает акцент с полицейского надзора на оказание осужденным комплексной социально-психологической помощи. Однако для его полноценной работы требуется интеграция механизмов пробации непосредственно в УК РФ. Предлагается дополнить ч. 5 ст. 73 и ч. 1 ст. 53 УК РФ нормами, наделяющими суд правом возлагать на осужденного прямую обязанность пройти индивидуальную программу исполнительной пробации.

Наконец, требует безотлагательного разрешения межведомственная коллизия при реализации ст. 72.1 УК РФ (возложение обязанности пройти лечение от наркомании). В. Л. Нагибин с тревогой отмечает, что «реальная эффективность этой меры нивелируется отсутствием прозрачного механизма контроля» [7, с. 154]. Правоохранительные органы сталкиваются с барьером врачебной тайны. Предлагается закрепить в уголовном законе приоритет общественного контроля, императивно обязав медицинские организации незамедлительно информировать УИИ и органы внутренних дел об уклонении осужденного от лечения без его согласия.

Заключение. Подводя итог, следует констатировать, что действующая система уголовных наказаний объективно нуждается в структурной оптимизации. Реализация предложенных законодательных инициатив – исключение рудиментарного ареста, автономизация принудительных работ, интеграция механизмов исполнительной пробации и оптимизация контроля за лицами с наркотической зависимостью – позволит устранить глубокие

системные противоречия. Это вооружит правоохранительные органы действенным правовым инструментарием и создаст логичную, экономически выгодную конструкцию, способную обеспечить успешную ресоциализацию правонарушителей и надежную защиту общества от рецидивной преступности.

Список литературы

1. Дуюнов, В.К. Уголовно-правовое воздействие / В.К. Дуюнов. – Москва: Научная книга, 2003. – 520 с.
2. Сундуров, Ф.Р. Наказание в уголовном праве: учебное пособие / Ф.Р. Сундуров, М. В. Талан. – Москва: Статут, 2015. – 256 с.
3. Старовойтова, Ю. Г. Уголовное наказание в виде принудительных работ: проблемы законодательной регламентации и практики назначения / Ю. Г. Старовойтова // Проблемы права: теория и практика. – 2021. – № 56. – С. 322–331.
4. Чучаев, А.И. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / под ред. А. И. Чучаева. – Москва: КОНТРАКТ, 2017. – 384 с.
5. Комбарова, Е.Р. Наказания, не связанные с изоляцией от общества: проблемные вопросы назначения и исполнения / Е.Р. Комбарова, Э.Ю. Репникова // Научные труды Тамбовского государственного университета. – 2024. – С. 398–402.
6. О пробации в Российской Федерации: Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 6. – Ст. 921.
7. Нагибин, В.Л. Проблемы реализации обязанностей, возлагаемых на осужденных, имеющих наркотическую и алкогольную зависимость / В.Л. Нагибин // Уголовно-правовая наука и практика в XXI веке: вызовы и перспективы. – 2025. – С. 154–159.

Гражданское право и процесс

УДК 347.9

ПРИНЦИП КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТИ В СЕМЕЙНОЙ МЕДИАЦИИ

Алдушина О. С., ORCID 0009-0009-8394-9281,
ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк, РФ;
ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации», г. Москва, РФ
e-mail: aldushina2025@mail.ru

Введение. Трансформация семейно-правовых конфликтов из плоскости строгого и формализованного судебного противостояния в русло мирных переговоров является приоритетным направлением развития современного гражданского общества.

Семейные споры отличаются высокой степенью эмоциональности и затрагивают наиболее интимные аспекты жизни человека. В связи с этим, медиация как альтернативный способ разрешения споров приобретает особую значимость. В частности, об этом идет речь в Распоряжении Правительства Российской Федерации от 23 декабря 2025 г. № 3999-р «Об утверждении плана мероприятий по реализации Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в РФ до 2036 г.» [1]. Так, планируемыми нововведениями в этой связи может стать обязательный досудебный порядок урегулирования семейных споров с применением медиации. И первый шаг в этом направлении сделан: 32 субъектов Российской Федерации включены в пилотный проект (приказ Минтруда России от 23 июня 2026 года № 264 «О реализации в 2026-2027 годах в отдельных субъектах Российской Федерации пилотного проекта по созданию служб семейной медиации» [2]).

Следует отметить, что главным элементом, обеспечивающим доверие сторон к данной процедуре, выступает принцип конфиденциальности.

Цель исследования заключается в изучении особенностей принципа конфиденциальности в семейной сфере.

Основная часть. Эффективность семейной медиации напрямую зависит от доверия участников. Стороны могут быть искренними, открыто говорить о своих страхах, финансовых возможностях и истинных интересах только в том случае, если они уверены в абсолютной безопасности. Гарантией такой безопасности является принцип конфиденциальности (ст. 3, 5 Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника» (далее – Закон о медиации)) [3].

Следует отметить, что семейных правоотношениях, в отличие от предпринимательских, объем конфиденциальной информации может быть более широкий. Так, в коммерческих правоотношениях конфиденциальность защищает преимущественно имущественные и финансовые интересы бизнеса (коммерческую тайну, ноу-хау, финансовые показатели). В семейных же правоотношениях в перечень конфиденциальной информации может быть включена информация о личной жизни бывших супругов, о психологическом состоянии членов семьи, их здоровье, привязанностях, о детях, особенностях отношения с ними и т.д. Раскрытие таких сведений может привести не только к ущербу деловой репутации, а и разнообразим конфликтам внутри семьи.

Если стороны будут опасаться, что их откровения (например, признание временных финансовых трудностей или особенностей поведения) могут быть использованы бывшим супругом в судебном процессе о детях или разделе имущества, медиация потеряет свой смысл.

Необходимо указать, что законодатель нормативно закрепляет свидетельский иммунитет медиатора в соответствующих процессуальных кодексах (ч. 3 ст. 69 ГПК РФ, ч. 5 ст. 56 АПК РФ, ч. 3 ст. 51 КАС РФ []). Как следствие, показания, полученные судом путем допроса медиатора об обстоятельствах, ставших ему известными в рамках примирительной процедуры, не могут использоваться в качестве доказательства (ст. 55 ГПК РФ, ч. 3 ст. 64 АПК РФ, ч. 3 ст. 59 КАС РФ) и не влекут каких-либо юридических последствий [4; 5; 6].

Вместе с тем, из анализа ст. 5 Закона о медиации следует, что стороны могут сами договориться о необходимости и возможности разглашения/не разглашения конфиденциальной информации [7]. В связи с чем может возникнуть ситуация, когда медиация может быть использована одной стороной для «выуживания» информации от другой стороны. Поэтому целесообразно закрепить запрет на разглашение информации в семейной сфере, за исключением случаев насилия, которые стали известны в ходе процедуры медиатору.

Следует отметить, что если в ходе семейной медиации становится известно об угрозе жизни ребенка или совершении тяжкого преступления, медиатор сталкивается с дилеммой: соблюсти тайну медиации (ст. 5 Закона № 193-ФЗ [3]) или исполнить гражданский долг по предотвращению преступления. Закон не дает четкого алгоритма снятия режима тайны в таких чрезвычайных обстоятельствах.

Однако императивная обязанность защиты прав ребенка и норма ст. 56 Семейного кодекса РФ, обязывающая граждан и должностных лиц сообщать в органы опеки о ставших им известных фактах угрозы благополучию ребенка, также применима и к медиатору.

Также следует отметить и еще одну ситуацию, когда информация, полученная в ходе проведения процедуры медиации частично может стать доступной третьим лицам. Это касается вопросов, связанных с нотариальным

удостоверением медиативного соглашения, которое заключают договорившиеся меду собой стороны. Так, возможность использования такого соглашения как исполнительного документа влечет передачу его третьим лицам.

Таким образом, можно сделать вывод, что режим конфиденциальности, особенно в семейно медиации, не является абсолютным и должен прерываться в случаях, угрожающих жизни, здоровью граждан, что требует четкой нормативной регламентации.

Также видится целесообразным дополнить процессуальные кодексы (ГПК РФ, АПК РФ) положением о недопустимости использования судом материалов и сведений, полученных в ходе сорванной медиации, в качестве доказательств по делу.

Список литературы

1. Распоряжение Правительства РФ от 23 декабря 2025 г. № 3999-р «Об утверждении плана мероприятий по реализации Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года» // Правительство России. – URL: http://government.ru/docs/57442/ (дата обращения: 28.09.2026).
2. Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 23.06.2026 № 264 "О реализации в 2026 – 2027 годах в отдельных субъектах Российской Федерации пилотного проекта по созданию служб семейной медиации" (не опубл.) – URL: https://base.garant.ru/414516553/(дата обращения: 28.09.2026).
3. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 31. – Ст. 4162.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. N 138-ФЗ// Российская газета – 20 ноября 2002 г. – № 220
5. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. N 95-ФЗ // Российская газета – 27 июля 2002 г. – № 137
6. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. N 21-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации" (www.pravo.gov.ru) 9 марта 2015 г.
7. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.

УДК 347.61/.64

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ДЕКРЕТНОГО ОТПУСКА УЧАСТНИКОВ ПРАВООТНОШЕНИЙ СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ ИНДИЯ

Асеева Н. В., канд. юрид. наук, доц.,
Гокунь Ю. С.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: n.aseeva.dongu@mail.ru, yulya.gokun@mail.ru

Введение. Суррогатное материнство в Российской Федерации признается развитым направлением медицины. Суррогатное материнство развито на высоком уровне не только в нашем государстве. Так, Индия уже на протяжении не одного десятилетия рассматривается как мировой центр суррогатного материнства.

В настоящее время малоизученным остается вопрос предоставления декретного отпуска участникам суррогатных правоотношений в отдельных странах БРИКС. Следовательно, необходимым представляется проведение сравнительной характеристики регламентации декретного отпуска участников правоотношений суррогатного материнства в Российской Федерации и Республике Индия.

Цель. Целью исследования является проведение сравнительной характеристики регламентации декретного отпуска участников правоотношений суррогатного материнства в Российской Федерации и Республике Индия.

Основная часть. В Конституции Российской Федерации указано, что в нашем государстве охраняются труд и здоровье людей, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства (ст.7) и что забота о детях и их воспитание являются равным правом и обязанностью родителей (ст.38) [1]. В Конституции Республики Индия также содержится ряд положений о защите материнства и детства. Так, государство проводит политику, направленную на обеспечение того, чтобы дети имели возможность и условия развиваться в необходимых для здоровья условиях и в условиях свободы и достоинства, а детство и юность пользовались защитой от эксплуатации и моральной и материальной заброшенности (ст.39). Кроме того, государством обеспечиваются справедливые и гуманные условия работы и помощи матерям (ст.42) [2]. И в Российской Федерации, и в Индии одним из таких видов помощи матерям признается декретный отпуск.

В соответствии со статьей 255 Трудового кодекса Российской Федерации, женщинам по их заявлению и в соответствии с медицинским заключением предоставляется отпуск по беременности и родам продолжительностью 70 календарных дней до родов и 70 календарных дней

после родов (при нормальных родах) с выплатой пособия по государственному социальному страхованию в установленном законом размере [3]. Данный вид отпуска может взять только суррогатная мать. Генетическая мать не вправе на него претендовать, поскольку она не вынашивала и не рожала ребенка. Следовательно, пособия по беременности и родам она также оформить не сможет. Листок нетрудоспособности получает суррогатная мать, также она может претендовать на пособие.

Примечательно, что в Индии размер декретного отпуска напрямую зависит от количества уже имеющихся в семье детей. Так, продолжительность данного отпуска женщины, родившей первенца, составляет 26 недель. Согласно ранее действовавшему законодательству, до 2016 года в Индии отпуск по беременности и родам для женщины, родившей второго и последующих детей, длился всего 12 недель. Однако в 2017 году были внесены изменения в закон о пособиях по беременности и родам, увеличивающие оплачиваемый декретный отпуск до 26 недель для женщины, родившей второго ребенка. Длительность третьего и последующих декретных отпусков осталась без изменений, и так и продолжает составлять 12 недель.

Применительно к правоотношениям в области вспомогательной репродукции, необходимо отметить следующее. В Индии в 2015 году Верховный суд Дели вынес решение, постановив, что суррогатные матери, у которых есть дети, рожденные с помощью суррогатного материнства, имеют право на материнский отпуск, который включает в себя дородовой и послеродовой периоды. Решение суда было вынесено по ходатайству сотрудницы центрального правительства, которая стала матерью близнецов посредством суррогатного материнства, но которой было отказано в 180-дневном отпуске по беременности и родам на том основании, что она не является генетической матерью. Верховный суд разработал соответствующие руководящие принципы и заполнил пробелы в правоприменительной практике, поскольку ранее не существовало практики по выплате пособий по беременности и родам для суррогатных матерей. Однако законодательного закрепления это не находило вплоть до 2024 года.

В 2024 году произошли коренные изменения в законодательстве, позволившие брать декретные отпуска участникам правоотношений суррогатного материнства. Так, согласно поправке к Правилам Центральной государственной службы 2024 года об отпуске по беременности и родам, отпуске по уходу за ребенком и отпуске по уходу за ребенком для отца, в случае суррогатного материнства суррогатной матери, а также замещающей матери (генетической матери), имеющей менее двух оставшихся в живых детей, может быть предоставлен материнский отпуск продолжительностью 180 дней, если одна либо они обе являются государственными служащими [4]. Генетическому отцу, который является государственным служащим и у которого осталось менее двух выживших детей, может быть предоставлен отцовский отпуск продолжительностью 15 дней в течение 6 месяцев с даты рождения ребенка.

Заключение. Таким образом, по итогам проведенного исследования можно заключить, что регламентация права на декретный отпуск участников правоотношений суррогатного материнства в Российской Федерации и Республике Индия имеет существенные различия. Отечественное законодательство, регламентирующее предоставление декретного отпуска участникам правоотношений суррогатного материнства, едино для всех субъектов Российской Федерации и распространяется на всех его граждан независимо от сферы их профессиональной деятельности и места их работы. В Республике Индия политика предоставления декретного отпуска участникам правоотношений суррогатного материнства напрямую зависит от правового поля конкретного штата и распространяется только на государственных служащих.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года. – Текст : электронный // Президент России : официальный сайт. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/constitution/item (дата обращения: 25.01.2025).
2. Конституция Индии : принята Учредительным собранием 26 ноября 1949 года. – Текст : электронный // Правовая библиотека legalns.com : [сайт]. – URL: https://legalns.com/download/books/cons/india.pdf (дата обращения: 25.01.2025).
3. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ : (ред. от 25.05.2026). – Текст : электронный // КонсультантПлюс : официальный сайт / компания «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 09.10.2026).
4. Central Civil Services (Leave) (Amendment) Rules, 2024 regarding Maternity Leave, Child Care Leave and Paternity Leave : Notification dated 18.06.2024 / Government of India, Ministry of Personnel, Public Grievances and Pensions, Department of Personnel and Training. – Текст : электронный // DoPT Circulars : [official website]. – URL: https://documents.doptcirculars.nic.in/D2/D02est/updatedccsleaverulesN9ExV.pdf (дата обращения: 09.10.2026).

УДК 347.78

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ МУЗЫКАЛЬНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ, СОЗДАННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ГЕНЕРАТИВНЫХ НЕЙРОСЕТЕЙ

Асеева Н. В., канд. юрид. наук, доц.,
Тренина С. В.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: n.aseeva.dongu@mail.ru, trenina.sofia333@gmail.com

Введение. В нынешних реалиях XXI века искусственный интеллект (далее – ИИ) успешно занял свое место в самых разных областях человеческой жизни, включая искусство. Он не просто дополняет привычные процессы, а формирует новую реальность, открывая широкие возможности и одновременно порождая серьёзные правовые вызовы.

Данные вызовы стали заметно проявляться в музыкальном творчестве. Генеративные нейросети способны создавать музыкальные композиции, которые внешне неотличимы от произведений, написанных человеком. Это ставит перед правом вопросы, на которые действующее законодательство не дает однозначных ответов: может ли нейросеть быть автором? Кому принадлежат права на сгенерированную музыку? Как защитить интересы композиторов, чьи произведения использовались для обучения модели?

Цель – исследовать особенности авторско-правовой охраны музыкальных произведений, созданных с использованием генеративного искусственного интеллекта, и определить направления совершенствования правового регулирования авторства и использования произведений для обучения ИИ.

Основная часть. В России понятие ИИ закреплено в Указе Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». Согласно этому акту, ИИ – это «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их» [1].

Современные системы ИИ способны генерировать новый контент, включая музыку, обучаться и адаптироваться без жестко заданных алгоритмов. Анализ существующих точек зрения позволяет выделить несколько подходов к определению правообладателя на результаты, созданные нейросетями. Первый подход предполагает отнесение таких объектов к общественному достоянию. Второй исходит из необходимости разграничения прав между пользователем и разработчиком. Третий, представляющийся наиболее обоснованным, признает автором пользователя, который посредством формулирования запросов определяет содержание итогового произведения [2, с. 713].

В соответствии с российским законодательством автором признается исключительно гражданин, творческим трудом которого создано произведение. Поскольку искусственный интеллект не обладает правосубъектностью, результаты его деятельности напрямую не могут выступать объектом авторского права. Правообладателем считается лицо, использующее ИИ в качестве инструмента для создания произведения.

Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда № 10 от 23 апреля 2019 г., объектом авторского права может признаваться лишь тот результат, который создан творческим трудом человека. Результаты, полученные автоматически, объектами авторского права не являются [3]. Применительно к музыкальным произведениям это означает, что композиция, полностью сгенерированная нейросетью без участия человека, не может охраняться авторским правом. Однако если пользователь задал оригинальный музыкальный замысел, подобрал параметры, осуществил отбор и редактирование результата, такая композиция может претендовать на охрану.

Для музыкальных произведений показателен пример, описанный в научной литературе: исследователь Боб Стурм создал группу O Conaill Family and Friends, якобы исполняющую ирландско-кельтский фолк. Критики высоко оценили альбом и предсказали группе будущее, позже отказываясь верить, что музыка была создана компьютером [4, с. 13].

В разных юрисдикциях подходы по поводу признания таких произведений расходятся, например, в США суды отказывают в охране ИИ-контента без значительного человеческого вклада, в Китае автором признают человека, управлявшего генерацией, а в Великобритании – «организатора» процесса; ВОИС же предлагает охранять лишь контент, созданный при творческом участии человека.

Обобщая, можно сделать вывод, что на современном этапе искусственный интеллект не может рассматриваться как творец. Он выступает в роли инструмента, а ключевым критерием является характер участия человека.

Еще один спорный момент касается использования охраняемых авторским правом материалов для обучения нейросетей без согласия правообладателей.

Для музыкальной сферы эта проблема особенно актуальна: нейросети обучаются на огромных массивах музыкальных произведений, включая защищенные авторским правом композиции. В результате сгенерированное произведение может быть стилистически или даже буквально похоже на работы конкретных композиторов и исполнителей. Существует высокий риск судебных исков от авторов, чьи работы были использованы без их согласия.

В Европейском союзе вопрос частично урегулирован через институт text and data mining. Директива ЕС 2019/790 предусматривает специальные исключения для интеллектуального анализа текстов и данных, но учитывает необходимость соблюдения интересов правообладателей [5]. Регламент ЕС

2024/1689 об искусственном интеллекте закрепляет для провайдеров моделей обязанности по соблюдению законодательства об авторском праве и раскрытию информации о контенте, использованном для обучения [6].

В США дискуссия концентрируется вокруг доктрины fair use. В докладе U.S. Copyright Office отмечается, что оценка правомерности использования произведений при обучении зависит от конкретных обстоятельств, включая цель использования, характер произведения, объем заимствования и влияние на потенциальный рынок оригинала. Для российского права такой подход не может быть воспринят напрямую, поскольку в отечественном законодательстве отсутствует общая открытая доктрина добросовестного использования.

На сегодняшний день ни одна страна не может предложить исчерпывающего решения в этой сфере. В связи с этим представляется целесообразным законодательно закрепить требование о маркировке контента, созданного с помощью нейросетей, чтобы обеспечить прозрачность в вопросах авторства и ответственности, а также разработать механизмы, позволяющие авторам получать справедливое вознаграждение за использование их работ при обучении моделей.

Для музыкальных произведений, созданных с использованием генеративных нейросетей, наиболее перспективным представляется подход, согласно которому авторско-правовая охрана возможна только при наличии творческого вклада человека. При этом использование нейросети как инструмента не должно само по себе исключать охрану результата, если человек осуществлял творческий выбор, редактирование, переработку или иное существенное участие. В случае же полностью автономной генерации музыкального произведения без участия человека такое произведение должно переходить в общественное достояние.

Также важно развивать правовые механизмы использования произведений для обучения ИИ. Полный запрет может затормозить технологическое развитие, однако бесконтрольное использование чужих произведений нарушает баланс интересов. Поэтому важны лицензирование обучающих массивов, договорные модели, коллективное управление правами и возможность правообладателей заявлять запрет на использование произведений в обучении.

Наиболее обоснованным представляется подход, согласно которому искусственный интеллект должен рассматриваться как инструмент, а не как самостоятельный автор. Если человек вносит существенный творческий вклад в создание музыкального произведения, такой результат может претендовать на авторско-правовую охрану. Если же результат создан полностью автономно, признание его объектом авторского права вызывает серьезные сомнения.

Заключение. Таким образом, дальнейшее развитие правового регулирования должно быть направлено на достижение баланса между стимулированием технологических инноваций и обеспечением справедливой защиты авторов, исполнителей, производителей фонограмм и иных

правообладателей. Без такого баланса искусственный интеллект может стать не только инструментом творчества, но и источником массовых нарушений интеллектуальных прав в музыкальной и других сферах.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // Собрание законодательства РФ». 14.10.2019. № 41. Ст. 5700.
2. Мирзоева Х. И. Авторские права на объекты, сгенерированные нейросетью // Эволюция российского права. – 2025. – С. 709–716.
3. О применении части четвёртой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 // Российская газета, 2019. № 96.
4. Беликова К. М. Проблема правовой оценки содержания научных и образовательных текстов с позиции роли и места автора в генеративном контенте нейросетей // Право и политика. – 2024. – № 1. – С. 1–22.
5. Директива N 2019/790/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «Об авторском праве и смежных правах на едином цифровом рынке, а также об изменении Директив 96/9/ЕС и 2001/29/ЕС» [рус., англ.] (Принята в г. Брюсселе 17.04.2019) [Электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/73164300/?ysclid=mv3q29zxwb559295029 (дата обращения: 08.10.2026). – Загл. с экрана.
6. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) [рус., англ.] (Принят в г. Брюсселе 13.06.2024) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://data.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj (дата обращения: 11.10.2026). – Загл. с экрана.

УДК 347.65

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НАСЛЕДОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ

Бова Д. А., канд. юрид. наук, ORCID 0000-0002-2994-9290
АНОО ВО Центросоюза РФ «Сибирский университет потребительской кооперации»,
г. Новосибирск, РФ
e-mail: afna16.91@mail.ru

Введение. Стремительная цифровизация отношений привела к формированию принципиально нового вида имущественных благ – цифровых активов. Не так давно факт владения электронным кошельком, страницей в социальной сети или личным блогом, приносящим доход, не воспринимался как юридически значимый, то сегодня эти объекты обладают реальной экономической ценностью и требуют правовой защиты на случай смерти их владельца. Нельзя не согласится, что практически каждый является обладателем цифрового актива [3].

Основная часть. В настоящее время в российском законодательстве отсутствует как определение термина «цифровой актив», так и отдельная нормативная база, регламентирующая наследование таких объектов. Правовое регулирование наследования цифровых активов ещё не сложилось, так как развитие цифровых отношений существенно опережает формирование соответствующей правовой основы. Из-за отсутствия унифицированного легального определения понятия «цифровой актив» возникают сложности с правовой оценкой этих объектов, в частности, с их признанием частью наследственной массы.

Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 259-ФЗ) вводит в правовой оборот понятия «цифровые финансовые активы» и «цифровая валюта» [2]. Признание ЦФА объектами гражданских прав позволяет рассматривать их как потенциальную часть наследственной массы. Вне правового регулирования остаются криптовалюты, токены, доменные имена, аккаунты в соцсетях, виртуальное имущество в играх.

В статье 1112 ГК РФ [1] определённо, что входит в состав наследства, однако, цифровые активы под это определение попадают частично. С введением статьи 141.1 в ГК РФ появилось основание относить токенизированные права к объектам гражданского оборота наряду с вещами и имущественными правами (статья 128 ГК РФ) [1]. Тем не менее сфера применения Закона № 259-ФЗ ограничена активами, выпущенными в информационной системе, функционирующей в соответствии с российским законодательством, и учитываемыми в распределённом реестре, оператором которого является российское юридическое лицо. Криптовалюты работают в рамках децентрализованных блокчейн-сетей, у них нет единого оператора, по этой причине такие активы не соответствуют закреплённому в законе определению цифрового финансового актива.

На основе анализа подходов, сложившихся в доктрине, цифровые активы можно классифицировать по критерию материальной и нематериальной ценности, выделяя следующие группы:

– токены, NFT, криптовалюты, ЦФА, денежные средства на электронных кошельках;

– аккаунты в социальных сетях и на игровых платформах, учётные записи, электронные почтовые ящики, облачные хранилища;

– имущественные права, выраженные в цифровой форме – это доменные имена, права на цифровой контент (фотографии, видео, тексты).

Каждая из сформированных групп обладает специфическим правовым режимом, что исключает единообразный подход к их наследованию.

Основное противоречие заключается в конфликте разнонаправленных интересов: воля наследодателя и его право на неприкосновенность частной жизни, с одной стороны, право наследников на получение имущества, с другой

стороны, интересы платформы, направление на соблюдение коммерческой тайны, обеспечение защиты пользовательских данных и соблюдение условий договоров – с третьей стороны.

При этом пользовательские соглашения платформ зачастую прямо запрещают передачу учётных записей по наследству, что создаёт ситуацию, когда, согласно российскому праву, имущественные права умершего должны переходить к наследникам, но пользовательские соглашения платформы, регулируемые иностранным правом, запрещают этот переход. На практике при наличии правовых оснований для наследования техническая сторона вопроса оказывается непреодолимым препятствием, де-юре наследник имеет право на биткоины или токены, но де-факто, по техническим причинам не имеет доступа к ним.

Если наследодатель не передал наследникам приватные ключи – уникальные комбинации символов, необходимые для доступа к цифровым активам, то получить средства становится невозможно. Восстановить доступ без паролей, данных двухфакторной аутентификации или биометрических параметров умершего невозможно. В такой ситуации нотариусы не могут оказать действенную помощь: у них нет утверждённых алгоритмов для решения подобных вопросов. Дополнительную сложность создаёт отсутствие централизованного реестра цифровых активов, который позволил бы выявлять и учитывать такие объекты при оформлении наследства. Операторы систем, ссылаясь на правила конфиденциальности, отказываются предоставлять данные третьим лицам.

На сегодняшний день не урегуированы вопросы совершения нотариальных действий применительно к цифровым активам, во-первых, взаимодействие нотариусов с операторами информационных систем, во-вторых, отсутствует процедура, согласно которой нотариус вправе запросить сведения о счетах наследодателя у криптобирж, во-третьих, неопределенна форма завещаний, включающих цифровые финансовые активы, закон не уточняет, можно ли прямо указывать в завещании цифровые кошельки, аккаунты и токены. Федеральной нотариальной палатой (ФНП) не разработаны единые методические рекомендации, нотариусы решают каждую ситуацию по-своему, что нередко приводит к противоречивым результатам.

Представляется верным, выделить некоторые направления развития российского гражданского законодательства. Одним из решений в сложившей ситуации может выступать заключение при жизни наследодателя наследственного договора (статья 1140.1 ГК РФ) с наследниками, что позволит заранее согласовать условия передачи цифровых активов. Необходимо закрепить легальное определение «цифрового актива», дополнив статью 141.1 ГК РФ.

Кроме того, ФНП должна разработала методические рекомендации, регулирующие работу нотариусов с цифровыми активами в наследственных делах, а именно порядок включения активов в наследство, возможность и

порядок запроса у операторов систем необходимых сведений, правила хранения цифровых ключей, форму завещания цифровых активов. Существует необходимость в интеграции с цифровыми сервисами государства, например, внедрение механизма управления цифровыми активами на базе портала «Госуслуги» предоставит гражданам возможность контролировать свои цифровые активы, а нотариусам оперативно и грамотно фиксировать волеизъявление наследодателя. Итогом законодательного нововведения должно стать урегулирование коллизий с пользовательскими соглашениями, а именно закрепление приоритет положений наследственного права над условиями пользовательских соглашений в части передачи имущественных цифровых активов.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.
2. «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Российская газета. № 173. 06.08.2020.
3. Одинцов С.В., Гонсалес Оре А.А. Актуальные проблемы цифрового наследования // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2025. –№ 11. – С. 101-108.

УДК 340.132.626

ВОЗМОЖНА ЛИ ЛЕГИТИМАЦИЯ СУДЕБНОГО ПРЕЦЕДЕНТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ?

Брезгулевская Н. В., ORCID: 0009-0008-1145-6106
Северо-Западный институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Санкт-Петербург, РФ
e-mail: brezgulevskaya-nv@ranepa.ru

Введение. На протяжении нескольких десятилетий ученые и практикующие юристы дискутируют о наличии в Российской Федерации де-факто судебного прецедента.

Несомненно, судебный прецедент существует в странах англосаксонской правовой семьи, а наличие его в странах, относящихся к континентальной правовой семье, отрицается.

Исторически судебный прецедент не признавался в России. Рене Давид писал: «Если спросить советского юриста, какова роль судебной практики в Советском Союзе, он убежденно ответит, что эта роль значительна. Если же

спросить его, является ли судебная практика источником права, то последует незамедлительный и четкий отрицательный ответ» [1 с. 170].

Основная часть. Система права в Российской Федерации построена на принципе верховенства закона. Этот принцип закреплен в статье 4 Конституции РФ. Судебные споры суд обязан разрешать в соответствии с положениями действующего законодательства, что закреплено в части 1 статьи 11 ГПК РФ и части 1 статьи 13 АПК РФ.

Нормативные правовые акты являются основным источником права в Российской Федерации и регулируют большую часть общественных отношений. На законодательном уровне такое понятие, как «судебный прецедент», отсутствует, официальным источником права он не является. Некую свободу при вынесении решений суды получают при разрешении споров в соответствии с пунктом 3 статьи 11 ГПК РФ и пунктом 6 статьи 13 АПК РФ. В соответствии с этими нормами, при рассмотрении спора, не урегулированного законом, суды должны применить аналогию закона, а при отсутствии аналогичных законов – аналогию права. Но и принятые на основе аналогии закона или аналогии права решения судов не формируют новую норму и не являются обязательными для применения при рассмотрении аналогичных дел.

Но в юридической науке и практике говорят о наличии в Российской Федерации судебного прецедента де-факто, то есть о существовании его на практике, несмотря на отсутствие такого закрепления в законе.

Для того чтобы дискутировать на эту тему, в первую очередь, целесообразно напомнить, что такое судебный прецедент и каковы его особенности.

Рене Давид определял судебный прецедент как «решение по конкретному делу, являющееся обязательным для судов той же или низшей инстанции при решении аналогичных дел либо служащее примерным образцом толкования закона, не имеющим обязательной силы» [1 с. 301]. На наш взгляд, это определение, признанное в юридической науке классическим, по сути, описывает два разных явления, имеющих разную юридическую силу: судебный прецедент, который формирует новую правовую норму, является основным источником права и обязателен для применения другими судами, и судебную практику, которая отличается от судебного прецедента отсутствием этих признаков.

Таким образом, можно выделить несколько отличительных особенностей судебного прецедента: он должен формировать новую правовую норму, являться источником права и быть обязательным для применения судами при рассмотрении аналогичных дел.

Далее следует определить, какую роль в системе права Российской Федерации играют судебные решения.

Любое решение суда должно быть основано на законе либо, в отдельных случаях, на аналогии закона, аналогии права или правовом обычаи. При

разрешении спора суд анализирует нормативный правовой акт и сопоставляет с ним рассматриваемые спорные отношения. Такие решения складываются в судебную практику, которая, по сути, если нормативный правовой акт применен правильно, должна быть одинаковой при разрешении аналогичных споров, обеспечивая тем самым принцип единообразия применения закона.

Высшие суды при издании своих актов также проводят анализ нормативных правовых актов, исследуют, насколько принятые низшими судами решения им соответствуют. Конституционный Суд РФ, помимо иных полномочий, также проверяет нормативные правовые акты на соответствие основному закону государства – Конституции РФ.

В статье 126 Конституции РФ закреплено, что Верховный Суд РФ дает разъяснения по вопросам судебной практики, которые обладают обязательной силой для нижестоящих судов.

Решения Конституционного Суда РФ, в соответствии со статьей 6 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», обязательны на всей территории Российской Федерации для всех органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений.

В этом акты высших судов Российской Федерации сопоставимы с одним из элементов судебного прецедента – обязательностью применения нижестоящими судами. Именно этот фактор обычно лежит в основе признания судебного прецедента существующим де-факто. Но достаточно ли этого для придания решению суда статуса судебного прецедента?

Как отмечалось выше, помимо возникновения обязательности применения нижестоящими судами, отличительной особенностью судебного прецедента является формирование посредством решений суда новой нормы. При этом новая норма, сформированная посредством судебного решения, не может возникать в той сфере, где отношения урегулированы законом, поскольку в этом случае будут параллельно существовать две различные нормы, регулирующие одни и те же отношения, что недопустимо в правовом государстве.

С развитием общества, конечно, возникают ситуации, когда на законодательном уровне спорные отношения не урегулированы, существуют пробелы в праве. Но законодательство не статично, оно меняется, и неурегулированные отношения должны быть урегулированы законом. При этом при наличии пробелов в законе неурегулированные отношения как-то существуют. Например, в наше время эта ситуация хорошо прослеживается на примере отношений с участием искусственного интеллекта. Законодательное регулирование в этой сфере практически отсутствует. Но тем не менее судебные споры разрешаются все-таки в рамках закона, и представить себе ситуацию, когда судебные решения станут регулятором этих отношений в отсутствие законодательного регулирования, сложно. Признание за судом

функций нормотворчества в государстве, основным источником права которого является закон, может привести к конфликту судебной и законодательной власти.

Заключение. Поэтому роль законодательства для своевременного регулирования общественных отношений крайне важна. И цель правового государства – совершенствовать свое законодательство для защиты общественных ценностей. Ситуация, когда суд начинает исполнять роль законодателя, говорит о несостоятельности законодательной власти и неизбежно ведет к кризису власти и нарушению одного из основополагающих принципов демократического государства – принципа разделения властей.

Возможно ли это в Российской Федерации? Возможно, но вряд ли это будет полезно и целесообразно. У высших судов есть своя важная роль в сфере применения права – толковать законы и приводить судебную практику к единообразию. При этом некое влияние на законотворчество, несомненно, судебная практика и акты высших судов имеют и должны иметь, но заменить закон они не могут, да и не должны, и судебным прецедентом не являются ни по своей сути, ни по своему назначению.

Список литературы

1. Давид Р. Основные правовые системы современности / Пер. В. А. Туманова. – М.: Прогресс, 1988. – 496

УДК 347.193

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Вирякина Е. А., ORCID 0009-0003-2868-0060
ГАОУ ВО ЛО «Гатчинский государственный университет»,
г. Гатчина, Ленинградская обл., РФ
e-mail: shibanova-1999@bk.ru

Введение. Участие публично-правового образования в гражданском обороте выступает важной темой для современной цивилистики, поскольку в настоящее время такое участие может осуществляться в различных формах. Изучение истории формирования гражданской правосубъектности государства позволяет отследить все этапы данного процесса, а также выявить недостатки в правовом регулировании на современном этапе.

Цель. Цель работы – изучение процесса формирования гражданской правосубъектности государства

Основная часть. Участие Российской Федерации, ее субъектов и муниципальных образований является неотъемлемой частью гражданского

оборота. Однако правовое положение публично-правовых образований в рамках частного права не всегда носило законодательный характер, а их правосубъектность в указанной сфере начала закладываться еще во времена римского государства.

Безусловно, в Древнем Риме изначально субъектами признавались лишь физические лица, а все отношения, которые не касались их прав регулировались иными способами. Несмотря на это, уже тогда особый статус приобретало государственное имущество, однако, никакого отношения к гражданскому обороту оно не имело и могло быть использовано лишь для обеспечения нужд народа [3, с. 236], и государство в качестве субъекта указанных правоотношений не рассматривалось. Соответственно, все споры, касающиеся указанных объектов, подлежали рассмотрению в административном порядке, поскольку гражданско-правовых методов защиты его правового положения предусмотрено не было.

Позже, первым коллективным субъектом стали частные корпорации, которые могли создаваться с разными целями и имели общее имущество, однако, в гражданских правоотношениях от их имени выступало всегда конкретное лицо.

Во времена расцвета римской республики народ начал олицетворять себя организационным единством, которое нуждалось в своем представительстве. Эту функцию на себя взяли магистраты, которые заключали все сделки от лица этого народа. В связи с этим стала возникать необходимость уравнивания правового статуса государства, как представителя народа, и иных субъектов гражданского оборота.

В работе В.Г. Голубцова говорится о том, что государство как политический союз и как субъект гражданского права не имело между собой разграничения, но деление права на частное и публичное существовало уже тогда, и одно к другому применяться не могло [2, с. 68].

Ключевым этапом в формировании гражданской правосубъектности публично-правового образования является императорский период римского государства, когда казна фактически слилась с собственностью императора, и он выступал в качестве собственника и кредитора всего имущества. Поскольку император выступал первым лицо государства, считалось, что все действия он совершает от имени всего народа. Уже позже появилась необходимость выделения общественного имущества в отдельную категорию, после чего глава государства мог распоряжаться им только в целях обеспечения общественных интересов. Однако, несмотря на это, равным участником гражданского оборота казна все равно не стала, а римские юристы относили ее к особому субъекту хозяйственной деятельности.

Если говорить о формировании гражданской правосубъектности публично-правовых образований в отечественной истории, то здесь формирование правового статуса в качестве равного субъекта права прошло три основных этапа: дореволюционный, советский и современный.

Безусловно, законодательного закрепления правосубъектности государства в рамках дореволюционного периода быть не могло, но статья 696 Свода законов Российской Империи закрепляла за Императорским Величеством право собственности на все государственное имущество. Субъектом гражданского права по смыслу данной статьи выступала казна, а сам император выступал ее представителем. Факт деления имущества на частное и государственное свидетельствовал о том, что государство, как минимум, выступало в гражданских правоотношениях хотя бы в отношениях собственности.

Можно предположить, что в характеристике правового положения публично-правового образования в гражданском обороте того времени можно выделить три основных мнения:

1. Казна выступает самостоятельным субъектом хозяйственной деятельности через свои органы;

2. Государство и казна отождествляются, представляя единый субъект;

3. Государство выступает самостоятельным участником гражданского оборота и имеет природу юридического лица.

Советский период характеризуется тем, что официально в качестве субъекта гражданских правоотношений признавалось само социалистическое государство. Однако его положение существенно отличалось, поскольку оно имело очевидные привилегии относительно иных субъектов гражданского оборота.

Став главным участником имущественного оборота, социалистическое государство начало процесс централизации. Уже в ноябре 1917 года был принять Декрет о земле [5], в соответствии с которым земля, все ее недра, воды и леса были объявлены государственным достоянием. Начиная с декабря 1917 года, начался процесс национализации банков и предприятий, и уже в 1918 году он охватил практически все отрасли промышленности.

Такая политика государства наложила отпечаток на всей жизни общества: товарно-денежные отношения свелись к минимуму, сократилась торговля продовольственными товарами, а сама предпринимательская деятельность в стране стремилась к исчезновению. Таким образом, в таких условиях вопрос изучения государства как субъекта частного права также был не востребован. Однако, как пишет В.Г. Голубцов, «При этом стоит признать вывод справедливым о том, что советский законодатель, безусловно, признавал за социалистическим государством статус частноправового субъекта и, как следствие, наличие гражданской правосубъектности» [1, с. 20].

Важным тому подтверждением является закрепление такого статуса в первой Конституции РСФСР [4], которая была принята V Всероссийским съездом Советов. Помимо прочего, существовали и иные нормы, которые определяли гражданскую правоспособность государства. Примером может послужить законодательство о концессионных соглашениях, в соответствии с которым государство имело право преимущественной покупки продукции,

производимой иностранными предпринимателями, а также право досрочного выкупа этого концессионного предприятия. Несмотря на то, что советское государство имело привилегированное положение, в данных правоотношениях оно подчинялось обоюдно достигнутым условиям соглашения и выступало на равных началах.

Позже, к 1921 году, было принято решение переходить к новой экономической политике. Данный период характеризуется введением мер, которые были абсолютно противоположны процессам, происходившим ранее, а именно, государство начало процесс либерализации экономики. В первую очередь, начала вводиться свободная торговля, произошла замена продразверстки продналогом, некоторые предприятия стали передаваться в частную собственность. Иными словами, общество начало отходить от военного коммунизма, а предпринимательство получило возможность возродиться. Однако государственные предприятия все же имели некоторые преимущества, например, в сфере имущественной ответственности, когда такие предприятия отвечали по своим обязательствам лишь оборотным имуществом.

В настоящее время статус публично-правовых образований регламентирован гражданским законодательством, а также закрепляет за такими субъектами статус равных со всеми остальными участниками субъектов. Безусловно, в настоящее время все также существуют некоторые ограничения или, наоборот, привилегии при участии РФ, ее субъектов и муниципальных образований в частной сфере, что также нуждается в дополнительной доработке.

Ранее, в рамках своих работ мы уже говорили о необходимости дополнения существующего перечня принципов гражданского права новым принципом «Обеспечения соблюдения баланса публичных и частных интересов». На наш взгляд, эта меря позволит обосновать те или иные отклонения в правовом положении публичных субъектов права в гражданском обороте.

Заключение. Таким образом, история формирования гражданской правосубъектности государства берет свою историю со времен Древнего Рима. Вплоть до возникновения советского государства в основном в качестве субъекта принято считать было казну. На наш взгляд, в настоящее время перечень представителей государства в гражданском обороте гораздо шире, поскольку включает в себя государственные органы и органы муниципальной власти, физические и юридические лица, действующие по специальному поручению, а также юридические лица, учредителем которых также выступает государство, его субъекты и муниципальные образования.

Список литературы

1. Голубцов В.Г. Российская Федерация как субъект гражданского права: монография. М., 2019. С. 20.
2. Голубцов В.Г. Гражданско-правовой статус публичных субъектов в римском праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2007. №8. С. 68 (66-75)

3. Покровский И.А. // История римского права. СПб, издательско-торговый дом «Летний сад», 1999. 535 с.
4. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г.). URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1918/ (дата обращения: 30.09.2026) (утратил силу)
5. Декрет II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов от 8 ноября (26 октября) 1917 г. «О земле» // СУ РСФСР. 1917. № 1. ст. 3. (утратил силу)

УДК 615.849

САМОЗАЩИТА ПРАВ НА КОММЕРЧЕСКУЮ ТАЙНУ: ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Войтов В. В., ORCID 0009-0000-0310-5818
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: hriptorgo@mail.ru

Введение. Коммерческая тайна является важным объектом гражданско-правовой охраны, поскольку ее разглашение способно причинить обладателю значительный имущественный ущерб. В связи с этим особое значение приобретает своевременная защита прав на конфиденциальную информацию. Самозащита позволяет оперативно предупреждать и пресекать нарушения без предварительного обращения в суд.

Цель – исследования определение особенностей самозащиты прав на коммерческую тайну в системе гражданско-правовых способов защиты.

Основная часть. Особенность самозащиты прав на коммерческую тайну заключается прежде всего в том, что объектом защиты выступает информация, ценность которой непосредственно связана с сохранением ее конфиденциальности. В соответствии со статьей 4 Федерального закона «О коммерческой тайне» от 29.07.2004 N 98-ФЗправо на отнесение информации к информации, составляющей коммерческую тайну, и на определение перечня и состава такой информации принадлежит ее обладателю с учетом требований, установленных законодательством [1].

Стоит учитывать и то, что само по себе желание обладателя сохранить определенные сведения в тайне не является достаточным основанием для возникновения соответствующего режима. Закон связывает его установление с принятием комплекса предусмотренных мер по охране конфиденциальности. Режим коммерческой тайны считается установленным после принятия обладателем информации соответствующих мер.

Вышеописанное положение имеет принципиальное значение и для самозащиты. Эффективность последующей защиты права во многом зависит от

того, насколько надлежащим образом обладатель коммерческой тайны первоначально организовал режим конфиденциальности.В данном контексте под защитой информации подразумеваются организационные, правовые и научно-методические меры, направленные на предотвращение разглашения и утечки сведений, составляющих коммерческую тайну, включая защиту от промышленного шпионажа, для обеспечения стабильного развития компании [2, с. 11].

Таким образом, самозащита прав на коммерческую тайну должна быть ориентирована прежде всего на предупреждение нарушения. Пресечение неправомерного доступа до момента фактического раскрытия информации имеет значительно большее значение, чем последующее устранение последствий уже состоявшегося разглашения. Если информация стала доступной широкому кругу лиц, ее фактическое возвращение в состояние конфиденциальности может оказаться невозможным.

Особое значение приобретает предупреждение неправомерного доступа к информации. Например, при выявлении попытки несанкционированного доступа к корпоративной информационной системе обладатель коммерческой тайны может использовать предусмотренные внутренними регламентами механизмы блокировки учетной записи, ограничения доступа к определенному информационному ресурсу, прекращения удаленного подключения, изменения параметров доступа или временного приостановления передачи соответствующей информации. При условии законности и соразмерности такие действия могут рассматриваться как формы практической реализации самозащиты.

При этом необходимо разграничивать собственно юридическую самозащиту и технические меры информационной безопасности. Техническое блокирование доступа само по себе не всегда является самостоятельным способом защиты гражданского права в узком юридическом смысле. Однако оно может выступать фактическим инструментом реализации права на самозащиту, если применяется обладателем права для предотвращения конкретного нарушения и соответствует установленным законом пределам.

Важным направлением самозащиты является такжеограничение дальнейшего использования неправомерно полученной информации. Например, если обладателю коммерческой тайны становится известно о том, что контрагент либо бывший работник использует конфиденциальные сведения в собственной предпринимательской деятельности, обладатель вправе предпринять предусмотренные законом и договором меры, направленные на прекращение такого использования.

При этом конкретные действия должны оцениваться с учетом правового статуса соответствующего лица, содержания договорных обязательств и характера возникшего нарушения. Особое значение в подобных ситуациях приобретают договорные механизмы. Обязанность сохранять конфиденциальность коммерческой тайны может закрепляться в трудовых

договорах, соглашениях о конфиденциальности, договорах с контрагентами и иных документах. Закон о коммерческой тайне прямо предусматривает необходимость регулирования отношений по использованию соответствующей информации работниками и контрагентами.

Весомое значение имеет также и возмещение убытков. В соответствии со статьей 15 ГК РФ лицо, право которого нарушено, вправе требовать полного возмещения причиненных ему убытков, если законом или договором не предусмотрено иное [3]. К убыткам относятся реальный ущерб и упущенная выгода.

Применительно к коммерческой тайне возможность взыскания убытков приобретает особое значение вследствие потенциально высокой стоимости неправомерно раскрытой информации. Убытки могут быть связаны не только с непосредственными расходами на восстановление нарушенного режима, проведение внутреннего расследования, усиление информационной безопасности и устранение последствий инцидента, но и с неполученными доходами, возникшими вследствие утраты конкурентного преимущества.

Вместе с тем именно доказывание убытков, причиненных разглашением коммерческой тайны, является одной из наиболее сложных проблем правоприменения. Экономический эффект от раскрытия информации не всегда может быть выражен в конкретной денежной сумме. Особенно сложно определить размер упущенной выгоды, если речь идет о долгосрочных конкурентных преимуществах, перспективных технологиях, бизнес-моделях или стратегических планах организации.

В этой связи самозащита имеет существенное преимущество перед исключительно компенсационным подходом. Она позволяет воздействовать на нарушение до наступления наиболее тяжелых имущественных последствий. Иными словами, для коммерческой тайны предупредительная функция защиты объективно приобретает большее значение, чем последующее денежное возмещение.

Необходимо так же указать и тот факт, что в современной практике значительный объем коммерчески значимой информации не существует в виде традиционных бумажных документов. Она создается и обрабатывается в электронных системах, а взаимодействие между участниками предпринимательской деятельности осуществляется посредством цифровых платформ. Поэтому представляется целесообразным дальнейшее развитие законодательства в направлении более четкого регулирования способов идентификации информации как коммерческой тайны в цифровой среде.

Заключение. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что самозащита прав на коммерческую тайну является самостоятельным и практически значимым элементом системы гражданско-правовой защиты. Ее специфика обусловлена особенностями коммерческой тайны как объекта правовой охраны, ценность которого непосредственно связана с сохранением конфиденциальности.

Основное значение самозащиты в рассматриваемой сфере состоит в возможности оперативного предупреждения или пресечения нарушения без ожидания судебного вмешательства. Для коммерческой тайны данный аспект имеет особое значение, поскольку после неправомерного раскрытия информации ее полное возвращение в состояние конфиденциальности зачастую объективно невозможно. Вследствие этого превентивный характер самозащиты приобретает приоритетное практическое значение.

На основании вышеописанного можно прийти к выводу о том, что самозащита прав на коммерческую тайну должна рассматриваться не как вспомогательный, а как самостоятельный элемент комплексного механизма гражданско-правовой охраны конфиденциальной информации. Ее сочетание с судебными, договорными, организационными и техническими средствами позволяет обеспечить более эффективное предупреждение нарушений и минимизировать негативные последствия неправомерного раскрытия или использования коммерчески значимых сведений.

Список литературы

1. Российская Федерация Законы**.** Федеральный закон «О коммерческой тайне» от 29.07.2004 N 98-ФЗ: [принят Государственной Думой 9 июля 2004 года]: [с изменениями и дополнениями на 8 августа 2024 года]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48699/ (дата обращения: 25.09.2026). – Текст: электронный.
2. Крутин, Ю. В. Защита коммерческой тайны: конспект лекций / Ю. В. Крутин; Российский государственный профессионально-педагогический университет. – Екатеринбург: РГППУ, 2020 – 31 с.
3. Российская Федерация. Законы**.** Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : ГК РФ : Федеральный закон от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ : [с изменениями и дополнениями]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 25.09.2026). – Текст : электронный.

УДК 347.44

ЛОКАЛИЗАЦИЯ ИМУЩЕСТВЕННОГО РИСКА (PERICULUM) КАК КРИТЕРИЙ ЧАСТНОПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГРАЖДАН

Гашымов Р. А., ORCID: 0009-0006-7660-6895
АНО ВО «Университет «Синергия», г. Москва, РФ
e-mail: rgashymov@hse.ru

Введение. Развитие сетевой торговли и алгоритмических платформ привело к формированию массового сегмента занятости, не укладывающегося в классическую модель отношений «работник – организация».

Правоприменительная практика неоднородна: суды переквалифицируют договоры по ст. 19.1 ТК РФ, а налоговые органы ориентируются на формальные признаки в письме ФНС России от 15.04.2022 № ЕА-4-15/4674@ (регулярность выплат, длительность сотрудничества, отсутствие иных заказчиков). Ситуацию усложняет деятельность межведомственных комиссий по противодействию нелегальной занятости (ст. 66 Федерального закона от 12.12.2023 № 565-ФЗ). Цивилистический анализ подменяется учетом банковских операций, что существенно ограничивает автономию воли и свободу договора (ст. 1, 421 ГК РФ).

Схожего подхода придерживается и законодательство: закон о платформенной экономике (Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ) и утвержденные постановлением Правительства РФ от 19.06.2026 № 760 правила определения систематичности выполнения заказов преимущественно сосредоточены на количественных параметрах деятельности.

Цель исследования – обосновать значение распределения имущественного риска (periculum) при отграничении гражданско-правовых обязательств от трудовых и определить ориентиры для судебной оценки таких споров.

Основная часть. Римское право противопоставляло наем рабочей силы (locatio conductio operarum) найму для создания материального результата (locatio conductio operis): в первом случае заказчика интересует сама деятельность лица, во втором – ее итог. Л.С. Таль, исследуя трудовой договор, разграничил служебный и предпринимательский труд: наем предполагает подчинение хозяйской власти нанимателя, тогда как самостоятельный исполнитель действует на собственный риск [1, с. 80–84].

В современной литературе предлагается расширить сферу действия трудового права, дополнив критерий подчинения признаками экономической зависимости и неравенства возможностей сторон, прежде всего при платформенной занятости [2, с. 125]. Исполнитель в платформенных обязательствах не связан локальными актами контрагента, самостоятельно определяет график для принятия заказов и может прекратить работу без риска применения мер дисциплинарной ответственности. При этом формальная свобода ограничена, поскольку платформа устанавливает стоимость услуг, рейтинг и доступ к заказам. Однако экономическая зависимость стороны сама по себе не свидетельствует о трудовом характере отношений. Кроме того, понятия «самозанятость» и «платформенная занятость» не определяют статус лица [3], требуя оценки существа отношений.

При отсутствии дисциплинарной зависимости определяющим критерием выступает категория риска. В. А. Ойгензихт обосновал ее как самостоятельную субъективную категорию, выражающуюся в осознанном принятии участником оборота неблагоприятных, в том числе некомпенсируемых имущественных последствий своей деятельности [4, с. 77]. Работник защищен гарантией возмещения производственных расходов (ст. 22 ТК РФ), тогда как

самостоятельный исполнитель принимает на себя бремя рыночных и материальных потерь. Так, согласно п. 1 ст. 705 ГК РФ риск случайной гибели или случайного повреждения результата работ до его приемки заказчиком несет подрядчик. При оказании услуг аналогичное соотношение предусмотрено п. 2 ст. 781 ГК РФ: если исполнение стало невозможным по обстоятельствам, за которые стороны не отвечают, исполнитель вправе требовать лишь возмещения фактических расходов, утрачивая прибыль.

Схожей позиции придерживается правоприменитель. В п. 24 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ) от 29.05.2018 № 15 отмечено, что от договора возмездного оказания услуг трудовой договор отличается предметом: работник выполняет не разовую работу, а определенную трудовую функцию, и значим сам процесс труда.

Имущественный риск исполнителя выражается в трех аспектах: бремени эксплуатационных расходов на средства производства (в отличие от ст. 22 ТК РФ); риске неоплачиваемого простоя при ожидании заказов (вразрез ст. 157 ТК РФ); риске недостижения результата и неполучения платы (ст. 723, 783 ГК РФ).

Вместе с тем категория риска присуща и трудовому праву: работник несет материальную ответственность (гл. 39 ТК РФ), а использование им личного имущества компенсируется (ст. 188 ТК РФ). Однако в трудовых отношениях риск ограничен пределами среднего месячного заработка (ст. 241 ТК РФ) и обусловлен виной работника. Для самостоятельного исполнителя риск заложен в цену договора как экономическая плата за его самостоятельность.

Цифровое распределение заказов не создает отношений подчинения. Принятие типовых условий сервиса выражает согласие с техническим стандартом, а не признание дисциплинарной власти [1, с. 20–22, 163–165]. Выплаты же при отмене заказа клиентом – способ компенсации договорного риска [5, с. 10], а не форма оплаты труда.

Критерий систематичности и подход ФНС России опираются на количественные показатели, не позволяя установить, на ком лежат имущественные потери. Данный подход прослеживается в деле № А76-20897/2023 (определение ВС РФ от 03.02.2025 № 309-ЭС24-20306): суды согласились с налоговым органом в том, что договоры с плательщиками налога на профессиональный доход (НПД) признаны прикрывающими трудовые отношения. Между тем деятельность самостоятельного исполнителя (за исключением бытовых услуг) носит преимущественно предпринимательский характер [6], а такая деятельность по ст. 2 ГК РФ осуществляется на свой риск. Оценка риска должна дополнять количественный критерий, служащий лишь поводом для проверки: по ч. 3 ст. 19.1 ТК РФ неустранимые сомнения толкуются в пользу трудовых отношений, поэтому суду необходимо исчерпать все возможности для установления действительной природы отношений.

Выясняя действительную волю сторон (ст. 431 ГК РФ), суд не должен презюмировать трудовую модель лишь по признаку регулярности выплат. Если

заказчик обеспечивает исполнителя техникой, гарантирует доход и компенсирует простой, имущественный риск лежит на нем, что делает переквалификацию обоснованной.

Судебный анализ необходимо строить на установлении лица, несущего имущественные потери: кто оплачивает средства производства, компенсируется ли простой, вправе ли исполнитель отклонить заказ без штрафных санкций.

Заключение. Имущественный риск (periculum) выступает ключевым частноправовым критерием отграничения самостоятельной занятости от наемного труда. Самостоятельное несение расходов на средства производства, отсутствие оплаты времени ожидания и принятие риска недостижения результата как правило исключают квалификацию отношений в качестве трудовых. Оценку правоотношений надлежит проводить по фактическому распределению рисков и содержанию договора, а не по формальным признакам.

Список литературы

1. Таль Л. С. Трудовой договор: цивилистическое исследование: в 2 ч. / Л. С. Таль. – Ярославль.: Типография Губернского Правления, 1913–1918. – Ч. 1: Общие учения. – 1913.- 422 с.; Ч. 2: Внутренний правопорядок хозяйственных предприятий. -1918. -188 с.
2. Лютов Н. Л. Трансформация трудового правоотношения и новые формы занятости в условиях цифровой экономики / Н. Л. Лютов // Журнал российского права. – 2019. – № 7. – С. 115–130. – DOI 10.12737/jrl.2019.7.10. – EDN XDMKKL.
3. Савенко Н. Е. Занятость, самозанятость и платформенная занятость граждан в свете законопроекта о занятости населения в Российской Федерации / Н. Е. Савенко // Хозяйство и право. – 2024. – № 2. – С. 26-41. – DOI 10.18572/0134-2398-2024-2-26-41. – EDN WAVOBC.
4. Ойгензихт В. А. Проблема риска в гражданском праве (часть общая) / В. А. Ойгензихт отв. ред. Г. М. Коршикова. – Душанбе: Ирфон, 1972. – 224 с.
5. Архипов Д. А. Распределение договорных рисков в гражданском праве: экономико-правовое исследование / Д. А. Архипов. – Москва: Статут, 2012. – 112 с. – ISBN 978-5-8354-0838-2. – EDN QSOQIH.
6. Жукова Ю. Д. Самозанятые граждане: правовая квалификация деятельности и перспективы формирования специального режима / Ю. Д. Жукова, А.С. Подмаркова // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. – № 4. – С. 49–79. – DOI 10.17323/2072-8166.2021.4.49.79. – EDN YINFFZ.

УДК 349.442

ПРАВОВЫЕ ПРЕДЕЛЫ КОНТРОЛЯ В СТРОИТЕЛЬНЫХ СРО: ОТ СОЛИДАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ К РИСК-ОРИЕНТИРОВАННОМУ ПОДХОДУ

Голотова М. А., канд. ист. наук, ORCID: 0009-0008-6833-5305
Кубанский институт социоэкономики и права (филиал) ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений», г. Краснодар, РФ
e-mail: A-dyd4enko@yandex.ru

Введение. Некоммерческие организации защищают интересы своих членов и одновременно осуществляют контрольные функции, порученные государством. Меры дисциплинарного воздействия применяются в порядке статьи 10, а действия СРО и решения ее органов управления обжалуются по статье 11.

В строительстве к общей рамке добавлена имущественная ответственность организации. Статья 55.16 Градостроительного кодекса РФ регулирует компенсационные фонды саморегулируемой организации, в том числе фонд обеспечения договорных обязательств для членов, участвующих в конкурентных закупках [1]. В пределах средств компенсационного фонда возмещения вреда СРО несет солидарную ответственность по обязательствам своих членов, возникшим вследствие причинения вреда, в случаях, предусмотренных статьей 60 Градостроительного кодекса РФ. Для членов, претендующих на договоры стоимостью свыше 10 млрд руб., максимальный взнос составляет 25 млн руб.

Цель – определить правовые пределы контрольных полномочий СРО исходя из соотношения частных и публичных интересов с использованием формально-юридического, сравнительно-правового, системного и статистического методов. Установлено, что Федеральный закон «О саморегулируемых организациях» задает общую рамку контроля (плановые и внеплановые проверки, риск-ориентированный подход), а отраслевые законы расширяют ее неравномерно. В строительстве публичный интерес закреплен через компенсационные фонды и солидарную ответственность, что оправдывает более глубокий контроль при продолжающемся росте числа организаций в реестре.

Основная часть. Солидарная ответственность меняет соотношение интересов. Каждый член СРО рискует средствами общего фонда при нарушениях, допущенных другим членом, поэтому глубокий контроль отвечает и его частному интересу. Публичный интерес заказчиков и третьих лиц здесь совпадает с частным, что отличает строительство от сфер с символическими взносами[2].

Динамику внесения строительных СРО в государственный реестр отражает порядковая [3] часть их регистрационных номеров (таблица 1).

Таблица 1

Порядковая часть регистрационного номера строительной СРО по дате внесения в государственный реестр

Дата внесения	Организация	Регистрационный номер	Порядковая часть
01.02.2010	НП «Союз строителей «РЕГИОН»	СРО-С-189-01022010	189
25.06.2025	Ассоциация «Генеральных подрядчиков в строительстве» (г. Москва)	СРО-С-325-25062025	325
25.06.2025	Ассоциация «Строители Подмосковья «Альянс Развитие» (Московская область)	СРО-С-326-25062025	326
28.05.2026	Ассоциация «Содействие капитальному строительству» (СОДЕКС)	СРО-С-339-28052026	339

Источник: составлено по данным Ростехнадзора [4], [5].

Между двумя последними датами таблицы порядковая часть номера выросла на 13 (при сквозной нумерации это не менее 13 новых организаций менее чем за год). В июне 2025 года сведения были внесены в один день сразу о четырех организациях [4]. Одновременно Ростехнадзор исключает сведения о СРО из государственного реестра во внесудебном порядке, как это произошло с НП «Союз строителей «РЕГИОН» [5]. Состав реестра меняется как за счет входа, так и за счет выхода организаций. При территориальном принципе членства рост числа организаций в одном субъекте РФ создает риск конкуренции за членов через смягчение контроля.

Федеральный государственный надзор за деятельностью самих СРО осуществляется по статье 23 Федерального закона № 315-ФЗ. Исключение сведений о СРО из реестра затрагивает всех ее членов, включая добросовестных, которым приходится переходить в другую организацию.

С 2021 года контроль может строиться на риск-ориентированной основе. Часть 3.2 статьи 9, введенная Федеральным законом от 11.06.2021 № 170-ФЗ, позволяет профильному федеральному органу исполнительной власти или Банку России «установить требования к категориям риска, критериям отнесения деятельности членов саморегулируемой организации к определенной категории риска» [11]. Эта норма впервые прямо ограничила усмотрение СРО в выборе объектов и частоты проверок. Для строительства она означает концентрацию контроля на членах, которые заключают крупные договоры и вносят повышенные взносы.

Действующее регулирование ограничивает контроль СРО по объекту (стандарты, правила, условия членства), но почти не ограничивает его по интенсивности и по последствиям для члена.

Гарантии самой организации в отношениях с публичной властью различаются по отраслям. Нормативные основы деятельности СРО показали,

что объем права на обжалование неодинаков у арбитражных управляющих, рекламы и ревизионных союзов сельскохозяйственных кооперативов [6].

СРО в сфере рекламы, контролируя членов, лишена того объема средств защиты от публичной власти, которым располагает СРО арбитражных управляющих. Контрольная власть без парного права на защиту смещает баланс в пользу публичного интереса [7].

Выявленные пробелы требуют корректировки статей 9–11 Федерального закона № 315-ФЗ. Предлагаются следующие изменения: – закрепить в статье 9 исчерпывающий перечень сведений, которые СРО вправе запрашивать при проверке, соразмерность меры воздействия характеру нарушения и риску для третьих лиц как условие законности решения по статье 10, право члена обжаловать исключение в профильный федеральный орган до обращения в суд. Первая мера отсекает проверки, не связанные со стандартами. Вторая дает суду критерий оценки. Третья выносит спор за пределы корпоративных органов.

Для строительных СРО эти меры должны сочетаться с риск-ориентированным подходом по части 3.2 статьи 9 [8]. Если Минстрой России утвердит категории риска, плановые проверки членов с минимальными взносами станут реже, а проверки участников крупных закупок – глубже. Результат будет зависеть и от того, сохранит ли законодатель территориальный принцип членства, закрепленный Градостроительным кодексом РФ.

Против предложенных мер можно возразить, что формализация контроля снизит его гибкость и приблизит СРО к органу надзора, а ведь аудиторы в свое время единым фронтом выступали против обязательного членства и передачи СРО ряда публичных функций.

Заключение. Это возражение справедливо для сфер с добровольным членством. Там, где членство обязательно и связано с допуском к работам (как в строительстве), организация уже выполняет публичную функцию. Гарантии члена в этом случае компенсируют отсутствие у него выбора. Функци СРО указывают на необходимость оценивать потребность сферы в регулировании и готовность предпринимательского или профессионального сообщества к саморегулированию.

Определение пределов контрольных полномочий саморегулируемых организаций требует сбалансированного подхода, учитывающего интересы профессионалов, общества и государства. Установленные условия – соблюдение стандартов, соразмерность мер воздействия и возможность оспаривания решений – способствуют обеспечению эффективного контроля, справедливости и прозрачности в деятельности СРО.

Список литературы

1. Системный анализ и прогнозы социально-экономического развития, экономической безопасности и права современного российского общества / М. С. Абросимова, М. В. Архипова, В. А. Астафьева [и др.]. – Москва : Издательско-торговая корпорация Дашков и К, 2026. – 438 с. – ISBN 978-5-394-06508-8. – EDN ZBLRSO.

2. Дудченко, А. В. Трансформация форм собственности / А. В. Дудченко, Д. Д. Васильева // Сфера услуг: инновации и качество. – 2021. – № 54. – С. 116-123. – EDN MKDAQO.
3. Системный анализ: управление и обработка информации / Б. А. Аль-Нами, И. В. Андросова, О. Е. Гудкова [и др.]. – Москва : Московский университет им. С.Ю. Витте, 2025. – 213 с. – ISBN 978-5-9580-0827-8. – EDN VOLZSY.
4. Ростехнадзор внес в государственный реестр саморегулируемых организаций сведения о трех СРО // Ведомости. 2026. 29 мая. URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2026/05/29/rostehnadzor-vnes-v-gosudarstvennii-reestr-samoreguliruemih-organizatsii-svedeniya-o-treh-sro (дата обращения: 27.09.2026).
5. Ростехнадзор внес в государственный реестр строительных СРО сведения о четырех организациях // Ведомости. 2025. 7 июля. URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2025/07/07/rostehnadzor-vnes-v-gosudarstvennii-reestr-stroitelnih-sro-svedeniya-o-chetireh-organizatsiyah (дата обращения: 27.09.2026).
6. Чабриков, Д. В. Безопасность персональных данных в эпоху цифрового государства / Д. В. Чабриков, Е. Г. Томбулова, В. С. Данилушкин // Экономика, бизнес и инновации: актуальные вопросы науки и практики: Материалы международной научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов, магистрантов и студентов, Краснодар, 28 января 2026 года. – Краснодар: Российский университет кооперации, 2026. – С. 360-364. – EDN PRBNIO.
7. Дудченко, А. В. Электронные формы денежных расчетов / А. В. Дудченко, В. Ю. Павловская, О. Г. Чижова // Развитие юридической науки и проблема преодоления пробелов в праве: Сборник научных статей по итогам работы одиннадцатого международного круглого стола, Шахты, 30 декабря 2019 года. Том Часть 2. – Шахты: Общество с ограниченной ответственностью "КОНВЕРТ", 2019. – С. 35-36. – EDN OJOCRT.
8. Функции саморегулируемой организации // КиберЛенинка. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/funktsii-samoreguliruemoy-organizatsii (дата обращения: 27.09.2026).

УДК 347.132

ПРЕДМЕТ ДОГОВОРА: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Голышева А. В.[1], канд. ист. наук, доц., ORCID 0000-0001-5366-7202,
Голышев В. Г.[2], канд. юрид. наук, доц., ORCID 0000-0001-5029-6688
[1] ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет», г. Москва, РФ
[2] ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», г. Москва, РФ;
ЧОУ ВО «Московский университет имени С.Ю. Витте», г. Москва, РФ
e-mail: info@mgpu.ru, info@muiv.ru

Введение. Содержание ст. 432 ГК РФ, определяет, что предмет договора относится к числу его существенных условий. Более того, условие о предмете договора является единственным существенным условием, общим для всех соглашений без какого-либо исключения из данного правила. Таким образом закон прямо указывает на то обстоятельство, что беспредметные договоры не

признаются правом в качестве юридической сделки. Между тем вопрос о том, что именно представляет собой данное условие договора не является решенным таким образом, чтобы не вызывать трудностей в тех или иных случаях договорного регулирования и правоприменения[1].

Цель данного исследования заключается в кратком освещении вопросов, регулирующих такое существенное условие договора, как его предмет.

Основная часть. В юридической литературе отражено несколько подходов к определению предмета договора. Наиболее распространенным по нашему мнению, является тот, согласно которому предметом договора выступает имущество, подлежащее передаче, или действия юридического или фактического характера [1, с. 17; 4, с. 55]. Несмотря на то, что данная точка зрения более характерна для учебной литературы, однако общего понимания предметной стороны соглашения недостаточно для надлежащего регулирования конкретных правоотношений. В отношении иных позиций, следует отметить тот факт, что ученые «по-своему» подходят к пониманию предмета договора (сделки). Так, например, Меркулов В.В. говорит о предмете договора как «о всем, что есть в договоре» [5, с. 27]. С точки зрения Карапетова А.Г., «под согласованием предмета договора разумно понимать конкретизацию в договоре содержания основных обязательств сторон с достаточной степенью детализации, чтобы их воля могла быть воспринята судом» [3, с. 969]. По мнению Брагинского М.И., «В широком смысле слова предмет охватывает весь набор показателей того, по поводу чего заключен договор. Сюда входят данные о предмете как таковом, включая количество, качество и цену передаваемых товаров, выполняемых работ и оказываемых услуг» [2, с. 254].

Как видно из приведенных цитат, предлагая то или иное видение предмета договора, авторы указывают на довольно широкий и весьма обобщающий смысл определяемого условия, что само по себе вряд ли способно оптимизировать правоприменительную практику договорного регулирования.

В самом общем виде, гражданско-правовой договор возникает по поводу передачи имущества, выполнения каких-либо работ или оказания услуг. Соответственно, суть возникающего правоотношения может быть определена посредством установления четырех основных параметров: что, в каком объеме (количестве), когда и каким образом.

Оценивая уже те немногочисленные взгляды исследователей, которые нашли свое отражение в данной статье, нетрудно заметить, что основной вопрос состоит в том, чтобы определить достаточную совокупность критериев, способных определить количественную характеристику того объекта гражданских прав, по поводу которого стороны вступают в договорные отношения, чем, собственно, и определить пределы соответствующего договорного регулирования. Важное значение для разрешения данного вопроса имеет, по нашему мнению, определение предмета договора возмездного

[1] Публикация подготовлена при информационной поддержке Справочно-правовой системы КонсультантПлюс

оказания услуг. Так, в соответствии с п. 1 ст. 779 ГК РФ предметом данного договора является совершение определенных действий либо осуществление определенной деятельности [6]. При этом, количественные характеристики, определяющие необходимый к совершению объем таких действий или содержательные границы предполагаемой деятельности, стороны должны установить сами.

Анализируя различные точки зрения на предмет договора, считаем, что предмет договора необходимо должен определять:

1) объект гражданских прав, по поводу которого конструируется договорное правоотношение (например: имущество, подлежащее передаче покупателю, работа и соответствующий ей результат, либо вид подлежащих оказанию услуг);

2) необходимый набор количественных характеристик, определяющих объем и конкретизирующих, таким образом, содержание того объекта гражданских прав, по поводу которого конструируется соответствующая договорная модель.

Таким образом, предметные границы договорного регулирования определяются в основном видовыми особенностями тех или иных объектов гражданских прав, а также количественными характеристиками, которые определяют содержание соответствующего объекта в соответствии с законодательством и субъективными намерениями сторон конкретного соглашения.

Заключение. Таким образом, законодатель, оставляя разрешение вопроса о содержании предмета договора на усмотрение его сторон, тем не менее, определяет некоторые правовые последствия на тот случай, если стороны не сделают это надлежащим образом – т.е. так, чтобы это не противоречило смыслу гражданско-правового регулирования.

Список литературы

1. Белов В.Е. Гражданское право: общие положения о договорах : учебное пособие для бакалавров / С.А. Соменков; ред.: В.В. Долинская, В.Л. Слесарев; Моск. гос. юрид. ун-т им. О.Е. Кутафина (МГЮА); В.Е. Белов .— Москва : Проспект, 2017 .— 92 с. – ISBN 978-5-392-23035-8.
2. Брагинский М.И., Витрянский В.В., Договорное право: Общие положения. – Москва : Издательство «Статут», 1997. – 682 с.
3. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307 – 453 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв. ред. А. Г. Карапетов. – М.: Статут, 2017. – 1120 с.
4. Кабалкин А.Ю. Гражданско-правовые договоры в России. Общие положения: Курс лекций. – М.: Юрид. лит., 2002. – 222 с.- ISBN 5-7260-0985-1.
5. Меркулов В.В. Гражданско-правовой договор в механизме регулирования товарно-денежных отношений». Автореферат диссертации на соиск. уч. ст. докт. юрид. наук. Саратов. 1994. – 59 с.
6. Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. II: Обязательственное право / Отв. ред. Е.А. Суханов. – М.: Статут, 2010.

УДК 347

РОЛЬ КРЕДИТНЫХ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ КООПЕРАТИВОВ В ДОЛГОВОМ ФИНАНСИРОВАНИИ: ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Дацьо К. В., ORCID 0009-0003-9863-5660
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: kirzach90@gmail.com

Введение. В условиях роста ключевой ставки и удорожания долгового капитала ограничивается доступ компаний к кредитному финансированию банковских учреждений. Предприятия нуждаются в альтернативных источниках капитала для поддержания инвестиционной активности [1].

Долговое финансирование, которое предоставляют кредитные потребительские кооперативы (далее – КПК), основано на разделении прибыли и рисков, может рассматриваться как потенциально более устойчивая модель долгосрочного финансирования по сравнению с существующей практикой привлечения финансовых ресурсов банковских учреждений. Актуальность исследования обусловлена тем, что КПК имеют право предоставлять кредиты своим пайщикам, в том числе, на льготных условиях. В связи с этим важным элементом правового регулирования является установление требований к членству в КПК и порядку предоставления долгового финансирования пайщикам.

Правовые аспекты деятельности КПК нашли отражение в работах Л. А. Винницкой, Н. С. Власовой, Д. А. Струнца и других ученых [2-4]. В то же время особенности предоставления ими финансирования своим пайщикам требуют дальнейшего изучения.

Цель исследования состоит в том, чтобы раскрыть особенности долгового финансирования членов КПК.

Основная часть. КПК – это некоммерческая организация, созданная для улучшения экономического положения членов с учетом их вклада в развитие кооператива, в том числе для предоставления им финансовых услуг, включая долговое финансирование.

КПК это юридическое лицо, добровольно организованное гражданами для совместного решения финансовых проблем. КПК основаны на принципе самопомощи и коллективной ответственности, Они создаются для объединения людей с определёнными общими связями, для привлечения средств, получения кредитов при необходимости для решения экономических трудностей и одновременно для улучшения экономического, социального и культурного положения пайщиков.

Финансирование за счет средств КПК принципиально отличается от эмиссии облигаций и банковского кредитования, поскольку предполагает более глубокое вовлечение пайщика в распределение предпринимательского риска.

Члены КПК, будучи владельцами, также являются клиентами. Размер КПК зависит от числа участников. С ростом числа членов финансовый кооператив получает больше ресурсов для предоставления финансовых продуктов, сниженных комиссий, снижения процентных ставок по кредитам и более высокой доходности сбережений.

КПК похожи на банки, но принадлежат членам, поэтому их ассортимент может быть конкурентоспособным. Как финансовое учреждение, основанное на членстве, КПК может устанавливать критерии для членства, поэтому любое физическое лицо не всегда может стать пайщиком КПК, если не соответствует требованиям, предъявляемым к участникам КПК. Вкладчики, вступая в КПК, оценивают преимущества долгового финансирования за счет средств КПК, так как последние предлагают выгодные условия для инвестиционных сделок.

КПК распространены в аграрном секторе. Фермеры не всегда могут получить от коммерческих банков кредиты под относительно невысокие процентные ставки, или вообще не иметь возможности получить кредит. При выдаче кредитов банки могут учитывать высокие транзакционные издержки в аграрном секторе, или отказать в выдаче кредита из-за отсутствия залога, что является очень серьёзной проблемой.

Благодаря КПК фермеры могут повысить свою устойчивость к экономическим и экологическим потрясениям. Эти организации помогают малым фермерам развивать способность адаптироваться к вызовам, снижая уязвимость и повышая долгосрочную устойчивость. КПК могут выступать как поручители при получении фермерами кредитов в финансовых учреждениях в том случае, когда фермеры сталкиваются с трудностями при получении долгового финансирования. КПК стремятся максимизировать выгоды для своих членов, поэтому как форма организации бизнеса, отличаются от других юридических лиц.

В аграрном секторе для получения источника финансирования фермеры могут объединять средства для кредитования пайщиков. Они также могут выступать получателями кредита в финансовых учреждениях под более выгодные процентные ставки. Часто члены кредитных союзов предоставляют гарантии взаимного страхования для погашения кредита. В некоторых случаях производственные/маркетинговые кооперативы могут иметь КПК в рамках более широкой деятельности. Такой подход позволяет фермерам получить более прямой доступ к ключевым сельскохозяйственным ресурсам, таким как семена и сельскохозяйственные инструменты. Кредиты на эти ресурсы погашаются, когда фермеры отправляют свою продукцию в производственные/маркетинговые кооперативы.

Основная деятельность КПК – получать различные депозиты от членов, а также предоставлять кредиты и скидки на счета членам на основе этих вкладов.

Можно найти КПК, открытые для всех, но большинство КПК имеет более избирательные критерии.Размер КПК может варьироваться от одного или нескольких филиалов до широкого распространения с тысячами филиалов.

Многие КПК предлагают продукты и услуги, сопоставимые с теми, что предлагают крупные диверсифицированные банки.

КПК имеют открытое членство, и в отличие от банков, они могут быть больше заинтересованы в финансовом благополучии своих членов, чем в получении прибыли. Контроль над КПК принимает демократическую форму, каждый член получает один голос. При этом индивидуальное финансовое положение не пайщиков не имеет значения, и они не имеют разных уровней контроля, основанных на владении акциями КПК.

Д. А. Струнец отмечает, что важную роль в регулировании деятельности КПК играют саморегулируемые организации (СРО) [4, с. 55]. КПК это кооператив принадлежащий членам, предоставляющий услуги, аналогичные традиционным банкам. Его члены имеют возможность контроля над кооперативом путем голосования на общем собрании. Членство может привести к улучшению финансовых продуктов и услуг по мере того, как всё больше членов присоединяются к КПК. В настоящее время необходима разработка более четких и понятных правил, регулирующих деятельность КПК, а также усиление контроля за их соблюдением. Важно также стимулировать процесс консолидации КПК, что позволит повысить их капитализацию и снизить операционные расходы. Одним из недостатков использования КПК является необходимость быть членом. Для этого требуется дополнительный этап в процессе получения кредита, так как нужно соответствовать критериям членства в КПК.

Несмотря на значительный прогресс в развитии кредитной кооперации, существуют проблемы, требующие решения. К ним относятся недостаточная капитализация КПК, высокие операционные расходы, нехватка квалифицированных кадров, а также случаи злоупотреблений и мошенничества. Решение этих проблем требует совместных усилий государства, Банка России, СРО и самих КПК.

Список литературы

1. Федеральный закон от 21.12.2013 № 353-ФЗ (ред. от 22.06.2024) «О потребительском кредите (займе)»: // КонсультантПлюс. (Дата обращения12.09.2026)
2. Власова, Н. С. Проблемные кредиты: анализ и методы управления / Н. С. Власова, В. А. Торосян, Н. А. Бондаренко // Естественно-гуманитарные исследования. – 2026. – № 2(64). – С. 568-572
3. Виницкая, Л. А. Принцип условной возвратности в долговом финансировании как способе привлечения инвестиций / Л. А. Виницкая // Юрист. – 2026. – № 8. – С. 20-24. – DOI 10.18572/1812-3929-2026-8-20-24. – EDN FTBXJN.
4. Струнец, Д. А. Критерии отграничения договора займа от смежных обязательств (кредита,ссуды, рассрочки) / Д. А. Струнец // Гуманитарные науки. Высшая школа. – 2026. – № 2. – С. 55-58.

УДК 347.214.2

ПРОМЫШЛЕННЫЙ ОБЪЕКТ КАК ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ

Детушев И. И., ORCID 0009-0009-2233-1226
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: detushev.ivan.self@yandex.ru

Введение. В гражданском законодательстве Российской Федерации отсутствует самостоятельное понятие «промышленный объект». В хозяйственном обороте этим термином, однако, называют и производственное здание, и цех, и технологическую линию, и целую заводскую площадку. За одним привычным обозначением скрываются объекты с разной правовой природой. Для гражданского права это имеет вполне практическое значение: от квалификации зависят регистрация прав, возможность отчуждения и залога, раздел имущества, а также обращение на него взыскания. Особенно заметна проблема на крупных производственных площадках, где недвижимые вещи технологически связаны с оборудованием, инженерными сетями и земельным участком.

Основная часть. Статья 128 ГК РФ закрепляет общую систему объектов гражданских прав, а статья 130 относит к недвижимости земельные участки и объекты, прочно связанные с землей, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно [1]. На первый взгляд, для промышленного здания этого критерия достаточно. Но производственное назначение само по себе не превращает имущество в недвижимость, а категория объекта капитального строительства из градостроительного законодательства не тождественна гражданско-правовому понятию недвижимой вещи [2]. Судебная практика исходит из того, что запись о праве в реестре тоже не заменяет проверку природных свойств объекта или прямого указания закона [5]. Можно ли считать отдельной недвижимой вещью любую заводскую эстакаду, резервуар либо установку только потому, что она годами находится на одном месте? Ответ требует анализа конструкции, назначения и связи с землей, а не одного формального признака.

Не менее сложен вопрос о составе промышленного объекта. Современное производство редко сводится к одному зданию: оно объединяет корпуса, сооружения, сети, подъездные пути и оборудование. ГК РФ предлагает несколько юридических моделей. Предприятие по статье 132 признается имущественным комплексом, используемым для предпринимательской деятельности; в него могут входить земельные участки, здания, оборудование, сырье, права требования, долги и средства индивидуализации [1]. То есть речь идет не только о материальной основе производства, но и об имущественной организации бизнеса.

Иная конструкция закреплена статьей 133.1 ГК РФ. Единый недвижимый комплекс образуют здания, сооружения и иные вещи, объединенные назначением и неразрывно связанные физически или технологически либо расположенные на одном земельном участке, если право собственности на совокупность зарегистрировано как на одну недвижимую вещь [1]. Примечательно, что единый недвижимый комплекс не совпадает с предприятием: в него не включаются долги, права требования и весь набор нематериальных элементов хозяйственной деятельности. Федеральный закон № 218-ФЗ рассматривает такой комплекс как самостоятельный объект кадастрового учета и предусматривает отражение в техническом плане сведений о входящих в него зданиях и сооружениях [3].

Дополнительную путаницу создает отраслевое регулирование. Федеральный закон «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» выделяет опасный производственный объект исходя из характера процессов и источников опасности; в его составе могут учитываться площадки, участки, цеха, здания, сооружения и технические устройства [4]. Такой статус нужен прежде всего для целей безопасности. Он не должен автоматически определять границы объекта гражданских прав. Один опасный производственный объект может охватывать несколько самостоятельных движимых и недвижимых вещей.

Поэтому ключевой вопрос состоит не в том, существует ли промышленный объект как фактическое явление, а в какой юридической форме он входит в гражданский оборот. Исследователи недвижимости справедливо обращают внимание на то, что одного внешнего или формального признака для квалификации сложных объектов недостаточно [6; 7]. В промышленной сфере это особенно заметно: функциональная связь иногда сильнее физической, а экономическая ценность комплекса определяется совместной работой его элементов.

Для квалификации промышленного объекта представляется целесообразным учитывать четыре критерия: материальную самостоятельность и связь вещи с землей; способность к самостоятельному хозяйственному использованию и обороту; физическую и технологическую связь элементов; способ юридической индивидуализации, включая сведения ЕГРН и регистрацию совокупности как единого недвижимого комплекса. Отраслевой статус стоит рассматривать как дополнительный режим эксплуатации и ограничений, а не как замену гражданско-правовой оценки.

Что немаловажно, унификация терминологии не требует введения в ГК РФ еще одного вида недвижимости. Более рабочим выглядит понимание промышленного объекта как функциональной категории имущества, предназначенного для производства, с последующей квалификацией по существующим моделям. Здание подчиняется правилам о недвижимости; технологически объединенная совокупность при наличии условий закона может образовать единый недвижимый комплекс; предприятие выступает

имущественным комплексом, а оборудование сохраняет режим движимых вещей.

Заключение. Промышленный объект не имеет единой гражданско-правовой формы и потому не может квалифицироваться только по названию, назначению или отраслевой регистрации. Его правовой режим должен выводиться из состава имущества, характера связи между элементами, способности объекта самостоятельно участвовать в обороте и способа юридической индивидуализации. Разграничение отдельной недвижимой вещи, единого недвижимого комплекса, предприятия и движимого оборудования снижает риск ошибок при регистрации, отчуждении, залоге и обращении взыскания. Для дальнейшего развития регулирования важна согласованность терминологии гражданского, градостроительного законодательства и норм промышленной безопасности. Это не вопрос словаря: от точности квалификации зависит устойчивость имущественного оборота.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ (ред. от 04.08.2026, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 16.
3. О государственной регистрации недвижимости: Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ (ред. от 04.08.2026, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 29 (ч. 1). Ст. 4344.
4. О промышленной безопасности опасных производственных объектов: Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 116-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 30. Ст. 3588.
5. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 8.
5. Родионов А. Б. Понятие «недвижимость» в XXI веке: возможные варианты изменения содержания // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7, № 1. С. 107–119. DOI: 10.20310/2587-9340-2023-7-1-107-119. EDN HKDTMH.
6. Лужина А. Н. Определение недвижимого имущества: правовые коллизии // Вестник МГСУ. 2017. Т. 12, вып. 7 (106). С. 804–808. DOI: 10.22227/1997-0935.2017.7.804-808.

УДК 347.4:347.19

ПРОБЛЕМА ДОКАЗЫВАНИЯ НЕДОСТАТОЧНОСТИ ИМУЩЕСТВА КАЗЁННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ ПРИ ПРИВЛЕЧЕНИИ СОБСТВЕННИКА К СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Дихаминджия Н. З., ORCID 0009-0003-5573-8352
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: diknato@yandex.ru

Введение. Эффективная защита прав кредиторов казённого предприятия в большей степени зависит от возможности привлечения к субсидиарной ответственности публично-правового образования как собственника имущества такого предприятия. Вместе с тем на практике возникает сложность с реализацией данного механизма в виду наличия проблем, связанных с установлением факта недостаточности имущества предприятия и определением того, на какую сторону возлагается бремя доказывания соответствующих обстоятельств.

Целью данного исследования является анализ проблем доказывания недостаточности имущества казённого предприятия при привлечении собственника к субсидиарной ответственности, а также формулирование предложения по совершенствованию подходов к распределению бремени доказывания.

Основная часть. Порядок привлечения к субсидиарной ответственности публично-правового образования регламентируются положениями пункта 6 статьи 113 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) и пункта 3 статьи 7 Федерального закона от 14 ноября 2002 г. № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях». Исходя из содержания указанных норм собственник имущества казённого предприятия является субсидиарным должником по обязательствам предприятия при условии, что имеющегося у последнего имущества недостаточно для полного удовлетворения требований кредиторов [1; 2].

При этом законодатель не устанавливает исчерпывающего перечня доказательств, которыми может подтверждаться недостаточность имущества. В связи с чем особое значение приобретает судебная практика. Верховный Суд Российской Федерации в определении от 17.05.2013 № 26-КГ13-2 применительно к ситуации ликвидации казённого предприятия указал, что одним из возможных доказательств недостаточности имущества является промежуточный ликвидационный баланс. Поскольку такой баланс не был утверждён, суд отказал в установлении соответствующего факта [3]. Данная позиция подчёркивает важность документального подтверждения финансового состояния должника, однако она сформулирована применительно к ликвидационной процедуре и не должна автоматически распространяться на все категории споров.

В судебной практике сформировался и подход, согласно которому вопрос о недостаточности имущества может устанавливаться на стадии исполнения судебного акта. Так, в постановлении от 4 июля 2023 г. по делу № А64-1346/2023 суд указал, что недостаточность имущества может выявляться при исполнении решения, а одновременное предъявление требований к основному и субсидиарному должникам само по себе не противоречит закону [4]. Следовательно, доказательственное значение могут иметь не только бухгалтерские документы, но и материалы исполнительного производства, в том числе постановление об окончании исполнительного производства в связи с отсутствием у должника имущества.

Также необходимым является рассмотрение вопроса о распределении бремени доказывания. В определении от 21 мая 2024 г. № 41-КГ24-12-К4 Верховный Суд РФ обратил внимание, что кредитор должен подтвердить наличие обязательства и предъявление требований к казённому предприятию. Если публично-правовое образование возражает против иска, оно обязано доказать, что предприятие исполнило или может исполнить обязательство за счёт имеющихся денежных средств либо иного имущества. Верховный Суд признал ошибочным отказ в иске лишь по мотиву того, что кредитор не доказал отсутствие имущества, когда сведения о нём прежде всего доступны собственнику [5]. Такой подход отвечает требованиям процессуального равенства участников правоотношений и учитывает различия в объёме доступной им информации.

В доктрине также отмечается сложность установления реальной достаточности имущественной массы без её оценки и сопоставления с объёмом обязательств. В частности, К. Трофимов связывает достоверное определение достаточности имущества с результатами его реализации, обычно в рамках процедуры ликвидации [6]. Представляется, однако, что для защиты кредитора не следует во всех случаях требовать завершения ликвидации либо обязательной продажи имущества: это способно неоправданно затянуть получение судебной защиты. Более гибкий подход – оценка совокупности относимых доказательств с учётом стадии спора и доступности соответствующих сведений сторонам.

На наш взгляд, проблемой является не отсутствие единственного допустимого доказательства, а неопределенность в критериях оценки достаточности имущества и риска возложения на кредитора обязанности доказывать обстоятельства, сведения о которых находятся у собственника. Доказательством может служить бухгалтерская отчётность и инвентаризационные документы предприятия, сведения о зарегистрированных активах и денежных средствах, отчёт оценщика, материалы исполнительного производства, а при ликвидации – промежуточный ликвидационный баланс. Доказательства должны оцениваться в совокупности, поскольку балансовая стоимость активов сама по себе не всегда подтверждает возможность своевременного исполнения конкретного обязательства [7].

В целях повышения единообразия судебной практики представляется целесообразным Верховному Суду РФ дать разъяснения о примерном перечне доказательств недостаточности имущества казённого предприятия и о распределении бремени доказывания. Кредитор должен подтверждать существование и размер долга, предъявление требования основному должнику, а также доступные ему сведения о безрезультатности взыскания. Публично-правовое образование, располагающее сведениями об имущественном положении предприятия, должно представить документы, подтверждающие наличие достаточного имущества либо возможность исполнить обязательство. При непредставлении таких документов без уважительных причин суду следует учитывать это при оценке доказательств. Такой подход не освобождает кредитора от доказывания основания и размера требования, но предотвращает возложение на него обязанности доказывать отрицательный факт исключительно недоступными ему средствами.

Заключение. Таким образом, действующее законодательство связывает субсидиарную ответственность собственника казённого предприятия с недостаточностью имущества, однако способы подтверждения этого обстоятельства зависят от фактической ситуации. Практика Верховного Суда РФ поддерживает гибкую оценку доказательств и возлагает на собственника обязанность опровергнуть доводы кредитора о невозможности исполнения, если соответствующие сведения находятся в его сфере контроля. Закрепление данных критериев Верховным Судом РФ способствовало бы определенности в принятии судебных решений и более эффективной защите прав кредиторов.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ. Ст. 113. – Текст: электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 10.10.2026).
2. О государственных и муниципальных унитарных предприятиях: Федеральный закон от 14 ноября 2002 г. № 161-ФЗ. Ст. 7. – Текст: электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_39768/ (дата обращения: 10.10.2026).
3. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 17 мая 2013 г. № 26-КГ13-2. – Текст: электронный // Верховный Суд Российской Федерации: официальный сайт. – URL: https://vsrf.ru/files/14339/ (дата обращения: 10.10.2026).
4. Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 4 июля 2023 г. по делу № А64-1346/2023. – Текст: электронный. – URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/rJ4PKFlCyiW4/ (дата обращения: 10.10.2026).
5. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 21 мая 2024 г. № 41-КГ24-12-К4. – Текст: электронный. – URL: https://zakonbaza.com/opredelenie-vs-2024-05-21-41-kg24-12-k4/ (дата обращения: 10.10.2026).
6. Трофимов К. Ликвидация юридических лиц: вопросы имущественной ответственности // Хозяйство и право. – 2007. – № 9. – С. 24.

7. Шугрина Е. С. Верховный Суд РФ рассмотрел особенности субсидиарной ответственности администрации города по долгам казённого предприятия. – Текст: электронный // Сайт Е. С. Шугриной. – URL: https://www.shugrina.ru/content/verhovnyy-sud-rf-rassmotrel-osobennosti-subsidiarnoy-otvetstvennosti-administracii-goroda-po (дата обращения: 10.10.2026).

УДК 349.2

БЕЗОПАСНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУСТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Ефремова А. В., канд. юрид. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: anna.efremova.dongu@mail.ru

Введение. Развитие современного технологического общества сегодня диктует новые правила и устанавливает прогрессивное использования и внедрение во все сферы жизни людей и всего общества в целом искусственного интеллекта. Применение новых технологий влияет на определенные функциональные показатели применения труда человека.

Цель исследования – установление законодательных рамок применения искусственного интеллекта в трудовых правоотношениях в виде рекомендаций по усовершенствованию трудового законодательства Российской Федерации.

Основная часть. Указом Президента Российской Федерации от 10 декабря 2019 года № 490, была введена в действие Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года (далее – Стратегия) с внесенными изменениями в феврале 2024 года Указом №124.[1]

Эта разработка заложила основу как для непосредственного освоения технологической части проектов, так и для законодательного усовершенствования и легитимизации использования новейших цифровых разработок в производственных, социальных, экономических и практически во всех видах общественных отношений. Стратегия создавалась с целью развития искусственного интеллекта в нашем государстве в сере защиты национальных интересов, а именно для повышения качества жизни людей, обеспечения безопасности и конкурентоспособности экономики России.

Ключевыми задачами Стратегии стали:

– развитие инфраструктуры (базы данных, вычислительные ресурсы);

– поддержка разработчиков программ и научных исследований;

– подготовка кадров и повышение информированности людей об искусственном интеллекте;

– стимулирование внедрения технологий в экономику и социальную сферу;

– создание правовой базы для безопасного использования искусственного интеллекта;

– укрепление международного сотрудничества.

Исходя из поставленных в Стратегии задач прослеживается острая необходимость создания правовой базы для внедрения в производственные процессы новых технологий, которые в большинстве своем замещают множество рабочих мест, что экономит работодателю финансовые ресурсы, временные ресурсы и позволяет получать положительные экономические эффекты в виде быстрой и чистой прибыли. Программы не болеют, не ходят в отпуск и не рожают детей, не уходят на пенсию и не умирают, поэтому использование искусственного интеллекта, видится автором исследования, как новация будущего. Рассматривать проблематику такого внедрения необходимо с различных сторон, как со стороны собственника предприятия, работодателя, так, и со стороны работника, которого, как предвидится, в скором будущем заменят на роботизированный вечный неутомляемый искусственный интеллект. Является ли это угрозой безопасности использования искусственного интеллекта? По мнению автора, да. Отсутствие возможности активного использования своего права на труд и вытекающих из него материальных возможностей в виде материального обеспечения своей семьи, образования детей, полноценного доступа к медицинским услугам и просто достойной жизни и делают в некотором роде потенциальное введение искусственного интеллекта в нашу жизнь небезопасным.

Применение искусственного интеллекта в преподавательской и любой обучающей деятельности полностью нивелирует роль учителя школы и преподавателя образовательного учреждения как субъекта трудовых правоотношений: использование, например, платной обученной версии GPT или Алисы AI, позволит школьникам и студентам самостоятельно ознакомиться с предоставленными обучающими материалами, затем пройти тестирование по итоговому оцениванию знаний. Минимизация затрат обучающегося даст ему осваивать в ускоренном режиме необходимые навыки. Для самой обучающей платформы, также представляются одни плюсы: вся структура организации содержится на электронных носителях в минимальном пространстве при оплаченном электричестве и интернете.

Отрицательным моментом влияния на описанную выше ситуацию будет асоциализация обучающихся, потеря рабочих мест преподавателями и учителями, невозможность развиваться личностно для последних и, как следствие, отрицательное сальдо на расчетном счете, которое должно задействовать систему социальной помощи безработному и его семье.

По данным портала dzen.ru в Подмосковье врачи поставили более трех миллионов диагнозов с помощью искусственного интеллекта с февраля 2026 года, эта ситуация не исключает участие дипломированного врача при постановке диагноза, но 9 из 10 заключений по постановке диагноза подтвердила врачебная комиссия. но это только начало и мы научим нашего

искусственного ассистента, на основе базы данных, исполнить роль доктора. И излечивать быстро, не факт, что качественно, большое количество пациентов.

Вопрос ответственности за жизнь и здоровье пациента медицинского учреждения пока не стоит, т.к. нет правосубъектности у искусственного интеллекта, и он является, с этой точки зрения, средством производства, созданным человеком.

При рассмотрении трудовых правоотношений видится положительный эффект для работодателя и отрицательный эффект для работника, если только он сам не разработчик.

Мир не стоит на месте и развитие искусственного интеллекта необходимо, это позволит ускорить и усовершенствовать различные процессы в государстве, в сегодняшних условиях: например, использование ИИ в военных и оборонных процессах сохранит жизни наших граждан, укрепит позиции нашего государства на международной арене.

Заключение. Автор не является противником внедрения искусственного интеллекта, но предлагает определить законодательно рамки для такого использования. Разработка и внесение в Трудовой Кодекс положений, которые позволят сохранить устойчивую правовую приоритетность человека над машиной, именно там, где таковая замена реально возможна позволит сохранить в будущем право на труд в полном объеме. Данные усовершенствования сегодня необходимы нашему обществу, где большое количество рабочих мест занимают учителя в школах, преподаватели в высших образовательных учреждениях, врачи в больницах. Роль средства производства и орудия труда для искусственного интеллекта, определенная законодательно, позволит абсолютно обоснованно считать использование ИИ технологий безопасным и не противоречащим законам как изданным, так и принятым традиционным обществом.

Список литературы

1. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года.- утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 10 декабря 2019 года № 490 с внесенными изменениями в феврале 2024 года Указом №124 // – Текст : [Электронный ресурс]. URL: https://zsrf.ru/uploads/files/Национальная%20стратегия%20развития%20ИИ.pdf?ysclid=mv03kz5at2561990117 (дата обращения: 08.09.2026).

УДК 347.42

ПОНЯТИЕ УБЫТКОВ И ВОЗМЕЩЕНИЕ УБЫТКОВ КАК СПОСОБА ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ

Ефремова А. В., канд. юрид. наук, доц.,
Китчак В. Д.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: anna.efremova.dongu@mail.ru, vlad.kitchak@bk.ru

Введение. Законодатель в ст. 15 ГК РФ понимает под убытками расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утраты или повреждения его имущества (реальный ущерб), и неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода). Если лицо, нарушившее право, получило вследствие этого доходы, то лицо, право которого нарушено, вправе требовать возмещения, наряду с другими убытками, упущенной выгоды в размере не меньшем, чем такие доходы [1].

Основная часть. Объем возмещаемых убытков составляют суммы реального ущерба и упущенной выгоды. При этом согласно п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 01.07.1996 г. № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением ч. 1 ГК РФ» возмещению, подлежат те расходы, которые в данный момент не произведены, но подтверждены соответствующим расчетом.

Согласно новой редакции п. 2 ст. 393 ГК РФ возмещение убытков в полном размере означает, что в результате их возмещения кредитор должен быть поставлен в то положение, в котором он находился бы, если бы обязательство было бы исполнено надлежащим образом. На мой, изменения в ст. 393 ГК РФ подчеркивают, что цель возмещения убытков заключается не только в восстановлении нарушенного права, как это было по ранее действовавшему законодательству, но и в признании за кредитором права на получение тех выгод и преимуществ, которые причитались ему по заключенному соглашению.

До настоящей реформы гражданского законодательства при отсутствии доказанного размера, например, упущенной выгоды, денежные суммы не взыскивались.

Некоторые авторы в настоящее время отмечают необходимость предоставить суду возможность определять размер убытков по своему усмотрению, когда сам факт причинения убытков доказан, но нет возможности установить их точную сумму.

Следует отметить, что и в настоящий момент суды в ряде случаев могут самостоятельно определять размер взыскиваемых денежных сумм. В соответствии со ст. 1101 ГК РФ при определении размера компенсации

морального вреда суды должны учитывать требования разумности и справедливости. Согласно ст. 333 ГК РФ, если подлежащая уплате неустойка явно несоразмерна последствиям нарушения обязательства, суд вправе уменьшить неустойку по заявлению ответчика. При этом суд вправе снижать не только договорную, но и законную неустойку [3].

Данный подход был воспринят законодателем при редакции ст. 393 ГК РФ, положения которой были дополнены п. 5, предусматривающим, что «размер подлежащих возмещению убытков должен быть установлен с разумной степенью достоверности. В то же время суд не может отказать в удовлетворении требования кредитора о возмещении убытков, причиненных неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства, только на том основании, что размер убытков не может быть установлен с разумной степенью достоверности. В этом случае размер подлежащих возмещению убытков определяется судом с учетом всех обстоятельств дела, исходя из принципа справедливости и соразмерности ответственности допущенному нарушению обязательства».

Согласно ст. 12 ГК РФ, возмещение убытков законодатель относит к способам защиты субъективных гражданских прав. Однако возмещение убытков представляет собой и меру гражданско-правовой ответственности. Гражданско-правовая ответственность наступает при наличии определенных условий: вреда, противоправности, причинной связи и вины т.е. за совершение правонарушения. В то же время основанием применения способов защиты гражданских прав является нарушение права.

Взыскание убытков – это не только форма гражданско-правовой ответственности за невыполнение или плохое исполнение договорных обязательств, но и средство восстановления нарушенного права, даже если оно применяется в отрыве от договорной ответственности. [2]. Согласно ст. 717 ГК РФ заказчик может в любое время до сдачи ему результатов работы отказаться от исполнения договора, уплатив подрядчику часть установленной цены пропорционально части работы, выполненной до получения извещения об отказе заказчика от договора. Однако в соответствии с отдельным указанием в данной норме заказчик обязан возместить подрядчику убытки, причиненные прекращением договора.

Стоит отметить, что в науке гражданского права выделяют называемые абстрактные и конкретные убытки. До реформы гражданского законодательства убытки подобного рода были отражены в ст. 524 ГК РФ. В соответствии с данной нормой при расторжении договора поставки, кредитор вправе требовать от должника возмещения убытков в виде разницы между установленной в договоре ценой и ценой по совершенной взамен сделки. Данные убытки называют конкретными. Что касается абстрактных убытков, то согласно п. 3 ст. 524 ГК РФ их размер определяется в виде разницы между ценой, установленной в договоре, и текущей ценой на момент расторжения договора [4].

В связи с введением принципа добросовестности в гражданское законодательство целесообразно, на наш взгляд, включить в ГК РФ положение

о том, что должник, нарушивший договор, не должен возмещать ущерб, который он не предвидел или не должен был разумно предвидеть при заключении договора в качестве вероятного последствия его нарушения [5].

До настоящего времени были известны два основания освобождения должника от возмещения убытков за нарушение договора:

1. отсутствие вины при виновной ответственности;

2. непреодолимая сила при без-виновной ответственности.

При определении добросовестности или недобросовестности должника суду необходимо применительно к конкретной ситуации сформулировать правовую оценку предвидения, разумности и вероятности применительно к конкретному субъекту договорного отношения.

Заключение. Рекомендации по нововведению в законодательство Российской Федерации:

1. Расширение состава реального ущерба: Ввести более конкретные критерии для определения реального ущерба, который включает не только фактическое уничтожение или повреждение имущества, но и утрату имущества, расходы, которые произвело или должно будет произвести лицо для восстановления нарушенного права, утрату или повреждение имущества, и расходы, которые понесло или должно будет понести лицо для восстановления нарушенного права. Это позволит охватить весь спектр фактических потерь, понесенных пострадавшей стороной.

2. Упрощение доказывания размера убытков: Ввести отдельные положения, предусматривающие упрощенный порядок доказывания размера убытков в определенных категориях дел. Например, при возмещении убытков, причиненных ненадлежащим исполнением обязательств по поставке товаров, судам предписывается учитывать рыночные цены на момент исполнения обязательства или на момент подачи иска, если иное не предусмотрено законом или договором.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. Федерального закона от 24.07.2023 № 351-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. –1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Белов, В. А. Гражданское право в 2 т. Т. 1. Общая часть: учебник для вузов / В. А. Белов. – Текст: непосредственный. – Москва : Издательство Юрайт, 2026. – 451 с.
3. Зенин, И. А. Гражданское право. Общая часть: учебник для вузов / И. А. Зенин. – Текст: непосредственный. – 20-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2026. – 526 с.
4. Шаблова, Е. Г. Гражданское право: учебное пособие для вузов / Е. Г. Шаблова, О. В. Жевняк ; под общей редакцией Е. Г. Шабловой. – Текст: непосредственный. – Москва : Издательство Юрайт, 2026. – 131 с.
5. Разумовская, Е. В. Гражданское право. Общая часть: учебник и практикум для вузов / Е. В. Разумовская. – Текст: непосредственный. – 7-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2026. – 253 с.

УДК 347.155

ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ ИИ И ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА В ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

Ефремова А. В., канд. юрид. наук, доц.,
Мара Т. А.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: anna.efremova.dongu@mail, tanyamra111@yandex.ru

Введение. Внедрение и использование искусственного интеллекта в гражданских правоотношениях является закономерным фактом развития современного нового цифрового общества. Безальтернативное участие новых технологий в гражданских правоотношениях требует анализа и изучения характеристик искусственного интеллекта как потенциального субъекта гражданских правоотношений.

Цель исследования – юридический сравнительный анализ правосубъектности физического лица и искусственного интеллекта в гражданских правоотношениях.

Основная часть. Указом Президента Российской Федерации от 10 декабря 2019 года № 490, была введена в действие Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года (далее – Стратегия) [1] с внесенными изменениями в феврале 2024 года Указом №124.

Понятие правосубъектность раскрывается в п. 1 ст. 21 Гражданского кодекса РФ, под ней понимается совокупность характеристик, определяющих возможность физического лица учувствовать в гражданских правоотношениях, в гражданском обороте и иметь гражданские права и обязанности, а также осуществлять их. В классическом понимании, в праве, правосубъектность включает в себя правоспособность и дееспособность, деликтоспособность. Эти составляющие наделяют участников гражданского правоотношения статусом субъектов в правовом поле, позволяя им полноценно иметь и приобретать для себя гражданские права и обязанности и нести гражданскую ответственность.

Гражданская правоспособность – это способность конкретного участника правоотношения иметь гражданские права и обязанности, предусмотренные Конституцией РФ и Гражданским кодексом РФ. Для физических лиц она возникает с момента рождения и прекращается смертью физического лица. Если в данном контексте дефиниции правоспособности рассмотреть наличие правоспособности у искусственного интеллекта, то отсутствие признаков рождения и смерти в понимании гражданского законодательства Российской Федерации, данные юридические факты отсутствуют: нельзя признать рождением создание нейросети разработчиком, а смерть, по мнению автора, в принципе невозможна для любой разновидности цифровых представителей искусственного интеллекта., т.к. относительное бессмертие с постоянной

трансформацией в сторону усовершенствования в человеческом понимании присуще всем ее разновидностям. Также стоит рассмотреть возможность иметь права. Физические лица наделены такой возможностью Конституцией Российской Федерации, Федеральными законами и подзаконными актами. Искусственный интеллект не имеет таких возможностей исходя из понимания его происхождения, как продукта производительности разработчика и соответственно не наделяется этими возможностями законодательством Российской Федерации.

Журавлева А.В. и Куликова Ю.А. изучали аргументы сторонников трех основных теорий правосубъектности юнита ИИ в разрезе, что ИИ это полноценный субъект правоотношений, объект особого рода и «электронное лицо, как квазисубъект. Авторы соглашаются с мнением Гаджиева Г.А., который считает, что важнейшей характеристикой физического или индивидуального лица выступает самосознание, которое раскрывает многогранность личности человека и маркируется его способностями к обучаемости, коммуникации и адаптации к различным информационным и цифровым технологиям [2, с. 230]. Авторы полагают, что важнейшим маркером физического лица как субъекта правоотношений выступает философская категория – самосознание или самосознания себя в окружающем мире [3, с. 88-94]. Отсутствие самосознания у ИИ является теоретическим размышлением и необходимость требования при определении того или иного качества у субъекта гражданского права отдаётся законодателю через процедуру включения норм права в действующее законодательство.

Искусственный интеллект превосходит физическое лицо по возможностям участия в гражданских правоотношениях по всем показателям: например, возможность обработки огромного количества данных за более короткий временной период, обучаемость в процессе постановки задач и наличие мышления с первой секунды существования, что как раз подтверждает наше мнение о невозможности формального и физического включения ИИ в круг субъектов. Примером может служить платформа «Государственные услуги», с помощью которой любой человек может подтвердить свое определенное право документально или физически заявить о своем праве, вплоть до получения конкретного результата обращения.

Заключение. Правосубъектность в российском праве является основополагающим понятием, которое позволяет физическим лицам действовать в рамках законодательства, реализовывать свои права и защищать интересы. Понимание индивидуальных элементов правосубъектности критически важно для анализа и понимания гражданских правоотношений. В данном исследования мы согласны с необходимостью определения места ИИ в системе гражданских правоотношений, но, определение его места в качестве особого субъекта на сегодняшний день полностью противоречит традиционному пониманию сути субъекта права, т.к. и формально и юридически у ИИ отсутствуют надлежащие признаки гражданской субъектности.

В российской юридической практике отсутствуют конкретные примеры судебных разбирательств, например, в отношении авторства сгенерированных ИИ музыкальных произведений, т.к. данные правовые конструкции полностью не регулируются и отсутствуют в Гражданском кодексе РФ.

Построение нового гражданского законодательства, в положениях которого необходимо четко прямо определить статус ИИ как результата интеллектуальной деятельности человека и, соответственно, определение его как объекта права собственности конкретного создателя или юридического лица, а также как средства достижения определенных юридических целей, и никак иначе, позволит повысить правовую устойчивость человека, как физического лица – участника гражданских правоотношений.

Список литературы

1. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года.- утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 10 декабря 2019 года № 490 с внесенными изменениями в феврале 2024 года Указом №124 // – Текст : [Электронный ресурс]. URL: https://zsrf.ru/uploads/files/Национальная%20стратегия%20развития%20ИИ.pdf?ysclid=mv03kz5at2561990117 (дата обращения: 08.09.2026).
2. Гаджиев, Г. А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности) : монография / Г. А. Гаджиев. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2021. – 320 с. – ISBN 978-5-91768-331-7.
3. Журавлева, А. В. Искусственный интеллект как субъект права / А. В. Журавлева, Ю. А. Куликова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2025. – № 3. – С. 88-94. – DOI 10.24412/2220-2404-2025-3-3. – EDN UUKKAG.

УДК 347.518

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ И ОСНОВНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ИСТОЧНИКА ПОВЫШЕННОЙ ОПАСНОСТИ

Кравчук К. А., канд. ист. наук, ORCID 0009-0009-1349-8075,
Карандина Н. Ю.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: carandina.nat@yandex.ru ; k.khoruzhenko.donnu.jur@mail.ru

Понятие «источника повышенной опасности» относится к гражданско-правовой категории, и раскрыто в положениях статей Гражданского кодекса РФ (Глава 59). В рамках процедуры возмещения вреда, изучения содержания этого правового понятия, основных признаков и характеристик является определяющим для правоприменительной практики. Указанное обуславливает актуальность изучения этой правовой категории как в теоретических, так и нормативных источниках, источниках судебной практики.

С точки зрения законодателя, отраженного в статье 1079 ГК РФ, под понятием «источник повышенной опасности» понимается такой объект, действия с которым не может быть полностью подконтрольно субъекту, имеет риски и вероятности наступления негативных последствий ввиду неосторожного или умышленного поведения [1].

К перечню таких объектов относятся, в частности, наземные транспортные средства и механизмы, объекты, которые связаны с опасными соединениями (например, атомной энергетики), объекты, относящиеся к структурам элекроэнергетики, строительства и т.д. Отметим, что указанный перечень не может относится к «закрытым» ввиду постоянного развития технологий, появлению новых средств перемещения субъектов, а также усовершенствование способов производства. Что, с точки зрения практики применения статей, закрепляющих ответственность за причинение вреда, может привести к проблемам квалификации совершенных деяний в отношении пострадавших [2, с. 23].

За годы судебной практики сформирован общий подход к определению признаков источника повышенной опасности, которые стали обязательными для правоприменительной практики судами всей системы РФ (п. 17 ПП ВС РФ № 3 от 28 апреля 1994 года «О судебной практике по делам о возмещении вреда, причиненного повреждением здоровья»). Признаки, позволяющие идентифицировать указанное понятие следующие: «повышенная вероятность причинения вреда; невозможность полного контроля за процессами, сопровождающими деятельность, или характерными для объекта; сопровождение, соответствующих перечисленным признакам, объектов, такие действия как: использование, транспортировка, хранение, в том числе, но не исключительно»[3, с. 26].

Долгие годы исследования, которые касаются теоретических изучений понятия «источник повышенной опасности» (О. С. Иоффе, М. М. Агарков, О. А. Красавчиков, Н. Ю. Сергеева) практически не претерпевали изменений. Основные концепции сводились к тому, что «источник повышенной опасности»: это не определенный предмет, или объект, а система и совокупность действий субъектов (О. С. Иоффе, М. М. Агарков); это объекты, имеющие потенциальную опасность (О. А. Красавчиков); это объекты, опасные только в тех случаях, когда они непосредственно используются (Н. Ю. Сергеева) [5, с. 49].

В результате чего, сформировалась невозможность отделения одних источников (опасных) от прочих. Для практики это значило наличие большого количества проблем при назначении ответственности за действия, причиненные источником повышенной опасности.

В последние годы очевидной стала необходимость к теоретическому исследованию новых объектов, и видов деятельности, несущих в себе потенциальную опасность для человека, что требует доктринального и нормативного пересмотра существующих концепций [4, с. 17].

Если обобщить общие проблемы применения изучаемой категории, то можно сделать ряд следующих заключений:

В первую очередь, это отсутствие актуальной дефиниции понятия источника повышенной опасности. Во вторых, продолжительная дискуссия в доктрине, которая не стремится развивать новые теоретические подходы, а сводится к сохранению традиционного понятия «источник повышенной опасности».

Кроме того, в каждом существующем теоретическом концепте имеются проблемы при определении признаков источника повышенной опасности, среди которых выделяют:

1. «неподконтрольность и наличие особых специфических количественных и качественных свойств объекта», что будет означать наличие неоднозначной квалификации при изменении принятых признаков.

2. «признак наличия деятельности», в результате чего, в действующих подходах бездействие не может относиться к источникам, создающим опасность, что, по мнению автора является упущением. Наглядно указанная ситуация может быть проиллюстрирована на следующем случае: в результате бездействия машиниста, выразившемся в отсутствии реакции по аварийному торможению, действия будут квалифицироваться по иным составам, и ответственность не охватывается статьями «источник повышенной опасности», хотя железнодорожный состав по своей природе таким является.

3. смешанная теория, в которой значение имеет и квалификация объекта и действия субъекта имеет свой существенный недостаток для практики применения – доказыванию подлежит установление причинно-следственной связи между непосредственным влиянием субъекта на источник и последствиями, которые он причинил. При этом, например, субъект мог умышленно ненадлежащее эксплуатировать источник повышенной опасности, создавая все условия для негативных последствий, однако, в результате технической неисправности, избежать их. В этом случае имеются все основания для привлечения к ответственности, однако, ввиду отсутствия вреда, квалификация по указанной статье будет невозможна [6, с. 372–373].

Кроме того, подлежит дополнительному изучению вопрос назначения компенсации за моральный вред, причиненный источником повышенной опасности. Это категория, которая возлагает на пострадавшее лицо бремя по доказыванию связи между физическим вредом и последствиями для морального состояния. В Российской Федерации практика взыскания морального вреда неэффективна, связана с проведением дополнительных экспертиз, затягиванию судебных разбирательств. В результате чего, судьями компенсация назначается в размере около 10% от запрашиваемой пострадавшим.

Указанное связанно с тем, что суды не могут верно оценить степень моральных страданий, например, связанных с увечьем лица. Полагаем, что верным будет придерживаться позиции, при которой судьи должны оценивать

«не только те моральные страдания, которые потерпевший уже перенес ко времени рассмотрения дела, но и те, которые он со всей очевидностью перенесет в будущем».

В заключении отметим, что несмотря на важность развития новых теоретических подходов к понятию «источник повышенной опасности», первостепенное значение, все же, следует отводит нормативному регулированию и совершенствованию правоприменительной практики.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 29.07.2017)//Собрание законодательства РФ. 1994. N 32, Ст. 3301.
2. Буличенко А.Д. К вопросу о понятии источника повышенной опасности // Юридический факт. – 2018. – № 23. – С. 23.
3. Голубь П.С. Страхование ответственности владельцев источников повышенной опасности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / П.С. Голубь. – М., 2006. – С. 26.
4. Дерюгина Т.В. К проблеме понятия и признаков источника повышенной опасности // Гражданское право. – 2026. – № 04/2026 – С. 17-19.
5. Долинская В.В. Источники повышенной опасности / В.В. Долинская // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2009. – № 9. – С. 48–56.
6. Кужугет А.В., Монгуш А.Л. Основные проблемы ответственности за вред, причинённый деятельностью, представляющую повышенную опасность для окружающих // Международный научный журнал «ВЕСТНИК НАУКИ» – № 11 (80) – Том 3. – 2026. – С.372-376.

УДК 347.2/3

ЦИФРОВАЯ ПЛАТФОРМА КАК ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Круглова И. А., д-р экон. наук, канд. юрид. наук, доц.,
ORCID 0000-0002-2064-428X
АНО ВО «Международный банковский институт имени Анатолия Собчака»,
г. Санкт-Петербург, РФ
e-mail: krkv@yandex.ru

Введение. Стремительная платформизация экономических отношений поставила российское гражданское право перед необходимостью концептуального осмысления двух принципиальных вопросов: каков правовой режим самой цифровой платформы как объекта гражданских прав и каков правовой статус оператора платформы как субъекта, взаимодействующего с пользователями и партнёрами. К 2025 году в России сложилась разветвлённая, хотя и фрагментарная нормативная база, охватывающая посреднические цифровые платформы, финансовые платформы и инвестиционные платформы, каждая из которых имеет свои гражданско-правовые особенности.

Цель исследования рассмотреть цифровую платформу как объект гражданских прав, сформулировать основные проблемы их правового регулирования.

Основная часть. В цивилистической доктрине утвердилось понимание цифровой платформы как сложного объекта гражданских прав, аккумулирующего в функциональном единстве разнородные элементы. К числу конститутивных инфраструктурных элементов относятся: программы для ЭВМ, базы данных, сайт (интернет-ресурс), аппаратные (технические) средства, средства индивидуализации (товарный знак, доменное имя). В силу разнородности составных элементов возникает конкуренция правовых режимов: законодатель прямо не устанавливает единый режим оборота платформы как комплекса, не определяет, может ли такой комплекс отчуждаться как единое целое. Исходя из аналогии с предприятием (ст. 132 ГК РФ), допускается квалификация платформы как имущественного комплекса, при которой возможна его передача по договорам купли-продажи, аренды, доверительного управления.

Статьей 128 ГК РФ цифровые права включены в перечень объектов гражданских прав в составе «иного имущества» (имущественных прав). Согласно ст. 141.1 ГК РФ, имущественное право признаётся цифровым лишь в случае, если оно определено таковым в законе и осуществляется в рамках информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. При этом утилитарные цифровые права (ФЗ № 259-ФЗ от 02.08.2019 «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ») представляют собой право требования передачи вещи, результата интеллектуальной деятельности или оказания услуги. Их возникновение, осуществление и прекращение возможны исключительно на инвестиционной платформе. Цифровые финансовые активы (ЦФА) по ФЗ № 259-ФЗ от 31.07.2020 «О цифровых финансовых активах» представляют цифровые права, включающие денежные требования, права по эмиссионным ценным бумагам и права участия в непубличных АО.

В доктрине дискутируется вопрос о самостоятельности цифровых прав как вида объектов гражданских прав. Преобладающая позиция: цифровые права не являются новыми самостоятельными объектами, а представляют собой цифровой способ фиксации уже существующих обязательственных прав. В отечественном законодательстве отсутствует единый подход к закреплению правового статуса оператора цифровой платформы: он определяется в зависимости от типа платформы [1]. Значительную роль в формировании фактического правового положения оператора играют пользовательские (лицензионные) соглашения и правила платформы, причём в ряде случаев положения этих документов противоречат нормам законодательства в части ответственности оператора.

Вопрос об объёме гражданско-правовой ответственности оператора цифровой платформы перед потребителями (пользователями) остаётся

дискуссионным. В российской доктрине и судебной практике сложилось несколько подходов:

1. Ограничительный подход: оператор-агрегатор несёт ответственность только в пределах, прямо установленных Законом РФ «О защите прав потребителей» (ст. 9.1), поскольку является лишь «владельцем агрегатора информации»;

2. Расширительный подход: применение конструкции деликтной ответственности (ст. 15, 1064 ГК РФ) при наличии виновного бездействия оператора – необеспечение надлежащей верификации контрагентов, неэффективное пресечение мошеннических схем;

3. Субсидиарная ответственность: ряд исследователей предлагает закрепить субсидиарную ответственность агрегаторов перед потребителями при неисполнении обязательств продавцом (исполнителем).

ФЗ № 289-ФЗ закрепил принцип, согласно которому оператор посреднической цифровой платформы не является продавцом и должен информировать пользователей о своём посредническом статусе, что косвенно ограничивает его ответственность за качество товаров.

В настоящее время можно выделить следующие проблемы и пробелы правового регулирования цифровых платформ:

– Квалификационные лакуны: отсутствие единого понятия «цифровая платформа» в ГК РФ при наличии множества отраслевых дефиниций; неопределённость правового режима цифровой платформы как единого объекта: закон не регламентирует порядок отчуждения платформы как имущественного комплекса; пробел в отношении статуса экосистем как надплатформенных структур, объединяющих несколько платформ под единым управлением.

– Договорно-правовые риски: риск признания сделки с использованием цифровой валюты в качестве средства платежа ничтожной (ст. 168 ГК РФ) как противоречащей прямому запрету закона; проблема применения норм о публичном договоре и договоре присоединения (ст. 426, 428 ГК РФ) к персонализированным условиям, формируемым алгоритмами платформ; неурегулированность вопроса об юридической силе смарт-контракта при коллизии с общими нормами ГК РФ о форме и содержании договора.

– Разграничение ответственности: противоположные судебные решения относительно наличия статуса «владельца агрегатора» у одного и того же юридического лица; отсутствие в ФЗ № 289-ФЗ прямой нормы об условиях привлечения оператора к гражданско-правовой ответственности за действия недобросовестных партнёров; незакреплённость критериев вины оператора при ненадлежащем контроле за информацией, размещённой партнёрами в карточках товаров.

Заключение. Гражданско-правовое регулирование инфраструктурных элементов цифровых платформ в России сформировано на трёх нормативных «опорах»: ФЗ о привлечении инвестиций (2019) с механизмом утилитарных

цифровых прав; ФЗ о ЦФА и финансовых платформах (2020) с режимом токенизированных активов; ФЗ о платформенной экономике (2025) с системой договорных отношений на посреднических платформах. Все три массива объединяет общий цивилистический вопрос: каков правовой режим платформы как сложного объекта и оператора как специального субъекта, совмещающего черты инфраструктурной организации и квазирегулятора. Фрагментарность регулирования, персонализация договорных условий алгоритмами и «власть платформ» в отношении участников рынка формируют повестку для последующего развития законодательства.

Список литературы

1. Палчаева, Н. А. К. Правовой статус оператора цифровой платформы / Н. А. К. Палчаева // Юридический мир. – 2025. – № 3. – С. 30-33. – DOI 10.18572/1811-1475-2025-3-30-33. – EDN FIGKLL.

УДК 347.78

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА СЛУЖЕБНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Липинский В. В., д-р ист. наук, проф., ORCID 0000-0002-1328-4271,
Блохина М. С., ORCID 0009-0008-8814-5285
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: marina.blokhina22022022@mail.ru, lipinskiyvv@mail.ru

Введение. Институт служебных произведений представляет собой одну из наиболее сложных и дискуссионных конструкций в современном российском праве интеллектуальной собственности, поскольку он находится на стыке трудового и гражданского законодательства. Согласно п. 1 ст. 1295 Гражданского кодекса Российской Федерации, служебным признается произведение науки, литературы или искусства, созданное работником в пределах установленных для него трудовых обязанностей [1]. Однако на практике квалификация таких произведений, распределение исключительных прав и определение правовой природы обязательств между автором и работодателем порождают устойчивую доктринальную полемику и многочисленные судебные споры.

Целью исследования является комплексный анализ правовой природы отношений по созданию служебных произведений, систематизация существующих в юридической литературе позиций.

Основная часть. В доктрине интеллектуального права отсутствует единое понимание правовой природы отношений, возникающих при создании работником произведения. Традиционно выделяются три основных подхода:

трудоправовой, гражданско-правовой и смешанный. Сторонники первого направления полагают, что создание результата интеллектуальной деятельности полностью опосредуется нормами трудового права, поскольку оно неразрывно связано с выполнением трудовой функции и подчинением внутреннему распорядку организации.

По мнению С. Ю. Головиной, все споры, вытекающие из данных отношений, носят исключительно трудовой характер, что подтверждается спецификой процессуального порядка их разрешения, предметом доказывания и особой защитной функцией трудового законодательства в отношении работника [2, с. 59]. Данный подход акцентирует внимание на том, что работодатель, предоставляя рабочее место, оборудование, программное обеспечение и материалы, обеспечивает необходимые условия для творческой деятельности, а значит, и результат такого труда логично относить к сфере трудовых правоотношений, исключая самостоятельное гражданско-правовое регулирование авторских вопросов.

Второй подход обосновывает гражданско-правовую (авторско-правовую) природу данных отношений. Исторически данную позицию отстаивали цивилисты, указывавшие на принципиальное различие между процессом труда и его результатом. Так Новокшонова Н.А., обосновывая гражданско-правовую природу данных отношений, подчеркивает, что авторское право, в отличие от трудового, регулирует не сам процесс «живого труда», а отношения, возникающие после создания произведения. Это позволяет четко отделить его от трудового регулирования и применять исключительно нормы части четвертой ГК РФ, определяющие основания возникновения и порядок осуществления прав на результаты интеллектуальной деятельности [3, с. 10]. В рамках этой концепции исключительные права как имущественные блага могут передаваться исключительно на гражданско-правовой основе, а трудовой договор сам по себе не содержит механизмов отчуждения или лицензирования интеллектуальных прав, требуя отдельного соглашения или прямого указания в законе.

Третья, наиболее распространенная в современной доктрине позиция, признает смешанную природу отношений. Например Витко В развивает эту концепцию, квалифицируя трудовой договор, предусматривающий создание произведения, как смешанный полиотраслевой договор, сочетающий существенные условия трудового договора и договора авторского заказа [4, с. 69]. При этом служебное задание рассматривается как конкретизация общих условий рамочного договора авторского заказа, который порождает гражданско-правовое обязательство по созданию индивидуально-определенного объекта. Такой подход позволяет учесть двойственность правового статуса автора-работника: с одной стороны, он подчинен правилам внутреннего трудового распорядка и получает гарантированную оплату труда, с другой – выступает самостоятельным субъектом гражданских правоотношений по распоряжению созданным объектом.

В свою очередь Соломоненко Л. А. указывает, что понятие служебного произведения является сложной межотраслевой конструкцией, требующей совместного применения норм трудового и гражданского права для обеспечения баланса интересов сторон и предотвращения злоупотреблений со стороны работодателей [5, с. 76].

Правоприменительная практика, в частности Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», требует строгого соблюдения критериев признания произведения служебным: задание должно входить в трудовые обязанности, факт использования материалов работодателя сам по себе недостаточен, а бремя доказывания лежит на работодателе [6]. Вознаграждение автору должно носить гражданско-правовой характер и выплачиваться сверх заработной платы; номинальный размер позволяет оспорить переход прав. Факт передачи прав фиксируется актом приема-передачи, передачей носителя объективной формы или публикацией.

Также, можно отметить, что создание произведения в нерабочее время, во время отпуска или в выходные дни исключает его служебный характер, если это не согласовано отдельно в виде дополнительного соглашения. Также важен аспект защиты деловой репутации работодателя, что ярко иллюстрируется конфликтами в сфере медиа и ювелирного искусства, где несанкционированное раскрытие служебных разработок или нарушение конфиденциальности влечет серьезные имущественные и репутационные потери. При этом суды обязывают работодателей доказывать не только наличие задания, но и фактическое допущение работника к работе, характер использования ресурсов и своевременное информирование автора о сохранении прав.

Заключение. Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что отношения по созданию служебных произведений обладают сложной смешанной правовой природой, объединяющей трудовые обязательства по выполнению функции и гражданско-правовые обязательства по созданию и передаче результата интеллектуальной деятельности. Для минимизации судебных рисков работодателям необходимо детально прописывать творческие трудовые функции в должностных инструкциях, четко формулировать служебные задания, соответствующие объективной форме произведения, и отдельно регламентировать порядок и размер авторского вознаграждения, отличающегося от оклада. Судам следует оценивать не только формальные документы, но и фактическое поведение сторон, время и место создания объекта, а также наличие доказательств передачи прав и использования произведения в коммерческой деятельности.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 24.07.2023) – Москва: Издательство Статут. – 2023. – 892 с.

2. Головина, С. Ю. Служебное произведение как результат трудовой деятельности работника: законодательный опыт России и Казахстана / С. Ю. Головина // Российский юридический журнал. – 2021. – № 3(138). – С. 59-69. – DOI 10.34076/20713797_2021_3_59. – EDN ALVVON.
3. Новокшонова, Н.А., Володина, А.В. Служебные произведения: понятие и правовая природа / Н.А. Новокшонова, А.В. Володина // Вестник Челябинского государственного университета. – Серия: Право. – 2023. – Т. 8. – № 1. – С. 10-19. – DOI: 10.47475/2618-8236-2023-18102.
4. Витко, В. Правовая природа отношений по созданию служебных произведений / В. Витко // Хозяйство и право. – 2018. – № 9(500). – С. 69-78. – EDN XYPXBR.
5. Соломоненко, Л. А. Особенности правовой охраны произведений, созданных в порядке выполнения трудовых обязанностей в высшем образовательном учреждении: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.03 / Л.А. Соломоненко. – Москва, 2014. – 137 с.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» – Москва: Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2019. – № 7. – 45 с.

УДК 347.77

ОБЩАЯ ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СРЕДСТВ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ ТОВАРОВ И УСЛУГ

Липинский В. В., д-р ист. наук, проф., ORCID 0000-0002-1328-4271,
Иванченко Т. В., ORCID 0009-0008-6974-6296
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: ptv0206@mail.ru, lipinskiyvv@mail.ru

Введение. Актуальность исследования общей правовой характеристики средств индивидуализации товаров и услуг обусловлена стремительным развитием рыночных отношений в Российской Федерации, что вызывает необходимость обратить пристальное внимание законодателя и ученых на регулирование данных отношений. Как справедливо отмечается в научной литературе, исследование содержания понятия «индивидуализация» имеет большое теоретическое и практическое значение, которое невозможно переоценить в сфере конкурентных отношений [1, с. 29].

Цель статьи – анализ общей правовой характеристики средств индивидуализации товаров и услуг в Российской Федерации.

Основная часть. Проблема общей правовой характеристики средств индивидуализации товаров и услуг стала предметом изучения многих ученых. Так, Городов О.А. считает, что в самом общем виде средство индивидуализации может быть представлено неким символом, который служит целям ориентирования в окружающей обстановке и принятия того или иного решения. Указанный символ – носитель образной информации о

производителе конкретного товара или услуги либо о самих предлагаемых товарах или услугах [2, с. 263]. В тоже время Карунная А.Я. предлагает понимать под средствами индивидуализации «используемые в гражданском обороте оригинальные символы, слова, словосочетания и все иные обозначения, которые индивидуализируют юридическое или физическое лицо, их деятельность, производимую продукцию, реализуемые товары, выполняемые работы, оказываемые услуги» [3, с. 26].

Однако, как показывает анализ, наиболее точным является нормативный подход, закрепленный в главе 76 ГК РФ, который четко очерчивает круг объектов, признаваемых средствами индивидуализации, и предоставляет им специальный правовой режим, отличный от режима вещных прав или личных неимущественных прав.

На основании изложенного, средства индивидуализации товаров и услуг следует определять как нематериальные объекты, имеющие внешнюю форму выражения, необходимые для выделения субъекта (объекта) из всеобщей массы путем выявления у него определенных, присущих только ему признаков, и признанные законодательством объектами интеллектуальных прав.

Согласно ст. 1225 Гражданского кодекса Российской Федерации, к средствам индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, которым предоставляется правовая охрана, относятся, в частности, товарные знаки и знаки обслуживания, а также наименования мест происхождения товаров.

Особое место в системе средств индивидуализации товаров и услуг занимают товарный знак и знак обслуживания. Согласно ст. 1477 ГК РФ, товарный знак – это обозначение, служащее для индивидуализации товаров юридических лиц или индивидуальных предпринимателей.

В современных научных исследованиях, например, в работе Рабец А.П., предлагается определение, согласно которому «товарный знак (знак обслуживания) – это обозначение, удовлетворяющее предъявляемым законодательством требованиям новизны и различительного характера и зарегистрированное в установленном порядке с целью рекламы и индивидуализации товаров (услуг) конкретного юридического лица или физического лица-предпринимателя среди однородных товаров (услуг) других юридических лиц или физических лиц-предпринимателей» [4, с. 132].

Другим важнейшим средством индивидуализации товаров является наименование места происхождения товара (НМПТ). Согласно ст. 1516 ГК РФ, НМПТ признается обозначение, представляющее собой либо содержащее наименование страны, городского или сельского поселения, местности или другого географического объекта, ставшее известным в результате его использования в отношении товара, особые свойства которого исключительно или главным образом определяются характерными для данного географического объекта природными условиями и (или) людскими факторами.

НМПТ существенно отличается от товарного знака: оно индивидуализирует не любые товары одного производителя, а только уникальные товары, производимые в определенном месте; оно связано не с фигурой производителя, а с особенностями места и традициями производства. Кроме того, субъектом права на НМПТ, по мнению ряда ученых, должен быть только производитель товара. Этой точки зрения придерживается и Зуйкова Л.П., которая считает, что субъектами исключительного права на НМПТ могут быть производители товара – юридические лица или индивидуальные предприниматели [5], а Иванченко Т.В. поддерживает ограничение субъектного состава, указывая на необходимость увязки права на НМПТ с предпринимательской деятельностью [6, с. 158].

В настоящее время в российском законодательстве утвердилась концепция интеллектуальных прав, включающая в себя исключительное право, являющееся имущественным правом, а в случаях, предусмотренных ГК РФ, также личные неимущественные права и иные права. Центральное место в структуре интеллектуальных прав на средства индивидуализации занимает исключительное право.

Исключительное право на средства индивидуализации товаров и услуг обладает рядом специфических черт. Во-первых, оно является абсолютным (или квазиабсолютным, как в случае с НМПТ, где правом могут обладать несколько лиц одновременно при соблюдении определенных условий). Во-вторых, оно имеет имущественный характер, что позволяет правообладателю распоряжаться им (отчуждать или предоставлять по лицензии). В-третьих, оно ограничено в пространстве (территориальный характер) и во времени (срочный характер, хотя и с возможностью неограниченного продления для товарных знаков).

Заключение. Таким образом**,** исследованию общей правовой характеристики средств индивидуализации товаров и услуг, следует констатировать, что, несмотря на продолжающиеся в научной доктрине дискуссии относительно терминологического оформления и теоретической квалификации данных объектов, наиболее точным и практико-ориентированным признается нормативный подход, закрепленный в главе 76 Гражданского кодекса РФ, что данные объекты играют системообразующую роль в механизме регулирования конкурентных отношений.

Список литературы

1. Глушков, С. Ю. Права на средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий : общая характеристика / С. Ю. Глушков // Моя профессиональная карьера. – 2025. – Т. 1, № 74. – С. 27-33. – Текст: непосредственный.
2. Право интеллектуальной собственности. Т. 3. Средства индивидуализации: учебник / под общ. ред. Л. А. Новоселовой. – Москва: Статут, 2018. – 432 с. – Текст: непосредственный.
3. Карунная, А. Я. Правовая природа средств индивидуализации коммерческих организаций: специальность 12.00.03 – Гражданское право; семейное право; гражданский процесс; международное частное право: автореферат диссертации на соискание ученой

степени доктора юридических наук / Карунная Анна Яковлевна; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. – Москва, 2005. – 48 с. – Текст: непосредственный.
4. Рабец, А. П. Правовая охрана товарных знаков в России – современное состояние и перспективы / А. П. Рабец. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2003. – 256 с. – Текст: непосредственный.
5. Зуйкова, Л. П. Промышленная собственность предприятий на перекрестке законов. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации / Л. П. Зуйкова // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=15460#QHWA3RV8iWJTv8Ou1 (дата обращения: 13.09.2026). – Текст: электронный.
6. Иванченко, Т. В. Проблемы гражданско-правового регулирования регистрационного режима средств индивидуализации товаров и услуг / Т. В. Иванченко // Вестник СНО ДонГУ. – 2026. – Вып. 18, т. 4. – С. 153-160. – Текст: непосредственный.

УДК 347

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПРИ СУДЕБНОЙ ФОРМЕ ЗАЩИТЫ ПАТЕНТНЫХ ПРАВ

Липинский В. В., д-р ист. наук, проф., ORCID 0000-0002-1328-4271,
Рожков В. В., ORCID 0000-0003-1362-6283
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: lipinskiyvv@mail.ru @mail.ru, rozhkovvv_88@mail.ru

Введение. Актуальность исследования обусловлена возрастающей ролью инновационной экономики в Российской Федерации и необходимостью обеспечения эффективной защиты результатов интеллектуальной деятельности. Патентные права, являясь ключевым элементом системы интеллектуальной собственности, требуют комплексного механизма правовой охраны, включающего гражданско-правовые, административно-правовые и уголовно-правовые средства.

Цель статьи – анализ видов ответственности за нарушение патентных прав в Российской Федерации в контексте судебной формы их защиты.

Основная часть. В российском праве за нарушение патентных прав возможны три вида ответственности: гражданско-правовая (компенсация убытков), административная (ст. 7.12 КоАП РФ) и уголовная (ст. 147 УК РФ). Каждый из указанных видов ответственности выполняет специфические функции в системе охраны интеллектуальных прав и реализуется через соответствующие процессуальные механизмы.

Гражданско-правовая ответственность представляет собой наиболее востребованный среди патентообладателей способ защиты нарушенных прав. Как отмечает А.Г. Бабаян, форма защиты патентных прав должна обеспечивать

восстановление имущественного положения правообладателя и пресечение противоправных действий нарушителя [1, с. 56].

В соответствии со статьями 1250, 1252 и 1253 Гражданского кодекса Российской Федерации, правообладатель вправе требовать прекращения нарушения исключительного права, возмещения убытков либо выплаты компенсации в размере от десяти тысяч до пяти миллионов рублей, либо в двукратном размере стоимости права на использование объекта патентного права. [2]. При этом, по мнению Т.В. Жиленковой, право выбора способа компенсации принадлежит именно правообладателю, что обеспечивает гибкость механизма защиты и учитывает специфику каждого конкретного нарушения [3, с. 17].

Административная ответственность за нарушение патентных прав предусмотрена частью 2 статьи 7.12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Данная норма устанавливает ответственность за незаконное использование изобретения, полезной модели или промышленного образца; разглашение без согласия автора или заявителя сущности изобретения, полезной модели или промышленного образца до официального опубликования сведений о них; присвоение авторства или принуждение к соавторству [4].

Н. А. Кулаков справедливо отмечает, что институт административной ответственности обладает значительным потенциалом для защиты патентных прав, однако его реализация затруднена в силу латентности правонарушений, низкого уровня юридической квалификации правоприменителей и несовершенства нормативно-правовой базы [5, с. 12]. Следовательно, предлагаем модернизировать диспозицию ч. 2 ст. 7.12 КоАП РФ, заменив формулировку «сущность изобретения» на «сведения об изобретении, полезной модели или промышленном образце», что позволит обеспечить более комплексную охрану интересов патентообладателей.

Статья 147 Уголовного кодекса РФ предусматривает наказание за конкретные деяния, нарушающие изобретательские и патентные права [6]. Важно: уголовная ответственность наступает только при условии, что эти деяния причинили крупный ущерб. Если крупный ущерб не доказан или его размер ниже установленного порога, деяние может квалифицироваться как административное правонарушение. Какие деяния подпадают под эту статью? Незаконное использование изобретения, полезной модели или промышленного образца (например, производство, продажа, ввоз продукта, в котором использован запатентованный объект, без согласия патентообладателя). Даже если договор есть, но нарушены его условия (например, превышен тираж или территория), это тоже может быть признано нарушением. Разглашение сущности изобретения, полезной модели или промышленного образца без согласия автора или заявителя до официальной публикации сведений о них. Присвоение авторства (объявление себя автором чужого результата интеллектуальной деятельности). Принуждение к соавторству (оказание

давления с целью включить в число соавторов лица, которое не внесло творческого вклада).

Судебная форма защиты патентных прав в Российской Федерации характеризуется рядом особенностей. Р.М. Садыков отмечает, что перечень споров о защите патентных прав, рассматриваемых в суде и перечисленных в ст. 1406 Гражданского кодекса РФ, требует корректировки и дополнения, в частности, в части включения споров, возникающих из залога исключительного права на патентные права [7, с. 40]. А. Борисов подчёркивает, что отсутствие технической базы и специализированных судебных органов тормозит развитие эффективной системы судебной защиты патентных прав [8, с. 269].

Заключение. Таким образом, эффективность защиты патентных прав в Российской Федерации зависит от слаженного взаимодействия гражданско-правовых, административно-правовых и уголовно-правовых механизмов ответственности. Совершенствование нормативно-правовой базы, подготовка квалифицированных кадров в сфере интеллектуальной собственности, создание специализированных судебных органов и внедрение досудебных механизмов урегулирования споров позволят обеспечить надёжную охрану интересов правообладателей и стимулирование инновационной деятельности в Российской Федерации.

Список литературы

1. Бабаян, А. Г. Форма защиты патентных прав / А. Г. Бабаян // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – № 1-3(52). – С. 56–58.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвёртая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 30.12.2020) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 52 (ч. I). – Ст. 5496.
3. Жиленкова, Т. В. Правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации о защите исключительных прав на товарные знаки / Т. В. Жиленкова // Проблемы совершенствования прокурорского надзора. – 2015. – № 12. – С. 17–27.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 24.03.2021) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. I). – Ст. 1.
5. Кулаков, Н. А. Институт административной ответственности как средство защиты патентных (изобретательских) прав в Российской Федерации: некоторые проблемы правового регулирования / Н. А. Кулаков // Lex russica. – 2020. – Т. 73. – № 5. – С. 9–17.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.04.2026) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
7. Садыков, Р. М. Судебная форма защиты патентных прав / Р. М. Садыков // Казанский (Приволжский) федеральный университет. – 2023. – С. 40–43.
8. Борисов, А. Судебная форма защиты патентных прав / А. Борисов // Bulletin Almanach Science Association France-Kazakhstan. – 2023. – № 5. – С. 269–273.

УДК 347

ОСОБЕННОСТИ КОМПЕНСАЦИИ УЩЕРБА, ПРИЧИНЕННОГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ВЛАДЕЛЬЦЕВ ОПАСНЫХ ОБЪЕКТОВ

Мударов С. А.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: mudarov@yandex.ru

Введение. Анализ судебной практики по делам о возмещении ущерба, причиненного опасными объектами, является сложной и многогранной областью, требующей тщательного анализа фактов и применимых правовых норм. Как правило, иски о возмещении такого ущерба подаются владельцем или законным пользователем поврежденного или уничтоженного имущества. Основанием для удовлетворения этих исков является доказательство халатности со стороны лица, причинившего ущерб, будь то физическое или юридическое лицо.

Основная часть. Актуальность данного исследования заключается в том, что достижения науки и техники постоянно приводят к появлению новых усовершенствований, изобретений и новых типов опасных объектов. Для определения масштабов и размера компенсации за ущерб, причиненный владельцам опасных объектов, необходимо тщательное изучение концепции опасных объектов и типов опасных объектов в законодательстве и судебной практике.

К опасным производственным объектам (ОПО) относятся объекты, на которых хранятся опасные вещества определённых видов, в том числе взрывчатые вещества.

Так, А. Е. Никифорова отмечает, что для разъяснения сути признаков опасного объекта важны, во-первых, его вредные свойства и, во-вторых, невозможность полного контроля со стороны человека [1, с. 57]. Э. А. Демидов выделяет четыре признака, которыми в совокупности должен обладать опасный объект: 1) выступать всегда объектом (предметом) материального мира; 2) иметь вредоносные, опасные для окружающих свойства; 3) находиться в процессе эксплуатации, какой-либо деятельности; 4) исключать возможности абсолютного контроля над собой со стороны человека [2,с.38].

Законодательство РФ не содержит исчерпывающего перечня видов опасных объектов (видов повышенной опасной деятельности). В связи с этим, суд, принимая во внимание особые свойства предметов, веществ или других объектов, используемых в процессе деятельности, вправе признать владельцем опасного объекта также и другую деятельность, обладающую признаками опасного объекта.

Гражданская ответственность за вред, причиненный опасным объектом, представляет собой систему принудительных воздействий, которая ориентирована на применение мер и санкций в отношении имущества

должника, являющегося владельцем опасного объекта, с целью восстановить нарушенные права кредитора или потерпевшего, причинившие ущерб его имуществу, здоровью или жизни, а также меры по предотвращению вреда от деятельности опасного объекта. Эта обязанность заключается в применении мер для: предотвращения вреда; возмещение вреда владельцем опасного объекта; возмещение вреда, которое возможно в большем размере, чем его компенсация, когда ее последствия принимаются во внимание или когда невозможно установить точную сумму ущерба.

Федеральный закон от 21.07.1997 N 116-ФЗ (ред. с 1 сентября 2026 года действует новая редакция Федерального закона от 21.07.1997 №116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов».) «О промышленной безопасности опасных производственных объектов вводит понятие владельца опасного объекта, под которым понимается юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, владеющие опасным объектом на праве собственности, праве хозяйственного ведения или праве оперативного управления либо на ином законном основании и осуществляющие эксплуатацию опасного объекта.

Склад оружия подпадает под этот закон, если на нём хранятся:

– взрывчатые вещества (пороха, промышленные ВВ, ракетные топлива, пиротехнические составы);

– боеприпасы (снаряжённые изделия, содержащие взрывчатые вещества);

– иные опасные вещества из приложения 1 к ФЗ-116. При этом класс опасности зависит от количества взрывчатых веществ. Например, если количество взрывчатых веществ составляет 500 т и более, объект относится к 1 классу опасности.

Склады взрывчатых материалов прямо перечислены в классификации ОПО как самостоятельный тип объекта (пункт 3 приложения 1 к ФЗ-116).

Специальные требования к складам боеприпасов и взрывчатых материалов установлены – ФНП «Основные требования безопасности для объектов производств боеприпасов и спецхимии». Они регулируют хранение, перевозку, утилизацию ВВ и снаряжённых боеприпасов на объектах оборонно-промышленного комплекса.

В соответствии с Постановлением № 3 Верховного Суда Российской Федерации от 28 апреля 1994 г. «владелец опасного объекта обязан возмещать ущерб за все виды деятельности, где вероятность причинения ущерба возрастает из-за невозможности полного человеческого контроля, а также за деятельность, связанную с транспортировкой, использованием и обеспечением безопасности опасных предметов, веществ и объектов промышленного, экономического или иного назначения, имеющих аналогичные характеристики».

Юридическое лицо (индивидуальный предприниматель), владеющее опасным объектом на праве собственности, праве хозяйственного ведения или праве оперативного управления либо на ином законном основании и осуществляющее эксплуатацию опасного объекта обязан возместить вред, причиненный опасным объектом.

Ранее предпринимались попытки предотвратить производственные несчастные случаи с помощью наказания и регулирования, организованных государством, но это сталкивалось с ограничениями. На основе этих уроков была закреплена обязанность владельцев по введению системы оценки рисков.

Существуют различные методы для оценки риска, но наиболее часто используемым и рекомендуемым является метод интенсивности. С помощью данного метода определяется риск (опасность, уровень риска или уровень риска), к4оторый объединяет частоту (вероятность возникновения) и интенсивность (тяжесть) опасных факторов риска, а также определяет, можно ли оставить опасность без наблюдения на рабочем месте (является ли она приемлемым риском).

Для уровней, которые могут быть опасными (неприемлемым риском), если их оставить без контроля, владельцу следует разработать меры по снижению риска в соответствии с процедурами оценки риска, и соответственно, их реализовать.

Оценка риска не ограничивается подтверждением наличия опасных или вредных факторов, а представляет собой процесс, который определяет масштаб риска путём всестороннего рассмотрения, как часто такие риски могут возникать и насколько серьёзными будут повреждения в случае аварии.

Владельцы должны выявлять опасные факторы, определять, приемлемый уровень риска, а затем устанавливать и внедрять необходимые меры по улучшению.

При заключении договора подрядчик также имеет право проводить оценку собственных рисков при выполнении работ на опасном объекте. Владелец объекта обязан ознакомиться с результатами оценки рисков, проведённой подрядчиком, и оказывать необходимую поддержку для обеспечения бесперебойного выполнения подрядчиком своих обязанностей.

Заключение. Следовательно, владельцы опасных объектов должны выявлять опасные и рисковые факторы, определять, приемлемый уровень риска, а затем устанавливать и внедрять необходимые меры по их улучшению.

При выполнении работ на опасном объекте, подрядчик должен ознакомиться с факторами риска, и при необходимости разработать собственный план управления рисками. Принятие мер по управлению рисками будет не только способствовать снижению аварийности на опасных объектах, но и позволит более точно определить вину сторон при определении размера возмещения ущерба.

Список литературы

1. Никифорова, А. Е. Проблемы возмещения ущерба / А. Е. Никифорова // Финконтроль. – 2026. – № 1(43). – С. 57-59.
2. Демидов, Э. А. Понятие возмещения имущественного ущерба / Э. А. Демидов // Пробелы в российском законодательстве. – 2026. – Т. 19, № 3. – С. 38-42. – DOI: 10.33693/2072-3164-2026-19-3-38-42

УДК 347.77

КОЛЛЕКТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ АВТОРСКИМИ ПРАВАМИ

Олейникова А. В.,
Горелов А. А., ORCID 0009-0002-6992-5821
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: a.olejnikovadongu@mail.ru, sashagorelov15@mail.ru

Введение. Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) закрепляет возможность создания организаций, осуществляющих коллективное управление авторскими правами, что актуально для авторов в случае невозможности или затруднительности управления авторскими правами в индивидуальном порядке. Однако на сегодняшний день гражданское законодательство содержит достаточно малое количество норм по данной теме, что является проблемным аспектом вопроса, а также на практике указанная система может сталкиваться и с иными трудностями.

Цель работы – проанализировать имеющиеся проблемы управления авторскими и смежными правами в коллективном порядке.

Основная часть. ГК РФ в ст.1242 закрепляет: «Авторы, исполнители, изготовители фонограмм и иные обладатели авторских и смежных прав в случаях, когда осуществление их прав в индивидуальном порядке затруднено или когда настоящим Кодексом допускается использование объектов авторских и смежных прав без согласия обладателей соответствующих прав, но с выплатой им вознаграждения, могут создавать основанные на членстве некоммерческие организации, на которые в соответствии с полномочиями, предоставленными им правообладателями, возлагается управление соответствующими правами на коллективной основе (организации по управлению правами на коллективной основе)» [1].

Однако стоит отметить, что законодательное закрепление процесса коллективного управления авторскими правами, на наш взгляд, требует доработки. Во-первых, нормы, которые закрепляют статус организаций коллективного управления, их полномочия и порядок работы и иные вопросы, разнесены по разным нормативно-правовым актам и порой носят общий или противоречивый характер. Это создаёт пространство для разночтений и затрудняет единообразное применение закона.

Более глубокой, практической проблемой является недостаточно высокий уровень участия в управлении правами непосредственно правообладателей. Как отмечается в научной литературе, такие полномочия, как правило, возлагаются на менеджмент организаций, в связи с чем, могут допускаться ошибки в управлении или же злоупотребления обязанностями, что, в свою очередь, может переходить в плоскость правонарушений [2, с. 20].

Кроме того, возникают неясности в вопросе распределения средств таких организаций, поскольку это оформляется пропорционально фактическому использованию произведений и объектов смежных прав, однако чаще всего большая часть уходит на нужды крупных правообладателей, игнорируя более мелких.

Кроме того, ещё одна проблема обусловлена веяниями времени. Так, в цифровую эпоху появляются новые формы использования произведений (например, онлайн-вещание, стриминг), которые не всегда чётко регулируются законом. Неверная юридическая квалификация таких способов может привести к тому, что использование признают нарушением, хотя на самом деле оно правомерно.

Например, в сфере онлайн-вещания сообщение в эфир и доведение до всеобщего сведения являются разными правовыми режимами. При сообщении передаётся непрерывный сигнал, который формирует вещатель, и пользователь не может выбрать конкретное произведение для воспроизведения. Доведение до всеобщего сведения предполагает предоставление доступа по запросу (например, размещение плейлиста на сайте для скачивания). Путаница между этими понятиями ведёт к рискам нарушения прав.

Кроме того, применение норм национального права может вступать в конфликт с международными договорами (например, с Договором ВОИС по авторскому праву). В частности, вопрос о том, охватывает ли право на «любое сообщение» (подп. 7 п. 2 ст. 1270 ГК РФ) онлайн-вещание, остаётся дискуссионным. Такая неурегулированность создаёт правовую неопределённость для организаций коллективного управления и пользователей контента.

На практике трудно доказать, что конкретный способ использования имел место. ОКУ часто опираются на внутренние методики расчёта, которые не всегда прозрачны для третьих лиц. Это затрудняет проверку правомерности действий пользователей и повышает риски споров [3].

Даже при наличии аккредитации организации коллективного управления не всегда вправе выдавать лицензии на все возможные способы использования. Например, Суд в Постановлении от 30 января 2017 г. № С01-1029/2016 по делу №А40-14248/2016 указал, что аккредитация не распространяется на такой способ, как переработка музыкального произведения. Это означает, что организация коллективного управления не может легально предоставить пользователю право на создание производного произведения (например, ремикса), что создаёт риски для обеих сторон [4].

Всё вышеизложенное свидетельствует о необходимости совершенствования норм ГК РФ. Нами предлагается внесение в ГК РФ ст. 1242.1, которая бы звучала следующим образом: «В целях обеспечения прозрачности деятельности организаций по управлению правами на коллективной основе следует закрепить обязанность таких организаций публиковать детализированные отчёты о распределении вознаграждения с

разбивкой по правообладателям и видам использования объектов авторских и смежных прав, а также установить единый порядок расчёта долей, исключающий дискриминацию мелких правообладателей».

Заключение. Таким образом, система коллективного управления авторскими правами регулируется нормами ГК РФ, однако имеет некоторые несовершенства. В частности, это вопрос управления организациями со стороны менеджмента, а не правообладателей. Также имеются проблемы с распределением средств организаций в пользу крупных правообладателей. Существование различных форм использования произведений может создавать путаницу вследствие отсутствия чёткого определения появляющихся форм. Решение перечисленных и иных трудностей позволит усовершенствовать имеющуюся систему коллективного управления авторскими правами в российском законодательстве.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) / Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 07.10.2026).
2. Сайфутдинова, В. М. Коллективное управление авторскими и смежными правами: вопросы теории и практики / В. М. Сайфутдинова, М. Л. Шакирова // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2016. – № 4(74). – С. 17-23. – EDN XAMKMR.
3. Коллективное управление авторскими и смежными правами в сфере онлайн-вещания [Электронный ресурс] / Адвокатская газета. – Режим доступа: https://www.advgazeta.ru/ag-expert/advices/kollektivnoe-upravlenie-avtorskimi-i-smezhnymi-pravami-v-sfere-onlayn-veshchaniya/?ysclid=mv4dnc2a1d812824527 (дата обращения: 07.10.2026).
4. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 30 января 2017 г. № С01-1029/2016 по делу N А40-14248/2016 [Электронный ресурс] / Гарант.ру. – Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71504402/?ysclid=mv4fez59d31214086 (дата обращения: 07.10.2026).

УДК 334.735

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ

Олейникова А. В., Куганова П. С.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: polina.kuganovaa@gmail.com@mail.ru,

Введение. Потребительская кооперация в Российской Федерации представляет собой сложный социально-экономический и правовой институт, имеющий глубокие исторические корни и значительный потенциал для развития в современных рыночных условиях. Данный институт, будучи элементом гражданского общества, создавался «не по государственному указанию, а по воле, иными словами инициативе предприимчивых, прогрессивно настроенных людей, то есть не «сверху», а «снизу». Однако современное состояние потребительской кооперации характеризуется рядом системных проблем, требующих комплексного правового анализа и законодательного совершенствования.

Основная часть. Одной из фундаментальных проблем правового регулирования потребительской кооперации является наличие коллизий между нормами Гражданского кодекса Российской Федерации и специализированным законодательством. Ю.Г. Арзамасов указывает на то, что «в статье 116 ГК РФ, определяющей правовой статус потребительского кооператива как некоммерческой организации, являющейся объектом гражданско-правового регулирования, используется термин «потребительский кооператив» [1, с. 96].

В свою очередь, в законе «О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах) в Российской Федерации» [2]. законодатель применил термины «потребительское общество» и «союз потребительских обществ». Данная терминологическая неопределенность создает практические трудности в правоприменительной деятельности и требует унификации понятийного аппарата на законодательном уровне.

Более того, как отмечает Бурлаков В.Б., «используемое в статье 116 ГК РФ понятие потребительского кооператива как добровольного объединения граждан и юридических лиц на основе членства с целью удовлетворения материальных и иных потребностей участников, осуществляемого путем объединения его членами имущественных паевых взносов, шире понятия «потребительское общество», закрепленного Федеральным законом о потребительской кооперации» [3, с. 210].

Пахомкин А. Н., Арустамов Э. А. и Коленова В. А. обращают внимание на важность изменения направлений и увеличения размеров государственной поддержки, указывая, что «целесообразно ее оказывать не только кооперативам, но и их членам, особенно личным подсобным хозяйствам, которые практически ее не получают» [4, с. 7]. Авторы также подчеркивают,

что «государственная поддержка должна позволит членам кооперативов широко использовать современные технологии производства сельхозпродукции, инновации в своей деятельности», что соответствует современным тенденциям развития агропромышленного комплекса.

Агнаева И. Ю. и Сёмина Н. А., анализируя перспективы развития потребительской кооперации, отмечает, что «в современных условиях потребительская кооперация должна развиваться как инновационная система, сохраняющая социальную ориентацию и функционирующая по законам рынка». При этом авторы справедливо указывают, что «потребительские общества и их союзы при выработке стратегии развития вынуждены учитывать диверсификацию в городах транснациональных торговых сетей, а в сельских местностях – крупных российских сетей» [5, с. 13], что требует разработки адаптивных правовых механизмов, обеспечивающих конкурентоспособность кооперативного сектора.

Христолюбов С. Н., анализируя возможные пути совершенствования законодательства, приходит к выводу, что «совершенствование правового регулирования в сфере потребительской кооперации должно осуществляться не путем внесения многочисленных изменений и дополнений, то есть всевозможных поправок в закон «О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах) в Российской Федерации», так как рядовые кооператоры вряд ли смогут в них разобраться и следить за этими изменениями, а путем принятия нового федерального закона «О потребительской кооперации в Российской Федерации» [6, с. 13].

Новичков Н. В. и Моисеева О. А. формулируя рекомендации по развитию потребительской кооперации, указывает на необходимость «создания условий для гарантированного обеспечения сельского населения социально значимыми продовольственными и непродовольственными товарами, в т.ч. в отдаленных и труднодоступных поселениях, включая развитие развозной торговли» [7, с. 56].

Таким образом, в соответствие с вышесказанным следует сделать вывод о том, что потребительская кооперация в Российской Федерации сохраняет существенный социально-экономический потенциал, однако её устойчивое развитие в современных рыночных условиях сдерживается системными противоречиями в правовом регулировании.

Фундаментальной законодательной проблемой остаётся терминологическая и нормативная коллизия между ст. 116 ГК РФ, использующей понятие «потребительский кооператив», и профильным федеральным законом, закрепляющим статус «потребительского общества» и их союзов. Отсутствие чётких правовых механизмов концентрации капитала тормозит технологическую модернизацию, а недостаточная нормативная регламентация конгломератной диверсификации размывает границы прав и обязанностей кооперативов при выходе в новые отраслевые ниши.

В этой связи преодоление выявленных вызовов невозможно путём фрагментарного внесения поправок в действующие акты; оптимальным решением выступает разработка и принятие нового единого федерального закона «О потребительской кооперации в Российской Федерации». Такой нормативный акт должен унифицировать терминологию, выстроить непротиворечивую систему регулирования, детализировать условия предоставления государственного и муниципального содействия, а также законодательно закрепить социальные обязательства органов власти по поддержке кооперативной торговли в отдалённых и труднодоступных поселениях.

Список литературы

1. Арзамасов, Ю. Г. Актуальные проблемы правового регулирования института потребительской кооперации и значение законодательной техники в их решении / Ю. Г. Арзамасов. – Текст: непосредственный // Юридическая техника. – 2008. – № 2. – С.
2. О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах) в Российской Федерации: Закон РФ от 19 июня 1992 г. № 3085-1 (ред. от 24.07.2023). – Текст: электронный // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1992. – № 32. – Ст. 1885. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1526/ (дата обращения: 22.05.2026). – Режим доступа: справ.-правовая система «КонсультантПлюс».
3. Бурлаков, В. Б. Проблемы становления сельскохозяйственной потребительской кооперации на современном этапе развития отечественного АПК / В. Б. Бурлаков. – Текст: непосредственный // Островские чтения. – 2019. – № 1. – С. 208-212.
4. Пахомкин, А. Н. О проблемах потребительской кооперации в предпринимательской среде современной России / А. Н. Пахомкин, Э. А. Арустамов, В. А. Коленова. – Текст: непосредственный // Отходы и ресурсы. – 2019. – Т. 6, № 3. – С. 7-12.
5. Агнаева, И. Ю. Анализ современного состояния и проблем функционирования системы потребительской кооперации России / И. Ю. Агнаева, Н. А. Сёмина. – Текст: непосредственный // Russian Journal of Management. – 2021. – Т. 9, № 1. – С. 11-15.
6. Христолюбов, С. Н. Внутренний контроль в организациях потребительской кооперации: проблемы и перспективы развития / С. Н. Христолюбов. – Текст: непосредственный // Инновационное развитие экономики. – 2023. – № 6 (78). – С. 11-15.
7. Новичков, Н. В. Современное состояние сельскохозяйственной потребительской кооперации и базовые векторы ее развития / Н. В. Новичков, О. А. Моисеева. – Текст: непосредственный // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. – 2025. – № 1. – С. 50-61.

УДК 347.453

ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ ДОГОВОРА АРЕНДЫ НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА И ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО СОГЛАШЕНИЯ К НЕМУ

Олейникова А. В., Николаева Ю. Н.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: nulia039@gmail.com

Введение. В условиях предпринимательской деятельности арендные отношения являются одним из основных инструментов обеспечения гибкости, экономической эффективности и масштабируемости бизнеса. Коммерческая аренда носит целевой, профессиональный и рыночный характер. Такая аренда является неотъемлемой частью предпринимательской деятельности – аренда производственных площадей, офисных помещений, земельных участков, оборудования, транспортных средств.

Цель научной работы – рассмотреть особенности государственной регистрации договора аренды недвижимого имущества и дополнительного соглашения к нему.

Основная часть. Предприниматели для закрепления своих обязательств по передачи во временное и платное пользование имуществом заключают договор аренды, регулированию которого посвящена глава 34 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту – ГК РФ).

Договор аренды может быть как долгосрочный, так и краткосрочный в зависимости от целей предоставления недвижимого имущества в аренду. По общему правилу срок является существенным условием договора, поскольку законодательством предусмотрена государственная регистрация договора аренды недвижимого имущества.

Государственная регистрация является единственным доказательством существования зарегистрированного права. Регистрация прав и сделок проводится на всей территории Российской Федерации по установленной Федеральным законом от 21 июля 1997 года № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» [1] системе записей о правах на каждый объект недвижимого имущества в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним (ЕГРН).

Договор аренды недвижимости подлежит, по общему правилу, государственной регистрации, согласно п. 2 ст. 609 ГК РФ [2]. Для некоторых видов недвижимого имущества установлены специальные правила, а именно: для зданий или сооружений (п. 2 ст. 651 ГК РФ) и земельных участков (п. 2 ст. 26 Земельного кодекса Российской Федерации от 25.10.2001 N 136-ФЗ (далее – ЗК РФ)) [3]. Исключение составляют договоры аренды и субаренды

недвижимого имущества, заключенные на срок менее одного года, которые не подлежат государственной регистрации, о чем говорится в п. 2 ст. 26 ЗК РФ.

В ст. 651 ГК РФ закреплено, что договоры аренды недвижимости, заключенные сроком не менее года, подлежат государственной регистрации. В соответствии с Информационным письмом Президиума ВАС РФ данный срок будет рассчитываться по следующему правилу: если по договору аренды срок определен с 1-ого числа месяца текущего года до 30-го (или 31-ого) числа предыдущего месяца следующего года, то он буден равен году и будет признан краткосрочным договором аренды и потому не будет подлежать государственной регистрации [4].

В случае, если договор аренды не предусматривает срок, на который передается недвижимое имущество, то такой договор аренды считается заключенным на неопределенный срок. В таком случае каждая из сторон вправе в любое время отказаться от договора, предупредив об этом другую сторону за три месяца (п. 2 ст. 610 ГК РФ).

Договор, заключенный на неопределенный срок, не подлежит государственной регистрации. Такой вывод содержится, например, в постановлениях Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 4 июня 2002 года № А56-69/02 и Федерального арбитражного суда Московского округа от 23 января 2001 года № КГ-А40/6418-00. Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в пункте 11 Информационного письма от 16 февраля 2001 года № 59 указал, что не нужно регистрировать и договоры аренды, которые стороны перезаключили на неопределенный срок [5].

В современной юридической доктрине вопрос о правовом статусе нежилого помещения как самостоятельного объекта гражданских прав является предметом активных дискуссий. В настоящее время в литературе сложились две противоположные точки зрения. Представители первой отвергают возможность признания нежилых помещений в качестве самостоятельных объектов гражданских прав. Сторонники второй, напротив, признают нежилые помещения самостоятельными объектами гражданских прав и самостоятельными объектами недвижимости. Следует отметить, что законодатель счел возможным закрепить вторую из приведенных позиций. Таким образом, Закон о регистрации отнес нежилые помещения к числу недвижимых объектов, права на которые и сделки, в отношении которых подлежат государственной регистрации.

Необходимым является рассмотреть последствия, если государственная регистрация договора аренды недвижимого имущества не будет осуществлена. Анализируя законодательство, можно сделать вывод о том, что ст. 609 ГК РФ и ст. 26 ЗК РФ не содержат никаких положений о правовых последствий касаемо незарегистрированных договоров аренды. В п. 1 ст. 651 ГК РФ указывается на недействительность договора аренды здания или сооружения вследствие несоблюдения его формы. Однако это положение относится к письменной

форме (составляется один документ, который стороны подписывают), о чём говорится в этом же пункте статьи. Немного иначе дело обстоит с построением ст. 658 ГК РФ о договоре аренды предприятия (которое согласно ст. 132 ГК РФ тоже рассматривается как недвижимость): сначала расположены пункты о письменной форме и государственной регистрации, а потом – пункт о недействительности договора [6].

Статьи 651 и 658 ГК РФ устанавливают, что договоры считаются заключенными с момента их государственной регистрации. На первый взгляд, это означает, что отсутствие регистрации влечет незаключенность сделки. Однако такой вывод не вполне корректен. П. 1 ст. 164 и п. 3 ст. 433 ГК РФ позволяет сделать иной вывод: государственная регистрация необходима для возникновения правовых последствий сделки в отношении третьих лиц, тогда как для самих сторон договор порождает обязательства уже с момента его подписания.

Правовыми последствиями, которые не наступят без государственной регистрации, являются последствия в отношении третьих лиц. Президиум Верховного Суда, ссылаясь на упомянутые уже ст. 433, ст. 651 ГК РФ и др., обращает внимание на то, что цель государственной регистрации договора – дать возможность именно заинтересованным третьим лицам знать о долгосрочной аренде [6].

Обобщая вышеизложенное, следует отметить, что отсутствие государственной регистрации договора аренды недвижимости не является основанием для признания его незаключенным, несмотря на противоречивость формулировок ст. 651 и 658 ГК РФ. Такой договор сохраняет юридическую силу между сторонами, однако не имеет правового значения в отношениях с третьими лицами. В частности, при смене собственника участка арендатор теряет право пользования землей (ст. 653 ГК РФ), если сделка не прошла регистрацию. При этом незарегистрированный договор может быть оспорен только на общих основаниях, а не из-за отсутствия регистрации. В частности, арендодатель, принявший исполнение по договору, не вправе ссылаться на отсутствие регистрации для признания сделки недействительной.

Также стоит уделить внимание вопросу государственной регистрации дополнительных соглашений к договору аренды недвижимого имущества. Дополнительным соглашением является документ, которым стороны меняют условия уже действующего договора: поднимают или снижают размер арендной платы, продлевают срок, добавляют помещения, уточняют обязанности. Само по себе оно не создаёт новый договор, а вносит изменения в уже существующий. Однако, если основной договор прошёл государственную регистрацию, то и его изменение по общему правилу нужно провести через регистрирующий орган.

Дополнительное соглашение регистрируется в случае, когда стороны определили новый размер арендной платы, изменили или продлили срок аренды, изменили площадь или состав помещений, а также если произошла

смена стороны. Если же основной договор не регистрировался (срок аренды составил менее года) или внесение изменений не затрагивают запись ЕГРН (реквизиты сторон), то в таких случаях дополнительное соглашение регистрировать не нужно, поскольку они не создают правовых обременений для третьих лиц.

Заключение. Подводя итог вышеизложенному, можно сделать вывод о том, что государственная регистрация договора аренды и дополнительных соглашений к нему является обязательным правовым инструментом, гарантирующим устойчивость сделок с недвижимым имуществом. Данная процедура направлена на официальное закрепление обременения объекта недвижимости, что обеспечивает прозрачность правоотношений и информирует неограниченный круг лиц о наличии прав арендатора.

Список литературы

1. Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости» от 13 июля 2015 года №218-ФЗ // Рос.газ. – 2015. – №156.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30. 11. 1994 № N 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – с изм. и допол. в ред. от 09.06.2026.
3. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. – с изм. и допол. в ред. от 01.09.2025.
4. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 11.01.202 №66 «Обзор практики разрешения споров, связанных с арендой» // «Вестник ВАС РФ», №3, 2002.
5. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 16.02.2001 № 59 «Обзор практики разрешения споров, связанных с применением Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним»» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2001. – № 4. – С. 84–95.
6. Шушкова, А. Д. Государственная регистрация договора аренды недвижимости и правовые последствия её неосуществления / А. Д. Шушкова // E-Scio. – 2021. – № 5(56). – С. 701-707.

УДК 347.91/.95

ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ВИДОВ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Панько Н. А., ORCID 0000-0003-1023-7266,
Вервейко О. Ю.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: alekszilovich@mail.ru, n.a.panko@mail.ru

Введение. Разграничение видов гражданского судопроизводства определяет условия доступа к судебной защите и объём процессуальных возможностей участников. Упрощённое и заочное производство представляют специальные порядки рассмотрения исковых дел, что требует согласования их правил с общими гарантиями судебного разбирательства. Ускорение рассмотрения дел оправданно лишь тогда, когда выбор процедуры соответствует характеру требования, а сокращение процессуальных действий не лишает стороны возможности представить возражения и доказательства.

Цель исследования состоит в обосновании изменений законодательства, направленных на уточнение границ приказного производства, обеспечение письменной состязательности и совершенствование порядка отмены заочного решения.

Основная часть. Первой проблемой является недостаточная определённость критериев разграничения приказного и искового порядка. Согласно п. 3 ч. 3 ст. 125 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (далее – ГПК РФ), наличие спора о праве препятствует принятию заявления о вынесении судебного приказа, однако признаки такого спора непосредственно не раскрываются [1]. Принадлежность требования к перечню ст. 122 ГПК РФ при отсутствии оснований для отказа требует первоначального обращения за приказом, а цена иска сама по себе не определяет допустимость упрощённого рассмотрения.

Д.М. Федоров отмечает спорность применения приказного порядка к требованиям об оплате жилищно-коммунальных услуг и недостаточную дифференциацию процессуального положения должника [2, с. 61]. Необходимость учитывать содержание документов подтверждается определением Первого кассационного суда общей юрисдикции от 22.05.2025 № 88-13164/2025, в котором указано, что требования, подтверждённые документами о договорной задолженности, могут рассматриваться в упрощённом порядке независимо от суммы, кроме требований приказного производства [3]. Следовательно, разграничение процедур требует оценки основания взыскания и характера разногласий.

Предлагается дополнить ст. 125 ГПК РФ положением, конкретизирующим признаки спора о праве через выявленные противоречия относительно существования обязательства, его размера или срока исполнения, разрешение которых требует исследования дополнительных доказательств. Оценке должны подлежать также письменные возражения, поступившие от должника до вынесения приказа. Поправка позволит обосновывать отказ в принятии заявления конкретными обстоятельствами, сохраняя обязательность приказного порядка для бесспорных требований.

Вторая проблема связана с сокращением фактического времени для защиты при позднем получении определения об упрощённом рассмотрении дела. А.Б. Алиева указывает на сходство упрощённого и приказного производства, ставя вопрос о дублировании процедур [4, с. 104–108]. Однако письменная состязательность предполагает исследование возражений по существу спора, что требует гарантировать участникам время для подготовки позиции. Согласно ч. 2, 3 ст. 232.3 ГПК РФ, минимальные сроки представления доказательств и дополнительных объяснений составляют соответственно пятнадцать и тридцать дней со дня вынесения определения [1].

В определении Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 26.01.2026 № 88-1283/2026 по делу № 2-4490/2025 установлено, что копия определения была направлена ответчику после истечения срока представления возражений, вследствие чего судебные постановления отменены [5]. Нарушение подтверждает, что формальное назначение срока не обеспечивает возможности участия в письменном разбирательстве. Предлагается изменить ч. 2 ст. 232.3 ГПК РФ, исчисляя минимальный пятнадцатидневный срок с подтверждённого получения определения стороной. Корректировку необходимо согласовать со сроком дополнительных объяснений, сохранив предусмотренный законом интервал между окончанием обоих периодов. При отсутствии сведений об извещении должен применяться переход к общему исковому порядку.

Третья проблема касается подготовки заявления об отмене заочного решения в пределах короткого срока. В соответствии с ч. 1 ст. 237 ГПК РФ, ответчику предоставлено семь дней со дня вручения копии решения, тогда как ст. 242 ГПК РФ требует обосновать уважительность причин неявки, невозможность своевременно сообщить о них и представить обстоятельства и доказательства, способные повлиять на содержание решения [1]. Н.Ш. Гаджиалиева рассматривает специальную отмену как восстановление возможности ответчика участвовать в состязательном процессе при наличии предусмотренной законом совокупности оснований [6, с. 62].

Процессуальные последствия несвоевременного обращения за отменой заочного решения отражены в определении Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 16.04.2026 № 88-5966/2026 по делу № 2-255/2025, в котором отказ в восстановлении пропущенного срока разграничен с разрешением заявления по существу, необходимым для соблюдения

установленной последовательности обжалования [7]. Для совершенствования данного порядка предлагается увеличить до пятнадцати дней срок, предусмотренный ч. 1 ст. 237 ГПК РФ, сохранив его исчисление со дня вручения ответчику копии решения. Увеличение срока расширит возможности подготовки мотивированного заявления и сбора доказательств, подтверждающих основания отмены, без изменения условий специального пересмотра и порядка последующего обжалования.

Заключение. Совершенствование исследованных процедур предполагает конкретизацию признаков спора о праве, предоставление полного срока письменного состязания после получения судебного определения и увеличение срока подготовки заявления об отмене заочного решения. Предлагаемые изменения направлены на согласование процессуальной экономии с доступностью судебной защиты.

Список литературы

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.
2. Федоров, Д. М. Проблемы и пути развития приказного производства в гражданском и административном процессах в Российской Федерации / Д. М. Федоров // Сибирский юридический вестник. – 2026. – № 3 (114). – С. 61–68. – DOI 10.26516/2071-8136.2026.3.61.
3. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 22.05.2025 № 88-13164/2025. – Текст : электронный // ГАРАНТ. – URL: https://base.garant.ru/347729680/ (дата обращения: 07.10.2026).
5. Алиева, А. Б. Упрощенное производство в гражданском процессе: спорные вопросы теории и практики / А. Б. Алиева // Пробелы в российском законодательстве. – 2017. – № 1. – С. 104–108.
6. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 26.01.2026 № 88-1283/2026. – Текст : электронный // ГАРАНТ. – URL: https://base.garant.ru/349368655/ (дата обращения: 07.10.2026).
7. Гаджиалиева, Н. Ш. К вопросу об отмене заочного решения по заявлению ответчика / Н. Ш. Гаджиалиева // Вестник Московского университета МВД России. – 2023. – № 6. – С. 62–65. – DOI 10.24412/2073-0454-2023-6-62-65. – EDN DXHZKD.
8. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 16.04.2026 № 88-5966/2026. – Текст : электронный // ГАРАНТ. – URL: https://base.garant.ru/470436212/ (дата обращения: 07.10.2026).

УДК 347.91

ПРИНЦИП ДИСПОЗИТИВНОСТИ В ГРАЖДАНСКО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ

Пефтиев О. В., канд. юрид. наук, ORCID 0000-0003-3997-901X,
Белых М. Р., ORCID 0009-0006-3142-6372
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: oleg.peft@yandex.ru, margarittka24@gmail.com,

Введение. Гражданское процессуальное право продолжает оставаться важной темой для юридической науки. Исследования показывают, что принципы этого права получили особую интерпретацию в советский период, отличавшуюся от дореволюционных российских подходов и европейской доктрины. Среди этих принципов особое место занимает диспозитивность, пронизывающая весь гражданский процесс – от возбуждения дела до исполнительного производства, как отметил А. Т. Боннер [1, с. 3–8].

Цель данной работы – всесторонний анализ принципа диспозитивности в гражданском процессуальном праве, выявление проблем его закрепления в нормативных актах и реализации на практике, а также разработка предложений по улучшению законодательства.

Основная часть. В процессуальной доктрине существует несколько подходов к пониманию принципа диспозитивности. Один из наиболее распространенных взглядов заключается в том, что этот принцип наделяет участников судебного процесса правом свободно распоряжаться своими материальными и процессуальными правами и средствами их защиты [2, с. 208–211]. По мнению Т. Л. Кураса, диспозитивность в гражданском судопроизводстве выражается в возможности независимого управления процессуальными правами, материальными интересами и инструментами их реализации [3, с. 69–77].

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно подчеркивал, что диспозитивность гражданского процесса вытекает из материально-правовой сущности субъективных прав, требующих судебной защиты. В соответствии с этим, процессуальные правоотношения возникают, изменяются или прекращаются главным образом по воле лиц, участвующих в споре о материальных правах.

Развитие диспозитивности в российском гражданском процессе можно разделить на несколько ключевых этапов. Дореволюционный период, ознаменованный принятием Устава гражданского судопроизводства 1864 года, сформировал классическую модель, основанную на принципах свободы распоряжения процессуальными правами и состязательности сторон. Эти принципы стали основополагающими элементами российской правовой системы того времени.

В советский период диспозитивность подверглась значительным ограничениям. Согласно Гражданскому процессуальному кодексу РСФСР 1964 года, суд получил широкие полномочия по самостоятельному установлению обстоятельств дела, что фактически игнорировало позицию сторон и их доказательства, ограничивая тем самым реализацию диспозитивных принципов.

Новый этап начался с принятия ГПК РФ в 2002 году, который предусматривал пересмотр и усиление роли диспозитивности. По мнению Т. Л. Кураса, законодатель стремился придать принципам состязательности и диспозитивности центральное место в гражданском судопроизводстве, значительно расширив их применение [4, с. 69–77]. Однако диспозитивность, в отличие от состязательности (статья 12 ГПК РФ), до сих пор не закреплена в законе напрямую.

Одной из самых актуальных и обсуждаемых тем в процессуальной науке является отсутствие четкого определения принципа диспозитивности в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации. Анализ законодательства постсоветских стран показывает, что в семи из пятнадцати стран, включая Россию, этот принцип не получил нормативного закрепления и существует только в доктринальном контексте.

Эта проблема имеет важное практическое значение. Исследователи отмечают, что четкое законодательное определение позволяет однозначно установить существование и содержание принципа диспозитивности. Отсутствие такой формулировки вызывает дискуссии о статусе диспозитивности как самостоятельного принципа гражданского процесса или всего лишь его характеристики [5, с. 20–22].

Вопрос соотношения диспозитивности и состязательности занимает важное место в теории гражданского процесса. Хотя эти принципы неразрывно связаны, их природа различна. Научное сообщество отмечает, что состязательность выступает необходимым условием для практического применения диспозитивности, а диспозитивность, в свою очередь, задает вектор для эффективного состязательного процесса. Однако отождествлять их нельзя: диспозитивность обладает самостоятельным содержанием, выходящим за пределы состязательности, которая, в свою очередь, не всегда является обязательным элементом диспозитивного начала [6, с. 2–4].

Принцип диспозитивности, несмотря на его фундаментальное значение, не является абсолютным и имеет ряд существенных ограничений. В академической доктрине традиционно выделяют три основные категории этих ограничений. Первая касается участия прокурора в гражданском процессе, что вызывает споры среди ученых относительно его соответствия принципам диспозитивности и гражданского судопроизводства в целом. Некоторые исследователи считают участие прокурора проявлением недоверия к судебным инстанциям, что противоречит сути диспозитивного начала. Вторая категория ограничений связана с ограничением сферы действия принципа

диспозитивности в рамках упрощенного производства, где могут предусматриваться упрощенные процедуры, не требующие полного использования всех диспозитивных возможностей [7, с. 3-8].

Заключение. Диспозитивность выступает фундаментальным началом гражданского процесса, определяя динамику развития правоотношений между участниками судопроизводства. Несмотря на то, что данная категория прочно укоренилась в теории права и активно используется в судах, отсутствие её законодательной дефиниции в ГПК РФ порождает неоднозначность в правоприменении и научные споры о её природе. Для преодоления этой правовой лакуны предлагается закрепить принцип диспозитивности в тексте ГПК РФ отдельной нормой. Это обеспечит четкость трактовки данного принципа и установит границы его реализации. Параллельно с этим требуется унификация норм ГПК РФ и АПК РФ в вопросах распорядительных прав сторон и судейских полномочий. Подобные законодательные инициативы станут залогом повышения качества правосудия, усиления защиты прав граждан и достижения необходимой правовой определенности.

Список литературы

1. Боннер А.Т. Избранные труды. В 7 томах. Том 3. Принципы гражданского процессуального права. Применение нормативных актов в гражданском процессе. – Москва : Проспект, 2017. – 432 с.
2. Кирпичева А.А. Принцип диспозитивности в гражданском процессе в Российской Федерации // Молодой ученый. – 2023. – № 40 (487). – С. 208–211.
3. Курас Т.Л. Вопросы действия принципа диспозитивности в гражданском процессе РФ // Сибирский юридический вестник. – 2008. – № 3. – С. 69–77.
4. Курас Т.Л. Принцип диспозитивности в российском гражданском процессе: современные и исторические аспекты // Сибирский юридический вестник. – 2022. – № 3 (98). – С. 69–77.
5. Плешанов А.Г. Диспозитивное начало в сфере гражданской юрисдикции: проблемы теории и практики. – М.: Норма, 2002. – 352 с.
6. Самсонов Н.В. Некоторые вопросы развития системы принципов российского гражданского судопроизводства // CyberLeninka. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-razvitiya-sistemy-printsipov-rossiyskogo-grazhdanskogo-sudoproizvodstva (дата обращения: 17.09.2026).
7. Принцип диспозитивности в правовых системах государств постсоветского пространства // Арбитражный и гражданский процесс. – 2024. – № 9. – С. 3–8.

УДК 347.24

ПОРЯДОК СОЗДАНИЯ, РЕОРГАНИЗАЦИИ И ЛИКВИДАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ: ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Пефтиев О. В., канд. юрид. наук, ORCID 0000-0003-3997-901X,
Бурдова С. А.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: oleg.peft@yandex.ru, burdova720@mail.ru

Введение. Правовой статус государственного учреждения предполагает наличие установленной законом процедуры его образования, преобразования и прекращения деятельности. Поскольку такая организация создается для решения определенных публичных задач, вопрос о ее учреждении связан с одновременным определением целей деятельности, источников и состава имущественного обеспечения, а также государственного органа, наделяемого полномочиями учредителя. В отношении федеральных учреждений порядок осуществления соответствующих процедур закреплен Постановлением Правительства РФ от 26 июля 2010 г. № 539 [1].

Целью настоящей работы является комплексный анализ порядка создания, реорганизации и ликвидации государственных учреждений, выявление особенностей нормативного регулирования данных процедур на федеральном уровне, а также оценка распределения полномочий органов публичной власти и юридических последствий организационных изменений.

Основная часть. Создание федерального учреждения возможно в двух организационных формах. В первом случае формируется новое юридическое лицо, во втором меняется тип уже существующего учреждения. При учреждении новой организации решение оформляется распоряжением Правительства Российской Федерации. В нем фиксируются ключевые характеристики создаваемого учреждения: его наименование и тип, цели деятельности, орган государственной власти, выполняющий функции и полномочия учредителя, предполагаемый состав закрепляемого имущества и перечень организационных мероприятий. Благодаря этому основные параметры будущего юридического лица определяются еще до завершения процедуры его государственной регистрации [3, с. 165].

Обоснование необходимости создания учреждения оформляется в пояснительной записке к проекту соответствующего распоряжения. Для казенного учреждения в ней дополнительно раскрываются основания, по которым организации предполагается предоставить возможность осуществлять государственные функции. Такое требование связывает создание юридического лица с конкретной задачей государственного управления. Иными словами, организационное решение должно иметь содержательное

функциональное основание, а не ограничиваться формальным перераспределением подведомственных структур.

Иной порядок применяется при реорганизации. Федеральное учреждение может быть преобразовано посредством слияния, присоединения, разделения или выделения. Каждая из этих форм по-разному влияет на существование юридического лица. Слияние и разделение приводят к прекращению деятельности первоначальных учреждений, при присоединении прекращается существование присоединяемой организации. При выделении же реорганизованное юридическое лицо продолжает функционировать. От выбранной формы непосредственно зависят вопросы правопреемства, передачи имущества и исполнения обязательств, поэтому они должны быть определены до начала соответствующих процедур. Решение о реорганизации принимается с учетом установленного разграничения полномочий между Правительством Российской Федерации и федеральными органами исполнительной власти, выполняющими функции и полномочия учредителя [2, с. 79].

Особое место занимает изменение типа учреждения. Такая процедура не влечет прекращения существования юридического лица – оно сохраняется, а необходимые изменения закрепляются в уставе. Для казенных учреждений дополнительно учитываются обоснование предполагаемого изменения и сведения о наличии кредиторской задолженности. При переходе к форме автономного учреждения определяется имущество, которое будет предоставлено организации, включая объекты недвижимости и особо ценное движимое имущество. Следовательно, изменение типа не является реорганизацией в юридическом смысле, хотя способно существенно изменить имущественные и организационные условия функционирования учреждения.

Ликвидация преследует другую цель – окончательное прекращение существования юридического лица. В отличие от реорганизации, она не предполагает универсального перехода прав и обязанностей к другой организации. Для казенного учреждения дополнительно устанавливается правопреемник по отдельным обязательствам, а при осуществлении им государственных функций должен быть определен порядок их дальнейшего исполнения.

Принятое решение само по себе не завершает ликвидационный процесс. Далее необходимо уведомить регистрирующий орган, сформировать ликвидационную комиссию, установить порядок и сроки проведения процедуры, обеспечить рассмотрение требований кредиторов и оформить соответствующие ликвидационные балансы. Поэтому прекращение деятельности учреждения предполагает решение целого комплекса имущественных и организационных вопросов. Особое значение имеет определение того, каким субъектам перейдет имущество, кто будет исполнять сохраняющиеся обязательства и каким образом будут продолжены публичные функции, если необходимость в них сохраняется.

Заключение. Создание, реорганизация, изменение типа и ликвидация государственных учреждений представляют собой юридически регламентированные процедуры, направленные на обеспечение эффективного выполнения публичных функций. Их проведение требует четкого определения полномочий учредителя, имущественных вопросов и последствий для прав и обязанностей учреждения. Анализ действующего регулирования показывает, что каждая организационная процедура имеет самостоятельные правовые особенности, поэтому ее применение должно осуществляться с учетом установленного порядка и характера деятельности конкретного государственного учреждения.

Список литературы

1. Постановление Правительства Российской Федерации от 26 июля 2010 г. № 539 «Об утверждении Порядка создания, реорганизации, изменения типа и ликвидации федеральных государственных учреждений, а также утверждения уставов федеральных государственных учреждений и внесения в них изменений» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 31. – Ст. 4234. (В редакции от 10.12.2025г.)
2. Жаглина, М.Е., Жаглин, А.В. Правовое положение государственных и муниципальных учреждений как участников гражданского оборота / М.Е. Жаглина, А.В. Жаглин // Бухгалтерский учет и налогообложение в бюджетных организациях. – 2023. – № 12. – С. 79–87.
3. Паркина, Е.И. К вопросу о реорганизации бюджетных учреждений / Е.И. Паркина // Вестник магистратуры. – 2023. – № 1-2 (136). – С. 165–168.

УДК 347

ДОГОВОР ХРАНЕНИЯ ЭМБРИОНОВ ЧЕЛОВЕКА: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ

Пефтиев О. В., канд. юрид. наук, ORCID 0000-0003-3997-901X,
Гаврилина В. В., ORCID 0009-0000-1650-8034
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: oleg.peft@yandex.ru, gavrilina.vladislava@bk.ru,

Введение. Вспомогательные репродуктивные технологии (далее – ВРТ) применяются при лечении бесплодия, когда отдельные или все этапы оплодотворения и раннего развития эмбриона проходят вне организма женщины. Согласно п. 1 ст. 55 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», к ВРТ относятся экстракорпоральное оплодотворение (ЭКО), криоконсервация и хранение эмбрионов, использование донорского материала, искусственная инсеминация и суррогатное материнство [1, ст. 55; 2, с. 104]. Распространение ВРТ неизбежно поставило вопрос о правовом регулировании отношений,

возникающих при их применении. Одним из наиболее сложных здесь является хранение эмбрионов. Такие отношения затрагивают не только имущественные интересы пациентов и медицинских организаций, но и личные неимущественные и репродуктивные права граждан. При этом действующее законодательство не выделяет договор хранения эмбрионов в качестве самостоятельного вида. Отсюда возникает вопрос о его юридической квалификации. Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы определить понятие и основные признаки такого договора, установить его правовую природу и рассмотреть особенности его регулирования.

Основная часть. Договор хранения эмбрионов можно определить как соглашение между пациентом (пациентами) и медицинской организацией, по которому медицинская организация принимает на себя обязанность осуществить криоконсервацию эмбрионов и обеспечить их сохранность в течение установленного срока, а пациенты оплачивают соответствующие услуги и определяют дальнейшую судьбу эмбрионов. Правовую основу применения ВРТ составляет ст. 55 Федерального закона № 323-ФЗ. Отдельные вопросы, связанные с сохранением биологического материала, регулируются Федеральным законом от 23.06.2016 № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах» и нормативными актами Министерства здравоохранения Российской Федерации [1; 6]. Однако специального регулирования самого договора хранения эмбрионов законодательство не содержит. Поэтому существенная часть возникающих между сторонами вопросов фактически переносится на уровень договора.

В научной литературе единого мнения о правовой природе такого соглашения также нет. О. В. Горбунова, С. И. Мухин и Д. Г. Фруслов относят его к договорам оказания медицинских услуг, поскольку медицинская организация совершает специальные действия по криоконсервации и хранению эмбриона [3, с. 18; 4, с. 282; 5, с. 79]. При этом Д. Г. Фруслов допускает и другую квалификацию – как непоименованного договора. Более убедительным представляется второй подход. Договор хранения эмбрионов следует рассматривать как непоименованный гражданско-правовой договор, который в зависимости от конкретного содержания может иметь признаки смешанного договора. Статья 421 ГК РФ позволяет сторонам заключать как непоименованные, так и смешанные договоры. В рассматриваемом случае в одном соглашении фактически соединяются элементы хранения и оказания медицинских услуг.

Для такого договора характерны двусторонний характер, возмездность, срочность и медицинская специфика. При этом есть ещё одна особенность – специальный порядок распоряжения эмбрионами. Медицинская организация должна обеспечить необходимые условия криоконсервации, сохранность эмбрионов, соблюдение технологии хранения и конфиденциальность сведений. Пациенты, в свою очередь, обязаны оплатить услуги и определить дальнейшую судьбу эмбрионов с учётом требований закона и условий договора. Именно

статус эмбриона не позволяет без оговорок перенести на эти отношения обычную модель хранения вещи. Эмбрион нельзя рассматривать исключительно как объект имущественных отношений: его хранение и дальнейшее использование напрямую связаны с репродуктивным волеизъявлением пациентов. Поэтому одних положений ГК РФ о хранении для регулирования таких отношений

Отдельного внимания заслуживает срок хранения. В договоре необходимо определить не только его продолжительность, но и порядок продления, а также способ уведомления пациентов об окончании срока. Иначе вопрос о том, что делать с эмбрионами после истечения срока хранения, может стать причиной спора. Ещё сложнее вопрос о дальнейшей судьбе эмбрионов. Договор должен предусматривать возможные варианты их использования, продления хранения или прекращения хранения с учётом требований законодательства. Проблема особенно заметна в ситуации, когда после заключения соглашения меняется воля одного или обоих пациентов. Например, прекращение семейных отношений само по себе не отвечает на вопрос о том, какое распоряжение считать действующим.

При расторжении брака или возникновении конфликта между пациентами может возникнуть ситуация, в которой один из них желает использовать эмбрион, а другой возражает. Здесь сталкиваются репродуктивные интересы обеих сторон. Поэтому ещё при заключении договора имеет смысл определить порядок изменения ранее выраженного волеизъявления, случаи, когда требуется совместное согласие, и действия медицинской организации при получении противоречащих друг другу распоряжений.

Не менее важны пределы ответственности медицинской организации. Нарушение условий криоконсервации, неисправность оборудования или ошибка персонала могут привести к повреждению либо утрате эмбрионов. Судебная практика показывает, что в таком случае организация может нести ответственность за убытки, моральный вред и нарушение прав потребителя (Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 18.03.2025 N 88-4385/2025 (УИД 24RS0032-01-2023-005887-42). Поэтому в соглашении следует определить основания ответственности, порядок уведомления пациента и фиксации факта повреждения или утраты эмбрионов. Таким образом, договор хранения эмбрионов нельзя свести только к классическому договору хранения или к обычному договору оказания медицинских услуг. Его содержание выходит за рамки обеих конструкций и связано одновременно с медицинскими, имущественными и репродуктивными отношениями.

Заключение. Договор хранения эмбрионов человека представляет собой особое непоименованное соглашение, возникающее в связи с применением ВРТ. В нём пересекаются медицинские, имущественные, личные неимущественные и репродуктивные отношения. Поэтому наиболее обоснованной представляется квалификация такого договора как

непоименованного, который в зависимости от его содержания может включать элементы договора хранения и договора оказания медицинских услуг. При этом особый статус эмбриона требует более подробного определения прав и обязанностей сторон. Участникам необходимо закреплять срок хранения и порядок его продления, правила изменения волеизъявления пациентов, основания прекращения хранения, порядок определения дальнейшей судьбы эмбрионов и ответственность медицинской организации. Проблема заключается в том, что одного договорного регулирования здесь недостаточно. При отсутствии комплексных законодательных норм остаются вопросы о правовом статусе эмбриона, пределах распоряжения им и порядке разрешения конфликтов между пациентами. Поэтому дальнейшее развитие законодательства в этой сфере должно быть направлено прежде всего на устранение этих неопределённостей и обеспечение надлежащей защиты репродуктивных прав граждан.

Список литературы

1. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Куц Е. Е., Чавдарь Н. С. Вспомогательные репродуктивные технологии // FORCIPE. – 2021. – № S1. – С. 104–108. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vspomogatelnye-reproduktivnye-tehnologii
3. Горбунова О. В. Договор хранения эмбрионов человека при применении вспомогательных репродуктивных технологий: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. – Ульяновск, 2020. – 216 с.
4. Мухин С. И. К вопросу об определении правовой природы договора хранения эмбриона человека при применении вспомогательных репродуктивных технологий // Вестник экономики и права. – 2021. – № 58. – С. 282–288. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-opredelenii-pravovoy-prirody-dogovora-hraneniya-embriona-cheloveka-pri-primenenii-vspomogatelnyh-reproduktivnyh
5. Фруслов Д. Г. Правовая природа договора хранения эмбриона человека при применении вспомогательных репродуктивных технологий // Эпомен: медицинские науки. – 2022. – № 4. – С. 79–84. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-priroda-dogovora-hraneniya-embriona-cheloveka-pri-primenenii-vspomogatelnyh-reproduktivnyh-tehnologiy
6. Федеральный закон от 23.06.2016 № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 18.03.2025 N 88-4385/2025 (УИД 24RS0032-01-2023-005887-42) // СПС «КонсультантПлюс».

УДК 347.44

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДОГОВОРА ЭНЕРГОСНАБЖЕНИЯ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Поляков В. Ю., канд. юрид. наук, доц., ORCID 0009-0002-5554-3048,
Гайсенюк О. А.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: polyakov.vy@bk.ru, ol2221093@mail.ru

Введение. Актуальность настоящего исследования обусловлена стратегической ролью энергетического комплекса в обеспечении макроэкономической стабильности государства, а также устойчивым ростом количества правовых конфликтов в сфере ресурсоснабжения. Динамичное развитие рыночных механизмов, трансформация тарифной политики, внедрение цифровых систем учёта и изменение структуры генерации требуют глубокого переосмысления классических гражданско-правовых конструкций, традиционно применяемых в данной области.

Цель исследования заключается в комплексном анализе правовой природы договора энергоснабжения, выявлении системных пробелов в действующем регулировании.

Основная часть. Договор энергоснабжения традиционно признаётся одним из наиболее сложных и социально значимых институтов гражданского права, поскольку он органично сочетает в себе элементы купли-продажи, публично-правового регулирования и длительного хозяйственного взаимодействия. В отличие от классических сделок по передаче индивидуально-определённых вещей, энергия представляет собой особый товар, не поддающийся длительному хранению в значительных объёмах и требующий непрерывного технологического движения по сетевым инфраструктурам.

Законодатель закрепляет императивный характер многих условий, существенно ограничивая диспозитивность сторон в пользу защиты публичных интересов и обеспечения бесперебойного функционирования критической инфраструктуры. По мнению Белого Г.А., энергоснабжающие организации, обладающие статусом субъектов естественных монополий или доминирующих поставщиков, не вправе произвольно отказывать в заключении соглашения, что переводит данные отношения в разряд публичных договоров с едиными для всех потребителей базовыми условиями, за исключением случаев, прямо предусмотренных льготным законодательством [1, с. 364].

Нормативно-правовое регулирование рассматриваемой сферы выстроено в виде многоуровневой системы, где базовым актом выступает часть 2 Гражданского кодекса Российской Федерации, устанавливающая общие

положения о договоре энергоснабжения, правилах заключения, исполнения и ответственности сторон [2].

Детализация данных норм осуществляется специальными федеральными законами, среди которых центральное место занимает Федеральный закон «Об электроэнергетике», определяющий принципы функционирования рынков электрической энергии, порядок технологического присоединения к сетям и требования к надёжности поставок [3].

Механизм формирования стоимости электроэнергии и тепловой энергии строится на методологиях, учитывающих инвестиционные затраты, операционные расходы, нормативные потери в сетях и требования к обеспечению надёжности поставок. По мнению В.С. Каменкова, интеграционные процессы на евразийском пространстве требуют гармонизации подходов к определению энергетических ресурсов и унификации правил трансграничного взаимодействия, что постепенно трансформирует национальное регулирование в сторону более открытых и конкурентных моделей [4, с. 64].

Практика разрешения конфликтов демонстрирует устойчивую тенденцию к увеличению числа исковых заявлений, связанных с взысканием задолженности, оспариванием актов расчётов, применением штрафных санкций и законностью приостановления подачи ресурса. Арбитражные суды последовательно указывают на то, что одностороннее отключение допускается исключительно при наличии документально подтверждённого факта неоплаты в установленные сроки, соблюдения процедуры предварительного уведомления и отсутствия угрозы безопасности третьих лиц или социально значимым объектам [5]. При этом суды тщательно проверяют корректность применения тарифных ставок, наличие коммерческого учёта и соответствие условий договора утверждённым правилам технологического присоединения.

Н.Н. Пронина отмечает, что значительная часть объёмов энергии реализуется вне рамок регулируемых договоров, по свободным ценам на оптовых рынках «на сутки вперёд», что создаёт дополнительные риски ценовой волатильности и требует от участников повышенной договорной дисциплины и чёткого распределения коммерческих рисков [6, с. 35]. В то же время К.Е. Вигорд, акцентирует внимание на статистическом росте судебных разбирательств в энергетической сфере, связывая его с размыванием формулировок в типовых формах, недостаточной прозрачностью расчётных методик и динамичным изменением нормативной базы, что порождает правовую неопределённость и вынуждает стороны обращаться за судебной защитой [7, с. 151]. Формирование единообразной правоприменительной практики требует не только последовательного применения разъяснений высших судебных инстанций, но и активного внедрения медиативных процедур, переговорных механизмов и досудебного урегулирования, позволяющих сохранить хозяйственные связи и избежать накопления судебных издержек.

Современные проблемы правоприменения концентрируются вокруг нескольких взаимосвязанных аспектов: качества предоставляемого ресурса, корректности показаний приборов учёта, ответственности за технологические потери, а также правомерности применения повышенных коэффициентов при отсутствии коммерческого учёта. По мнению В.С. Анохина, при оспаривании актов о безучётном или бездоговорном потреблении бремя доказывания факта хищения или технической неисправности счётчика распределено между сторонами, при этом суды требуют проведения независимых экспертиз и проверки соблюдения метрологических требований [8, с. 59]. Особое внимание уделяется защите прав конечных потребителей в жилищно-коммунальной сфере, где перекладывание финансовых потерь ресурсоснабжающих организаций на население признаётся недопустимым без прямого указания в законе. Перспективы развития данного института связаны с цифровизацией интеллектуальных систем учёта, внедрением смарт-сетей, переходом к долгосрочным договорам с фиксированными параметрами объёмов и цен, а также с усилением роли антимонопольного контроля за соблюдением принципов недискриминационного доступа к инфраструктуре.

Заключение. Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что договор энергоснабжения остаётся динамично развивающимся правовым институтом, требующим постоянного совершенствования как на уровне нормативного регулирования, так и в сфере правоприменения. Учёт интеграционных тенденций, цифровизации учётных систем и необходимости защиты уязвимых категорий потребителей формирует базис для дальнейшей научной и практической работы в данной области.

Список литературы

1. Белый, Г. А. Споры и судебная практика по договорам энергоснабжения: анализ и прогнозы / Г.А. Белый // Образование и право. – 2025. – № 11. – С. 364–368.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
3. Об электроэнергетике: Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 13. – Ст. 1177.
4. Каменков, В. С. Договор энергоснабжения: современные проблемы, судебная практика, перспективы / В.С. Каменков // Актуальные проблемы гражданского права. – 2015. – № 2 (6). – С. 64–71.
5. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2017) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2018. – № 11.
6. Пронина, Н. Н. Тарифное регулирование и реструктуризация в электроэнергетике / Н.Н. Пронина // Основы экономики, управления и права. – 2021. – № 6(31). – С. 35-38.
7. Вигонд, К. Е. Актуальные проблемы правового регулирования договора энергоснабжения в Российской Федерации / К.Е. Вигонд // Молодой ученый. – 2022. – № 6(401). – С. 151-154.
8. Анохин, В. С. Договор энергоснабжения: правовое регулирование и практика разрешения споров / В.С. Анохин // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2018. – № 1 (4). – С. 57–71.

УДК 347.463

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПЕРЕВОЗКИ ОПАСНЫХ ГРУЗОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ

Поляков В. Ю., канд. юрид. наук, доц., ORCID 0009-0002-5554-3048,
Черненко И. В.
ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: polyakov.vy@bk.ru, ilyachernenko5@gmail.com,

Введение. Правовое регулирование перевозки опасных грузов носит комплексный характер. Его фундаментом выступают международные соглашения, имплементированные в российскую правовую систему. Ключевым документом является Европейское соглашение о международной дорожной перевозке опасных грузов (ДОПОГ/ADR) [2]. Также применяются правила для морских (МКМПОГ/IMDG) и воздушных (ТИ ИКАО/IATA) сообщений, которые определяют глобальные стандарты классификации веществ, требования к упаковке, маркировке и документации.

Основная часть. На национальном уровне базовым актом остается Федеральный закон от 08.11.2007 № 259-ФЗ «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта» [6], который содержит отсылочные нормы. Детализация требований содержится в Постановлении Правительства РФ от 21.12.2020 № 2200 (Об утверждении Правил перевозок грузов автомобильным транспортом) [5], приказах Минтранса России (например, Административный регламент предоставления государственной услуги по выдаче специальных разрешений на движение) и Правилах дорожного движения.

Система построена на строгом распределении обязанностей между субъектами: грузоотправитель отвечает за правильную классификацию вещества и подготовку товаросопроводительных документов, перевозчик – за техническое состояние транспортного средства и допуск водителя, а контролирующие органы (Ространснадзор, ГИБДД МВД России) обеспечивают надзор за соблюдением данных правил. Важнейшим элементом механизма выступает обязательное страхование гражданской ответственности перевозчика за причинение вреда жизни, здоровью, имуществу пассажиров и третьих лиц, а также экологическое страхование рисков загрязнения окружающей среды.

Несмотря на наличие обширной нормативной базы, правоприменительная практика сталкивается с рядом системных проблем.

Первопричиной можно назвать фрагментарность и рассогласованность законодательства. Нормы, регулирующие перевозку опасных грузов, разбросаны по десяткам федеральных законов, постановлений правительства и

ведомственных актов. Это создает терминологические противоречия. Например, определение «опасного груза» в Уставе автомобильного транспорта не всегда коррелирует с физико-химическими критериями из ГОСТов и технических регламентов Таможенного союза.

Кроме этого, существует проблема разграничения зон ответственности. При мультимодальных перевозках (когда задействуются разные виды транспорта) часто невозможно однозначно определить виновника инцидента. Если утечка произошла из-за разгерметизации контейнера, неясно, лежит ли вина на отправителе (некачественная упаковка), морском или речном перевозчике (нарушение условий погрузки) или автоперевозчике (резкое торможение) [1, с. 61].

Следующая проблема кроется в несоразмерности санкций. Статья 12.21.2 КоАП РФ [3] устанавливает фиксированные штрафы, которые для крупных логистических операторов являются экономически несущественными. Штраф в несколько десятков тысяч рублей не стимулирует компанию инвестировать миллионы в обновление парка специализированными цистернами или системами пожаротушения. Отсутствует прогрессивная шкала наказания, зависящая от класса опасности груза и потенциального масштаба ущерба.

Некоторые специалисты выделяют сложности доказывания при расследовании аварий [4, с. 162]. Действительно процедура фиксации нарушений требует проведения дорогостоящих химических экспертиз непосредственно на месте ДТП. Из-за отсутствия единых стандартов экспресс-тестирования первичные доказательства часто признаются недопустимыми в суде, что позволяет виновным лицам избегать серьезной ответственности.

Наконец, на практике зачастую видится отставание от технологического уклада. Законодательство слабо регулирует использование беспилотных транспортных средств для перевозки опасных веществ, применение новых типов композитной тары и функционирование интеллектуальных транспортных систем. Кроме того, отсутствует четкий правовой механизм использования электронных транспортных накладных и путевых листов именно для этой категории грузов.

Заключение. Для решения выявленных проблем предлагается отказаться от точечного латания нормативных дыр в пользу концептуального реформирования отрасли. Оптимальным решением представляется разработка и принятие единого рамочного федерального закона – «О перевозке опасных грузов».

Данный акт должен стать центром консолидации всех действующих норм. В него необходимо включить следующие положения:

1. Единая понятийная база. Закрепить легальные определения терминов («упаковка», «тара», «совместимость грузов», «маршрут следования»), гармонизировав их с международными стандартами ООН и техническими регламентами ЕАЭС.

2. Цифровой двойник перевозки. Законодательно закрепить статус Государственной информационной системы «Перевозка опасных грузов» (ГИС ПОГ). Все участники процесса будут обязаны вносить данные о грузе, транспортном средстве, водителе и согласованном маршруте в единую базу в режиме реального времени. Интеграция ГИС ПОГ с системой «Платон», ЭРА-ГЛОНАСС и камерами фото- и видеофиксации позволит автоматизировать контроль веса, скоростного режима и отклонений от маршрута без необходимости постоянных физических проверок на дорогах.

3. Риск-ориентированный подход к контролю. Вместо плановых проверок внедрить дифференцированную модель надзора. Для перевозчиков, использующих современный подвижной состав, имеющих страховку высокого лимита и безупречную историю безаварийности, устанавливается режим расширенного доверия (минимум проверок). К компаниям-нарушителям применяется режим максимального административного воздействия.

4. Экономическое стимулирование безопасности. Внести изменения в Налоговый кодекс РФ и законодательство об обязательном страховании. Предоставлять налоговые вычеты или пониженные коэффициенты страховых премий тем операторам, чей парк оснащен передовыми системами предотвращения аварий (курсовой устойчивости, автоматического пожаротушения, мониторинга давления в шинах), а также тем, кто использует экологически чистые транспортные средства.

5. Специальные составы правонарушений. Дифференцировать статью 12.21.2 КоАП РФ, введя отдельные квалифицированные составы за нарушение правил перевозки грузов I (взрывчатые) и VII (радиоактивные) классов опасности, предусмотрев за них кратно увеличенные штрафы и обязательную конфискацию орудия совершения правонарушения (транспортного средства) при повторном нарушении.

6. Особый порядок разрешения споров. Создать специализированные коллегии в арбитражных судах или наделить Ространснадзор полномочиями по рассмотрению внесудебных споров о возмещении вреда при мелких инцидентах, чтобы снизить нагрузку на судебную систему.

Реализация предложенных мер позволит перейти от реактивной модели государственного управления (реагирование на уже случившиеся аварии) к проактивной системе предупреждения рисков, обеспечив баланс интересов государства, бизнеса и общества.

Список литературы

1. Багаутдинова, В. А. Экспертиза организации перевозки опасных грузов: особенности, проблемы и правовые аспекты установления причин утраты и повреждения / В. А. Багаутдинова, С. С. Титова // Проблемы экспертизы в автомобильно-дорожной отрасли. – 2025. – №3-4 (16-17). – С. 58–66.
2. Европейское соглашение о международной дорожной перевозке опасных грузов (ДОПОГ/ADR): заключено в г. Женеве 30.09.1957 // Европейская экономическая комиссия ООН. – Женева: Организация Объединенных Наций, 2025. – 2 т.

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 07.01.2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.
5. Лежнев, А. И. транспортировка опасных грузов / А. И. Лежнев, Л. М. Забытова, А. Н. Луцюк // International Journal of Advanced Studies. – 2024. – Т. 14, № 2. – С. 158-168. – DOI 10.12731/2227-930X-2024-14-2-316. – EDN WDFIZF.
6. Об утверждении Правил перевозок грузов автомобильным транспортом и о внесении изменений в пункт 2.1.1 Правил дорожного движения Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 21.12.2020 № 2200 // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 52 (ч. II). – Ст. 8877.
7. Федеральный закон от 08.11.2007 № 259-ФЗ «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта» // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 46. – Ст. 5555.

УДК 67.404.1

СЕРВИТУТ КАК ИНСТИТУТ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Полякова Н. Г., канд. юрид. наук, доц.,
Ким А. Н., ORCID 0009-0005-6232-921X
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: polyakov.vy@bk.ru, LinaniKim@yandex.ru

Введение. Сервитут представляет собой один из традиционных институтов вещного права, направленный на обеспечение возможности ограниченного использования чужого недвижимого имущества. Его правовое значение обусловлено необходимостью согласования интересов собственника имущества и лица, нуждающегося в его использовании. В российском законодательстве сервитут рассматривается преимущественно применительно к земельным участкам, однако аналогичные правовые конструкции существуют и в зарубежных правопорядках. Исследование особенностей сервитута в России и за рубежом позволяет выявить общие принципы регулирования и национальные различия данного института [1;2].

Цель работы заключается в комплексном анализе сервитута как института гражданского права в Российской Федерации и зарубежных правовых системах, выявление особенностей его правового регулирования, оснований возникновения и прекращения, а также определение общих черт и различий в подходах к регулированию сервитутных отношений.

Основная часть. В Российской Федерации правовое регулирование сервитута осуществляется прежде всего положениями Гражданского и Земельного кодексов РФ. Согласно статье 274 ГК РФ, собственник недвижимости вправе требовать предоставления права ограниченного пользования соседним земельным участком, если необходимые потребности

невозможно обеспечить иным способом [3]. Сервитут может использоваться, в частности, для прохода и проезда, строительства, реконструкции и эксплуатации линейных объектов. При этом установление сервитута не прекращает права собственности владельца обремененного участка.

Российское право предусматривает договорный и судебный порядок установления сервитута. При отсутствии соглашения между заинтересованными лицами вопрос может быть разрешен судом. Сервитут сохраняется при переходе права собственности на обремененный участок, что подчеркивает его вещно-правовую природу [3;4]. Собственник обремененного участка вправе требовать соразмерную плату за пользование им, если иное не предусмотрено законом. При этом установление сервитута допускается только в случае, когда потребности собственника недвижимости не могут быть обеспечены без предоставления права ограниченного пользования чужим земельным участком. Данное положение имеет принципиальное значение, поскольку сервитут не должен использоваться как безусловное средство ограничения прав собственника. При определении содержания и условий сервитута необходимо учитывать характер и объем потребностей лица, в интересах которого устанавливается соответствующее право, а также обеспечить минимально необходимое обременение имущества [1]. В случае существенного изменения обстоятельств, препятствующих дальнейшему использованию сервитута, заинтересованное лицо вправе ставить вопрос о его прекращении. Таким образом, российское законодательство стремится сохранить баланс между необходимостью реализации правомочий одного собственника и защитой законных интересов собственника обремененного имущества.

Наряду с частным сервитутом российское законодательство предусматривает публичный сервитут. Земельный кодекс РФ устанавливает возможность его использования, в частности, для прохода и проезда, обеспечения доступа к водным объектам общего пользования, проведения отдельных земельных и инфраструктурных мероприятий. Отдельный порядок установления публичных сервитутов закреплен в главе V.7 Земельного кодекса Российской Федерации [5].

В зарубежных государствах регулирование сервитутов также основывается на идее ограничения собственности в интересах другого лица или другого объекта недвижимости. Например, в Германии Германское гражданское уложение (BGB) предусматривает институт Grunddienstbarkeit – земельного сервитута. Согласно § 1018 BGB, земельный участок может быть обременен в пользу собственника другого участка таким образом, чтобы последний мог использовать обремененный участок в определенных отношениях либо требовать воздержания от определенных действий [6].

Германское право также предусматривает *beschränkte persönliche Dienstbarkeit* – ограниченное личное сервитутное право. В соответствии с § 1090 BGB земельный участок может быть обременен в пользу конкретного лица, которому предоставляется возможность использовать участок в

определенных отношениях либо осуществлять иное полномочие, содержание которого соответствует земельному сервитуту [7]. В отличие от *Grunddienstbarkeit*, которая устанавливается в пользу собственника другого земельного участка, ограниченное личное сервитутное право непосредственно связано с определенным субъектом и не предполагает обязательного наличия господствующего земельного участка. Такая конструкция позволяет учитывать индивидуальные имущественные интересы лица, которому необходимо ограниченное пользование чужой недвижимостью. Объем предоставляемых прав определяется содержанием установленного сервитута и может включать возможность пользования отдельными частями земельного участка либо осуществления конкретных действий в отношении него. При этом собственник обремененного имущества сохраняет право собственности, а его правомочия ограничиваются лишь в той мере, которая необходима для реализации предоставленного сервитутного права. Так, институт *beschränkte persönliche Dienstbarkeit* обеспечивает возможность установления устойчивого вещного права в пользу конкретного лица и одновременно сохраняет правовую самостоятельность собственника обремененного земельного участка.

Заключение. Таким образом, можно сделать вывод, что сервитут сохраняет существенное значение для современного гражданского права, поскольку позволяет обеспечить баланс между правом собственности и необходимостью использования чужой недвижимости. Российское законодательство предусматривает договорный и судебный механизмы установления частного сервитута, а также специальный порядок установления публичных сервитутов. Зарубежный опыт, в частности германская модель, демонстрирует возможность детальной дифференциации сервитутных прав в зависимости от характера правоотношения. Сравнение рассматриваемых правовых систем позволяет сделать вывод о том, что сервитут является универсальным инструментом вещного права, посредством которого обеспечивается согласование интересов собственников и иных участников гражданского оборота.

Список литературы

1. Афанасьев И. В. Сервитут в гражданском праве : монография. – М. : Издательство Юрайт, 2023. – 154 с. – ISBN 978-5-534-09276-9.
2. Суханов Е. А. (отв. ред.). Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. – М. : Статут, 2015. – 960 с.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ. Ст. 274.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ. Ст. 275.
5. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ. Гл. V.7.
6. Bürgerliches Gesetzbuch (BGB), § 1018 – Gesetzlicher Inhalt der Grunddienstbarkeit.
7. Bürgerliches Gesetzbuch (BGB), § 1090 – Gesetzlicher Inhalt der beschränkten persönlichen Dienstbarkeit.

УДК 347.11

ФОНД КАК ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВАЯ ФОРМА НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Полякова Н. Г., канд. юрид. наук, доц.,
Туркина С. А.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: polyakov.vy@bk.ru, s.a.turkina02@mail.ru

Введение. Фонд выступает одной из ключевых, но наиболее сложных организационно-правовых форм некоммерческого сектора, обеспечивающей реализацию общественно значимых инициатив. Этимологически понятие восходит к латинскому fundus, означающему основу или ресурсный запас [1, с. 173]. Несмотря на широкое распространение, правовое регулирование фондов сохраняет пробелы и терминологические коллизии. В условиях реформирования гражданского законодательства детальное исследование статуса фонда приобретает высокую практическую значимость, поскольку от нормативной точности напрямую зависит эффективность целевого использования имущества и уровень защиты интересов благополучателей.

Цель работы заключается в комплексном доктринальном анализе фонда как самостоятельной организационно-правовой формы некоммерческой организации.

Основная часть. Центральным квалифицирующим признаком фонда, установленным нормами гражданского законодательства, выступает институциональное отсутствие членства. Данная правовая конструкция исключает отнесение такой организации к категории корпоративных объединений, поскольку её функционирование не опирается на персональное участие субъектов. Вместо этого фонд квалифицируется как обособленный имущественный комплекс, аккумулированный исключительно для достижения строго определённых общественно значимых задач.

В соответствии со статьей 118 Гражданского кодекса Российской Федерации, фонд учреждается гражданами или юридическими лицами на основе добровольных имущественных взносов для достижения социальных, благотворительных, культурных, образовательных или иных общественно полезных целей [2].

По мнению И. С. Дутова, отсутствие членства принципиально меняет природу взаимоотношений между создателями организации и самой организацией, поскольку учредители не приобретают корпоративных прав участия в управлении и полностью утрачивают вещные права на переданное имущество [3, с. 227]. В этой связи фонд функционирует как самостоятельный субъект права, обладающий исключительной собственностью на все активы в соответствии со статьей 118 ГК РФ. Имущественный обособленный характер

фонда гарантирует, что ресурсы будут использоваться исключительно в соответствии с уставными целями, а не в интересах конкретных физических или юридических лиц.

Особое внимание в правоприменительной практике уделяется вопросам контроля за формированием и расходованием имущественной базы фонда. Сущность данной организационно-правовой формы заключается в аккумулировании капитала для строго целевого применения, что требует максимальной прозрачности финансовых потоков и обязательного публичного раскрытия информации.

Прозрачность имущественного оборота выступает ключевым условием сохранения доверия к институту фондов и предотвращения нецелевого использования аккумулированных средств. Федеральный закон «О некоммерческих организациях» закрепляет за фондом обязанность ежегодно публиковать отчеты об использовании своего имущества, однако конкретный механизм реализации данной обязанности нормативно не детализирован [4]. Для обеспечения эффективного надзора за деятельностью руководства закон обязывает фонд создавать попечительский совет, который осуществляет внешний контроль за соблюдением уставных целей. Данный орган не вмешивается в текущую хозяйственную деятельность, но обладает правом требовать исправления нарушений и обращаться в суд. При этом гражданское законодательство прямо устанавливает, что учредители не сохраняют прав на имущество фонда и не отвечают по его обязательствам, что полностью согласуется с принципом имущественной самостоятельности юридического лица.

Предпринимательская правоспособность фонда носит специальный и ограниченный характер. Фонд вправе осуществлять приносящую доход деятельность исключительно в случаях, когда она необходима для достижения общественно полезных целей и прямо соответствует уставным задачам. При этом фонд не вправе заниматься профессиональной деятельностью, требующей получения специальных разрешений, а также извлекать прибыль за счет лиц, которым оказывается благотворительная поддержка. С. Г. Ивашкина отмечает, что любые возмездные сделки, совершаемые фондом, подлежат тщательной судебной проверке на предмет соответствия уставным целям, причем арбитражные суды при разрешении споров акцентируют внимание на направлении полученной прибыли именно на реализацию общественно значимых проектов, а не на извлечение выгоды в коммерческом смысле [5, с. 41].

Судебная практика Российской Федерации также демонстрирует эволюцию подходов к оценке законности формирования имущественной базы фондов и участия публичных субъектов в их учреждении. В частности, Постановление Президиума ВАС РФ от 21 декабря 2004 года № 11359/04 подтвердило невозможность безвозмездной передачи муниципальных активов в собственность фонда органами местного самоуправления в период до

вступления в силу соответствующих изменений в законодательстве о местном самоуправлении, поскольку такой механизм не был предусмотрен действовавшими нормами [6]. Данное решение подчеркивает принцип разграничения имущества и запрет на нецелевое отчуждение государственных и муниципальных ресурсов, что способствует укреплению финансовой дисциплины и предотвращению скрытого вывода бюджетных средств из публичного оборота.

Заключение. Таким образом, можно сделать вывод, что фонд в российском гражданском праве выступает важным инструментом аккумулирования ресурсов для общественно значимых целей, однако его правовое регулирование сохраняет пробелы и терминологические коллизии. Актуальными задачами остаются систематизация законодательства, уточнение понятия «фонд», определение границ предпринимательской деятельности и конкретизация требований к публичной отчетности. Гражданский кодекс Российской Федерации нуждается в дальнейшей детализации норм об имущественном статусе фондов и судебном контроле за их деятельностью. Развитие института фонда должно обеспечивать баланс между управленческой автономией и целевым использованием имущества, что повысит эффективность и прозрачность деятельности некоммерческого сектора.

Список литературы

1. Райзберг, Б. А. Современный экономический словарь / Б. А. Райзберг. – Москва : ИНФРА-М, 2007. – 496 с.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ / Принят Государственной Думой 21 октября 1994 года. – Москва : Проспект, 2024. – 448 с.
3. Дутов, И. С. Фонд как организационно-правовая форма некоммерческих организаций / И. С. Дутов. – Москва: Законы России: опыт, анализ, практика, 2018. – 284 с.
4. Федеральный закон «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 № 7-ФЗ / Принят Государственной Думой РФ. – Москва : Омега-Л, 2023. – 120 с.
5. Ивашкина, С. Г. Государственная корпорация – самостоятельная организационно-правовая форма юридического лица? / С. Г. Ивашкина. – Москва : Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – С. 41–43.
6. Постановление Президиума ВАС РФ от 21.12.2004 № 11359/04 / Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – Москва : Юридическая литература. – 2005. – № 5. – С. 45–52.

УДК 342.72/.73

ПРАВОВАЯ ОХРАНА ЦИФРОВЫХ СЛЕДОВ ЧЕЛОВЕКА: СООТНОШЕНИЕ ПУБЛИЧНЫХ И ЧАСТНЫХ ИНТЕРЕСОВ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВА ГРАЖДАН НА ОХРАНУ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ

***Резникова С. В.*[1],** ORCID 0009-0003-6544-9554
***Кузбагаров А. Н.*[2],** д-р юрид. наук, проф.,
[1] Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации», г. Санкт-Петербург, РФ
[2] ГАОУ ВО ЛО «Гатчинский государственный университет», г. Гатчина, Ленинградская обл., РФ
e-mail: ashat69@mail.ru, svt305@yandex.ru

Введение. Право на неприкосновенность частной жизни закреплено в статье 23 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) [1]. Существует производное от него право на охрану частной жизни, которое закреплено в статье 152.2 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [2]. Данное право в настоящее время проходит трансформацию, поскольку происходит стремительное развитие информационных технологий и тотальная цифровизация всех сфер общественной жизни.

С одной стороны, информационное развитие создает ряд удобств для людей, с другой стороны, порождает определенные проблемы, которые связаны с формированием, хранением и использованием так называемых «цифровых следов» человека. Как справедливо отмечает А.Н. Мочалов, «информация, оставляемая человеком в электронной форме в процессе взаимодействия с компьютерными устройствами и информационно-телекоммуникационными сетями, получила название "цифровых следов"» [3]. Актуальным является вопрос о соотношении публичных интересов государства и частных интересов отдельной личности, поскольку существующее правовое регулирование далеко не в полной мере учитывает специфику новых объектов правовой охраны. Существует необходимость в проведении анализа юридической природы цифровых следов, а также в выявлении коллизий между публичными и частными интересами в данной сфере.

Основная часть. Прежде чем перейти к анализу правовых проблем, следует обратиться к понятию и классификации цифровых следов, поскольку сложность в выработке единого правового режима возникает именно из-за их многообразия. В настоящее время в юридической литературе отсутствует единообразный подход к определению категории цифровых следов. При этом А.Н. Мочалов отмечает следующее: «любой цифровой след есть результат фиксации тех или иных явлений в электронной форме… представляет собой его числовой отпечаток, или – как его часто называют – цифровую тень» [3, с. 167].

Классификация цифровых следов может быть проведена по нескольким основаниям, каждое из которых имеет юридическое значение. По способу закрепления цифровые следы можно классифицировать на следы, сохраняемые исключительно на пользовательском устройстве и следы, передаваемые по сетям связи и записываемые на оборудовании третьих лиц. В зависимости от режима доступа цифровые следы классифицируются на следы ограниченного доступа и общедоступные. Существует также классификация, которая является значимой с точки зрения волевого момента. Так, цифровые следы могут быть оставлены в результате осознанного волеизъявления индивида, например, публикация поста в социальной сети, либо сформированы в автоматизированном режиме, без непосредственного участия человека – метаданные, файлы «cookie», геолокационные данные и так далее. Именно последняя категория создает наибольшие сложности для правовой охраны, поскольку лицо зачастую даже не осознает факта оставления такого следа и тем более не может контролировать его дальнейшее использование.

А.Н. Мочалов указывает, что специфика цифровых следов заключается в следующем: «независимо от того, к какому виду мы отнесем цифровой след человека, он потенциально может содержать информацию, касающуюся конкретного индивида… Иными словами, цифровой след отражает ту или иную сторону частной жизни лица» [3, с. 173]. Для решения данной проблемы исследователь предлагает законодательно закрепить презумпцию отражения в любом цифровом следе информации о частной жизни человека, что позволило бы распространить на них конституционно-правовые гарантии, предусмотренные статьями 23 и 24 Конституции РФ.

Если провести анализ российского законодательства в части правового регулирования использования цифровых следов, можно выявить наличие определенного дисбаланса между публичными и частными интересами. С одной стороны, государство, реализуя функции по обеспечению безопасности и правопорядка, наделяет правоохранительные и иные компетентные органы широкими полномочиями по доступу к цифровой информации. П.А. Ромашов указывает следующее: «в соответствии с ч. 3 ст. 10.1 Закона об информации организатор распространения информации должен в течение года хранить на территории России информацию (метаданные) обо всех фактах приема, передачи, доставки и (или) обработки… электронных сообщений пользователей» [4, с. 108]. При этом для доступа к метаданным, в отличие от содержания сообщений, не требуется судебного решения. Данное обстоятельство порождает ситуацию, при которой государство получает возможность осуществлять массовый сбор информации о частной жизни граждан при отсутствии необходимых процессуальных гарантий. Существует и другая ситуация, при которой частные компании – владельцы интернет-платформ, также аккумулируют колоссальные массивы цифровых следов, используя их в своих коммерческих целях. Институт информированного согласия, который в настоящее время закреплен на законодательном уровне, на практике превращается в формальную процедуру,

так как пользователь, который хочет получить доступ к определенной услуге, вынужден соглашаться с условиями обработки данных, при этом не имея какой-либо возможности оказать влияние на их содержание или объем. А.И. Савельев по этому поводу указывает: «в момент получения согласия невозможно представить исчерпывающий объем информации о возможных способах и целях обработки данных, сам же субъект, дающий согласие, не всегда может адекватно воспринять информацию» [5, с. 55]. Следовательно, возникает ситуация, при которой частный интерес личности в вопросе охраны своей частной жизни приносится в жертву не только публичному интересу государства в сфере безопасности, но и частному интересу корпораций в вопросе извлечения прибыли.

Существует также так называемое «право на забвение», которое несколько усугубляет ситуацию, поскольку, в отличие от европейского аналога, не предусматривает права требовать удаления персональных данных как таковых. А.Н. Мочалова указывает следующее: «правом на забвение в России принято называть возможность лица требовать от оператора поисковой системы исключения из поисковой выдачи ссылок. Удаления сведений о заявителе в данном случае не происходит: исключается лишь возможность поиска таких сведений» [3, с. 184]. Можно сказать, что указанное обстоятельство несколько снижает уровень охраны частной жизни, так как информация о лице, которая является недостоверной, распространена с нарушением законодательства или утратившая актуальность, продолжает храниться на серверах и может быть использована в будущем.

Для решения существующих в настоящее время практических проблем и установления баланса между публичными и частными интересами в данной сфере, в первую очередь, существует необходимость в законодательном закреплении легальной дефиниции категории «цифровой след человека» с установлением презумпции о том, что любой цифровой след рассматривается как информация о частной жизни лица. Данная презумпция должна быть опровержимой, однако бремя опровержения следует возложить на лицо, осуществляющее обработку цифровых следов. Данное законодательное изменение позволит распространить на цифровые следы конституционные гарантии, предусмотренные статьей 24 Конституции РФ, в соответствии с которой сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются.

Кроме того, существует необходимость в усилении юридической ответственности владельцев интернет-платформ за нарушение требований к обработке персональных данных и иной информации о частной жизни. На сегодняшний день размеры штрафов, установленные за нарушения в данной сфере, являются несоизмеримо малыми по сравнению с теми доходами, которые компании получают от монетизации цифровых следов.

Также необходимо усовершенствовать механизм реализации «права на забвение», приблизив его по своему содержанию к европейскому стандарту.

Необходимо законодательно закрепить право гражданина требовать не только удаления ссылок из поисковой выдачи, но и фактического удаления его цифровых следов из информационных систем оператора, если эти следы утратили актуальность, являются недостоверными или были собраны с нарушением закона.

Заключение. Таким образом, правовая охрана цифровых следов человека в современной России находится на этапе становления и характеризуется наличием практических проблем, касающихся соотношения публичных и частных интересов в данной сфере. Отсутствие специального законодательного регулирования, неопределенность правового режима многих видов цифровых следов, а также слабость процессуальных гарантий создают реальные угрозы для реализации права на охрану частной жизни. Эффективное разрешение указанных проблем невозможно исключительно путем ужесточения ответственности или расширения полномочий контролирующих органов. Требуется комплексный подход, включающий в себя как совершенствование законодательной базы, так и формирование новых правил обращения с цифровыми данными как в публичной сфере, так и в коммерческом обороте.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) ст. 41 // СПС «КонсультантПлюс»
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // СПС «КонсультантПлюс»
3. Мочалов, А. Н. Цифровые следы человека и неприкосновенность частной жизни / А. Н. Мочалов // Антиномии. – 2024. – № 4. – С. 164–189. – DOI 10.17506/26867206_2024_24_4_164.
4. Ромашов, П. А. К вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни в цифровой век / П. А. Ромашов // Пермский юридический альманах. – 2019. – № 2. – С. 103-118. – EDN WACZIQ.
5. Савельев, А. И. Проблемы применения законодательства о персональных данных в эпоху "Больших данных" (Big Data) / А. И. Савельев // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2015. – № 1. – С. 43-66. – EDN WYYJPP.

УДК 347.78

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ СОАВТОРСТВА ПРИ СОЗДАНИИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ГЕНЕРАТИВНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Румянцева М. О., канд. юрид. наук, доц., 0009-0006-7383-2192,
Комбарова В. С., 0009-0004-3807-6008
ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова», г. Москва, РФ
e-mail: rumyantseva.mo@rea.ru, kombarova05@mail.ru

Введение. Генеративные системы искусственного интеллекта сделали практически значимым вопрос о том, кто из участников процесса создания результата – пользователь, сформулировавший запрос, разработчик модели или правообладатель сервиса – может претендовать на статус автора или соавтора. Специальных правил на этот счет Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) не содержит, однако общие критерии в нем определены: автором признается гражданин, творческим трудом которого создан результат (п. 1 ст. 1228 ГК РФ), соавторами – граждане, создавшие произведение совместным творческим трудом (п. 1 ст. 1258 ГК РФ). Цель доклада – оценить применение этих критериев к отношениям с участием генеративной системы и обосновать необходимость законодательного уточнения статуса лиц, обеспечивающих ее работу.

Основная часть. В литературе высказано мнение, что соавторство при использовании генеративных нейросетей возможно только между пользователем и создателем нейросети, а созданный с их помощью результат по своей природе образует неделимое соавторство [1, с. 101, 108]. Р. М. Кантемиров предлагает оценивать индивидуальный вклад каждого из них применительно к отдельному результату; со стороны пользователя такими критериями выступают степень контроля над системой, количество находящихся под его контролем настроек и возможность влиять на результат [1, с. 107]. С этим последним тезисом нельзя не согласиться, тогда как вывод о соавторстве разработчика вызывает возражения.

Совместный творческий труд предполагает общность замысла применительно к конкретному произведению. Разработчик модели, как правило, не знает ни пользователя, ни содержания его запроса, и автор приведенной позиции сам признает, что о совместности труда в такой ситуации можно говорить лишь весьма условно [1, с. 101]. Кроме того, абз. 2 п. 1 ст. 1228 ГК РФ прямо исключает из числа авторов граждан, не внесших личного творческого вклада, в том числе оказавших автору только техническое содействие или помощь. Предоставление доступа к обученной модели, ее настройка и поддержание работоспособности ближе всего именно к такому содействию. Как отмечает В. О. Калятин, при отношении к искусственному

интеллекту как к инструменту вопрос о праве на результат сводится к тому, участвовал ли в его создании человек, внесший творческий вклад [2, с. 27].

Тот же подход отражен в практике. Согласно п. 80 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 творческий характер создания произведения не зависит от того, создано оно собственноручно или с использованием технических средств, однако результаты, созданные техническими средствами в отсутствие творческой деятельности человека, объектами авторского права не являются. Арбитражный суд города Москвы по делу № А40-200471/2023 не принял довод ответчика о том, что применение технологии deepfake исключает охрану видеоролика, указав на личный творческий вклад лиц, обеспечивших написание сценария, съемку и звуковое сопровождение [3, с. 365]. Народный суд округа Наньшань (КНР) в решении от 25 ноября 2019 г. по делу Shenzhen Tencent v. Shanghai Yingxun квалифицировал формулирование промпта, настройку шаблона и стиля статьи как творческое выражение сотрудников истца, а не программы Dreamwriter [3, с. 362].

Договорная практика генеративных платформ исходит из сходной логики. А. С. Старовойтова выделяет модели «нейросеть – инструмент», при которой исключительное право остается у пользователя, и «нейросеть – сервис», при которой оно по соглашению переходит к правообладателю программного комплекса; при этом в обоих случаях право первоначально возникает у физического лица, внесшего творческий вклад [4, с. 88–89]. Правообладатель сервиса может приобрести исключительное право по договору, но соавтором не становится: право авторства неотчуждаемо (п. 2 ст. 1228 ГК РФ).

Сложнее провести границу между творческим вкладом пользователя и его технической активностью. Ю. С. Харитонова обращает внимание на то, что пользователь уточняет и корректирует запрос до тех пор, пока не получит желаемый результат, и эта работа может вырастать в целую ветку запросов, в которой реализуется его творческий замысел [5, с. 26–27]. Противоположная оценка представлена в исследовании Н. И. Шумаковой, Дж. Дж. Ллойда и Е. В. Титовой, где приводится сравнение работы с запросами с игрой на игровом автомате и констатируется, что воображением основано лишь создание запроса, но не процесс генерации и не его продукт [6, с. 889]. Думается, что решающее значение имеет не количество запросов, а то, определял ли пользователь своими решениями элементы формы результата: композицию, образы, последовательность событий, отбор и переработку вариантов. Команды повторить генерацию, увеличить разрешение или устранить артефакт изображения такого значения сами по себе не имеют. Сам промпт может как иметь, так и не иметь творческого характера, что устанавливается в каждом случае отдельно [7, с. 911].

Заключение. Систематическое толкование ст. 1228 и 1258 ГК РФ позволяет заключить, что разработчик модели и правообладатель сервиса, не

участвовавшие в создании формы конкретного произведения, его соавторами не являются. Однако прямо в законе этот вывод не закреплен, а пользовательские соглашения нередко создают видимость иного. Поэтому предлагается дополнить статью 1258 ГК РФ пунктом 1.1 следующего содержания: «1.1. Правообладатель программы для ЭВМ, основанной на технологиях искусственного интеллекта, и лица, участвовавшие в ее создании или обучении, не признаются соавторами произведения, созданного гражданином с использованием такой программы, если они не внесли личного творческого вклада в форму этого произведения. Предоставление доступа к такой программе, ее настройка и обеспечение ее функционирования являются техническим содействием в смысле абзаца второго пункта 1 статьи 1228 настоящего Кодекса».

Список литературы

1. Кантемиров, Р. М. Критерии возникновения соавторства при создании произведений с использованием генеративного искусственного интеллекта / Р. М. Кантемиров // Актуальные проблемы российского права. – 2025. – Т. 20, № 6 (175). – С. 97–110. – DOI 10.17803/1994-1471.2025.175.6.097-110.
2. Калятин, В. О. Определение субъекта прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные с использованием искусственного интеллекта / В. О. Калятин // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2022. – Т. 15, № 4. – С. 24–50. – DOI 10.17323/2072-8166.2022.4.24.50.
3. Шевелев, И. В. Субъектный состав авторов произведений, созданных посредством технологий генеративного искусственного интеллекта: антропоцентрический концепт в судебной практике КНР и России / И. В. Шевелев // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2024. – Т. 34, вып. 2. – С. 360–366. – DOI 10.35634/2412-9593-2024-34-2-360-366.
4. Старовойтова, А. С. Гражданско-правовой режим результатов, сгенерированных нейронными сетями: проблемы определения и толкования / А. С. Старовойтова // Актуальные проблемы российского права. – 2026. – Т. 21, № 4 (185). – С. 82–90. – DOI 10.17803/1994-1471.2026.185.4.082-090.
5. Харитонова, Ю. С. Идентификация сгенерированного контента как охраняемого объекта и ее правовые последствия / Ю. С. Харитонова // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2026. – № 4s. – С. 26–35. – DOI 10.17803/2311-5998.2026.140.4s.026-035.
6. Шумакова, Н. И. На пути к правовому регулированию генеративного ИИ в творческой индустрии / Н. И. Шумакова, Дж. Дж. Ллойд, Е. В. Титова // Journal of Digital Technologies and Law. – 2023. – Т. 1, № 4. – С. 880–908. – DOI 10.21202/jdtl.2023.38. – EDN WXWSVU.
8. Кирпичёв, А. Е. Промпты (запросы) для генеративного искусственного интеллекта в юридическом дискурсе / А. Е. Кирпичёв // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2024. – Т. 28, № 4. – С. 906–918. – DOI 10.22363/2313-2337-2024-28-4-906-918.

УДК 347.4

ПОЛНОМОЧИЯ ПРОКУРОРА ПО ОСПАРИВАНИЮ СДЕЛОК И ПРИМЕНЕНИЮ ПОСЛЕДСТВИЙ ИХ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Светличный В. А., ORCID 0009-0007-9407-7699
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: svetlichnyi.vladislav@yandex.ru

Введение. Участие прокурора в гражданском судопроизводстве традиционно рассматривается как один из механизмов обеспечения защиты прав граждан, которые в силу возраста, состояния здоровья либо иных объективных обстоятельств не имеют возможности самостоятельно обратиться в суд. Кроме того, деятельность прокурора направлена на обеспечение защиты интересов неопределенного круга лиц, а также публичных интересов государства и муниципальных образований.

Вместе с тем современное развитие законодательства свидетельствует о расширении сферы участия прокурора в гражданских делах, связанных с недействительностью сделок. Особое значение в данном отношении имеет Федеральный закон от 7 октября 2022 г. № 387-ФЗ, которым ст. 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) была дополнена частью 4. В соответствии с указанной нормой прокурор вступает в дело для дачи заключения по делам о признании недействительными сделок, совершенных с нарушением законодательства о специальных экономических мерах и мерах воздействия на недружественные действия иностранных государств, а также мнимых и притворных сделок, совершенных в соответствующих целях [1].

Цель – анализ правовых оснований и содержания полномочий прокурора при оспаривании сделок и применении последствий их недействительности, а также выявление проблем, возникающих в процессе реализации соответствующих полномочий.

Основная часть. Участие прокурора в рассмотрении дел, связанных с недействительностью сделок, может осуществляться в двух основных процессуальных формах. Первая заключается в обращении прокурора в суд с иском или заявлением в защиту прав и законных интересов других лиц либо неопределенного круга лиц. Вторая состоит во вступлении прокурора в уже начатое производство для дачи заключения по делу. Полномочия прокурора в данной сфере основаны на ст. 35 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», предусматривающая возможность обращения прокурора в суд в случаях, когда этого требует защита прав граждан, а также охраняемых законом интересов общества или государства [2]. Указанные полномочия также следует рассматривать во взаимосвязи с конституционно установленными функциями прокуратуры,

направленными на обеспечение соблюдения Конституции Российской Федерации, законов, а также защиту прав и свобод человека и гражданина.

Существенное изменение правового регулирования произошло в 2022 году. Принятие соответствующей реформы расширило как предмет участия прокурора, так и основания его вступления в гражданское дело. До внесения изменений участие прокурора в спорах о недействительности сделок преимущественно связывалось с отдельными категориями дел, в которых требовалась защита прав социально уязвимых граждан либо публичных интересов государства и муниципальных образований.

В настоящее время ч. 4 ст. 45 ГПК РФ непосредственно предусматривает участие прокурора в делах о признании недействительными сделок, совершенных в целях обхода специальных экономических мер и мер противодействия недружественным действиям иностранных государств, а также связанных с такими целями мнимых и притворных сделок [1]. Таким образом, участие прокурора становится дополнительным процессуальным средством обеспечения публичного интереса в случаях, когда гражданско-правовая форма сделки может использоваться для достижения целей, противоречащих установленному законодательством правопорядку.

Расширение соответствующих полномочий одновременно актуализирует вопрос о пределах публичного вмешательства в частноправовые отношения. В частности, возникает необходимость определить соотношение участия прокурора с принципами диспозитивности и состязательности гражданского процесса. Как отмечает И.А. Сенцов расширение полномочий прокурора «приведет к усилению позиций одной из сторон в споре, в интересах которой выступает прокурор», что может вступать в противоречие с принципом состязательности; аналогичную позицию еще в 2006 г. занимал Высший Арбитражный Суд РФ, указывавший, что такое расширение «нарушит принцип состязательности и не будет соответствовать подходам Европейского суда по правам человека» [3, с. 145]. Кроме того, в литературе со ссылкой на позицию Верховного Суда Российской Федерации отмечается возможное противоречие расширения прокурорского участия принципу диспозитивности, предполагающему определяющее значение воли сторон в вопросах движения гражданского дела [3, с. 142].

Вместе с тем особенности рассматриваемой категории споров позволяют говорить о необходимости учета публичной составляющей соответствующих правоотношений. Если сделка используется для обхода установленных государством ограничений либо совершена в целях, связанных с легализацией преступных доходов, затрагиваемый ею интерес выходит за пределы исключительно частноправовых отношений между сторонами. В таких ситуациях участие прокурора может рассматриваться как процессуальный механизм обеспечения публичного интереса.

В то же время правоприменительная практика по ч. 4 ст. 45 ГПК РФ пока не позволяет сделать окончательные выводы относительно всех особенностей

реализации данной нормы. Одной из проблем является определение критериев, позволяющих разграничить сделки, подпадающие под специальное регулирование, и иные мнимые или притворные сделки, недействительность которых устанавливается на общих основаниях, предусмотренных ст. 170 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ). Законодательство не содержит исчерпывающего перечня таких критериев, что создает определенную неопределенность при квалификации соответствующих правоотношений [4].

Открытым остается вопрос о пределах процессуальной инициативы прокурора применительно к требованию о применении последствий недействительности сделки. В частности, требует дополнительного рассмотрения ситуация, при которой материально заинтересованное лицо не заявляет соответствующее требование, несмотря на наличие оснований для применения последствий недействительности.

Полномочия прокурора в рассматриваемой сфере не исчерпываются непосредственно постановкой вопроса о признании сделки недействительной. Существенное значение имеет возможность применения предусмотренных законом последствий недействительности сделки. В соответствии со ст. 167 ГК РФ общим последствием недействительности сделки является двусторонняя реституция, предполагающая возврат сторонами друг другу всего полученного по сделке, а при невозможности возврата полученного в натуре – возмещение его стоимости.

Особый характер имеют последствия сделок, совершенных с целью, противной основам правопорядка или нравственности. В отношении таких сделок ст. 169 ГК РФ предусматривает возможность взыскания полученного по сделке в доход Российской Федерации [4]. В отличие от обычной реституции, данный механизм обладает выраженной публично-правовой направленностью, поскольку его применение связано не только с восстановлением имущественного положения участников гражданского оборота, но и с устранением имущественной выгоды, полученной вследствие противоправного поведения.

Именно поэтому применение последствий, предусмотренных ст. 169 ГК РФ, приобретает особое значение в тех случаях, когда прокурор участвует в рассмотрении споров, связанных с нарушением публичных ограничений, установленных государством. Возврат имущества либо взыскание соответствующих денежных средств в доход государства в таком случае позволяет устранить не только формальные последствия недействительной сделки, но и имущественный результат недобросовестного поведения ее участников.

Заключение. Развитие законодательства свидетельствует о постепенном расширении участия прокурора в гражданских делах, связанных с недействительностью сделок. Если первоначально соответствующие полномочия были преимущественно связаны с отдельными категориями споров, в которых требовалась защита прав социально уязвимых граждан либо публичных интересов, то после внесения изменений в ст. 45 ГПК РФ

законодатель закрепил специальное основание участия прокурора в делах о недействительности сделок, совершенных в целях обхода специальных экономических мер и мер противодействия недружественным действиям иностранных государств.

Расширение прокурорского участия обусловлено необходимостью обеспечения публичных интересов в тех случаях, когда гражданско-правовая сделка используется как инструмент достижения целей, противоречащих установленному правопорядку. Вместе с тем дальнейшее развитие данного института требует определения четких пределов прокурорского вмешательства с учетом принципов состязательности и диспозитивности гражданского судопроизводства.

Список литературы

1. Российская Федерация. Законы. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : ГПК РФ : Федеральный закон от 14 ноября 2002 года № 138-ФЗ : [с изменениями и дополнениями, внесенными Федеральным законом от 7 октября 2022 года № 387-ФЗ]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 25.09.2026). – Текст : электронный.
2. Российская Федерация. Законы. О прокуратуре Российской Федерации : Федеральный закон от 17 января 1992 года № 2202-1 : [с последующими изменениями и дополнениями]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/ (дата обращения: 25.09.2026). –Текст : электронный.
3. Сенцов, И. А. Прокурор в состязательном гражданском процессе России / И. А. Сенцов. – Текст : непосредственный // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2021. – № 4 (47). – С. 140-146.
4. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : ГК РФ : Федеральный закон от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ : [с изменениями и дополнениями]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 25.09.2026). – Текст : электронный.

УДК 346.5

КВАЛИФИКАЦИЯ ТРАДИЦИОННОЙ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ

Смирнова Е. В., ORCID 0009-0005-3255-4141
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: e.smirnova@donnu.ru

Введение. На фоне развития концепции биоэкономики в Российской Федерации правовой статус традиционной хозяйственной деятельности коренных народов требует переосмысления [1, с. 116]. Интеграция традиционной хозяйственной деятельности в стратегию развития страны

обуславливает необходимость признания ее предпринимательской природы для эффективного использования возобновляемых биологических ресурсов.

Целью исследования является анализ правовых критериев квалификации традиционной хозяйственной деятельности как предпринимательской и выявление противоречий в законодательстве и правоприменительной практике.

Основная часть. Согласно ст. 1 Федерального закона от 20.07.2000 № 104-ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ», традиционная хозяйственная деятельность – это деятельность, направленная на обеспечение традиционного образа жизни [2]. В то же время ст. 2 ГК РФ определяет предпринимательство как самостоятельную, осуществляемую на свой риск деятельность, направленную на систематическое получение прибыли [3].

В современной правовой доктрине сложилось два полярных подхода к пониманию сущности традиционной хозяйственной деятельности. Первый, консервативный, отстаивает социальную природу традиционной хозяйственной деятельности. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 05.07.2021 № 32-П указывает, что традиционное природопользование не может оцениваться исключительно через призму коммерческих отношений, так как оно неразрывно связано с сохранением культурной самобытности и исконной среды обитания [4]. В рамках этого подхода любая реализация продукции коренными малочисленными народами рассматривается как реализация личных излишков, не носящая предпринимательского характера. С другой стороны, налоговые органы и суды общей юрисдикции при реализации коренными малочисленными народами излишков продукции через торговые сети или маркетплейсы применяют нормы о предпринимательской деятельности, требуя регистрации в качестве индивидуальных предпринимателей или юридических лиц [5].

Второй подход, активно продвигаемый в экономической науке, рассматривает традиционную хозяйственную деятельность через призму «этнического предпринимательства». Ряд авторов отмечают, что в условиях промышленного освоения Севера переход коренных этносов к товарно-денежным отношениям является фактором их выживания. Они предлагают рассматривать традиционную хозяйственную деятельность как специфическую форму социального предпринимательства, где прибыль реинвестируется в сохранение традиционного уклада [6, с. 765].

Д.С. Севастьянов в своем исследовании специфики правового регулирования хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов подчеркивает, что фрагментарность законодательства (рассредоточенность норм по Налоговому, Земельному, Лесному и Водному кодексам) создает непреодолимые барьеры. Многие общины фактически являются градообразующими предприятиями, но юридически остаются некоммерческими организациями (НКО). Отсутствие упрощенного порядка

подтверждения принадлежности к коренным малочисленным народам лишает представителей народов льгот, фактически приравнивая их промысел к обычной коммерческой деятельности и нивелируя их конкурентоспособность [7].

Особого внимания заслуживает позиция М.Е. Никитенко, С.А. Трофимовой и И.Б. Трофимовой. Исследователи отмечают, что законодательная регламентация Севера страдает от отсутствия единого понятийного аппарата. Смешение понятий «традиционное природопользование» и «хозяйственная деятельность» приводит к тому, что общины, сдающие продукцию на фактории, попадают под действие антимонопольного законодательства и требований к маркировке товаров, выполнение которых технически и финансово невозможно для малых форм хозяйствования [8, с. 66].

Судебная практика выработала ряд критериев, при которых традиционная хозяйственная деятельность квалифицируется как предпринимательская. Во-первых, это систематичность и выход за пределы личного потребления. Если продукция (рыба, мясо, изделия из кости и меха) реализуется через торговые сети, маркетплейсы или по договорам поставки юридическим лицам, деятельность перестает быть «удовлетворением личных нужд».

Во-вторых, использование наемного труда и организационной структуры. Создание общин или артелей, где функции разделены, свидетельствует о наличии организационного единства, характерного для бизнеса. Как отмечает В. Г. Логинов, в условиях промышленного освоения Севера традиционные отрасли (оленеводство, рыболовство) вынуждены трансформироваться в полноценные предприятия (ООО, АО, фактории) для выживания в рыночной среде [6, с. 769].

В-третьих, наличие государственной регистрации. Ведение традиционной хозяйственной деятельности в статусе индивидуального предпринимателя или главы крестьянского (фермерского) хозяйства автоматически переводит деятельность в плоскость предпринимательства.

Заключение. Таким образом, традиционная хозяйственная деятельность в современных условиях не может рассматриваться исключительно как этнографический феномен. При выходе за рамки натурального хозяйства она неизбежно приобретает признаки предпринимательства. Задача законодателя и правоприменителя – не отрицать этот факт, а создать специальный правовой режим, который учитывал бы рисковый и сезонный характер традиционной хозяйственной деятельности, сохраняя при этом процессуальные гарантии, предусмотренные для субъектов малого и среднего предпринимательства.

Список литературы

1. Смирнова Е.В. Традиционная хозяйственная деятельность как элемент стратегии биоэкономики в Российской Федерации / Е.В. Смирнова // Вестник Донецкого

университета. Серия 06. Юридические науки. – 2026. – № 3. – С. 116–122. – URL: https://dongu-vestnik06.ru/index.php/vestnik06/issue/view/52/77 (дата обращения: 10.10.2026) – DOI: 10.5281/ZENODO.22711752
2. Российская Федерация. Законы. Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации : Федеральный закон от 20.07.2000 № 104-ФЗ : принят Гос. Думой 06.07.2000 : одобрен Советом Федерации 07.07.2000. – Текст : электронный // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_27908 (дата обращения: 10.10.2026).
3. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации : [принят Гос. Думой 21.10.1994 : одобр. Советом Федерации]. – Текст : электронный // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 10.10.2026).
4. Конституционный Суд Российской Федерации. Постановление по делу о проверке конституционности части 1 статьи 3 Федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» и части 1 статьи 19 Федерального закона «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина А. Ф. Данилова : от 05.07.2021 № 32-П // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 28. – Ст. 5498. – Текст : электронный // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389678/ (дата обращения: 10.10.2026).
5. О состоянии и проблемах правового регулирования традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации : Стенограмма парламентских слушаний // Совет Федерации ФС РФ. – Текст : электронный // Официальный сайт Совета Федерации ФС РФ. – URL: http://council.gov.ru/activity/activities/parliamentary/29710/ (дата обращения: 12.10.2026).
6. Логинов, В. Г. Развитие предпринимательской деятельности коренных этносов как фактора сохранения традиционной экономики в условиях промышленного освоения Севера / В. Г. Логинов, М. Н. Игнатьева, В. В. Балашенко // Экономика региона. – 2019. – Т. 15, № 3. – С. 763-779. – DOI 10.17059/2019-3-11. – EDN XMARGY.
7. Севастьянов Д.С. Специфика развития и реализации правового регулирования хозяйственной деятельности малочисленных коренных народов Российской Федерации. / Д.С. Севастьянов // Аграрное и земельное право. – 2024. №6 (234). – Текст : электронный. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-razvitiya-i-realizatsii-pravovogo-regulirovaniya-hozyaystvennoy-deyatelnosti-malochislennyh-korennyh-narodov-rossiyskoy (дата обращения: 12.10.2026).
8. Никитенко, М. Е. Отдельные вопросы законодательной регламентации традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера / М. Е. Никитенко, С. А. Трофимова, И. Б. Трофимова // Правовая политика и правовая жизнь. – 2016. – № 4. – С. 64-69. – EDN ZWPFGV.

УДК 347:342.553

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ «МУНИЦИПАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»

Смирнова Е. В., ORCID 0009-0005-3255-4141,
Кебко А. Р.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: e.smirnova@donnu.ru, arina.k99@list.ru

Введение. Активное выстраивание общественных процессов и их систематизация в Российской Федерации, позволяют государству и его органам эффективно достигать поставленных целей и улучшать качество жизни населения.

Муниципальные образования в условиях постоянного развития государства выступают административным инструментом создания единообразия государственно-общественной жизни каждой отдельной территории, находящейся в пределах границ России.

С целью последовательного анализа понятия «муниципальное образование» необходимо рассмотреть его содержание через нормативные правовые акты Российской Федерации.

Основная часть. Легальное понятие «муниципальное образование», содержится в ч.1 ст.9 Федерального закона от 20.03.2025 N 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» [1] (далее – N 33-ФЗ), так под ним понимается публично-правовое образование, созданное на территории Российской Федерации при условии, что в определенной местности постоянно проживает население, осуществляющее местное самоуправление непосредственно и (или) через органы местного самоуправления.

Необходимо заметить, что ст.2 Федерального закона от 16.09.2003 N 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [2] (далее – N 131-ФЗ), утратившая силу на основании ст. 93 ФЗ об организации местного самоуправления, также давала определение понятию «муниципальное образование».

В сравнении с новым принятым N 33-ФЗ, предыдущий N 131-ФЗ четко не перечислял основные признаки муниципального образования, а лишь перечислял административно-территориальные единицы, к которым относятся городские и сельские поселения, муниципальный район, городской округ и др.

Обратим внимание, что новое определение однозначно указывает на признаки муниципального образования, без которых сложно представить исполнение как государственных, так и общественных функций в пределах муниципальных образований. Наличие слов «осуществление местного самоуправления», а также указания способов осуществления –

непосредственно и (или) через органы местного самоуправления прямо указывают – на взаимосвязь с государством и обществом, а также на смысл наименования самого Федерального закона.

Кроме того, определение в ст.2 ФЗ 33-ФЗ четко и ясно указывает на то, что муниципальное образование относится публично-правовому образованию, что соответствует ч.1 ст.124 Гражданского кодекса Российской Федерации [3] (далее – ГК РФ).

Однако указанная норма права имеет неоднозначное толкование и создает правовую неопределенность, поскольку она направлена на перечисление субъектов гражданского права, к которым дословно относит «… автономные округа, а также городские, сельские поселения и другие муниципальные образования …».

В то же время п.1-3 ч.2 ст.9 N 33-ФЗ четко определены виды муниципальных образований, к которым относятся:

– городской округ;

– муниципальный округ;

– внутригородское муниципальное образование города федерального значения.

Заключение. Из буквального толкования можно заметить расхождения в точности и согласованности двух норм, определяющих виды муниципальных образований – в одном случае «городской округ» и «автономный округ», в другом случае такие виды как «городские, сельские поселения» в N 33-ФЗ четко не определены, в третьем случае законодательно неоправданно упоминать слова «другие муниципальные образования», когда их объем четко определен в п.1-3 ч.2 ст.9 N 33-ФЗ.

Таким образом, проведя анализ законодательно-определенной дефиниции «муниципальное образование», а также некоторых ее обязательных признаков, можно прийти к выводу о том, что в N 33-ФЗ определено содержание, включающее в себя признаки, устанавливающие взаимосвязь между государством и обществом. Однако дословная несогласованность между ч.1 ст.124 ГК РФ и п.1-3 ч.2 ст.9 N 33-ФЗ вносит искажения в понятие «муниципальное образование».

Проведенный анализ в дальнейшем позволит определить основные признаки муниципального образования как публично-правового образования и установить взаимосвязь, новых норм установленных в N 33-ФЗ с нормами гражданского законодательства, регулирующих схожие общественные отношения.

Список литературы

1. Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти : Федеральный закон от 20 марта 2025 года № 33-ФЗ : [в редакции от 9 апреля 2026 года]. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 31.08.2026). – Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации.

2. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : Федеральный закон от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ : [в редакции от 10 июня 2026 года]. – Текст : непосредственный // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 40. – Ст. 3822.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации : часть первая : Федеральный закон от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ : [принят Государственной Думой 21 октября 1994 года]. – Текст : непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

УДК 347.64: 347.95

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО УСЫНОВЛЕННОГО В ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ: КОЛЛИЗИЯ ТАЙНЫ УСЫНОВЛЕНИЯ И ПРАВА ЗНАТЬ СВОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ

Смирнова Е. В., ORCID 0009-0005-3255-4141,
Малая В. В.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: e.smirnova@donnu.ru, vikalomakina02@yandex.ru

Введение. Достижение усыновленным лицом восемнадцатилетнего возраста влечет правовые последствия, затрагивающие несколько отраслей законодательства. С одной стороны, совершеннолетие означает приобретение полной процессуальной дееспособности, в том числе способности самостоятельно выступать стороной исполнительного производства [2]. С другой – статья 139 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) не ставит срок действия тайны усыновления в зависимости от возраста усыновленного: обязанность хранить сведения о факте усыновления сохраняется бессрочно [1]. В результате образуется коллизия: совершеннолетний усыновленный, будучи полноправным участником исполнительных правоотношений, лишен легального механизма доступа к информации о собственном происхождении без согласия усыновителей. При этом Конституционный Суд РФ в Постановлении от 16 июня 2015 г. № 15-П признал, что бессрочный запрет на разглашение тайны усыновления не должен приводить к полному исключению возможности реализовать право знать свое происхождение [3].

Цель работы – проанализировать правовое положение совершеннолетнего усыновленного в исполнительном производстве сквозь призму коллизии между бессрочным режимом тайны усыновления и конституционным правом знать свое происхождение, а также обозначить проблемы, возникающие при участии такого лица в исполнительных правоотношениях.

Основная часть. Тайна усыновления, закрепленная в статье 139 СК РФ, возлагает обязательство неразглашения на судей, сотрудников органов ЗАГС и всех прочих лиц, которым факт усыновления стал известен. Принципиальная особенность нормы состоит в отсутствии какого-либо возрастного или временного порога, по достижении которого обязанность снимается. Даже после восемнадцатилетия усыновленного работники ЗАГС не уполномочены выдавать документацию, способную раскрыть факт усыновления, без соответствующего согласия усыновителей [1]. О. А. Михейкина обращает внимание на то, что тайна усыновления действует вечно и «не подлежит разглашению вопреки воле любого усыновителя», вследствие чего правоспособный взрослый человек лишен легальной возможности узнать о своих биологических родителях [4, с. 20].

Дополнительную остроту проблеме придает то обстоятельство, что уголовная ответственность за разглашение тайны усыновления (ст. 155 УК РФ) также не содержит возрастного критерия, что фактически ставит под угрозу преследования любого лица, решившего раскрыть усыновленному правду о его происхождении, даже если сам усыновленный выразил желание получить эти сведения.

В рамках исполнительного производства совершеннолетний усыновленный может столкнуться с несколькими ситуациями, требующими разрешения. Первая – взыскание накопившейся алиментной задолженности, образовавшейся до достижения восемнадцатилетия. Хотя основное производство по алиментам подлежит прекращению в связи с совершеннолетием ребенка (п. 9 ч. 2 ст. 43 Закона № 229-ФЗ) [2], невыплаченный долг сохраняет силу. Если к моменту образования задолженности ребенок уже был усыновлен, алиментное обязательство кровного родителя прекратилось в соответствии с абзацем 3 пункта 2 статьи 120 СК РФ, и исполнительное производство должно быть окончено. Однако если долг сформировался до усыновления, определение надлежащего взыскателя осложняется: усыновитель, не выступавший стороной алиментного правоотношения, не может заменить первоначального взыскателя в силу процессуальных норм, а сам совершеннолетний усыновленный сталкивается с тем, что исполнительный документ оформлен не в его пользу.

На практике это приводит к ситуации, когда задолженность, принадлежащая совершеннолетнему ребенку как лицу, в пользу которого она взыскивалась, оказывается «зависшей»: ни усыновитель, ни сам усыновленный не могут приступить к ее взысканию без предварительного судебного акта о замене стороны, процедура получения которого законодательством прямо не предусмотрена.

Вторая проблемная зона – получение совершеннолетним усыновленным доступа к материалам судебного дела об усыновлении и связанного с ним исполнительного производства. Поскольку дела об усыновлении разбираются в закрытом порядке (ст. 273 ГПК РФ), после совершеннолетия усыновленный

может попытаться истребовать материалы через суд. Однако устоявшегося подхода в судебной практике не сложилось, часть судов отказывает, руководствуясь статьей 139 СК РФ, другая часть – удовлетворяет ходатайства, опираясь на правовую позицию Конституционного Суда, не допускающую полного запрета на доступ к информации о происхождении [5]. В Постановлении № 15-П Конституционный Суд прямо указал на необходимость создания федеральным законодателем специального механизма, позволяющего раскрывать тайну усыновления [3]. Вместе с тем такой механизм до сих пор не получил закрепления в законе. В научной литературе предлагается включить в статью 139 СК РФ норму, которая предоставила бы совершеннолетнему усыновленному право на получение сведений о кровных родителях [4, с. 22].

Третья проблема затрагивает институт правопреемства. Статья 52 Закона об исполнительном производстве допускает замену стороны в случае выбытия взыскателя или должника, однако ни совершеннолетие, ни усыновление прямо не перечислены среди оснований для правопреемства. В итоге совершеннолетний усыновленный, стремящийся самостоятельно осуществить права, связанные с прежним статусом, вынужден обращаться в суд с просьбой о замене стороны, но законодательство не регламентирует процедуру такого обращения [2].

Заключение. Анализ показывает, что правовой статус совершеннолетнего усыновленного лица в рамках исполнительного производства характеризуется существенным дисбалансом. Несмотря на наличие полной процессуальной дееспособности, такой гражданин сталкивается с ограничениями в получении информации, позволяющей раскрыть факт усыновления и установить личность биологических родителей. Противоречие между охраной тайны усыновления и правом человека знать свое происхождение решено лишь частично: опираясь на позицию Конституционного Суда, которая оставляет пространство для усмотрения, а не через императивные нормы. Для устранения данного пробела необходимо предпринять следующие шаги: внести в статью 139 Семейного кодекса РФ норму, закрепляющую право совершеннолетнего усыновленного на получение сведений о своих биологических родителях; закрепить в Федеральном законе «Об исполнительном производстве» специальные основания и порядок правопреемства, связанные с достижением совершеннолетия и фактом усыновления; внедрить судебную процедуру рассмотрения ходатайств совершеннолетних усыновленных о допуске к материалам дел об усыновлении, обеспечивая при этом баланс интересов всех участников процесса. Реализация указанных мер позволит ликвидировать правовой вакуум, в котором находится совершеннолетний усыновленный, и достичь согласованности норм семейного, исполнительного и конституционного права.

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 дек. 1995 г. № 223-ФЗ : в ред. от 23.03.2026, с изм. от 15.05.2026 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 1, ст. 16.

2. Об исполнительном производстве: Федеральный закон Российской Федерации от 02.10.2007 № 229-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007 – №12. – ст. 349.
3. По делу о проверке конституционности положений статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации и статьи 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» в связи с жалобой граждан Г. Ф. Грубич и Т. Г. Гущиной: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 2015 г. № 15-П // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 26, ст. 3925.
4. Михейкина, О. А. Правовой режим тайны усыновления (удочерения) / О. А. Михейкина // Наука. Общество. Государство. – 2018. – № 4. – С. 18–25.
5. О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов: постановление Пленума Верхов. Суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 56 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2018. – № 1.

УДК 347

ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ И ОПЫТНО-КОНСТРУКТОРСКИХ РАБОТ В ПРОМЫШЛЕННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Терещенко Б. О., ORCID 0009-0003-5560-1812
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: ian4ns48@mail.ru

Введение. Гражданско-правовое регулирование использования результатов НИОКР в промышленном производстве базируется на сложной системе договорных конструкций, где ключевое место занимает распределение исключительных прав [1]. В отличие от классических подрядных отношений, здесь первостепенное значение приобретает не передача материального результата, а юридическая судьба интеллектуального продукта. Законодатель предусматривает возможность как полного отчуждения прав заказчику, так и сохранения их за исполнителем с предоставлением лицензии на ограниченное использование.

Цель состоит в том, чтобы раскрыть особенности гражданско-правового регулирования использования результатов научно-исследовательских (далее – НИР) и опытно-конструкторских работ (далее – ОКР) в промышленном производстве

Основная часть. Анализ научной литературы показывает, что е особую сложность в договорных отношениях, связанных с использованием НИР и ОКР, вызывает разграничение служебных и внеслужебных разработок, а также определение объема прав при доработке и модернизации существующих технологий. Важным аспектом является установление режима коммерческой тайны и ноу-хау, который позволяет защищать результаты, не подлежащие патентованию, но имеющие промышленную ценность [2, с. 342].

Договорная свобода сторон ограничивается императивными нормами о безотзывной лицензии в случае банкротства лицензиара, а также правилами о последующем использовании усовершенствований, созданных в процессе внедрения. Суды при разрешении споров акцентируют внимание на фактическом вкладе сторон в создание охраняемого результата, что требует тщательной фиксации этапов разработки и передачи документации.

В этой связи критическое значение приобретает квалификация договора как подрядного с элементами лицензионного или как смешанного, поскольку от этого зависит применимый правовой режим. Если заказчик получает исключительные права, то договор должен содержать условия о передаче не только готовой технической документации, но и исходных данных, алгоритмов и промежуточных протоколов испытаний, что обеспечивает воспроизводимость результата. В противном случае исполнитель сохраняет исключительное право, а заказчик получает лишь простую неисключительную лицензию на использование в собственных производственных целях.

При этом возникает проблема определения границ использования, особенно когда технология внедряется в сложный производственный цикл с последующей модернизацией. Стороны обязаны заранее установить, какие изменения считаются существенными и требуют нового согласования, а какие относятся к обычной эксплуатации. Если этого не сделать, то любые улучшения, созданные заказчиком, автоматически попадают в сферу первоначального патента, что ведет к спорам о совместном владении.

Отдельный блок составляют отношения с работниками, чья деятельность приводит к созданию охраняемых результатов. Здесь важно различать разработки, выполненные в рамках прямых должностных обязанностей, и те, что возникли из личной инициативы. Для первых действует презумпция перехода прав к работодателю, но она может быть оспорена при отсутствии фиксации служебного задания. Для вторых требуется отдельное соглашение, иначе работник вправе использовать результат самостоятельно, что часто становится источником конфликтов в промышленных холдингах.

В настоящее время судебная практика ориентирована на исследование реальной творческой составляющей каждой стороны. Поэтому в договорах следует детально прописывать распределение функций, этапы согласования и порядок передачи всех промежуточных материалов. Только при такой проработке возможно предсказуемое распределение рисков и эффективное использование результатов НИОКР в промышленном масштабе.

Вместе с тем, ключевым элементом становится механизм фиксации творческого вклада на каждом этапе. Целесообразно вводить в договор таблицы распределения работ, где указывается не только конечный результат, но и авторство каждой промежуточной разработки. Это позволяет избежать ситуации, когда одна из сторон впоследствии заявляет о своем исключительном участии в создании охраняемого объекта, ссылаясь на недокументированные улучшения.

Анализ судебных дел показывает, что наиболее спорные случаи возникают при использовании ранее созданных исполнителем ноу-хау, поэтому в договоре необходимо четко разделять вклад в базовые компоненты и в прикладные решения. Если заказчик финансирует только адаптацию существующей технологии, а не ее создание, то его права ограничиваются лицензией на результат адаптации, а не на исходный объект.

Также следует прописать механизм уведомления о создании промежуточных охраняемых объектов. Если исполнитель в процессе работы создает изобретение, не предусмотренное изначальным заданием, он обязан сообщить об этом заказчику. В противном случае возникает риск двойного патентования или конфликта приоритетов. Заказчик должен иметь право отказаться от такого объекта, сохранив за исполнителем возможность самостоятельного распоряжения им.

Договор должен содержать условие о судьбе результатов при досрочном расторжении. Необходимо заранее определить, какие разработки считаются завершенными и подлежащими передаче, а какие остаются у исполнителя. Это исключает ситуацию, когда заказчик оплачивает незавершенный труд, но не может использовать его без дополнительных лицензий.

Следует также предусмотреть процедуру урегулирования разногласий через обязательный досудебный претензионный порядок. Указание сроков для ответа на претензию и перечня документов, прилагаемых к ней, позволит сторонам быстрее достичь компромисса, не доводя дело до суда. Это особенно полезно в долгосрочных проектах, где ошибки на ранних этапах могут накапливаться и влиять на итоговую стоимость.

Заключение. Таким образом, критическое значение приобретает квалификация договора как подрядного с элементами лицензионного или как смешанного, поскольку от этого зависит применимый правовой режим. Если заказчик получает исключительные права, то договор должен содержать условия о передаче не только готовой технической документации, но и исходных данных, алгоритмов и промежуточных протоколов испытаний, что обеспечивает воспроизводимость результата. В противном случае исполнитель сохраняет исключительное право, а заказчик получает лишь простую неисключительную лицензию на использование в собственных производственных целях.

При этом возникает проблема определения границ использования, особенно когда технология внедряется в сложный производственный цикл с последующей модернизацией.

Список литературы

1. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : ГК РФ : Федеральный закон от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ : [с изменениями и дополнениями]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 25.09.2026). – Текст : электронный.
2. Карнаухов, С. С. Гражданско-правовые проблемы инновации / С. С. Карнаухов // Образование и право. – 2026. – № 7. – С. 338-342. – DOI 10.24412/2076-1503-2026-7-338-342. – EDN LHEDHZ.

УДК 347.45

ПОСРЕДНИЧЕСКИЕ ДОГОВОРЫ В НАЛОГОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ: КРИТЕРИИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ДОБРОСОВЕСТНОГО ПОСРЕДНИЧЕСТВА И ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ

Украинский Д. В.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: bekar.2002@yandex.ru

Введение. Посреднические договоры занимают значительное место в современном хозяйственном обороте, обеспечивая взаимодействие между участниками предпринимательской деятельности, организацию сбыта товаров, привлечение контрагентов и распределение коммерческих функций. Использование агентских договоров, договоров комиссии и поручения представляет собой законный инструмент структурирования хозяйственных связей, позволяющий субъектам предпринимательской деятельности выбирать наиболее эффективные модели взаимодействия. Вместе с тем договорные конструкции посредничества могут применяться для формального оформления хозяйственных операций, не соответствующих их действительному экономическому содержанию, в том числе в целях неправомерного получения налоговой выгоды.

Цель исследования заключается в определении основных критериев разграничения добросовестного посредничества и использования посреднических договоров для неправомерного получения налоговой выгоды.

Основная часть. Правовая природа посреднических договоров предполагает совершение одним лицом юридических действий в интересах другого лица. В зависимости от избранной договорной конструкции посредник может действовать от имени представляемого либо от собственного имени, приобретая права и обязанности с последующей передачей соответствующих результатов доверителю или комитенту. При этом квалификация отношений определяется не только наименованием договора, но и содержанием обязательств сторон, характером поручения и фактическим распределением функций.

Н. В. Козлова и С. Ю. Филиппова в своей работе раскрывают алгоритм квалификации посреднических договоров, учитывающий наличие посреднического элемента, содержание поручения, возможность привлечения третьих лиц и порядок покрытия расходов посредника [1, с. 59]. Указанные критерии могут служить основой для дальнейшего анализа посреднических отношений в налоговых целях. При этом, важно отметить, что гражданско-правовая квалификация договора и оценка обоснованности налоговой выгоды представляют собой самостоятельные, хотя и взаимосвязанные задачи.

В соответствии со ст. 54.1 НК РФ [2] не допускается уменьшение налоговой базы и суммы налога в результате искажения сведений о фактах хозяйственной жизни. Юридическое значение приобретает установление обстоятельств, позволяющих определить, отражает ли договор действительное содержание хозяйственной операции либо используется для создания формального документооборота.

При этом необходимо обратить внимание на положения статьи 10 ГК РФ [3], закрепляющей запрет злоупотребления правом, а также статьи 170 ГК РФ, регулирующей последствия совершения мнимых и притворных сделок. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от «23» июня 2015 г. № 25 закрепляет, что сделка, совершённая в обход закона с противоправной целью, при наличии предусмотренных законом оснований может быть признана недействительной [4]. Однако установление необоснованной налоговой выгоды не следует автоматически отождествлять с признанием договора недействительным: налоговые последствия определяются с учётом специальных норм налогового законодательства и обстоятельств конкретной операции.

Для определения критериев добросовестного посредничества обратимся к Обзору практики применения положений законодательства о налогах и сборах, связанных с оценкой обоснованности налоговой выгоды, утверждённому Президиумом Верховного Суда [5]. Здесь сформулирована позиция, согласно которой неблагоприятные последствия неисполнения налоговых обязанностей другими участниками оборота не могут возлагаться на налогоплательщика, который не знал и не должен был знать о допущенных ими нарушениях. Одновременно Верховный Суд РФ указывает на недопустимость предоставления налоговых преимуществ в ситуациях, когда налогоплательщик участвовал в согласованных действиях, направленных на неправомерное уменьшение налоговой обязанности, в том числе посредством искусственного увеличения стоимости товаров, работ или услуг.

Указанные положения имеют значение для оценки посреднических договоров. Например, привлечение агента для поиска покупателей, организации переговоров или сопровождения поставок может быть обусловлено объективными потребностями предпринимательской деятельности. В подобном случае наличие посредника в договорной цепочке не должно рассматриваться как самостоятельное основание для отказа в налоговой выгоде.

Иная правовая оценка возможна, если посредническое звено не выполняет самостоятельной хозяйственной функции, документы не отражают фактическое движение товаров или оказание услуг, а совокупность доказательств свидетельствует о согласованном использовании договорной конструкции для неправомерного уменьшения налоговых обязательств. При этом отсутствие у посредника значительных материальных ресурсов, привлечение субагентов или взаимозависимость участников не должны оцениваться изолированно от иных обстоятельств.

Сходный подход отражён в постановлении Пленума ВАС РФ от «12» октября 2006 г. № 53 [6]. Согласно пункту 7 данного постановления, если хозяйственные операции учтены не в соответствии с их действительным экономическим смыслом, суд определяет налоговые права и обязанности исходя из подлинного экономического содержания операции. Пункт 10 предусматривает, что нарушение контрагентом налоговых обязанностей само по себе не доказывает получения налогоплательщиком необоснованной налоговой выгоды [6].

Таким образом, судебная практика ориентирует правоприменителя на комплексную оценку обстоятельств операции. Вместе с тем представляется целесообразным дополнительно систематизировать критерии, позволяющие отличать реальное выполнение посреднических функций от формального участия в договорной цепочке.

Исходя из указанного, представляется возможным выделить четыре взаимосвязанные группы критериев оценки посреднических отношений.

Во-первых, функциональный критерий, предполагающий установление конкретных действий, совершённых посредником во исполнение договора. К ним могут относиться поиск контрагентов, проведение переговоров, заключение сделок, организация поставок и иные действия, предусмотренные поручением.

Во-вторых, экономический критерий, позволяющий установить деловую причину привлечения посредника, характер понесённых им расходов и соотношение вознаграждения с выполняемыми функциями. При этом экономическая целесообразность не должна оцениваться исключительно с позиции последующей эффективности предпринимательского решения.

В-третьих, организационный критерий, предусматривающий выяснение того, кто фактически принимал ключевые решения, организовывал исполнение обязательств и контролировал движение денежных средств и товаров. Его применение позволяет выявить расхождения между формальным распределением полномочий и действительным содержанием отношений.

В-четвёртых, поведенческий критерий, направленный на установление осведомлённости налогоплательщика о возможных нарушениях, его участия в согласованных действиях и проявленной осмотрительности при выборе контрагента. Оценка данного критерия должна осуществляться с учётом характера и масштаба сделки, а также иных обстоятельств, имеющих значение для конкретного спора.

Предложенные критерии следует применять в совокупности. Ни один из них по отдельности не позволяет достоверно установить фиктивность посредничества или наличие злоупотребления правом. Их систематизация может способствовать более последовательному разграничению законного использования посреднических договоров и договорных конструкций, направленных на неправомерное получение налоговых преимуществ. При этом, хозяйствующим субъектам необходимо обеспечивать документальное подтверждение фактического исполнения посреднических договоров, в

точности, сохранять поручения, отчёты посредников, переписку с контрагентами, сведения о проведённых переговорах, документы о понесённых расходах и расчёты вознаграждения. Такие материалы позволяют подтвердить реальность посреднической функции и обосновать деловую цель избранной договорной модели.

Заключение. Таким образом, разграничение добросовестного посредничества и злоупотребления правом представляет собой значимую проблему на стыке гражданского и налогового права. Посреднические договоры являются законным инструментом организации хозяйственной деятельности, поэтому сам факт их использования не может рассматриваться как свидетельство неправомерного получения налоговой выгоды.

Проведённый анализ позволяет обосновать целесообразность комплексной оценки посреднических отношений на основе функционального, экономического, организационного и поведенческого критериев. Их применение должно учитывать фактическое содержание хозяйственной операции, реальную роль посредника и доказанность участия налогоплательщика в действиях, направленных на неправомерное уменьшение налоговых обязательств.

Систематизация указанных критериев могла бы повысить предсказуемость правоприменения, обеспечить более эффективное противодействие формальному документообороту и одновременно укрепить защиту добросовестных участников хозяйственного оборота.

Список литературы

1. Козлова, Н. В. Посреднические договоры: алгоритм правовой квалификации / Н. В. Козлова, С. Ю. Филиппова // Российское правосудие. – 2026. – № 1. – С. 57-68. – DOI 10.37399/issn2072-909X.2026.1.57-68. – EDN LUYRPW.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 31.07.1998 № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3824.
3. Гражданский кодекс РФ. Часть первая: Федеральный закон от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/ (дата обращения: 09.10.2026).
5. Обзор практики применения арбитражными судами положений законодательства о налогах и сборах, связанных с оценкой обоснованности налоговой выгоды (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13.12.2023) // СПС Консультант Плюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_464347/ (дата обращения: 09.10.2026).
6. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12.10.2006 г. № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» // СПС Консультант Плюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_63894/ (дата обращения: 09.10.2026).

УДК 347.51

ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРИ ОКАЗАНИИ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ

Финкина А. П., ORCID 0009-0002-4372-2217
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: finkina_dongu@mail.ru

Введение. Развитие частного сектора здравоохранения обусловливает необходимость исследования гражданско-правовой природы отношений между медицинской организацией и пациентом. Несмотря на применение общих положений о возмездном оказании услуг, медицинские отношения характеризуются профессиональной спецификой, особой значимостью охраняемых благ и информационным неравенством сторон. Пациент зачастую не обладает знаниями, необходимыми для самостоятельной оценки обоснованности лечения, медицинских рисков и качества вмешательства.

Цель исследования – выявить особенности гражданско-правовой ответственности при оказании медицинских услуг.

А. А. Мохов и А. В. Мелихов отмечают возможность квалификации медицинской деятельности как предпринимательской при сохранении ее социального назначения [1, с. 27].

М. Н. Малеина исследует правовое положение человека в медицинских отношениях и особенности их правового регулирования [2, с. 192]. Эти подходы позволяют рассматривать медицинский договор одновременно как гражданско-правовую форму обязательства и средство обеспечения прав пациента, включая право на информацию, информированное добровольное согласие и врачебную тайну.

Медицинская организация не гарантирует выздоровление при любых обстоятельствах. Юридическое значение имеет надлежащее исполнение обязанностей по диагностике, лечению, информированию пациента и обеспечению безопасности. Следовательно, основания ответственности определяются характером обязательства и допущенного нарушения, а не только возмездностью услуги или источником ее финансирования.

Конституционная основа регулирования медицинских отношений закреплена в ст. 41 Конституции РФ [3]. Право на охрану здоровья и медицинскую помощь предполагает государственные гарантии и допускает различные формы организации здравоохранения. Оказание платных услуг не устраняет социального назначения медицинской деятельности.

Согласно статье 779 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), исполнитель обязуется по заданию заказчика оказать услуги, а заказчик – оплатить их. К медицинским отношениям применяются также статьи 309 и 393 ГК РФ о надлежащем исполнении обязательств и возмещении убытков, статья

401 ГК РФ об основаниях ответственности. Их применение предполагает установление содержания конкретной обязанности и характера ее нарушения [4].

Специальное регулирование предусмотрено Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [5]. Установленные им права пациента и требования к медицинской деятельности дополняют договорные обязанности исполнителя. В частности, нарушение требований к информированному добровольному согласию может свидетельствовать о ненадлежащем исполнении самостоятельной обязанности даже при технически правильном проведении вмешательства.

С 1 сентября 2026 г. действуют Правила предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг, утвержденные постановлением Правительства РФ от 30 мая 2026 г. № 659 [6]. Они регулируют условия оказания услуг, информирование потребителя и заключение договора. Пункт 50 Правил предусматривает возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью вследствие оказания платных медицинских услуг ненадлежащего качества, в соответствии с законодательством РФ.

Следовательно, обязанности медицинской организации не исчерпываются условиями договора: исполнитель связан также обязательными требованиями к медицинской деятельности и правами пациента.

В Определении Конституционного Суда РФ от 6 июня 2002 г. № 115- О рассматривались вопросы применения гражданско-правовых норм к отношениям по оказанию медицинских услуг. Правовая позиция Суда подтверждает возможность применения главы 39 ГК РФ с учетом публичного характера регулирования медицинской деятельности [7].

При разрешении споров необходимо разграничивать неблагоприятный медицинский исход и ненадлежащее исполнение обязательства. Ухудшение здоровья или отсутствие ожидаемого эффекта сами по себе не доказывают нарушения. Вместе с тем сложность лечения и отсутствие гарантии выздоровления не освобождают исполнителя от соблюдения профессиональных требований.

Следует также разграничивать договорную ответственность и возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью. Эти требования могут основываться на одних фактических обстоятельствах, однако имеют различные юридические основания и предполагают самостоятельную квалификацию. Наличие договора не исключает требования о возмещении вреда, а неблагоприятный результат не заменяет установления предусмотренных законом условий ответственности.

Представляется обоснованным оценивать спор последовательно: установить содержание обязанности исполнителя, характер ее нарушения, наступившие последствия и причинную связь, а также определить применимый правовой режим. Такой подход позволяет исключить как

автоматическое возложение ответственности за любой неблагоприятный исход, так и необоснованное освобождение медицинской организации от ответственности. В частности, ненадлежащее информирование может образовывать самостоятельное нарушение прав пациента, тогда как возмещение вреда здоровью предполагает дополнительную оценку характера вреда и оснований его возмещения.

Особого внимания требует разграничение прав заказчика и пациента. Лицо, оплачивающее услугу, не обязательно совпадает с получателем медицинской помощи. Само по себе финансирование лечения не предоставляет заказчику права принимать решения о медицинском вмешательстве или получать сведения, составляющие врачебную тайну. Права пациента на информацию, согласие и конфиденциальность должны обеспечиваться независимо от распределения финансовых обязанностей.

Получение медицинской организацией платы за услуги также не означает автоматического применения ко всем отношениям правил об ответственности предпринимателя. Необходимо учитывать статус исполнителя, содержание обязательства и условия применения статьи 401 ГК РФ. Отсутствие непосредственной оплаты со стороны пациента, в свою очередь, не освобождает медицинскую организацию от обязанностей, установленных законодательством об охране здоровья.

Повышению правовой определенности способствуют единообразные подходы к оценке качества медицинских услуг и разграничению договорных и деликтных требований. Договор должен определять вид и объем услуг, порядок изменения плана лечения, условия оплаты дополнительных вмешательств и способы информирования пациента. При этом договорные положения не могут исключать обязательные требования к качеству, безопасности и соблюдению прав пациента.

Заключение. Особенности гражданско-правовой ответственности при оказании медицинских услуг обусловлены профессиональным характером деятельности исполнителя, значимостью охраняемых благ и информационной уязвимостью пациента. Возмездность определяет имущественную сторону отношений, но не является исчерпывающим критерием установления обязанностей и оснований ответственности медицинской организации.

Ответственность должна определяться с учетом содержания обязательства, характера нарушения и применимого правового режима. Неблагоприятный результат лечения сам по себе не доказывает ненадлежащего оказания услуги, однако отсутствие гарантии выздоровления не освобождает исполнителя от ответственности за доказанное нарушение профессиональных и информационных обязанностей.

Эффективная защита пациента предполагает сочетание определенности договорных условий, обязательности профессиональных требований и дифференцированного применения мер ответственности. Источник

финансирования медицинской помощи не должен выступать единственным критерием правовой квалификации отношений.

Список литературы

1. Мелихов, А. В. Деятельность по оказанию медицинских услуг – разновидность деятельности предпринимательской / А. В. Мелихов, А. А. Мохов // Медицинское право. – 2006. – № 2. – С. 27-34. – EDN KNXZSF.
2. Малеина, М. Н. Человек и медицина в современном праве / М. Н. Малеина. – Москва : Издательство "БЕК", 1995. – 272 с. – EDN TTGTKV.
3. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Собрание законодательства РФ. – 1993. – 25 декабря.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 05.12.1994. – № 32. – ст. 3301.
5. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 28.11.2011. – № 48. – Ст. 6724.
6. Об утверждении Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг: Постановление Правительства РФ от 30.05.2026 N 659 // Собрание законодательства РФ. – 08.06.2026. – N 23. – Ст. 2992.
7. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Мартыновой Евгении Захаровны на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 статьи 779 и пунктом 2 статьи 782 Гражданского кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 06.06.2002 N 115-О // Вестник Конституционного Суда РФ. – N 1. – 2003.

УДК 347.51

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В МЕДИЦИНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Финкина А. П., ORCID 0009-0002-4372-2217,
Демьянишин В. В., ORCID 0009-0000-7477-9449
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: finkina_dongu@mail.ru, demyanishin.vladislav@gmail.com

Введение. Развитие систем искусственного интеллекта (далее – СИИ) существенно расширяет возможности его применения в медицинской деятельности: технологии используются для обработки медицинской информации, подготовки диагностических и терапевтических рекомендаций, формирования медицинской документации и поддержки принятия врачебных решений. Вместе с тем использование таких систем создает новые риски для жизни и здоровья пациентов, поскольку сформированный искусственным

интеллектом результат может содержать ошибочную или недостоверную информацию.

В этой перспективе остро встает вопрос определения лица, на которое должна быть возложена ответственность за причиненный пациенту вред. Причины наступления вреда могут быть связаны как с ошибкой алгоритма, так и с ненадлежащим использованием или контролем за его результатами.

Цель исследования – определить подходы к разграничению ответственности разработчика СИИ, медицинской организации и медицинского работника за вред, причиненный пациенту в результате применения ИИ в медицинской деятельности.

Основная часть. Одной из основных особенностей СИИ, имеющих правовое значение, является сложность установления причин формирования конкретного результата. В научной среде, такие системы (на нейронных сетях) характеризуют, как «черный ящик» [1, с. 347]. Проблема заключается в том, что большинство решений и выводов СИИ непрозрачны с их алгоритмами, и предельно неясно почему было принято именно подобное решение, а не иное. В контексте медицинской деятельности это, на самом деле, критично: врачу необходимо понимать точную причинно-следственную связь между исходными данными, функционированием алгоритмов СИИ и ее выводом, поскольку ошибочная интерпретация данных или рекомендация СИИ может повлечь неправильную диагностику, ненадлежащее лечение и, как следствие, причинение вреда жизни или здоровью пациента.

При этом, нелогично возлагать вину сразу на искусственный интеллект, не имеющий самостоятельного правового статуса. Прежде всего СИИ это инструмент в руках человека и окончательное решение о диагностике и лечении принимает также человек, с чем соглашаются многие видные деятели научного сообщества [2, с. 112].

Как уже было выше сказано, применение СИИ в медицинской деятельности предполагает участие нескольких субъектов (а иногда и многих), между которыми потенциально может быть распределена ответственность за причиненный пациенту вред. В условную, достаточно обыкновенную, «производственную цепь СИИ» входят разработчик и/или правообладатель программного решения, медицинская организация и медицинский работник [3, с. 103]. На нынешнем этапе такая многосубъектная структура уже видится проблемой, поскольку чем больше субъектов – тем сложнее определить, кто из них провинился [4, с. 517].

В своей работе М.С. Варюшин, исходящий из сложившейся ситуации на юридическом (практическом) поле, говорит, что при причинении вреда в результате недостатков СИИ возмещение вреда пациенту осуществляет медицинская организация, после чего при наличии соответствующих оснований она может предъявить регрессное требование к разработчику или правообладателю системы. Он подчеркивает «что ни клинические рекомендации, ни порядки оказания медицинской помощи не содержат правил,

позволяющих медицинскому работнику при диагностике или выборе лечения пациента использовать ИИ» [5, с. 18]. То есть, на сегодняшний день, механизм реализован так, что использование ИИ не позволяет полностью исключить ответственность медицинского работника.

Иной (нереализованный ныне) подход рассматривается в работе И. Р. Хмелевского и Н. А. Калашникова, где ответственность предлагается рассматривать с учетом вклада каждого участника в создание и эксплуатацию ИИ-системы: разработчик отвечает за качество и безопасность продукта, медицинская организация – за его надлежащее внедрение и использование, а медицинский работник – за интерпретацию полученных результатов и принятие медицинского решения. И это без необходимости предъявления регрессных исков [6, с. 10]. При этом, хотим заметить, что авторы обращают внимание на то, что концентрация всей ответственности на одном субъекте не отражает многоэлементный характер функционирования СИИ.

То есть, возникает некоторая потребность разграничивать как минимум три самостоятельных основания возможной ответственности: дефект самой системы, ненадлежащую организацию ее применения и ошибку медицинского работника при интерпретации или использовании результата. При этом наличие результата, сформированного СИИ, само по себе не должно рассматриваться, как достаточное основание для возложения ответственности на какого-либо (одного) участника. Определяющее значение должно иметь установление конкретного нарушения, его причинной связи с наступившим вредом и роли соответствующего субъекта в процессе оказания медицинской помощи.

В принципе, как можно заметить, основная сложность привлечения к ответственности за вред, причиненный применением СИИ, заключается не столько в отсутствии конкретного ответственного лица, сколько в установлении причинной связи между действиями каждого участника и наступившими неблагоприятными последствиями для пациента. Ошибка в медицинском решении может быть обусловлена как дефектом самой системы, так и неправильным использованием ее возможностей.

В этом ключе, нам видится довольно несправедливой позиция возложения ответственности исключительно на медицинского работника на том основании, что именно он принял окончательное решение. Такой подход игнорирует вклад разработчиков, медицинской организации и других участников производственной цепи СИИ. Например, если генеративная система постоянно формирует недостоверные медицинские рекомендации вследствие каких-либо недостатков программного обеспечения или используемых при ее разработке данных, ошибка врача, доверившегося такому результату, не может рассматриваться изолированно от дефекта цифрового инструмента.

Следовательно, целесообразно учитывать источник возникновения вреда и характер нарушения обязанностей каждого участника. В рамках такого

подхода можно выделить три основные ситуации. Во-первых, вред обусловлен недостатком самого СИИ. Во-вторых, вред возник вследствие ненадлежащей организации его использования медицинской организацией. В-третьих, негативные последствия стали результатом самостоятельной ошибки медицинского работника при оценке или применении результата, сформированного системой. При наличии нескольких причин ответственность может распределяться между соответствующими субъектами с учетом степени их участия в возникновении вреда.

Конечно, в такой интерпретации сам собой возникает вопрос доказывания. Считаем эффективным механизмом защиты прав пациента – обеспечение возможности установить какая система применялась, в каких целях, какие данные и запросы использовались, какой результат был сформирован и каким образом он был учтен медицинским работником. Иными словами, использование СИИ в медицинской деятельности должно сопровождаться фиксацией значимых этапов взаимодействия с системой. Это позволит сделать процесс установления причинной связи более прозрачным и одновременно определить границы ответственности каждого участника.

Заключение. Таким образом, перспективным представляется переход от модели, при которой ответственность фактически концентрируется на медицинском работнике к дифференцированной модели ответственности, учитывающей весь жизненный цикл применения СИИ в медицине. Разработчик должен отвечать за надежность созданного цифрового решения в пределах возложенных на него обязанностей, медицинская организация – за надлежащий выбор, внедрение и организацию его применения, а медицинский работник – за профессиональную оценку результата и принимаемое на его основе медицинское решение. Именно такая модель позволяет сохранить принцип персональной ответственности медицинского работника, одновременно не освобождая иных участников цифрового медицинского процесса от ответственности за собственные нарушения.

Список литературы

1. Price W., Nicholson I. I. Describing Black-Box Medicine // BUJ Sci. & Tech. L. – 2015. – Т. 21. – С. 347-356.
2. Апостолова, Н. Н. Ответственность за вред, причиненный искусственным интеллектом / Н. Н. Апостолова // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2021. – № 1. – С. 112-119. – DOI 10.22394/2074-7306-2021-1-1-112-119. – EDN ESVYKI.
3. Афанасьевская, А. В. Применение искусственного интеллекта в системе здравоохранения: вопросы ответственности / А. В. Афанасьевская // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2024. – № 3(158). – С. 103-107. – DOI 10.24412/2227-7315-2024-3-103-107. – EDN PKQAZC.
4. Artificial intelligence: Who is responsible for the diagnosis? / E. Neri, F. Coppola, V. Miele [et al.] // La Radiologia Medica. – 2020. – Vol. 125, No. 6. – P. 517-521. – DOI 10.1007/s11547-020-01135-9. – EDN VMVLGZ.

5. Варюшин М.С. Правовой режим технологий искусственного интеллекта, применяемых в телемедицине // Российский журнал телемедицины и электронного здравоохранения. – 2021. – 7(2). – С. 18-22. – DOI 10.29188/2712-9217-2021-7-2-18-22.
6. Хмелевской, И. Р. Вопросы ответственности за действия искусственного интеллекта в сфере здравоохранения / И. Р. Хмелевской, Н. А. Калашников // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. – 2024. – Т. 9, № 4. – С. 10-13. – DOI 10.47475/2618-8236-2024-9-4-10-13. – EDN WJSJNU.

УДК 347.5

ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННАЯ АСИММЕТРИЯ В ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЁННЫЙ СИСТЕМАМИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Финкина А. П., ORCID 0009-0002-4372-2217,
Корнилов И. И., ORCID 0009-0003-6976-3700
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: finkina_dongu@mail.ru, ik5163451@mail.ru

Введение. Развитие технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) актуализирует проблему юридической квалификации вреда, обусловленного функционированием алгоритмических систем. Особую сложность представляет доказывание оснований ответственности вследствие концентрации технически значимой информации у разработчиков и операторов ИИ.

Цель исследования – выявление особенностей доказывания оснований гражданско-правовой ответственности за вред, причинённый системами ИИ, и обоснование направлений совершенствования соответствующего правового механизма.

Основная часть. Согласно статье 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), вред, причинённый личности или имуществу гражданина, а также имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объёме лицом, его причинившим; по общему правилу причинитель вреда освобождается от возмещения, если докажет отсутствие своей вины [1]. Следовательно, применение ИИ не предполагает автоматического возникновения самостоятельного режима гражданско-правовой ответственности, обусловленного исключительно использованием соответствующей технологии. Правовая оценка должна осуществляться с учётом характера причинённого вреда, противоправности поведения, причинно-следственной связи и предусмотренного законом основания ответственности.

Исследователями обоснованно подчёркивается необходимость соотнесения модели ответственности за вред, причинённый ИИ, со степенью контроля участников технологического процесса над источниками риска и их возможностями предотвращения неблагоприятных последствий [2; 3]. Доказательственная асимметрия в рассматриваемом контексте выражается не только в недостаточной осведомлённости потерпевшего об устройстве алгоритмической системы, но и в объективной зависимости установления юридически значимых обстоятельств от информации, находящейся преимущественно в сфере контроля предполагаемого причинителя вреда. В результате эффективность материально-правовой защиты непосредственно связана с возможностью реконструировать обстоятельства функционирования системы, установить характер допущенного нарушения и определить его причинное значение для наступивших последствий.

Федеральный закон от 26 июля 2026 г. № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» [4] регулирует отношения в сфере разработки, внедрения и применения больших фундаментальных моделей ИИ. Закреплённый статьёй 4 риск-ориентированный подход предполагает дифференциацию требований с учётом вероятности возникновения вреда и масштаба потенциальных негативных последствий.

Статья 8 предусматривает обязанности разработчиков суверенных и (или) национальных больших фундаментальных моделей по обеспечению безопасности, установлению правил эксплуатации и ведению технической документации; соответствующие положения вступают в силу 1 марта 2027 г. При этом закон не формирует универсального специального режима гражданско-правовой ответственности за вред, причинённый любыми системами искусственного интеллекта, поэтому вопросы возмещения вреда по-прежнему требуют обращения к общим и специальным положениям гражданского законодательства.

Применение общих деликтных положений также предполагает учёт пределов действия специальных оснований ответственности. В частности, статья 1095 ГК РФ предусматривает возмещение вреда, причинённого вследствие недостатков товара, работы или услуги либо недостаточности или недостоверности информации о них, независимо от вины ответственного лица. Вместе с тем применение данной конструкции обусловлено предусмотренными законом условиями, в том числе потребительским назначением приобретения товара, выполнения работы или оказания услуги. Поэтому квалификация вреда, причинённого системой ИИ, требует предварительного установления правовой природы соответствующего отношения и не может основываться исключительно на технологических характеристиках использованного решения.

Также, сравнительно-правовое значение имеет Регламент Европейского парламента и Совета ЕС 2024/1689 (AI Act), предусматривающий

применительно к установленным категориям высокорисковых систем требования к технической документации, регистрации событий функционирования и осуществлению человеческого надзора [5]. Значимость подобного подхода заключается в формировании информационной основы последующей правовой оценки, позволяющей установить условия эксплуатации модели и реконструировать процесс формирования алгоритмического результата.

Представляется обоснованным дополнить действующую модель регулирования обязанностями по сохранению технически значимой информации в отношении определённых законом категорий высокорисковых систем ИИ. Такая информация может включать идентификатор и версию модели, сведения о существенных обновлениях, параметры конкретного запуска, сформированный результат, зарегистрированные предупреждения и факты вмешательства человека. Состав подлежащих фиксации сведений должен определяться с учётом назначения системы, характера потенциального вреда и технической осуществимости соответствующих мер. Одновременно необходимо обеспечить соблюдение требований законодательства о персональных данных, коммерческой тайне и иной охраняемой законом информации.

Заключение. Доказательственная асимметрия выступает самостоятельным препятствием для реализации права на возмещение вреда, причинённого системами ИИ. Перспективным направлением совершенствования законодательства является установление соразмерных уровню риска обязанностей по сохранению технических доказательств, обеспечивающих эффективную защиту потерпевших при соблюдении принципов индивидуализации гражданско-правовой ответственности.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
2. Селиванова Е. С., Саркисян В. В. Правовые модели ответственности за вред, причиненный системами ИИ: основания, механизмы и критерии формирования // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2025. – Т. 12, № 3. – С. 68–77. – DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-3-9.
3. Ижаев О. А., Кутейников Д. Л. Системы искусственного интеллекта и внедоговорная гражданско-правовая ответственность: риск-ориентированный подход // Lex russica. – 2024. – Т. 77, № 6. – С. 23–34. – DOI: 10.17803/1729-5920.2024.211.6.023-034.
4. Федеральный закон от 26 июля 2026 г. № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 27.07.2026. – N 30. – Ст. 4089.
5. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union. – 2024. – URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj (дата обращения: 07.10.2026).

УДК 347.62

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ СУПРУГОВ

Хачук К. Д.,
Варакута В. В., ORCID 0009-0001-3977-6880
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: k.hachuk.donnu.jur@mail.ru, varakuta.04@mail.ru

Введение. Институт брака в современном российском праве представляет собой сложный социально-правовой конструкт, порождающий систему личных и имущественных связей между лицами, вступившими в семейный союз. С момента государственной регистрации брака в органах записи актов гражданского состояния у супругов возникает комплекс взаимных прав и обязанностей, где имущественный аспект выступает наиболее дискуссионной и практически значимой категорией. Правовое регулирование данных отношений носит дуалистический характер, поскольку оно находится на стыке семейного и гражданского законодательства, что обуславливает необходимость применения аналогии закона и субсидиарного применения норм гражданского права.

Актуальность исследования продиктована устойчивой тенденцией роста количества судебных споров, связанных с разделом совместно нажитого имущества и распределением долговых обязательств, а также недостаточной законодательной конкретизацией ключевых правовых дефиниций.

Цель. Выявление и анализ теоретико-правовых особенностей правовой природы имущественных отношений супругов.

Основная часть. Имущественные правоотношения между супругами представляют собой урегулированные нормами семейного права общественные связи, возникающие из факта заключения брака и охватывающие режим общей совместной собственности, вопросы взаимного материального содержания и ответственности по обязательствам перед кредиторами. Как отмечает Ю. К. Толстой, значительная часть брачных отношений в целом выходит за пределы прямого правового регулирования, однако имущественный блок подлежит детальной нормативной регламентации в силу своей способности к принудительному осуществлению и применения имущественных санкций за неисполнение обязанностей, что обеспечивает стабильность семейно-правового статуса [1, с. 372].

Структура имущественных отношений традиционно подразделяется на три ключевые группы: отношения по поводу общей совместной собственности, алиментные обязательства супругов и вопросы солидарной или долевой ответственности по долгам. По мнению Я. М. Ворожейкина, подобная классификация позволяет систематизировать правовые механизмы,

обеспечивающие баланс между автономией воли супругов и публичными интересами защиты экономического базиса семьи, а также определяет вектор правоприменительной деятельности судов [2, с. 84].

Законодательное регулирование имущественных отношений супругов строится на сочетании специальных норм Семейного кодекса Российской Федерации и общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации. В соответствии со статьей 4 СК РФ, к имущественным отношениям между членами семьи применяются нормы гражданского законодательства, если они не противоречат существу семейных отношений [3]. Статья 256 ГК РФ закладывает фундамент режима совместной собственности, который в семейном праве получает дальнейшую детализацию через презумпцию согласия супругов на распоряжение общим имуществом [4].

Однако на практике реализация данного принципа сталкивается с трудностями, особенно при совершении сделок с недвижимостью, требующих нотариального удостоверения согласия второго супруга. С. П. Гришаев подчеркивает, что имущественные отношения нуждаются в четком правовом закреплении не только ради защиты интересов супругов, но и для обеспечения стабильности гражданского оборота, поскольку третьи лица, включая наследников и контрагентов, должны иметь возможность достоверно оценить имущественное положение и объем ответственности супругов [5, с. 52].

Особую сложность и практическую значимость представляет вопрос о разграничении личных и общих долговых обязательств супругов. Действующее законодательство не содержит исчерпывающих критериев отнесения долгов к категории общих, что приводит к формулированию в судебной практике своеобразной презумпции общности долгов, возникших в период брака. М. В. Антокольская указывает, что личными следует признавать обязательства, тесно связанные с личностью одного из супругов, например, возникшие из причинения вреда, алиментных обязательств, трудовых правоотношений, а также долги, принятые до заключения брака или использованные исключительно на удовлетворение личных потребностей, не связанных с интересами семьи [6, с. 211].

Судебная практика по делам о разделе долгов демонстрирует нестабильность подходов и зависимость от доказательственной базы сторон. В ряде случаев суды признают обязательства общими, если средства были потрачены на улучшение жилищных условий, ремонт, приобретение мебели или лечение, даже при отсутствии письменного согласия второго супруга. [7]. Термин «нужды семьи» остается законодательно неконкретизированным, что позволяет трактовать его широко, включая как базовые потребности, так и расходы на увеличение общего имущества. Критерием может служить факт приращения совместной собственности благодаря взятым средствам, однако коммерческие инвестиции, как правило, не признаются семейными нуждами, несмотря на то, что приобретенные активы поступают в общую собственность. Попытки законодателя ввести норму о признании долгов общими по

умолчанию, если не доказано их использование не на нужды семьи или раздельное проживание, были отклонены, поскольку они грубо нарушали права добросовестного супруга и интересы кредиторов.

В качестве оптимального решения проблемы видится обязательное нотариальное удостоверение согласия второго супруга на получение крупных кредитных обязательств, что позволит четко дифференцировать личные и общие долги еще на стадии их возникновения и минимизировать риски злоупотреблений правами.

Заключение. Таким образом, правовая природа имущественных отношений супругов характеризуется сложным переплетением семейно-правовых и гражданско-правовых начал, требующим баланса между принципом общности семейного имущества и защитой индивидуальной имущественной сферы каждого из супругов. Анализ доктринальных позиций свидетельствует о наличии значительных пробелов в регулировании вопросов распределения долговых обязательств и толкования понятия «нужды семьи». Отсутствуют четкие законодательные критерии, позволяющие однозначно квалифицировать долги как личные или общие, что порождает риски злоупотреблений, судебную нестабильность и экономическую уязвимость одного из супругов.

Список литературы

1. Толстой, Ю. К. Гражданское право: учебник / Ю. К. Толстой. – Москва: Проспект, 2009. – Т. 1. – 696 с.
2. Ворожейкин, Я. М. Семейные правоотношения / Я. М. Ворожейкин. – Москва: Юридическая литература, 2019. – 144 с.
3. Семейный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 20.07.2024). – Москва: Эксмо, 2024. – 192 с.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
5. Гришаев, С. П. Семейное право в вопросах и ответах / С. П. Гришаев. – Москва: Юристъ, 2016. – 128 с.
6. Антокольская, М. В. Семейное право: учебник / М. В. Антокольская. – Москва: Юристъ, 2016. – 336 с.
7. Обзор судебной практики по делам, связанным с имущественными отношениями супругов: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 28.11.2018 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2019. – № 4.

УДК 347.7:004.8

ПРАВОВАЯ ОХРАНА АЛГОРИТМОВ МОДЕЛИРОВАНИЯ ПОВЕДЕНИЯ ИГРОВЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ

Шульга Р. Р., канд. юрид. наук, доц., ORCID 0000-0001-8933-993X,
Маркелов С. А., ORCID 0009-0006-4203-5078
ФГБОУ ВО «Донецкий национальный технический университет», г. Донецк, РФ
e-mail: regina1077@mail.ru, stas.markelov.2004@mail.ru

Введение. Современные компьютерные игры представляют собой сложные программные системы, в которых большую роль играет поведение игровых персонажей. Развитие технологий искусственного интеллекта позволяет усовершенствовать систему реагирования на действия игрока. Её создание требует затрат времени и интеллектуальных ресурсов, а полученное решение может в дальнейшем использоваться во множестве программных продуктов. В связи с этим возникает вопрос о том, какие элементы алгоритма моделирования поведения игрового персонажа могут получить правовую охрану и какие механизмы защиты предусмотрены действующим законодательством.

Цель работы – рассмотреть особенности правовой охраны алгоритмов моделирования поведения игровых персонажей и определить основные правовые механизмы, которые могут применяться для защиты подобных разработок.

Основная часть. При рассмотрении правовой охраны алгоритмов сначала нужно разделить сам алгоритм поведения игрового персонажа и его программную реализацию. Под алгоритмом поведения понимается последовательность правил и условий, на основании которых система получает информацию об окружающей игровой среде и выбирает дальнейшее действие. Один и тот же общий принцип поведения может быть реализован разными способами. Поэтому с правовой точки зрения необходимо разделять идею построения поведения и форму её реализации.

В соответствии с пунктом 5 статьи 1259 Гражданского кодекса Российской Федерации авторское право не распространяется на идеи, концепции, принципы, методы, процессы, системы и способы решения технических, организационных или иных задач [1, п. 5 ст. 1259]. Верховный Суд Российской Федерации также обращает внимание на то, что перечисленные идеи, методы и принципы сами по себе объектами авторско-правовой охраны не являются [2, с. 42]. Следовательно, принцип, согласно которому игровой персонаж анализирует окружающую среду и выбирает определённое действие, не получает авторско-правовой охраны только вследствие его разработки.

Иной правовой режим применяется к программной реализации соответствующего алгоритма. Согласно статье 1261 ГК РФ программы для

ЭВМ, выраженные на любом языке и в любой форме, включая исходный текст и объектный код, охраняются авторским правом аналогично литературным произведениям [1, ст. 1261]. Таким образом, программный код, является объектом правовой охраны.

Вопрос разграничения охраняемой программы и лежащих в её основе принципов имеет значение и для правоприменительной практики. А.Г. Матвеев, рассматривая вопросы доказывания использования компьютерной программы, отмечает значимость исследования исходного кода при установлении факта использования программного продукта [3, с. 318].

Согласно статье 1465 ГК РФ к секрету производства могут относиться сведения технического, производственного, организационного и иного характера о результатах интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере и способах осуществления профессиональной деятельности. Для их охраны необходимо наличие действительной или потенциальной коммерческой ценности вследствие неизвестности третьим лицам, отсутствие свободного законного доступа к таким сведениям и принятие обладателем разумных мер по сохранению их конфиденциальности [1, п. 1 ст. 1465].

В нашем случае такими сведениями являются структура системы поведения персонажей, взаимодействие её отдельных компонентов и иная техническая информация, которая не раскрывается пользователям и третьим лицам. Введение режима коммерческой тайны является одним из возможных способов обеспечения такой защиты [4, ст. 10].

В соответствии со статьёй 1350 ГК РФ программы для ЭВМ, а также правила и методы игр не признаются изобретениями, если заявка относится к таким объектам как таковым. Вместе с тем патентная охрана может предоставляться техническому решению, отвечающему установленным законодательством условиям патентоспособности [1, пп. 1, 5 ст. 1350]. Следовательно, сама логика выбора действий игрового персонажа не может быть запатентована как таковая, однако патентная охрана может рассматриваться в отношении конкретного технического решения, в котором данный алгоритм используется.

Реальным примером такой правовой охраны в игровой индустрии является Nemesis System, применённая в компьютерных играх Middle-earth: Shadow of Mordor и Middle-earth: Shadow of War. Компании Warner Bros. Entertainment Inc. был выдан патент США US10926179B2 под названием «Nemesis characters, nemesis forts, social vendettas and followers in computer games» [5, с. 1].

Описанная в патенте система связана с управлением поведением игровых персонажей. В результате игровой персонаж не является полностью неизменным объектом. Его состояние и поведение зависят от накопленной истории взаимодействия с игроком.

В этой связи по российскому законодательству предлагается использовать комплексный подход к защите подобных разработок. Сам

программный код системы поведения охранять как программу для ЭВМ, сведения о внутренней логике алгоритма, структуре и используемых параметрах сохранять в режиме секрета производства. Возможность патентования должна определяться отдельно с учётом новизны, изобретательского уровня и промышленной применимости такого решения. Дополнительно для внесения сведений о программе и правообладателе в соответствующий реестр целесообразно использовать государственную регистрацию программы для ЭВМ.

Заключение. Таким образом, правовая охрана алгоритмов моделирования поведения игровых персонажей зависит от того, какой именно результат разработки рассматривается. Сам алгоритм как идея не получает самостоятельной авторско-правовой охраны, поэтому основное значение имеет правовой статус конкретной формы его реализации.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) : Федеральный закон от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ : ред. от 23 июля 2025 г., с изм. и доп., вступ. в силу с 4 января 2026 г. – Текст : электронный // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (дата обращения: 28.09.2026).
2. О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10. – Текст : электронный // Верховный Суд Российской Федерации : официальный сайт. – URL: https://www.vsrf.ru/documents/all/27773/ (дата обращения: 28.09.2026).
3. Матвеев, А. Г. Правила и стандарты доказывания факта использования компьютерной программы как объекта авторского права / А. Г. Матвеев // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2024. – Вып. 2 (64). – С. 311–326. – DOI 10.17072/1995-4190-2024-64-311-326.
4. О коммерческой тайне : Федеральный закон от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ : ред. от 8 августа 2024 г. – Текст : электронный // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48699/ (дата обращения: 28.09.2026).
5. Nemesis characters, nemesis forts, social vendettas and followers in computer games : пат. US 10926179 B2, United States / M. de Plater, C. H. Hoge, R. K. H. Roberts [и др.] ; патентообладатель Warner Bros. Entertainment Inc. – Опубл. 23.02.2021. – Текст : электронный // Google Patents. – URL: https://patents.google.com/patent/US10926179B2/en (дата обращения: 28.09.2026).

УДК 347.7:004.8

ПРАВОВОЙ СТАТУС РЕЗУЛЬТАТОВ АВТОМАТИЗИРОВАННОЙ ОБРАБОТКИ ДАННЫХ

Шульга Р. Р., канд. юрид. наук, доц., ORCID 0000-0001-8933-993X,
Муратова А. А., ORCID 0009-0003-7790-1915
ФГБОУ ВО «Донецкий национальный технический университет», г. Донецк, РФ
e-mail: regina1077@mail.ru, love_you_muratova@mail.ru

Введение. Развитие информационных технологий приводит к увеличению объема данных, подвергающихся сбору, систематизации, анализу и преобразованию. Все чаще такие операции выполняются с использованием информационных систем и программ для электронных вычислительных машин. Это ставит вопрос о правовом статусе получаемых результатов, особенно в случаях, когда степень участия человека в их создании ограничена.

Цель исследования – определить особенности правовой охраны результатов обработки данных человеком и автоматизированной обработки, а также подходы к определению их правообладателя.

Основная часть. Согласно статье 1228 Гражданского кодекса Российской Федерации, автором результата интеллектуальной деятельности признается гражданин, творческим трудом которого создан соответствующий результат [1]. При этом статья 1259 ГК РФ определяет круг объектов авторских прав [1]. Поэтому при оценке возможности авторско-правовой охраны необходимо учитывать не только содержание результата, но и характер деятельности по его созданию.

При обработке данных человеком творческий вклад может выражаться в отборе, систематизации, переработке или иной организации материала. В таком случае правовая охрана зависит от соответствия полученного результата признакам конкретного объекта интеллектуальных прав. Сам факт обработки данных не является достаточным основанием для возникновения исключительного права [1].

При автоматизированной обработке значительная часть операций выполняется информационной системой в соответствии с заданными алгоритмами и параметрами. Использование технических средств не препятствует авторско-правовой охране, если результат создан творческим трудом человека. Верховный Суд Российской Федерации указывает, что творческий характер создания произведения не зависит от использования технических средств [2]. Дополнительное значение приобретает установление условий использования исходных данных, на основе которых формируется итоговый результат. В частности, необходимо учитывать наличие ограничений, связанных с авторскими правами на исходные материалы, поскольку

автоматизированная обработка не прекращает действие прав третьих лиц на используемые произведения.

Иная ситуация возникает, когда результат формируется информационной системой без творческого участия человека, а его действия ограничиваются запуском процесса или техническим контролем. В этом случае непосредственный творческий вклад конкретного физического лица может отсутствовать, что затрудняет применение авторско-правовой охраны. Таким образом, само по себе использование автоматизированной системы не исключает авторско-правовой охраны. Юридически значимым является вопрос о том, внесло ли конкретное лицо творческий вклад в создание охраняемого результата либо система сформировала его без такого вклада.

Использование искусственного интеллекта представляет собой один из наиболее сложных вариантов автоматизированной обработки, поскольку при его применении возрастает степень самостоятельности системы при формировании итогового результата. Федеральный закон от 26.07.2026 № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» регулирует отношения в сфере разработки, внедрения и применения больших фундаментальных моделей искусственного интеллекта [3]. Закон предусматривает маркировку информационного материала, созданного с применением больших фундаментальных моделей искусственного интеллекта, а также устанавливает отдельные требования к использованию результатов интеллектуальной деятельности при разработке и применении таких моделей.

В соответствии со статьей 10 Федерального закона № 243-ФЗ, которая вступает в силу с 1 марта 2027 г., лица, предоставляющие возможность применения больших фундаментальных моделей искусственного интеллекта, должны уведомлять пользователя о принадлежности прав на результаты интеллектуальной деятельности, полученные с помощью такой модели, а также об условиях их использования [3]. При этом Федеральный закон № 243-ФЗ не устанавливает общего правила о признании любого результата, полученного с применением искусственного интеллекта, объектом авторского права. Вопрос о наличии авторско-правовой охраны по-прежнему определяется с учетом положений части четвертой ГК РФ [1].

Наиболее проблематичная с точки зрения определения правообладателя ситуация возникает при полностью автоматическом формировании результата, когда невозможно установить лицо, внесшее необходимый творческий вклад. В таких случаях недостаточно установить экономическую ценность результата: необходимо определить предусмотренный законом объект и соответствующий ему режим охраны, разграничить статус информационной системы, ее пользователя и результаты, создаваемые при ее функционировании [5].

Для определения правового статуса результата автоматизированной обработки необходимо установить его вид, способ формирования и степень

участия человека. При отсутствии такого вклада необходимо определить, предусмотрен ли для соответствующего результата иной правовой режим [4].

Заключение. Проведенный анализ показывает, что автоматизированный характер получения результата сам по себе не определяет наличие или отсутствие исключительного права. Определяющее значение имеют вид полученного результата, наличие признаков охраняемого законом объекта и характер участия человека в его создании.

Принятый в 2026 г. Федеральный закон № 243-ФЗ дополнительно закрепляет необходимость информирования пользователей о принадлежности прав на результаты, полученные с помощью больших фундаментальных моделей искусственного интеллекта [3]. Это свидетельствует о формировании специального регулирования данной сферы, однако не отменяет необходимости применять общие положения гражданского законодательства об интеллектуальных правах [1].

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): Федеральный закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ: принят Государственной Думой 24 ноября 2006 г.: одобрен Советом Федерации 8 декабря 2006 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 52, ч. 1. – Ст. 5496.
2. О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 № 10 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2019. – № 7.
3. О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации: Федеральный закон от 26.07.2026 № 243-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – 2026. – 26 июля. – № 0001202607260003.
4. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный): в 2 т. / Исследовательский центр частного права имени С. С. Алексеева при Президенте Российской Федерации; отв. ред. Е. А. Павлова. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Статут, 2025. – Т. 1. – 788 с.
5. Гартина, Ю. А. Особенности правового регулирования искусственного интеллекта в авторских правах / Ю. А. Гартина, М. Л. Куликов // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 6(234). – С. 315–317. – doi:10.47643/1815-1337_2024_6_315.

Круглый стол «Истоки отечественного права»

УДК 343.3/.7

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ КОРНИ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ОБЩЕСТВЕННОЙ НРАВСТВЕННОСТИ: ОТ СОБОРНОГО УЛОЖЕНИЯ ДО СОВРЕМЕННОГО КОДЕКСА

Бородин А. А., ORCID 0009-0009-6002-6847
Главное управление Министерства внутренних дел Российской Федерации по Самарской области, г. Самара, РФ
e-mail: aleksanborodin@yandex.ru

Введение. Институт квалифицирующих признаков формировался в отечественном уголовном праве не одномоментно – его корни уходят вглубь нескольких столетий. То, как российский законодатель на разных исторических этапах подходил к вопросу соразмерного ужесточения наказания за посягательства на нравственность, даёт ключ к пониманию уязвимостей нынешней конструкции главы 25 УК РФ и способов их устранения.

Основная часть. Соборное уложение 1649 года – первый кодифицированный акт, где преступления против нравственности выделяются в самостоятельную группу: сводничество, «блуд», непочитание детьми родителей [1]. Уложение проводило зачаточную дифференциацию: наказание зависело от сословного положения преступника, повторности и размера вреда. Принцип материального соответствия («чтоб иным на то смотря не повадно было так делать») предвосхитил идею соразмерности, хотя опирался на сословную, а не правовую логику.

Существенным этапом стало Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года [2]. Раздел X «О преступлениях против жизни, здравия, свободы и чести частных лиц» (глава 6, отделение первое – «О преступлениях против чести и целомудрия женщины») устанавливал ответственность за посягательства на половую неприкосновенность. Статьи 1998–1999 предусматривали наказание за растление девицы, не достигшей четырнадцатилетнего возраста: с применением насилия (ст. 1998) и без него (ст. 1999). Возраст потерпевшей до 14 лет выступал криминообразующим признаком самостоятельного состава, отделявшим растление от изнасилования (ст. 2000), охватывавшего потерпевших старше этого порога. Статья 2001 закрепила отягчающие обстоятельства при изнасиловании, образуя двухуровневую модель: порог в 14 лет определял квалификацию деяния, а дополнительные признаки – степень ответственности. Статья 110 закрепила формулу определения меры наказания «по особенным сопровождавшим

содеяние обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину» – первую легальную модель дифференциации через отягчающие и смягчающие обстоятельства.

Глава «О непотребстве» Уголовного уложения 1903 года регламентировала ответственность за склонение к занятию проституцией (ст. 526) и сутенёрство с вербовкой женщин для притонов (ст. 527). Признак совершения деяния «в виде промысла» играл двоякую роль: в ст. 526 он выступал квалифицирующим обстоятельством, усиливающим наказание, тогда как в ст. 527 входил в основной состав как конструктивный элемент. Именно эта «промысловая» формулировка стала историческим прототипом современного признака организации занятия проституцией (ст. 241 УК РФ) [3]. Повышенная ответственность за посягательства на лиц моложе 21 года закреплялась в смежных статьях: сводничество в отношении лица до 21 года (ст. 524), потворство непотребству в отношении лица до 17 лет (ст. 525), приём в притон женщины моложе 21 года (ст. 529). К началу XX века отечественное право располагало двумя ключевыми инструментами дифференциации – возрастом потерпевшего и систематичностью деятельности, – которые и сегодня остаются центральными для главы 25 УК РФ.

Советский этап внёс существенные коррективы. УК РСФСР 1922 г. поместил нормы о понуждении к проституции (ст. 170) и сводничестве (ст. 171) в раздел «Преступления в области половых отношений» главы V «О преступлениях против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности» – общественная нравственность не выделялась как самостоятельный объект охраны [4]. Статья 171 устанавливала ответственность за сводничество, содержание притонов разврата и вербовку женщин для проституции с минимальным сроком лишения свободы в три года. Та же статья предусматривала квалифицирующий признак: если вовлечённые состояли на попечении или в подчинении виновного либо не достигли совершеннолетия – минимальный срок увеличивался до пяти лет.

Однако УК РСФСР в редакции 1926 г., объединив ст. 170 и 171 в единую ст. 155, устранил возрастной квалифицирующий признак. Пробел был восполнен лишь в 1935 г. Постановлением ЦИК и СНК СССР «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» (п. 2), установившим самостоятельную ответственность за вовлечение и понуждение несовершеннолетних к преступной деятельности, спекуляции, проституции, нищенству и иным антиобщественным действиям с тюремным заключением не ниже 5 лет [5].

УК РСФСР 1960 г. [6] вернул соответствующие нормы в сферу охраны общественного порядка: ст. 226 (содержание притонов и сводничество) и ст. 228 (изготовление или сбыт порнографических предметов) были помещены в главу X «Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения». Статья 226 не содержала квалифицирующих признаков – состав был единым с санкцией до пяти лет лишения свободы. Квалифицирующие признаки «группа лиц» и «вовлечение

несовершеннолетних» впервые появились лишь в УК РФ 1996 г. (ст. 241), став новеллой, а не наследием советского кодекса.

Действующий УК РФ 1996 г. [7] закрепил главу 25 и существенно расширил систему квалифицирующих признаков. Но исторический анализ позволяет увидеть истоки современных проблем. Несоразмерность санкций ч. 2 ст. 240 и ч. 2 ст. 241 не учитывает качественного различия между единичным актом принуждения и систематической эксплуатацией. Стагнация порога в 50 000 рублей (ст. 242, 242.1, без изменений с 2012 г.) утрачивает экономический смысл на фоне инфляции. Отсутствие единой возрастной шкалы потерпевшего в статьях 240, 240.1, 241, 242.1, 242.2 – дефект, при котором один и тот же возрастной порог в одних составах образует преступление, в других – квалифицирующее обстоятельство, а в третьих не упоминается вовсе.

Заключение. Разрешение этих коллизий требует системного подхода. Дифференциация по признаку насилия должна учитывать систематический, эксплуатационный характер организации проституции как самостоятельный критерий повышенной ответственности. Возрастной ценз в 14 лет как рубеж усиленной защиты потерпевшего нуждается в унификации по всем составам главы 25, где несовершеннолетие – конструктивный или квалифицирующий элемент. Стоимостные критерии подлежат индексации с переходными положениями, обеспечивающими обратную силу закона в пользу виновного.

Более трёх столетий эволюции – от битья кнутом за сводничество по Соборному уложению до современной системы квалифицированных составов – показывают: отечественный закон всегда стремился градуировать ответственность за посягательства на нравственность, но лишь в последних двух столетиях эта градация приобрела правовые, а не сословные или идеологические очертания.

Список литературы

1. Соборное уложение 1649 года // Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. – Москва : Юрид. лит., 1985. – Т. 3. – С. 83–257.
2. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. – Санкт-Петербург : Тип. 2 отд-ния собств. е. и. в. канцелярии, 1845. – [4], IV, 898, XVII с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002889696/ (дата обращения: 07.10.2026).
3. Таганцев Н. С. Уголовное уложение 22 марта 1903 г. : с мотивами, извлеч. из объясн. записки Ред. комис. – Санкт-Петербург : Гос. тип., 1904. – [2], II, 1122 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003725050/ (дата обращения: 07.10.2026).
2. Уголовный кодекс РСФСР от 1 июня 1922 г. (ред. 1926 г.). – URL: https://docs.cntd.ru/document/901757374 (дата обращения: 07.10.2026).
3. Постановление ЦИК и СНК СССР от 07.04.1935 № 3/598 «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних». – URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Постановление_ЦИК_и_СНК_СССР_от_07.04.1935_№_3/598 (дата обращения: 07.10.2026).
4. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. – URL: https://docs.cntd.ru/document/9037819 (дата обращения: 07.10.2026).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 07.10.2026).

УДК 343.2/.7(091)

КАРАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА БОЛЬШЕВИКОВ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Видова Т. А., канд. ист. наук, доц., ORCID 0000-0002-7534-6845
Филиал ЧОУ ВО «Московский университет имени С.Ю. Витте» в г. Рязани, г. Рязань, РФ
e-mail: tatyanabron@yandex.ru

Введение. Изучение политики большевиков в первые годы советской власти является актуальным для понимания развития отечественного государства и права, поскольку в этот период были заложены идеологические установки для укрепления нового режима, сформированы основы советского государственного аппарата, опиравшегося на такие базовые принципы, как диктатура пролетариата, классовый подход, революционная целесообразность, монополия власти, репрессии.

Цель исследования – проанализировать карательную политику большевиков в первые годы советской власти, рассмотреть трансформацию уголовно-правового законодательства, охарактеризовать особенности первых советских уголовно-правовых актов.

Основная часть. В числе первоочередных задач большевиков после революционных событий октября 1917 г. одной из ведущих являлась задача изменения уголовного законодательства для противодействия врагам революции, утверждения нового политического и правового режима, борьбы с саботажем, обеспечения выполнения собственных распоряжений, создания условий для собственной безопасности.

Любые законодательные положения, вступавшие в противоречие с актами ЦИК Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и программам РСДРП и эсеров, подлежали аннулированию согласно Декрету о суде от 22 ноября 1917 года (Декрет № 1). Наркомюстом были приняты Руководящие начала по уголовному праву РСФСР, содержавшие четкую формулировку назначения советского уголовного права. Уголовно-правовая система должна была функционировать как инструмент защиты общественного строя, соответствующего интересам трудящихся. Защита обеспечивалась посредством карательных санкций – репрессий, направленных против врагов нового режима [1, 1919, № 66, ст. 590]. Репрессивный инструментарий выступал главным средством реализации поставленной цели, а в системе приоритетов в качестве определяющих декларировались интересы трудового населения [2, с. 156]. Выбор санкции нередко подчинялся политико-экономической целесообразности, карательная практика приобрела выраженно политический характер [3, с. 162].

Создание революционных трибуналов с последовательно расширяющейся компетенцией было осуществлено для охраны революции и

достигнутых ею результатов, для противодействия контрреволюционным силам, рассмотрения дел, связанных с различными злоупотреблениями (в т.ч. саботаж, мародерство) со стороны лиц, являющихся чиновниками, промышленниками, торговцами и др. Постановлением от 16 июня 1918 г. ограничения для трибуналов в отношении определения мер противодействия саботажу, контрреволюции и пр. были отменены.

В относящемся к революционным военным трибуналам Постановлении от 4 февраля 1919 г., принятом Реввоенсоветом РСФСР, предусматривалось – республиканский Революционный военный трибунал выносит приговоры, исходя из необходимости обеспечить победу пролетариата в классовом противоборстве, оборонять социалистическую республику от врагов революции [1, 1919, № 13, ст. 131].

Советская репрессивная политика раннего этапа основывалась на революционном правосознании и соответствующем правотворчестве. Потребность в юридической регламентации санкционированного властью «красного террора» отсутствовала, он опирался на вытеснявшем традиционную законность представлении о политической необходимости. Трибуналы и иные наделенные карательными полномочиями органы действовали вне жестких правовых рамок. При определении наказания судебное усмотрение фактически не сдерживалось ничем, кроме ссылок на революционное правосознание, революционную совесть.

Свобода правотворчества и правоприменения обусловили многообразие применявшихся карательных мер. В 1917-1919 годах единая система наказаний не была закреплена ни в одном акте. Санкции устанавливались разрозненными нормативными актами, посвященными либо специально учрежденному судебному органу, либо отдельному составу преступления, либо определенной группе деяний. Например, в Постановлении Совета рабочей и крестьянской обороны от 25 декабря 1918 г. республиканскому Революционному военному трибуналу предписывалось применять к задержанным дезертирам наказание от денежного вычета до расстрела [1, 1918, № 99, ст. 1015].

Вследствие утверждения ВЦИК 20 ноября 1919 г. Положения о революционных военных трибуналах [1, 1919, № 58, ст. № 549] произошли существенные изменения с точки зрения унификации системы наказаний. Систематизированный реестр возможных репрессивных мер содержался в пункте 33:

а) выговор;

б) штраф;

в) конфискация части или всего имущества;

г) лишение всех или только некоторых политических прав без срока или же на определенный срок;

д) лишение свободы;

е) сдача в штрафные части (для красноармейцев);

ж) расстрел.

На начальном этапе существования советской власти устойчивость и единообразие в уголовно-правовом регулировании отсутствовали, из-за чего карательная линия государства оставалась неоднородной. Наибольшие противоречия возникали при регулировании применения смертной казни. 26 октября 2017 г. II Всероссийским съездом Советов был принят декрет «Об отмене смертной казни» [4, с. 9]. Однако этот запрет оказался недолговечным и фактически утратил силу в результате принятия СНК 5 сентября 1918 г. постановления «О красном терроре» [1, 1918, № 65, ст. 710], а также целого ряда последующих актов.

В дальнейшем состоялось официальное закрепление смертной казни, а в 1917-1919 годах заметно распространилась и ее внесудебная реализация. Расстрел на месте без необходимости судебных разбирательств был предусмотрен в принятом 21 февраля 1918 г. СНК декрете «Социалистическое отечество в опасности». Мера могла применяться в отношении лиц, совершивших такие деяния, как шпионаж в пользу Германии, действия «неприятельских агентов», спекуляция, контрреволюционная агитация, хулиганство, погромы. ВЧК активно пользовалась предоставленными правами, которые имели практически неограниченный характер [5, с. 25].

В контексте революционного правопорядка лишение жизни государством не являлось наказанием в традиционном уголовно-правовом смысле – оно применялось в качестве инструмента политического насилия, позволяющего физически уничтожать враждебные власти силы, социальные слои, расценивавшиеся как угроза (дворянство, духовенство), обеспечивать беспрекословное подчинение директивам центральной и местной власти, подавлять сопротивление [3, с. 108].

Таким образом, становление советской карательной политики протекало под определяющим воздействием острой борьбы за закрепление новой государственной власти в условиях Гражданской войны. Данные обстоятельства обусловили принципиальные черты указанной политики – интенсивное расширение полномочий карательных органов, подчинённость политическим целям, широту и неконкретность репрессивного арсенала.

Список литературы

1. Собрание узаконений (СУ) РСФСР. 1918-1919. // https://istmat.org/node/38888 (дата обращения: 28.09.2026)
2. Токарева, С. Н. Кодификация уголовного права в первые годы советской власти: от преемственности к самостоятельности / С. Н. Токарева // Lex Russica (Русский закон). – 2019. – № 10(155). – С. 154-160. – DOI 10.17803/1729-5920.2019.155.10.154-160. – EDN HDMXJY.
3. Тоскина Г.Н. Уголовное наказание в законодательстве РСФСР и СССР (1917-1926 гг.). Ульяновск, 2005.
4. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917–1952 гг.). М., 1953. С. 9)
5. Михлин А.С. Высшая мера наказания: История, современность, будущее. М., 2000.

УДК 340.12

ПРАВОВОЙ МЕНТАЛИТЕТ И ПРЕДЕЛЫ РЕЦЕПЦИИ ПОЗИТИВНОГО ПРАВА (НА ПРИМЕРЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ)

Герасименко Ю. В., ORCID 0009-0007-2129-3999
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: yu.gerasimenko@donnu.ru

Введение. Правовой менталитет составляет основу обычного права, находя в нем свое институциональное выражение. Когда позитивное или заимствованное право пытается вытеснить обычное право, менталитет создаёт скрытое противодействие. Сила официальных правовых норм зависит от устойчивости менталитета и совместимости заимствованных норм. Юридический дуализм Древней Руси – наглядный пример: рецепция византийского права не заменила обычное право, а была усвоена избирательно, с учётом особенностей правового менталитета. В результате сложилась самобытная национальная правовая система.

Основная часть. Правовой менталитет следует разграничивать с правосознанием и правовой культурой. Так, В. А. Рыбаков указывает, что правовой менталитет представляет собой наиболее стабильную часть правосознания, носит исторический и преемственный характер и служит идентификации национального правосознания [1, с. 61].

Ядром российского правового менталитета выступает триада «правда – совесть – справедливость», противопоставляемая европейской триаде «истина – закон – право».

К. Б. Волик и соавторы отмечают, что «фетишизация правды, объективности и совести призвана возместить определённую индифферентность к стандартным установлениям и правилам» [2, с. 53]. Эта формула сосредоточила в себе основополагающие свойства российского правового менталитета: приоритет морали над правом, доминирование эмотивно-морального оценивания в правовом поведении.

Вопрос об источнике нормативной силы обычного права – классическая теоретическая проблема. Позитивистская традиция склонна сводить силу обычного права к его «признанию» или «санкционированию» государством. Однако такое объяснение сталкивается с трудностью: обычное право фактически предшествует государству и продолжает действовать в тех сферах, куда государственное право не досягает.

История древнерусского права даёт весомое историческое обоснование изложенных теоретических положений. Центральной характеристикой правовой системы Древней Руси был «юридический дуализм»: автохтонное обычное право оставалось реально действующим для большинства населения,

а реципированное византийское право выполняло роль нормативного образца, особенно в сфере церковной юрисдикции (брак, семья) [3, с. 431].

Формирование этого дуализма имеет внутреннюю логику. До принятия христианства древнерусское право строилось на напряжении между «народным» правом (старина) и «княжеским» правом (княжое право). Княжеская власть не творила право на пустом месте, а отталкивалась от сложившихся обычаев, придавая им общеобязательный характер и развивая их. Это внутреннее противоречие усложнило внешнее воздействие – принятие христианства. Однако рецепция византийских норм носила выборочный и прагматичный характер; они действовали прежде всего в сфере церковной юрисдикции, тогда как обычное право, меняясь под влиянием княжеского нормотворчества, сохраняло свои позиции в регулировании повседневной жизни большинства населения. Поэтому правильнее говорить не о простом «вытеснении», а о сложном переплетении и адаптации правовых традиций. И.А. Исаев также подтверждает, что «как церковные, так и гражданские законы, содержавшиеся в византийских церковных книгах, воспринимались русским правом избирательно, с оговорками применительно к местным национальным условиям» [4, с. 42].

Заключение. Стабильность правопорядка определяется степенью совместимости норм позитивного права с правовым менталитетом. Законодатель способен принудительно изменить поведение лишь на время: нормы, противоречащие правовому менталитету, не поддерживаются правосознанием и не реализуются. Там, где сильны традиции обычного права, правовой менталитет меняется медленно. Из-за этого возникает разрыв во времени: формальные институты обновляются быстрее, чем фактические социальные нормы. Понимание структурных причин этого временного разрыва требует переосмысления обычного права – не как остаточного явления, а как отправной точки анализа логики правопорядка.

Список литературы

1. Рыбаков, В. А. Правовой менталитет: к вопросу о понятии / В. А. Рыбаков // Право и государство: теория и практика. – 2017. – № 6(150). – С. 61-63. – EDN ZUQOJZ.
2. Волик, К. Б. Правовой менталитет и правовая культура / К. Б. Волик, Г. К. Мартыненко, Б. К. Мартыненко // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – № 8. – С. 52-57. – DOI 10.23672/y3234-8450-8759-r. – EDN DPXUVW.
3. Герасименко, Ю. В. Обычное право и византийская рецепция в правовой системе Древней Руси / Ю. В. Герасименко // Донецкие чтения – 2025: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : материалы X Междунар. науч. конф., посвящ. 60-летию создания Донецкого научного центра (Донецк, 5–7 нояб. 2025 г.). – Т. 8 : Юридические науки / под общ. ред. проф. С. В. Беспаловой. – Донецк : Изд-во ДонГУ, 2025. – С. 431–433.
4. Исаев, И. А. История государства и права России : учебник / И. А. Исаев. – 4-е изд. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2020. – 800 с.

УДК 93/94

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ СЕВЕРО-ОСЕТИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА – ЦЕНТР ПОДГОТОВКИ ЮРИДИЧЕСКИХ КАДРОВ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Лобанов В. Б., канд. ист. наук, доц., ORCID 0000-0001-9608-6619
СЗФ ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия им. В. М. Лебедева», г. Санкт-Петербург, РФ
e-mail: lobanov2024@yandex.ru

Введение. Атрибутом каждого уважающего себя государства, помимо всего прочего, является разветвленная система высшего образования. Российская Федерация по праву может считаться одним из таких государств, имеющих широкую сеть как гуманитарных [3, с. 126], так и технических высших учебных заведений. Каждый федеральный округ Российской Федерации имеет свой центральный системообразующий вуз, в Северо-Кавказском федеральном округе [1, с. 96; 4, с. 130] таковым является Северо-Осетинский государственный университет, юридический факультет которого является центром подготовки юридических кадров Северного Кавказа.

Цель работы – рассмотрение вопроса, связанного с юридическим факультетом Северо-Осетинского государственного университета, являющегося центром юридического образования Северо-Кавказского федерального округа.

Основная часть. Началом высшего образования на Северном Кавказе можно считать создание в августе 1920 г. в центре Терской области Владикавказе Терского института народного образования. Первым директором института стал Георгий Кесаев, вторым – Борис Алборов. Институт пережил многочисленные трансформации, пока в 1969 г. не получил свое нынешнее наименование – Северо-Осетинский государственный университет.

Юридическое образование на территории Северного Кавказа появилось в 1961 г. в Орджоникидзе [5, с. 186], с создания учебно-консультативного пункта Всесоюзного юридического заочного института [6, с. 54], готовившего юридические кадры для Северной Осетии, Кабардино-Балкарии [2, с. 103] и Чечено-Ингушетии.

В 1969 г. УКП был преобразован в юридический факультет СОГУ. Первоначально деканом юрфака был М.Х. Кебеков, ныне его возглавляет Ф.В. Кесаева. В начале своего становления факультет состоял из двух кафедр: правовых дисциплин и теории и истории государства и права.

В настоящее время факультет насчитывает в своем составе шесть кафедр: теории и истории государства и права, государственного права, гражданского права и процесса, уголовного права и процесса, финансового и административного права, конкурентного права.

Юрфак является членом Ассоциации юристов Российской Федерации в Северной Осетии-Алании, на факультете действует Юридическая клиника, где граждане получают бесплатную юридическую помощь. Обучающиеся юрфака являются стипендиатами ряда престижных юридических премий.

Заключение. Юрфак СОГУ по праву является старейшим центром Северного Кавказа по подготовке широкого спектра юридических кадров как регионального, так и общероссийского масштаба [7, с. 180], является кузницей кадров как для государственной правоохранительной системы (ФСБ, Прокуратура, Следственный Комитет, МВД, суды), так и для частных юридических структур (адвокатские сообщества, аудиторско-консалтинговые группы, крупные специализированные юридические компании).

Список литературы

1. Говердовская, Е. В. К проблеме модернизации высшего профессионального образования в Северо-Кавказском регионе / Е. В. Говердовская // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 57. – С. 96-104. – EDN JWNWMB.
2. Кажаров, А. Г. Магистратура в современном российском вузе: региональное измерение / А. Г. Кажаров, Х. Г. Тхагапсоев, М. М. Яхутлов // Высшее образование в России. – 2017. – № 3. – С. 101-108. – EDN YHQCCX.
3. Карамурзов, Б. С. Проблема формирования российской социально-культурной идентичности: миссия университета и современные реалии / Б. С. Карамурзов // Гуманитарий Юга России. – 2012. – № 2. – С. 126-140.
4. Лобанов, В. Б. Юридический институт дагестанского государственного университета - один из центров юридического образования на юге России / В. Б. Лобанов // Ключевые аспекты профессиональной подготовки специалистов для судебной системы в рамках социально-гуманитарных и экономических дисциплин : Сборник научных статей по материалам Всероссийского круглого стола, Санкт-Петербург, 31 октября 2024 года. – Санкт-Петербург: ООО Центр научно-информационных технологий Астерион, 2025. – С. 130-133. – EDN MGTXWK.
5. Лобанов, В. Б. Юридический факультет Северо-Осетинского государственного университета – центр высшего юридического образования на Северном Кавказе / В. Б. Лобанов // Тенденции развития науки и образования. – 2024. – № 108-2. – С. 185–187.
6. Лобанов В.Б. Юридический факультет Кубанского государственного университета – один из центров подготовки юридических кадров юга России // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 114-3. С. 53-55.
7. Саламова Н.Ю. Социальная детерминация высшего образования в Республике Северная Осетия-Алании в условиях модернизации // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. 2014. № 2. С. 178-183.

УДК 340.134 (470) (091) «18»

ЕКАТЕРИНА II И СОЗДАНИЕ НОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: РОЛЬ «НАКАЗА» В ИСТОРИИ РУССКОГО ПРАВА

Мельниченко С. В., ORCID 0009-0006-6922-3490
ПАО Сбербанк, г. Макеевка, ДНР, РФ
e-mail: sofiya.sofiya.1977@mail.ru

Введение. Во второй половине XVIII века Российская империя переживала этап масштабных преобразований, которые были связанны с попытками систематизировать и модернизировать правовую систему. Ключевым эпизодом этой линии реформ стал созыв Уложенной комиссии 1767 года, призванной создать новое Уложение – единый свод законов, способный заменить устаревшее Соборное уложение 1649 года и многочисленные разрозненные акты. При этом основополагающим документом для работы Комиссии выступил «Наказ» Екатерины II. В данном документе императрица не только формулировала принципы будущего законодательства, но и демонстрировала свою политическую позицию как «просвещённого монарха».

Цель исследования – раскрыть роль «Наказа» в истории русского права, показать его концептуальные основы, источники, место в системе преобразований Екатерины II, а также оценить реальное влияние документа на последующее законодательство и правовую мысль.

Основная часть. На раннем этапе правления Екатерины II в повестке государственной политики отчётливо обозначилась задача упорядочения системы управления государством посредством чёткого правового разграничения полномочий, а также установления на законодательном уровне пределов деятельности государственных учреждений.

Необходимо отметить, что Императрица, подчёркивая свою связь с реформами Петра I, трактовала управление как деятельность, основанную на предвидении, что нашло выражение в её афористичном высказывании «Управлять – значит предвидеть». Как следствие, данный постулат получил концептуальное развитие в юридическом памятнике «Наказе», который должен был служить руководством для работы Уложенной комиссии. Полагаем, что именно в «Наказе» были заложены правовые и политические ориентиры, которые во многом предопределили дальнейшее развитие отечественной государственности.

Несмотря на то, что «Наказ», разработанный Екатериной II так и не был утверждён в качестве нормативного акта, его значение выходит далеко за рамки очередного философско-политического сочинения эпохи просвещённого абсолютизма.

Важно подчеркнуть, что данный документ обозначил качественно новый этап в эволюции российского права и предложил правовые принципы,

реализация которых в середине XVIII века оказалась политически неосуществимой. При этом ряд положений «Наказа», которые и не получили поддержки в ходе работы Уложенной комиссии, впоследствии обрели актуальность и были воплощены в законодательстве на последующих этапах развития государства. На наш взгляд можно утверждать, что идеи, которые были заложены в «Наказе», оказали опосредованное, но существенное влияние на формирование правовой традиции. Так, их концептуальные основы со временем были реализованы в конкретных правовых решениях.

Источник права «Наказ» 1767 года представлял собой передовой для своего времени документ, сочетающий европейские просветительские идеи и российские политические реалии. Несмотря на то, что его текст во многом базируется на трудах Монтескьё, Беккариа, Дидро и других французских просветителей, в тоже время данный памятник права содержит характерные для отечественной традиции положения о самодержавии и социальной структуре общества. Так, будучи, по сути, инструкцией для Уложенной комиссии, «Наказ» формулировал принципы будущего законодательства, призванного, по замыслу Екатерины II, поддерживать статус России как великой державы.

Необходимо учитывать, что позиция Екатерины II во многом определялась влиянием ближайшего политического окружения. При этом прослеживается существенное расхождение между её публично декларируемыми установками и личными воззрениями. Проанализировав исторический материал, можно заметить, что официальная риторика императрицы нередко отражала компромисс с господствующими в элитной среде представлениями, а не исключительно её собственные убеждения. Изначально, Императрица рассчитывала на сравнительно лёгкую формулировку новых законодательных принципов, но в действительности столкнулась с серьёзными ограничениями и была вынуждена идти на компромиссы, из-за чего идеи не получили полного развития. Так, свое разочарование в итоговом варианте «Наказа» Екатерина выразила в переписке с Д’Аламбером. Тем не менее в окончательной редакции «Наказа» удалось сохранить либеральный вектор и обозначить ключевые принципы для законодательной работы. Кроме того, данный историко-правовой памятник вызвал значительный общественный резонанс, в том числе и за пределами России, например, во Франции «Наказ» был вообще запрещён. При этом указанный источник права выделялся сочетанием философского подхода и либеральных установок, нетипичных для официального акта эпохи.

Важнейший правовой документ эпохи XVIII века «Наказ» Екатерины II включал 20 основных глав и свыше 500 параграфов, а в 1768 году к нему были добавлены еще две главы о полиции и государственном хозяйстве [1]. Так, правовой акт охватывал широкий спектр вопросов начиная от основ государственного строя и до отдельных отраслей права.

По нашему мнению, «Наказ» носит принципиально концептуальный характер, он формулирует базовые принципы правотворчества и обозначает

ключевые проблемы, но в тоже время не даёт конкретных решений и не может служить практическим руководством. Для того времени такой формат соответствовал замыслу Екатерина Великой и в действительности «Наказ» должен был стать ориентиром для государственных деятелей, которые разрабатывали законы.

Следует отметить, что в «Наказе» монархия провозглашалась идеальной формой правления. Так, монарх являлся источником неограниченной власти и гарантом единства общества. При этом «власть средняя» выступала вспомогательным управленческим звеном под его контролем, а свобода трактовалась как политическое состояние – «спокойствие духа» при условии безопасности.

Сословный строй закреплялся как основа порядка, в котором дворяне выступали в качестве правящего слоя, крестьяне были подчиняющимся слоем, а мещане представляли собой «средний род». В тоже время отмена сословного неравенства считалась вредной.

Кроме того, закон трактовался как главный инструмент управления и должен был соответствовать менталитету народа. При этом уголовная ответственность должна быть равной для всех сословий. Дополнение 1768 года акцентировало роль финансов в обеспечении «общей пользы» и «величия престола».

Что же касается уголовного права, то в «Наказе» приоритет отдавался именно профилактике преступлений. Вместе с тем наказание должно было исправлять, быть неотвратимым и соразмерным, а умысел без вреда – не подлежал каре [1].

Заключение. Резюмируя вышеизложенное, следует признать, что разрыв между доктринальными положениями «Наказа» и их практической реализацией так и не был преодолён. Вместе с тем «Наказ» Екатерины Великой нельзя сводить исключительно к набору инструкций для депутатов. Данный правовой памятник истории представляет собой зрелый интеллектуальный продукт, который отражал глубокое понимание традиций и тенденций развития правовой мысли. В нём были сформулированы новаторские для своего времени подходы к организации законодательной системы. В частности, были предложены новые принципы законодательства, а именно, ограниченное число законов, их неизменность и простота формулировок для обеспечения стабильности и понятности права. Кроме того, закреплялась и иерархия актов, в частности, указы как подзаконные акты могли быть временными и отменяться при изменении ситуации.

Список литературы

1. Наказ Екатерины II Комиссии о составлении проекта нового Уложения. 1767. – URL: https://f-ipsub.udsu.ru/files/assets/18.%20Наказ%20Екатерины%20II%20Комиссии%20о%20составлении%20проекта%20нового%20Уложения.doc (дата обращения: 30.09.2026).

УДК [340:17.02]-047.48

О СООТНОШЕНИИ ПРАВА И МОРАЛИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Мельниченко Ю. С., канд. юрид. наук, ORCID 0009-0002-7213-9450
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: iu.melnichenko.donnu.jur@mail.ru

Введение. Проблема соотношения права и морали традиционно занимает центральное место в юридической науке. Несмотря на многообразие подходов к её трактовке, содержательное ядро вопроса нередко размывается в потоке разнонаправленных интерпретаций. Исторически данная проблематика разрабатывалась преимущественно в юриспруденции и для юристов она являлась и по-прежнему остаётся одним из фундаментальных вопросов теории права.

Цель. Цель исследования заключается в формировании теоретического инструментария для анализа соотношения права и морали, который может быть использован при оценке нормативной согласованности правовых предписаний с моральными установками общества.

Основная часть. В современной литературе среди многообразия теорий правопонимания принято выделять три доминирующих подхода: естественно-правовой, позитивистский и социологический. При определении понятия морали философская традиция, как правило, абстрагируется от социологического измерения, фокусируясь на нормативном и дескриптивном аспектах, а также на разграничении морали и этики. Аналогично праву, интерпретация морали допускает применение трёх сопоставимых методологических рамок – идеалистической, позитивистской и социологической.

Необходимо отметить, что в рамках любой теории правопонимания право выступает нормативным регулятором, распространяющимся на действия, бездействие и поступки индивида; в ряде подходов в сферу его воздействия включаются также личностные характеристики, мотивы и эмоциональные состояния. Полагаем, что с этих позиций допустимо рассматривать и мораль как социальный регулятор. При этом, немаловажно, что в литературе прочно укоренился тезис о строгом разделении «внешней» сферы права и «внутренней» сферы морали. Однако, по нашему мнению, такая трактовка не выдерживает критики, так как такие крупные теоретики права как Г.Ф. Шершеневич [1, с.316] и Н.М. Коркунов [2, с. 95] подчёркивали некорректность подобного противопоставления.

На наш взгляд, традиционное противопоставление права и морали как регуляторов «внешнего» и «внутреннего» поведения не вполне корректно. Так, различие между ними продуктивнее рассматривать через призму их фактических возможностей в регулировании деликатных областей – таких как мотивы и личностные качества. При этом важно, что право не уступает морали в потенциале нормативного воздействия.

Следовательно, можно прийти к выводу о том, что и право, и мораль выполняют схожие нормативные функции – запрещают, предписывают, разрешают и рекомендуют определённые поведенческие и личностные параметры, включая внутренние установки. Это позволяет выстраивать определения морали в корреляции с существующими концепциями правопонимания.

Важно подчеркнуть, что право и мораль не ограничиваются функцией социального регулятора: они могут выступать механизмами воплощения и защиты определённой «концепции блага», сохраняя при этом нормативный характер, но меняя целевую ориентацию.

В русле позитивистского подхода возможна симметричная трактовка обеих систем. Так, право здесь понимается как совокупность предписаний, формально утверждённых или одобренных публичной властью для регулирования поведения подвластных лиц. А мораль может быть определена как исторически сложившаяся в конкретном обществе система представлений о правильном и неправильном, которая находит выражение в нормативных установках, адресованных членам этого общества. Существенная черта позитивистского понимания морали – нейтральность по отношению к содержанию устоявшихся норм: оно не предполагает ни одобрения, ни критики сложившихся моральных представлений, ни их сопоставления с каким-либо высшим нравственным эталоном.

Кроме того, позитивное право и позитивная мораль различаются по источнику и способу обеспечения. Так, право исходит от государства и опирается на принудительный механизм в рамках формальных процедур, а мораль – от общества и поддерживается санкциями со стороны его членов. Наиболее часто в качестве ключевых выделяют именно эти различия (субъект формирования, процедуры, ответственность). При этом они применимы только при сравнении позитивистской трактовки права и позитивной трактовки морали.

Нельзя не согласиться и с точкой зрения О.Г. Дробницкого, который утверждал, что право – это институциональный способ регуляции, т.е. его нормы создаются и реализуются уполномоченными органами [3, с. 237]. При этом Г.В. Мальцев полагает, что мораль, напротив, относится к неинституциональным формам, хотя отдельные случаи привлечения к моральной ответственности могут иметь институциональные черты [4, с. 153].

На наш взгляд, все-таки решающим критерием разграничения выступает наличие публичной власти, так как именно институциализированная публичная власть является источником правовых норм и позволяет чётко отделить право от морали.

Ключевое различие права и морали в нормативном подходе связано с содержанием их основных норм. Так, по мнению Г. Кельзена, основная норма права легитимирует институциональный правопорядок [5, с. 249]. Основная норма морали, напротив, ориентирует на соответствие ожиданиям общества: «Должно следовать предписаниям общественного мнения».

По нашему мнению, некоторые критерии разграничения права и морали, встречающиеся в литературе, недостаточно убедительны. Например, различия

по степени требовательности или суровости санкций носят изменчивый, ситуативный характер и не формируют устойчивой тенденции.

Также спорна и идея о различии источников: тезис о том, что право закреплено только в государственных актах, а мораль – лишь в общественном сознании, упрощён и не учитывает взаимное проникновение этих сфер. Кроме того, право и мораль могут закрепляться в схожих источниках, например, в религиозных текстах, СМИ, кодексах этики, в данном случае различаются лишь типичные формы их фиксации.

Предпринятые попытки разграничить право и мораль по методам регулирования, полагаем, также не вполне убедительны, так как обе системы используют запреты, дозволения, обязанности и рекомендации.

Спорным остаётся и критерий сферы регулирования: в науке представлены противоположные точки зрения на объём охватываемых отношений. Мы считаем, что у права и морали – разные, но широкие и во многом непересекающиеся области применения: например, профессиональные стандарты не всегда имеют моральное измерение, а отношения дружбы и любви не регулируются правом.

Заключение. Резюмируя вышеизложенное, можно утверждать, что в теоретическом аспекте соотношение права и морали характеризуется сочетанием сходства и различия. Обе системы выступают нормативными регуляторами, использующими схожие инструменты воздействия и способными служить механизмами реализации «концепции блага». Ключевое различие состоит в связи права с публичной властью и институциональными процедурами, тогда как мораль опирается на общественный консенсус и неформальные санкции. Многие традиционные критерии разграничения (по источникам, методам, уровню требовательности) методологически уязвимы. Корректное сравнение возможно лишь при едином понимании категории «норма» – в плоскостях идеалов, позитивных установлений и их фактической реализации. Сферы действия права и морали частично пересекаются, но каждая система имеет собственные области исключительного применения.

Список литературы

1. Шершеневич, Г.Ф., Общая теория права: в 4 т. / Г.Ф. Шершеневич. – Москва: бр. Башмаковы, 1910. – Т. 2. – 833 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_v19_rc_1889343/ (дата обращения: 30.09.2026).
2. Коркунов, Н.М., Лекции по общей теории права / Н.М. Коркунов – Москва: РОССПЭН, 2010. – 519 с. – ISBN 978-5-8243-1019-1.
3. Дробницкий, О.Г., Моральная философия: избранные труды / О.Г. Дробницкий – Москва : Гардарики, 2002. – 520 с. – ISBN 5-8297-0099-9.
4. Мальцев, Г.В., Нравственные основания права / Г.В. Мальцев – Москва: СГУ, 2009. – 550 с. – ISBN 978-5-8323-0473-1.
5. Кельзен, Г. Чистое учение о праве / Г. Кельзен – Санкт-Петербург: Алеф-Пресс, 2015. – 702 с. – ISBN 978-5-905966-34-7.

УДК 340.134 (470) (091) «11/12»

«РУССКАЯ ПРАВДА»: ПАМЯТНИК ПРАВА И ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Мельниченко Ю. С., канд. юрид. наук, ORCID 0009-0002-7213-9450,
Жидовец А. С., ORCID 0009-0003-0598-0511,
Московкина Д. А., ORCID 0009-0003-4707-6846
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: iu.melnichenko.donnu.jur@mail.ru, uzidovec@gmail.com, dianamoskovkina@icloud.com

Введение. «Русская правда» является базовым памятником древнерусского права XI–XII веков и отражает не только правовую систему, но и государственное устройство, социальную структуру и хозяйственную жизнь общества.

«Русская правда» как источник древнерусского права известен в трёх основных редакциях – Краткой, Пространной и Сокращённой. При этом каждая редакция соответствует определённому этапу эволюции права. Необходимо отметить, что Свод правовых норм Древней Руси позволяет воссоздать правовые нормы прошлых веков, например, категории зависимого населения, порядок разрешения споров, роль свидетелей, виды ордалий и др. На протяжении почти трёх столетий «Русская Правда» остаётся предметом научного изучения, при этом дискуссионность ряда вопросов сохраняется до сих пор.

Цель исследования – проанализировать двойственную природу «Русской правды» как памятника права и исторического источника, а также раскрыть её информативный потенциал для изучения социально-экономической и правовой истории Древней Руси.

Основная часть. Появление письменных законов обусловлено развитием государственности. Так, первые образцы такого законодательства возникли еще во II тыс. до н. э. в древневосточных обществах. Они основывались на обычном праве, практически не кодифицировались и отражали культурные особенности народа [1, с. 36].

«Русская Правда» как письменный памятник права формируется в XI веке при правлении Ярослава Мудрого. При этом ключевым условием её появления стало распространение письменности после христианизации Руси.

Как уже отмечалось выше, на сегодняшний день в науке принято выделять три редакции документа – Краткую, Пространную и Сокращённую. Так, Краткая Правда, которая содержит в себе 43 статьи состоит из Древнейшей Правды, Правды Ярославичей, «Покона вирного» и «Устава Мостникам» [2, с. 46–47].

Влияние обычного права и уголовно-правовые нормы закреплены в статьях 1–18. В частности, статья 1 отображает существование кровной мести, а статьи 11 и 17 упоминают категории несвободных людей, например, челядин и холоп. Кроме того, в статьях 1 и 11устанавливаются группы населения как по территории проживания, так и социальному статусу.

«Правда Ярославичей» или Домениальный устав стала следующим этапом развития древнерусского права. Важно отметить, что, базируясь на устной правовой традиции, она переориентировала прежние нормы на защиту княжеского хозяйства. Считается, что появление Домениального устава явилось следствие на социальные волнения 1068–1071 гг., что в свою очередь подтверждается высокими штрафами за посягательства на княжеских людей и имущество. Проанализировав статьи 19-41 «Правды Ярославичей» можно прийти к выводу о том, что они отражают становление княжеской вотчины и приоритет защиты интересов князя.

Также следует обратить внимание на то, что характерной чертой «Правды Ярославичей» является отсутствие в ст. 19–27 оговорки о возможности мести, что свидетельствует об ограничение кровной мести применительно к охране княжеского окружения, хотя в целом практика мести сохранялась.

Заслуживает внимания и тот факт, что в составе Краткой Правды есть дополнительные статьи, которые были изданы ещё при Ярославе Мудром. Так, ст. 42 «Покон вирный» и ст. 43 «Устав мостникам» дополняют нормы Правды Ярославичей. При этом «Покон вирный» определял, как делить деньги и иные поступления от штрафов (вир) и продаж. Статья 42 чётко прописывала какая часть доходов идёт князю, какая идет служилым людям, а какая в виде десятины передается церкви. Кроме того, данная норма устанавливала, вид вознаграждения, которое вирник получал за свою работу по взысканию штрафа. При этом вознаграждение могло быть в форме продуктов или денежном выражении. Что же касается «Устав мостникам», то он был более прикладным, например, фиксировал сколько положено платить за ремонт мостов. Таким образом, можно утверждать, что право напрямую регулировало хозяйственную жизнь и оплату труда.

Если Краткая Правда представляла собой более ранний свод древнерусского законодательства, то Пространная Правда являлась самым востребованным правовым сводом на Руси. На сегодняшний день историки по-разному датируют её появление начиная от первой трети XII века до начала XIII века. Причем чаще всего её связывают с правлением Владимира Мономаха или Мстислава Великого.

Необходимо отметить, что Пространная Правда была составлена настолько удачно, что оставалась действующим источником светского права почти до конца XV века, т.е. несколько столетий.

Структура Пространной Правды отражает этапы развития древнерусского права и включает два основных раздела – «Суд Ярослава Владимировича» и «Устав Владимира Всеволодовича Мономаха». В общей сложности правовой источник условно включает в себя 121 статью.

Рассмотрев текст «Суда Ярослава Владимировича» приходим к выводу о том, что в нем закреплена выраженная социальная дифференциация древнерусского общества. Например, об этом свидетельствует разграничение штрафных санкций. Так, компенсация за убийство представителя княжеской

администрации устанавливалась в двукратном размере по сравнению с вирой за убийство простолюдина [3, с. 103]. Следовательно, данная нормативная градация отражает иерархичность социальной структуры и приоритетную защиту интересов княжеской власти.

Что же касается «Устава Владимира Мономаха», который представляет собой вторую часть Пространной Правды, то он существенно расшил сферу правового регулирования. Так, в нём появляются нормы, которые относятся к гражданскому праву, например, регулируются наследственные отношения, закрепляется статус холопов, обретается нормативное оформление денежных обязательств. Что же касается уголовно-правовой сферы, то здесь отмечается расширение круга наказуемых деяний за счёт новых составов преступлений, например, предусматриваются санкции за вырывание бороды, вышибание зубов, кражу бобра, уничтожение межевых знаков и др. Полагаем, что в совокупности нормы «Устава Владимира Мономаха» способствовали нивелированию ряда противоречий, которые сложились в киевской среде в начале XII века, а также обеспечивали более системное регулирование общественных отношений.

Третья редакция историко-правового памятника «Сокращенная Правда» представляет собой адаптацию древнерусского кодекса к новым условиям. При этом составитель не вводил новых норм, а исключал статьи, которые противоречили изменившемуся социальному строю и праву России XVI–XVII веков. Так, из 121 статьи Пространной Правды в Сокращённую вошло только 50, причём с минимальной обработкой. Это показывает селективный подход к сохранению правового наследия.

Заключение. На основании вышеизложенного значение «Русской Правды» выходит за рамки правового памятника, так как она служит источником данных о самых разных сторонах жизни Древней Руси, начиная от организации власти и социальной иерархии и заканчивая хозяйственной жизнью общества. В свиязи с тем, что генезис „Русской Правды“ тесно связан с формированием древнерусской государственности, углублённое изучение источника древнерусского права позволяет полнее реконструировать исторические процессы становления Древней Руси.

Список литературы

1. Прудников, М. Н. История государства и права зарубежных стран: учебн. для бакалавров. / М.Н. Прудников. – Москва: Юрайт, 2013. – 811 с. – URL: https://pz.18bratsk.ru/wp-content/uploads/2018/12/ISTORIYa-GOSUDARSTVA-I-PRAVA-ZARUBEZhNYH-STRAN-Prudnikov-M.N.pdf (дата обращения: 30.09.2026).
2. Тихомиров, М. Н. Исследование о Русской правде. Происхождение текстов. / М. Н. Тихомиров. – Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1941. – 254 с. – URL: https://www.booksite.ru/fulltext/1245746/index.html (дата обращения: 30.09.2026).
3. Бушуев, С. В., Миронов, Г. Е. История государства Российского: историко-библиогр. очерки. Кн. 1. IX–XVI вв. / С.В. Бушуев, Г.Е. Миронов. – Москва: Кн. палата, 1991. – 542 с. – ISBN 5-7000-0252-3.

УДК 342

КНЯЖЕСКИЙ СУД ПО РУССКОЙ ПРАВДЕ КАК ПРООБРАЗ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ: ОТ ЛИЧНОГО ПРАВОСУДИЯ К ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

Огарь Ю. А., ORCID 0009-0000-3137-3692
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: yuliyaogar2000@mail.ru

Введение. Становление судебной власти в России неразрывно связано с историей Древней Руси. В IX–XII веках у восточных славян постепенно выстраивались общественные и политические отношения, которые уже нельзя было регулировать только обычаями, – возникла потребность в писаных правовых нормах и специальных органах, способных вершить суд от имени власти.

Цель – анализ Русской Правды как первого памятника, закрепившего судебные полномочия князя, и выявление истоков образования судебной власти в России.

Основная часть. В догосударственный период у восточных славян действовало обычное право. Оно основывалось на кровной мести, круговой поруке и ответственности всей семьи или рода. Судили община или старейшины, а самым строгим наказанием была месть со стороны рода. Такая система работала только в пределах одного поселения, централизованного суда не было.

С возникновением Древнерусского государства, возникла необходимость в официальных способах разрешения конфликтов, которые касались бы не одной общины. Князь, в чьей компетенции первоначально находились военное предводительство и управление, со временем присвоил и судебную функцию. Это было обусловлено тем, что обычное право, основанное на кровной мести и круговой поруке, не могло регулировать споры между общинами: единственной инстанцией, стоящей над ними, был князь. Судебная власть князя реализовывалась через его наместников и волостелей, вершивших суд на местах от его имени [1, с.14].

В IX–X веках княжеская власть стала распространяться на большее количество сфер жизни. Князь владел землёй, собирал дань и вёл войну. Постепенно добавилась и судебная функция, князь разрешал споры между людьми, наказывал за преступления и защищал собственность.

Стоит отметить, что «Русская Правда» дошла до нас в трёх основных вариантах:

1. Краткая Правда (XI век). Она включает «Правду Ярослава» (ст. 1–18), «Правду Ярославичей» (ст. 19–41), «Покон вирный» и «Урок мостникам». Данный вариант показывает, как зарождалось право во времена князя Ярослава Мудрого и его сыновей.

2. Пространная Правда (XII век). Это самый большой вариант, в котором собраны нормы уголовного, обязательственного, наследственного и процессуального права. Также в ней подробно описаны судебные процедуры.

3. Сокращённая Правда (XV–XVII века). Это переделанная версия Пространной Правды, появившаяся уже в Московском государстве.

В Русской Правде отсутствовал отдельный раздел о том, как устроены суды, но видно, что князь был главной судебной фигурой. Князь выступал высшей инстанцией, к которой обращаются в случае нарушения норм.

Например, в статье 1 Краткой Правды сказано: «Убьет муж мужа, то мстити брату брата… аще не будет кто мстя, то 40 гривен за голову» [3]. Здесь, кроме сохранения права кровной мести, появляется и денежный штраф в пользу князя. Это говорит о том, что государственное правосудие постепенно заменяло старые обычаи.

В Пространной Правде упоминаются лица, которые вершили суд от имени князя: вирник – собирал штрафы и имел судебные полномочия на местах; мечник – исполнял судебные решения; детский – был младшим судебным помощником; отрок – помогал вирнику; метельник – взимал судебные пошлины. Наличие данных должностей свидетельствует о формировании судебного аппарата – важнейшего признака институционализации судебной власти.

Русская Правда фиксирует несколько процессуальных форм, из которых складывалось судопроизводство. Спор о пропавшей вещи открывался «закличем» – публичным объявлением на торгу о пропаже. Если вещь обнаруживалась у кого-то другого, запускался «свод»: владелец шёл по цепочке передач вещи, пока не выходил на того, у кого она действительно была получена. «Гонение следа» позволяло преследовать преступника по оставленному им следу, причём ответственность за нераскрытое преступление ложилась на ту общину, где след терялся. Показания давали «видоки» – очевидцы события – и «послухи», выступавшие скорее свидетелями доброй славы стороны. Там, где иных доказательств не хватало, прибегали к «ордалиям» – испытанию огнём или водой, – а также к «роте», то есть присяге [2, с. 66].

Совокупность этих форм показывает, что разрешение споров уже не строилось исключительно на обычае и самоуправстве общины: значительная их часть переносилась в сферу княжеского суда, где порядок разбирательства был закреплён письменно.

В этом правовом памятнике виден и сам судебный порядок: вирники, мечники, детские, а также процессуальные нормы и система наказаний. Поэтому можно сказать, что именно тогда начинало складываться судебное управление как отдельная часть государственной власти.

Позже, нормы Русской Правды нашли отражение в Псковской и Новгородской судных грамотах, в Судебниках 1497 и 1550 годов, а затем и в Соборном уложении 1649 года. Значит, судебная функция князя, закреплённая

в Русской Правде, стала основой для дальнейшего развития российской судебной системы вплоть до реформ Петра I.

Сегодня Русская Правда остаётся символом начала отечественной правовой традиции. Идея верховного правителя как хранителя справедливости и суда, которая была заложена в этом памятнике, на протяжении многих веков сохранялась в российской государственно-правовой мысле.

Заключение. «Русская Правда» – самый ранний из дошедших до нас письменных памятников древнерусского права. Именно в ней впервые в правовой форме закреплена судебная роль князя. Если присмотреться к этому источнику внимательнее, становятся заметны несколько важных черт того, как в России складывалась судебная власть:

1. Переход от обычая к записанному закону. Это означало, что кровная месть и суд общины постепенно уходили на второй план, а их место занимала государственная юстиция.

2. Князь утверждается как главный судья, и его власть распространяется на все сословия.

3. Появляются судебные служители – вирники, мечники, детские. Это говорит о том, что судебная функция уже начинала оформляться как самостоятельный институт.

4. Закрепляются правила процесса: заклич, свод, гонение следа, участие свидетелей и ордалии. Всё это стало основой будущего судебного разбирательства.

5. Ответственность зависит от положения человека в обществе. Так проявлялся сословный характер древнерусского суда.

Иначе говоря, «Русская Правда» важна не только как источник права. Она помогает понять, как в России зарождалась судебная власть. Те принципы, которые в ней были заложены, – верховенство княжеского суда, наличие судебного аппарата и процессуальных норм, – стали основой для дальнейшего развития российской судебной системы.

Список литературы

1. Верещагина, А. В. Институализация юстиции в нормах Русской Правды / А. В. Верещагина, М. Е. Омельяненко // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15, № 1(110). – С. 11-23. – DOI 10.17803/1994-1471.2020.110.1.011-023. – EDN DUIKED.
2. Постнова, А. А. Особенности судебной системы в России в X-XVII вв / А.А. Постнова // Вестник магистратуры. – 2020. – №4-3 (103). – С.66-67.
3. Русская правда (краткая редакция): подготовка текста, перевод и комментарии М. Б. Свердлова. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/biblioteka-literatury-drevnej-rusi-tom-4/13 (дата обращения:08.10.2026).

УДК 341.231:94(47)

РАЗВИТИЕ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ДРЕВНЕРУССКИМ ГОСУДАРСТВОМ И ВИЗАНТИЕЙ В МИРНЫХ ДОГОВОРАХ 907 И 911 ГГ.

Павленко П. И., канд. юрид. наук, доц., ORCID 0009-0007-9252-8951
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: pavelpavlenko77@yandex.ru

Введение. В истории российского государства на протяжении многовекового становления, развития и функционирования постоянно наблюдались процессы, направленные на установление межгосударственных отношений со странами Европы, Азии, Африки и Америки для развития дипломатических, военно-политических, экономических, социально-культурных, религиозных, правовых и других связей. Одним из главных событий развития межгосударственных политико-правовых отношений в отечественной истории считается легендарный поход древнерусского князя Олега на Константинополь в 907 г. и последовавшее на ним заключение мирных договоров в 907 и 911 г. между Русью и Византией, что стало важным явлением в развитии дипломатических отношений между странами и отправной точкой для формирования права международных договоров и государственного права.

Цель исследования. Представить важность межгосударственных мирных договоров 907 и 911 гг. для развития политико-дипломатических отношений на раннем этапе становления Древнерусского государства и формирования основ права международных договоров и государственного права.

Основная часть. Легендарное событие 907 г. – поход древнерусского князя Олега на Константинополь, стало символом военного могущества Древней Руси, её растущего влияния на международной арене и установления выгодных экономических и политических связей с Византией. Военная акция Древнерусского государства, целью которой было обеспечение выгодных условий торговли для Руси и укрепление политического положения государства, привела к заключению двухстороннего мирного соглашения в 907 г. и, последующего, второго мирного договора в 911 г.

Приступая к рассмотрению источников права международных договоров, необходимо обозначить основные фундаментальные моменты. Во-первых, договоры 907 и 911 года необходимо рассматривать в совокупности, единстве и связи, как два дополняемых друг друга соглашения межгосударственного характера, так как их появление стало возможным после совершения военного похода на Константинополь и последующего согласования положений договоров для разрешения русско-византийского конфликта.

Во-вторых, следует отметить, что единственным оригинальным языком текстов русско-византийских договоров 907 и 911 года следует считать греческий (среднегреческий, византийский) язык. Об этом факте ещё в 1835 г. писал немецкий и российский историк, профессор и ректор Императорского Дерптского университета И. Ф. Г. Эверс [1, с. 137–138], что нашло своё подтверждение у русского историка XIX века С. А. Гедеонова [2, с. 265–266]. В конце XX века греческим специалистом русско-византийских договоров Я. Малингуди было проведено фундаментальное исследование, в ходе которого было подтверждено, что договоры были составлены на греческом языке. Византийские копии договоров, внесённые в копийную книгу имперской канцелярии, были использованы для перевода на старославянский язык [3, с. 79–85]. В последующем, именно переводы оригинальных текстов договоров, которые по разным версиям историков могли быть осуществлены русскими книжниками либо в первой половине XI века, либо в XII веке.

И, в-третьих, соглашения проявляли международную дипломатическую направленность регулируя торговые, уголовные, уголовно-процессуальные, военные, гуманитарные, дипломатические и имущественные отношения между участниками договоров – Русью и Византией. Кроме того, регулируя двусторонние международно-правовые отношения, договора способствовали укреплению стабильности, общественного порядка и дисциплины внутри стран-участниц.

При обращении непосредственно к анализу самих договоров, можно установить, что в договоре 907 г. в основном содержатся статьи, регулирующие русско-византийские торговые отношения, а в договоре 911 договора собраны нормативные положения разнообразного содержания, которые можно было бы назвать дополнительными или уточняющими.

Из содержания статей, записанных в 907 г., видно, что Древняя Русь добилась очень крупных преимуществ. Прежде всего, русские купцы были освобождены от уплаты обременительных таможенных пошлин – *«и пусть торгуют, сколько им нужно, не уплачивая никаких торговых пошлин»* [4, с. 66] – десятины со всех товаров, которую они платили раньше. По всей видимости, именно к этому и стремились русичи, предпринимая поход на Византию. Как пишет Левченко М.В., «они, конечно, были заинтересованы в том, чтобы тогда же достигнуть определенной договоренности с Византией по этому вопросу» [5, с. 123]. Важно отметить, что Византия очень редко и неохотно предоставляла торговые льготы иностранным купцам. Получение для русских купцов этой льготы в 907 г. являлось выдающимся военно-политическим и экономико-стратегическим успехом Руси. Вместе с тем, русским купцам было предоставлено не только право беспошлинной торговли, но и возможность в течении шести месяцев пребывания в византийской столице пользоваться продовольствием (хлеб, вино, мясо, рыба, овощи) – *«а если придут купцы, то пусть взимают месячное в течение 6 месяцев: хлеб, вино, мясо, рыбы и плоды»* [4, с. 65].

Указывалась в 907 году и очерёдность выплаты «укладов» прибывающим в Царьград на содержание русских городов в порядке старшинства, начиная с Киева, Чернигова и Переяславля, и, заканчивая Ростовом и Любечем. Под «укладом» здесь следует понимать, как пишет Сахаров А.Н. регулярную ежегодную дань, которую Византия, как правило, выплачивала либо своим союзникам, либо тем победителям, которые определяли за империей это обременительное для неё обязательство [6, с. 109]. Это положение показывало не только установление отношений между странами по передачи дани, но и политический статус русских городов и их иерархию по отношению к русскому князю.

В то же время в договоре 907 года, несмотря на большинство норм, предоставляющих права и возможности для русской стороны соглашения, греческая сторона отразила некоторые выгодные ей условия. Речь идёт о гарантиях безопасности от приезжающих в Константинополь русских купцов. Русские купцы должны были останавливаться в предместье города (у церкви св. Маманта), где их переписывали поимённо греческие чиновники и затем уже впускали в город – без оружия, в одни ворота и притом небольшими партиями по 50 человек. Устанавливался также запрет для русских послов и купцов на совершение в византийской столице бесчинств.

В итоге, вышеобозначенные важнейшие положения, регулировавшие русско-византийские отношения по договору 907 г. определили его особенность. «Русские» пункты договора в основном устанавливали требования общеполитического порядка: положения о мире, контрибуции, дани, посольском и торговом статусе для русских в Византии. «Греческие» условия касались же, главным образом, порядка пребывания русских купцов на территории империи, который ставил их под контроль императорской администрации.

Дальнейшее развитие межгосударственных связей привело к необходимости определения поведения, в широком его понимании, при возможных столкновениях русских с подданными Византийской империи и совершении разного рода преступных действий. В связи с этим в 911 г. князь Олег отправил в Константинополь «своих мужей» (дружинников) для дипломатического решения этого вопроса и окончательного утверждения мира между византийцами и Русью.

Положения договора 911 г. свидетельствуют о системе государственного устройства древнерусского государства начала X века и о желании подтвердить и укрепить дружбу между странами не только на словах, но и в письменной форме.

Важным моментом вводной части договора является, во-первых, факт подтверждения и укрепления дружбы, существовавшей между греками и русскими на протяжении многих лет, а, во-вторых, взаимное желание и многократное стремление «подтвердить и укрепить дружбу» не только устно, но и письменно отражая это в нерушимой присяге с помощью клятвы своим

оружием согласно вере (в большей степени касалось греков) и обычаю (в большей степени касалось русских). И, наконец, в-третьих, вступительная часть соглашения заканчивалась определением главной идеи договора, а именно – заключение мира между русскими и греками, установление и развитие дружеских отношений для поддержания порядка между странами «письменным договором выраженным и присягою подтвержденною». Таким образом, идея «мира и дружбы», лежавшая в основе всех крупных общеполитических соглашений, нашла яркое и чётко сформулированное отражение в договоре 911 г.

Заключение. Договоры 907 и 911 гг. стали важным политико-правовым решением, закрепившим итоги похода князя Олега на Константинополь и оформившим межгосударственные отношения Древней Руси и Византии в начале X в. Русь добилась существенных экономических что повышало значимость государства на международном политическом уровне. При этом Византия ввела меры контроля за пребыванием русских в столице что сбалансировало интересы сторон. Если договор 907 г. фокусировался преимущественно на торговых привилегиях, то договор 911 г. стал развёрнутым правовым документом, который регулировал широкий круг вопросов и закреплял «мир и дружбу» в письменной форме с присягой. Договоры 907 и 911 гг. стали ключевыми источниками международного права своего времени, отразили растущий политический вес Древней Руси, упорядочили двусторонние связи и способствовали укреплению внутреннего порядка в государствах.

Список литературы

1. Эверс, И. Ф. Г. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии – Древнейшее русское право [Текст] / соч. И. Ф. Г. Эверса ; пер. с нем. Иван Платонов. – Санкт-Петербург : печатано в Тип. Штаба Отдельнаго корпуса внутренней стражи, 1835, 422 с.
2. Гедеонов, С. А. Варяги и Русь. Историческое исследование. – Санкт-Петербург : тип. Императорской Академии наук, 1876. – 569 с.
3. Малингуди, Я. Русско-византийские договоры в X в. в свете дипломатики // Византийский временник. – 1997. – Т. 57 (82). – С. 68–91.
4. Памятники русского права / под ред. [и с предисл.] заслуж. деятеля науки проф. С. В. Юшкова. – Москва : Госюриздат, 1952-1961. Вып. 1 : Памятники права Киевского государства X-XII вв.: Памятники права Киевского государства X-XII вв. / сост. доц. А. А. Зимин. – 1952. – XVI, 288 с.
5. Левченко, М.В. Русско-византийские договоры 907 и 911 гг. // Византийский временник. – 1952. – Т. 5. – С. 105-126.
6. Сахаров, А. Н. Дипломатия Древней Руси. IX – первая половина X в. – М. : Мысль, 1980. – 360 с.

УДК 340.11(470.22)

МНИМАЯ РЕЦЕПЦИЯ И РЕАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ И ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ УСТАВА КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА «О ДЕСЯТИНАХ, СУДАХ И ЛЮДЯХ ЦЕРКОВНЫХ»

Степанова Ю. С., ORCID 0009-0008-9743-728X
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: yu.stepanova.donnu.jur@mail.ru

Введение. Принятие христианства и последующая христианизация Древней Руси стали катализатором фундаментальных трансформаций во всех сферах жизнедеятельности общества, включая правовую. Несмотря на то, что христианство пришло на Русь из Византии, прямое и тотальное заимствование византийской модели церковно-государственных отношений и правовой культуры было объективно невозможным. В отечественной историко-правовой науке долгое время доминировал тезис о широкой рецепции византийского права, однако современные исследования заставляют пересмотреть эту парадигму. Как справедливо отмечается в доктрине, «степень влияния правового наследия Византии на древнерусскую юриспруденцию была весьма ограниченной. Ее черты определялись в большей мере не этим влиянием, а условиями экономического, политического и культурного развития Древней Руси» [1, с. 26].

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью переосмысления генезиса отечественной правовой системы через призму не только институционального, но и лингвистического, терминологического анализа памятников права. Устав князя Владимира Святославича «О десятинах, судах и людях церковных» выступает в этом контексте репрезентативным объектом, позволяющим выявить механизмы взаимодействия светской и духовной юрисдикции.

Цель исследования – на основе историко-правового и терминологического анализа Устава князя Владимира доказать тезис о мнимой рецепции византийского права и выявить механизмы его реальной адаптации к социально-правовым реалиям Древней Руси.

Основная часть. Признавая колоссальную значимость религиозной реформы, следует отметить, что она первоначально стала причиной дезорганизации традиционной системы социального контроля. Отмена кровной мести и иных архаичных институтов, а также внедрение новых наказаний, соответствующих христианской морали, закономерно привели к росту правонарушений. Традиционная система обычного права, опиравшаяся на нормы «закона русского», уже не справлялась с регуляцией усложнившихся общественных отношений. Учреждение церковных судов стало ответом на эту

потребность: церковь, опиравшаяся на писаное каноническое право, внесла элемент систематизации и формальной определенности в правоприменительную практику [3, с. 80-81].

Устав князя Владимира имел двойную правовую природу. С одной стороны, он выступал актом верховной княжеской власти, с другой – являлся оригинальным договором (соглашением) между государством и церковью. В отличие от византийской цезарепапистской модели, где император был верховным арбитром в церковных делах, на Руси была реализована более автономная модель. Князь делегировал церкви широкие судебные и фискальные полномочия, сохраняя за собой верховенство в издании правовых установлений. Текстологические исследования С. В. Юшкова подтверждают сложность и нелинейность формирования текста Устава, что свидетельствует о его глубокой проработке с учетом местных реалий [2, с. 151]. Признание Устава историческим фактом конца X – начала XI в. доказывает наличие на Руси развитой государственности и высокой правовой культуры, опровергая устаревшие версии об отсталости восточных славян [4, с. 138].

Одним из ключевых аргументов против тезиса о тотальной рецепции является лингвистический анализ. Отношение русских к греко-римскому (византийскому) праву как к «чужому» ясно проявляется в русско-византийских договорах 911 и 944 гг., которые создавались параллельно на греческом и русском языках. Этот факт неопровержимо свидетельствует о том, что язык Руси был богат самостоятельной юридической терминологией, способной точно выражать сложные правовые конструкции [1, с. 16].

В Древней Руси сформировалась уникальная языковая дихотомия. В качестве средства общения, языка исконного русского права и летописания применялся «обобщенный русский язык» – усредненный разговорный язык полиэтнического населения. Византийские же юридические произведения переводились преимущественно на церковнославянский язык. В связи с этим светские правовые нормы, содержавшиеся в переводах, воспринимались не как регуляторы общественных отношений, а как неотъемлемая часть христианской традиции. Древнеримское наследие не разделялось на светское и церковное, а ему «отводилось… более идеологическое значение, нежели регулятора общественных отношений» [1, с. 19-20]. Переведенные тексты «переставали быть византийскими по своему смыслу», поскольку сокращались и дополнялись самобытными русскими положениями [1, с. 21].

Система источников, положенных в основу Устава, опиралась на исконное обычное право (поконы, законы, уставы). Содержание терминов «закон» и «устав» эволюционировало: если изначально «закон» означал устные обычаи, а «устав» применительно к договору 944 г. – норму устного характера, то впоследствии эти термины закрепились исключительно за письменными предписаниями и актами княжеского правотворчества [1, с. 4].

Отсылка к «грецьскыи номоканон» в п. 4 Устава не является доказательством рецепции римского права. Как отмечает В.А. Томсинов, это воплощение «стремления русских князей показать, что принятые ими правовые нормы соответствуют христианской идеологической традиции» [1, с. 20]. Термин «номоканун» использован не как отсылочная норма, а как идеологический маркер легитимации. При этом п. 4 закрепляет византийское по духу правило о неподсудности церковных людей светскому суду («не подобает сих тяжь и судов судити князю, ни бояром, ни судьям его»), однако п. 3 нормативно устанавливает десятину в пользу церкви – институт, не имеющий аналогов в византийском законодательстве и отражающий специфику русского землевладения.

Понятийно-категориальный аппарат Оленинской редакции Устава отражает переходный, синкретичный характер правовой системы. Аппарат можно структурировать по трем направлениям:

1. Субъекты права: князь (верховная светская власть), митрополит и епископы (церковная власть), «церковные люди» (специальный персональный состав).

2. Объекты регулирования: десятина (фискальное обеспечение), церковные суды (институциональная юрисдикция), категории «тяжб».

3. Юридические факты и санкции: принятие христианства (материально-правовое основание реформы), нарушение дани (деликтное основание для санкций).

Пункт 9 Оленинской редакции содержит казуистический перечень дел («тяж»), переданных в церковную юрисдикцию. Анализ позволяет выделить пять групп правонарушений: преступления против веры, против брака, против нравственности и половые преступления, против чести и телесные повреждения, имущественные споры. Каждая из этих групп включала конкретные составы, которые, по нашему убеждению, отражают сложившуюся правоприменительную практику древнерусского общества и не являются механической рецепцией византийских норм. Использование религиозной терминологии в правовом контексте (например, «всея земли Рускои княжения от всего суда 10-тыи грош») подтверждает синкретичность системы, где сакральное и юридическое еще не были жестко разграничены.

Заключение. Проведенное историко-правовое и терминологическое исследование позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, Устав князя Владимира «О десятинах, судах и людях церковных» не является результатом рецепции византийского права. Византийские правовые идеи использовались на Руси преимущественно в идеологических целях для легитимации новых социальных институтов, тогда как реальное регулирование общественных отношений опиралось на адаптированное местное обычное право и оригинальное княжеское правотворчество.

Во-вторых, лингвистический и терминологический анализ памятника доказывает высокий уровень развития самостоятельной древнерусской

юридической мысли. Языковое разделение между «обобщенным русским» и церковнославянским языками позволило органично интегрировать христианские догматы в правовую ткань государства без утраты национального правового своеобразия.

В-третьих, Устав князя Владимира выступил фундаментальным актом, заложившим основы отечественной модели симфонии светской и духовной власти. Он не только наделил церковь судебными и фискальными полномочиями, но и стал инструментом модернизации системы социального контроля, успешно заменив архаичные институты (кровную месть) развитыми юрисдикционными механизмами. Таким образом, древнерусская юриспруденция формировалась не как периферия византийской правовой культуры, а как самостоятельное и самобытное явление, тесно связанное с народной культурой и спецификой государственного строительства Руси.

Список литературы

1. Томсинов, В. А. Юриспруденция Древней Руси и правовая культура Византии / В. А. Томсинов // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. – 2009. – № 4. – С. 4–27.
2. Юшков, С. В. Исследования по истории русского права / С. В. Юшков. – Киев : Универсальная библиотека, 1926. – 151 с.
3. Савченко, Д. А. Правовая система Древней Руси XI – XII вв. / Д. А. Савченко // Развитие территорий. – 2015. – № 3. – С. 80–84.
4. Кострюков, П. А. С. В. Юшков о древнерусских памятниках права / П. А. Кострюков // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2009. – № 1. – С. 136–141.

УДК 340.153

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Хань Г. А., канд. юрид. наук, доц., ORCID 0009-0007-9829-0876,
Осляк Н. В., ORCID 0009-0008-0866-8968
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: g.khan.donnu.jur@mail.ru

Введение. Процесс возникновения и формирования древнерусского государства, еще со времен деятельности М.В. Ломоносова и до настоящего времени, вызывает в научном сообществе и обществе в целом, острые дискуссии. Это связано с многими факторами, в частности с недостаточным количеством письменных источников того времени, излишней политизацией вопросов, связанных с деятельностью скандинавов и их роли в процессах формирования древнерусского государства. Также остаются дискуссионными вопросы о сущности древнерусского государства, его взаимодействия с обществом, становлением правовой системы и начала формирования новых феодальных отношений.

Цель исследования – историко-правовой анализ процессов возникновения и формирования древнерусского государства в период IX-XI веков.

Основная часть. Основным источником по истории древнерусского государства выступает «Повесть временных лет», которая была предположительно составлена Нестором в 1110-1113 годах в Киево-Печерском монастыре [1]. Оригинальный текст этой летописи не дошел до наших дней. Полный текст известен по более поздним спискам. Всего их пять: Лаврентьевский (1377 год), Радзивилловский (конец XV века), Московско-Академический (конец XV века), который является вариантом Радзивиловской летописи, Ипатьевский (начало 1420-х годов) и Хлебниковский (конец 1550-х – начало 1560-х годов). Также необходимо принимать во внимание сведения из Новгородской летописи, составленной предположительно в XIII-первой половине XIV веках и дошедшей до наших дней в двух изводах (редакциях). Значительный вклад в изучение этих древнейших русских летописей внесли А. А. Шахматов, А. А. Гиппиус, М. Д. Присёлков, И. Н. Данилевский и ряд других выдающихся историков и филологов.

Согласно сведениям древнейших русских летописей обширные территории от Белого моря на севере до Черного моря на юге, от Закарпатья и реки Буг на западе до Волго-Окского междуречья и Предуралья на востоке были заселены различными славянскими племенами: полянами, древлянами, северянами, волынянами, уличами, тиверцами, белыми хорватами, дреговичами, радимичами, кривичами, вятичами и ильменскими словенами, а

также неславянскими племенами: чудь, весь, меря, мурома, черемисы, мордва, пермь, печера, ямь, литва, зимигола, корсь, нарова, ливы.

Основу хозяйственной деятельности составляло земледелие и животноводство. Использовался метод подсечно-огневого земледелия, огородничество и пастбищный выпас скота. Выращивались такие культуры как пшеница, ячмень, овес, просо, брюква, репа, капуста, морковь и огурцы. Животноводство представлено разведением свиней, коров, коз, лошадей, кур и уток. Было развито бортничество (добыча меда диких пчел). Большое значение имела охота и рыболовство. Производство железных орудий и оружия основывалось на добыче бедных болотных руд.

Исходя из сведений древнейших русских летописей на всей этой обширной территории господствовали родоплеменные отношения. Правовая система строилась на основе неписанного обычного права. Основой общества был род. Несколько родов, проживающих в одном месте, составляли общину. Рода объединялись в племена и племенные союзы по языковым и культурным признакам. Во главе родов стояли старейшины, которые решали задачи руководства повседневной жизнью. Важнейшие вопросы решались голосованием на вече (общем собрании общины или племени). В случае боевых действий избирались вожди, которые осуществляли военное руководство племенным ополчением. У славянских племен военные вожди именовались князьями (вероятно, это означало воин на коне), лошади стоили дорого и были достаточно редки. Однако развитие социально-экономических отношений и постепенный рост населения способствовало постепенному переходу от родоплеменных отношений к вождеству.

Теория вождества была предложена американскими эволюционистами в 60-70 годах XX века и характеризует собой промежуточную форму социополитической организации общества между общиной (племенем) и государством. Это исторически первая форма социополитической организации общества, для которой характерна наследственная власть вождей и формирование знати. Большинство исследователей в настоящее время рассматривают институт вождества как универсальную стадию эволюции политической структуры общества. В летописях и легендах упоминаются новгородский князь Вадим Храбрый, восставший против Рюрика, древлянский князь Мал, возглавивший восстание, в ходе которого был убит киевский князь Игорь Старый (Рюрикович), князь вятичей Ходота, дважды воевавший с киевским князем Владимиром Мономахом.

Отдельный проблемный вопрос заключается в роли, которую сыграли варяги (скандинавы) в процессе формирования древнерусского государства.

Сведения из европейских, византийских, арабских источников, древнерусских летописей, а также археологические данные свидетельствуют о широком проникновении варягов (викингов-скандинавов) на территорию восточной Европы начиная с IX века. Отряды варягов передвигались на ладьях по рекам, основывали свои укрепленные городища, занимались разбоем и

торговлей. Ими были основаны два торговых маршрута из Балтики по Волге и Каспию в Персию и арабские страны, а также путь из Балтики по Днепру и Черному морю в Византию (путь из варяг в греки). Основным товаром были рабы, захваченные в восточноевропейских землях.

В таких условиях установление контроля над торговыми путями одной из скандинавских династий (Рюриковичами) было естественным процессом. В обмен на власть Рюриковичи обеспечивали защиту от других разбойников и завоевателей, печенегов, половцев и хазар. В частности, ряд славянских и неславянских племен, плативших дань хазарам, теперь платили ее киевским князьям. Установление единой государственной власти на обширной территории способствовало социально-экономическому развитию общества и нашло свое отражение в легенде о добровольном «призвании варягов».

Первоначально это было государство даннического типа [2]. Восточнославянские и иные племена платили дань киевским князьям, за защиту от внешних врагов. Княгиня Ольга в 945 году Ольга установила размеры «полюдья» – податей в пользу Киева, сроки и периодичность их уплаты – «оброки» и «уставы». Подвластные Киеву земли были поделены на административные единицы, в каждой из которых был поставлен княжеский администратор – тиун. Ольга установила систему «погостов» – центров торговли и обмена, в которых более упорядоченно происходил сбор податей; затем по погостам стали строить храмы.

Дальнейшее укрепление центральной княжеской власти способствовало развитию социально-экономических отношений и культуры, появлению наследственной знати и различных категорий зависимого населения. Возникновение феодальных отношений привело к становлению системы феодального права и развитию раннефеодального государства.

Заключение. В ходе исследования проведен историко-правовой анализ процессов возникновения и формирования древнерусского государства в период IX-XI веков.

Список литературы

1. Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д. С. Лихачева / Под редакцией В. П. Адриановой-Перетц // Серия: Литературные памятники – СПб.: Наука, 1996. – 667 с.
2. Рабство и данничество у восточных славян (VI-X вв.) / И.Я. Фроянов; под ред. А. Я. Дегтярева; [С.-Петерб. гос. ун-т]. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. – 512 с. ISBN 5-288-01832-4

УДК 341

ЗНАЧЕНИЕ РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИХ ДОГОВОРОВ В РАЗВИТИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА НА РУСИ

Чамлай В. В., канд. юрид. наук
ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк, РФ
e-mail: valentinovich-v@mail.ru

Введение. Процесс становления государственности а также развития международного права на Руси безусловно сопряжен с установлением международных связей. Безусловно выбор политического курса, развитие торгово-рыночных отношений и определение места Руси на международной арене тогда как и сейчас зависело от распределения сфер влияния государства и развития международного права в целом.

Основная часть. Серия соглашений, заключенных между Русским государством и Византийской империей, стала отправной точкой в развитии международного частного права на Руси. Развитие правоотношений на международной арене тесно связано с становлением Русско-Византийских отношений в период XX-XIV веков. Сохранившиеся сведения и содержание договоров, несомненно, является исторической памяткой, и несет познавательный характер для современников.

Одним из первых договоров был договор 911 года, заключенный между князем Игорем Рюриковичем и византийским императором Феофаном. Согласно договора от 911 года Византия признавала Русь самостоятельность Руси, фактически данный договор является первым упоминанием признания Руси на международной арене, однако взамен Русь обязалась платить дань Византии и поставлять ей ценные товары: мед, мех, воск. [Рождественский, 1974, с. 65]. Важно отметить, что независимости в широком понимании так сказать не было и Русь испытывала на себе тотальный контроль Византии.

Не меньший интерес с точки зрения развития международного права имеет заключение договора между представителями князя Игоря с одной стороны и византийским императором Романом – с другой. Данный правовой документ датируется 944 годом и является свидетельством развития мирных русско-византийских отношений в X веке. Договор 944 г. предписывал правила ведения торговых отношений, а также правила торговли непосредственно в Константинополе, который в то время был центром торгово-рыночных отношений. Согласно договору была установлена фиксированная плата за торговое место, именно подписание договора 944 года стало основой правового регулирования торговых отношений на международном уровне. Так Византия обязалась прекратить вмешательство во внутренние дела и устанавливалось равноправное сотрудничество между двумя странами в области торговли и культуры. Увеличение значимости Руси сопряжено с

заключением русско-византийского договора в 971 году. Стремление Руси увеличить влияние на Балканы, а также действия Святослава против Дунайской Болгарии привели к военному конфликту с Византией, вследствие которого итогом военного противостояния стало заключение договора между князем Святославом Игоревичем и византийским императором Иоанне I. Содержание договора нашло свое отображение в Повести временных лет». Так согласно договору Русь обязалась не воевать с Византией, а также князь обещал не оказывать военной помощи другим агрессорам, которые вели враждебную политику против византийской империи. Договор 971 года, составленный на греческом языке, согласно переводам, дошедшим до современников, является свидетельством наличия международных обязательств обеих государств, подтверждая действие норм международного права на практике.

Следующим этапом в развитии русско-византийских отношений стало заключение договора в 988 году, который оказал влияние на принятие христианства на Руси. В результате заключения договора Византия оказывала содействие в распространении новой религии, а также строительстве церквей, поставке икон и религиозных книг, которые в свою очередь оказали значительное влияние на формирование мировоззрения и дальнейший выбор религии на Руси [2]. Важно отметить, что вместе с принятием договора 988 года на Руси стремительно стал формироваться новый социальный строй «церковные люди». Таким образом, благодаря заключению договора 988 года, мы можем наблюдать изменения, как в идеологическом плане, так и в социальном. Отдельного внимания заслуживает дальнейшее развитие международного права, как в контексте развития торговых и экономических отношений, так и в решении ряда вопросов политического характера. Анализируя договор 1043 года, заключенный между великим князем Ярославом Мудрым и византийским императором Михаилом IV можно заметить, что участники правоотношений выступали, как равные стороны, что свидетельствует о укреплении положения Руси на внешнеполитической арене. Договор 1043 года был заключен на двух языках греческом и старославянском, являясь одним из древнейших письменных источников права. Кроме того согласно требованиям договора Русь приобрела права на расположение торговых представительств в Константинополе [4].

Отметим, что результатом договора стало налаживание союзнических отношений между странами, а также получением в лице Византии надежного военного партнера, о чем свидетельствует совместна борьба против византийского мятежника Льва Торника в 1047 году. Заключение брачного союза князя Всеволода Ярославича с византийской царевной позволило укрепить международный статус династии Рюриковичей, определив их дальнейшее правление на Руси. Возможность торговли на византийских рынках была экономически выгодна для Руси, также в рамках договорённостей был возмещён ущерб русскому монастырю на Афоне. Иностранные партнеры в

результате развития международных правоотношений признавали права русских общин на своей территории, обеспечивая последним право беспрепятственной торговли и защиту, что подтверждается дипломатическими соглашениями.

Продолжением традиций русско-византийских отношений несомненно являются результаты, достигнутые договоренностью от 1190 года. Договор, заключенный между великим князем Рюриком Ростиславичем и византийским императором Исааком II Ангелом позволил получить право на свободную торговлю на территории всей империи. Использование портов Византии в собственных интересах, а также для торговли Руси с другими государствами стала важной вехой в поддержании курса на равноправные взаимовыгодные отношения. Вместе с тем борьба с общими врагами также является частью договорных отношений между союзниками, о чем свидетельствуют сведения о военном сотрудничестве в борьбе с общими врагами: половцами. По мнению Бибикова М.В. документы, свидетельствующие о развитии русско-византийских отношений, признаны древнейшими правовыми памятниками Древней Руси [1]. Ряд проблем и вопросов, требуют дополнительного рассмотрения и изучения.

В целом, Русско-Византийские договоры имеют сложную историю взаимоотношений между двумя странами, в результате которых удалось добиться признания и независимости Руси. Многие византийские правовые институты и нормы стали фундаментом для формирования отечественного законодательства, о чем свидетельствует византийский Номоканон, представляющий собой сборник церковных и светских законов распространенных на Руси. Также отметим, что Византийское право оказало влияние на развитие судебной системы и формирование ряда институтов права: административное право, международное право. Наряду с влиянием на развитие законодательной базы отдельного внимания заслуживает влияние византийской культуры на формирование мировоззрения ряда пресвященных людей. Так русские князья и княгини в большей степени были воспитаны под влиянием византийской культуры. Таким образом, исследования договоров Византии и Руси, являясь органической частью общей проблемы происхождения Древнерусского государства [3]. Длительные процессы построения экономических и политических связей наряду с культурными традициями формировались рядом поколений князей. Формирование взаимовыгодных договорных отношений с Византией внесло особый вклад в укрепление Руси на международной арене, и дальнейшем построении могущественного государства на европейском континенте.

Список литературы

1. Бибиков, М. В. Современные исследования договоров Руси и Византии X века / М. В. Бибиков // Христианство на Ближнем Востоке. – 2024. – Т. 8, № 3. – С. 77-92. – DOI 10.24412/2587-9316-2024-0150. – EDN SAJHDB.

2. Горский, А. А. Зарождение русской государственности: ключевые проблемы / А. А. Горский // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2012. – № 6. – С. 16-34. – EDN PVYFKJ.
3. Манюхин, И. С. Договоры Византии и Руси X века как источник древнерусской государственности / И. С. Манюхин // Вестник Самарского юридического института. – 2025. – № 2(63). – С. 70-78. – DOI 10.37523/SUI.2025.63.2.010. – EDN YOCYLX.
4. Минакова, Э. А. О «Клятвенном договоре» князя Игоря Старого с Византией / Э. А. Минакова // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2012. – № 5(49). – С. 71-74. – EDN PHNNAB.

УДК 340.12

ПРОБЛЕМАТИКА ИНОСТРАННЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В РУССКОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА КАЧЕСТВО РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Шкиндер Н. Т., ORCID 0009-0005-6867-8664
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: natalijaklever@yandex.ru

Введение. Юридический язык выступает не просто профессиональным инструментом коммуникации или способом фиксации правовых норм, но и своеобразным «зеркалом» национальной правовой системы, отражающим накопленный исторический опыт, правовую культуру и менталитет народа. Язык права формирует концептуальный правовой каркас государства. Российская правовая система обладает национальной самобытностью и уникальностью, что ни в коей мере не исключает ее исторического развития в русле романо-германской правовой семьи. В этой связи любая попытка механического переноса чужеродных правовых конструкций, терминологического упрощения без учета национальной специфики неизбежно ведет к системным сбоям, размыванию понятийного аппарата и снижению качества как самого законодательства, так и практики его применения.

Целью исследования является анализ проблем неконтролируемых иностранных заимствований (в первую очередь англицизмов) в юридическом языке, а также оценка их негативного влияния на качество российского законодательства и правоприменительную практику.

Основная часть. Одной из основных особенностей современного Мира является коммуникация, охватывающая, как все сферы жизнедеятельности планетарного сообщества, так и существующие государства. По мере развития коммуникационных инструментов, происходит и углубление взаимного влияния коммуницирующих сфер: экономик, культур и, безусловно, языков, что, в свою очередь, имеет как позитивные стороны (взаимное обогащение, устранение пробельности (лакунности) и т.п.), так и негативные (замещение

национальных традиций, ценностей, языка и т.п. иностранными). В этой связи особо острой (в силу своей интенсивности в последние годы) является проблема проникновения иноязычной лексики в русский язык, в т.ч. в профессиональный юридический дискурс, так называемая «лингвистическая глобализация» [1, с. 26]. Как справедливо отмечает К.Г. Ибрагимова, доминирующим языком-источником заимствований выступает английский – язык международной коммуникации, IT-технологий и СМИ [1, с. 26].

Наряду с объективными факторами лингвистической глобализации (возникновение новых предметов, процессов и технологий; коммуникация, требующая единой терминологической базы), в науке отмечаются и тенденции (являющиеся по мнению автора неоправданными, субъективными) к минимизации многословных конструкций вплоть до замены их англицизмами и абревиатурами. Именно эти (последние) тенденции носят разрушающий характер в целом для русского языка, и юридического в частности. Юридический язык обладает высокой степенью формализации, и необдуманное, невыверенное включение в него чужеродных терминологических элементов порождает серьезные проблемы в толковании и правоприменении.

Стремление к так называемому «инфостилю» и демократизации профессиональной речи часто приводит к отказу от традиционных, выверенных веками юридических конструкций в пользу упрощенных, а порой и сленговых заимствований [3], что в свою очередь приводит к варваризации юридического языка – упрощение профессионального юридического языка до уровня обыденного посредством замены юридической терминологии, юридических конструкций, устойчевых словосочетаний англицизмами, сокращениями слов, абревиатурами (например, ДКП – договор купли продажи, АПП – акт приема передачи, праймериз – первичные выборы и т.п.).

Негативное влияние данного процесса на качество законодательства и практику его применения проявляется в нескольких аспектах. Во-первых, приводит к возникновению терминологических пробелов (лакун) и смысловых искажений. Заимствование понятий из англо-американского прецедентного права общего права (Common Law) без их доктринальной адаптации к романо-германской системе создает искусственные пробелы (лакуны). Например, использование в договорной практике конструкций due diligence (должная осмотрительность), indemnity (возмещение потерь) или representations and warranties (заверения об обстоятельствах) часто происходит без понимания их глубокого историко-правового контекста в английском праве, что приводит к неверному толкованию условий договоров российскими судами [1].

Во-вторых, попытки упростить язык, заменить емкие правовые формулы на обыденную лексику или иностранные аналоги ведут к потере субъективного момента и точности предписаний. Как показывают примеры из судебной практики, обыденное или упрощенное понимание терминов сторонами договора нередко приводит к имущественным потерям и признанию сделок недействительными [3].

В-третьих, в правоприменительной деятельности и ведомственных актах избыточное использование англицизмов (например, фреймворк, хакатон, дамп, фейк, тренд и т.п.) и канцелярских аббревиатур снижает статус правовой информации, затрудняет коммуникацию с гражданами и подрывает авторитет правоохранительных и государственных органов [2].

Язык права не терпит суррогатов: каждое понятие должно иметь четкий денотат в рамках именно российской правовой реальности. Использование «временно безэквивалентных» терминов (таких как харассмент или прайвеси) допустимо на этапе научной дискуссии, но их закрепление в законодательстве или правоприменительной практике без создания полноценного отечественного правового механизма их реализации порождает правовую неопределенность [4].

Заключение. Юридический язык является фундаментальной основой национальной правовой системы, отражающей ее уникальность и самобытность. Бездумная варваризация, выражающаяся в упрощении языка через англицизмы, сокращения юридических конструкций и устойчивых словосочетаний вплоть до аббревиатуры, несет прямую угрозу качеству российского законодательства. Она размывает границы между профессиональным юридическим языком и обыденной речью, порождает терминологические пробелы (лакуны) и ведет к ошибкам в правоприменительной практике. В целях сохранения системной целостности отечественного права в процессе нормотворческой и правоприменительной деятельности необходимо опираться на богатый потенциал русского языка, используя иностранные заимствования лишь в исключительных случаях, подвергая их строгой доктринальной адаптации и сохраняя верность историко-правовым традициям российской государственности.

Список литературы

1. Калиновская В. В. Юридическая терминология: заимствование и перевод / В. В. Калиновская // Вектор лингвистической науки. – 2018. – № 11. – С. 68–72.
3. Петрова Е. А. Структурно-семантические особенности варваризмов (на примере профессиональной речи сотрудников органов внутренних дел) / Е. А. Петрова // Общие вопросы языкознания. Язык и право. Юрислингвистика. – Уфа, 2012. – С. 172–181.
4. Давыдова М. Л. Некоторые тенденции развития юридического языка современного гражданско-правового договора / М. Л. Давыдова, М. Ю. Козлова // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2019. – № 3(47). – С. 113–118.
5. Ибрагимова К. Г. Исследование юридических терминологических лакун в динамике контактирующих языков и культур / К. Г. Ибрагимова // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. – 2017. – № 2. – С. 25–33.

СОДЕРЖАНИЕ

Уголовное право, уголовный процесс, криминалистика и прокурорская деятельность

Ахмедшина Н. В., Ахмедшин Р. Л. Психологический профиль пользователя сети как совокупность цифровых следов 7

Белых О. А. Актуальные вопросы противодействия незаконному обороту наркотиков в условиях цифровизации 10

Богославская К. Э. Проблемы определения предмета преступления и подходов к квалификации хищения цифровых финансовых активов и криптовалюты 13

Бордюгов Л. Г., *Марченко И. Н.* О содержании, структуре и значении теории судебной экспертизы охраны труда 16

Габриелян А. Ю. Пол как критерий исключения пожизненного лишения свободы: пределы допустимой уголовно-правовой дифференциации 19

Глимейда В. В., Еременко Н. С. Квалифицированная юридическая помощь и способы ее оказания 22

Карпенко Л. К., Садовниченко А. А. Проблемы определения места совершения и момента окончания цифровых хищений 24

Карягина О. В., Демченко Е. Г. Анализ объекта преступления, предусмотренного ст.109 УК РФ 27

Карягина О. В. Анализ объективной стороны ст.109 УК РФ 30

Карягина О.В. Уголовно-правовой анализ объективных признаков иных форм массовых репрессий 33

Коломиец А. И. Объективные признаки умышленного причинения тяжкого вреда здоровью 36

Кормильченко Е. Е. Использование цифровых следов при проверке заявлений об угрозе безопасности участников уголовного судопроизводства: уголовно-процессуальные аспекты 39

Корниенко С. В. Особенности уголовной ответственности несовершеннолетних и их психологические предпосылки 42

Косяк Е. Л., Гагуа О. Л. Тактические особенности преодоления противодействия расследованию со стороны заподозренных лиц на первоначальном этапе следствия 45

Кузьмина О. В., Скотникова М. М. Принципы, обеспечивающие соблюдение прав и свобод участников российского уголовного процесса, в условиях цифровизации 48

Ладыга А. И. Политико-правовые факторы современной украинской политической преступности 51

Левендаренко О. А., Городецкая Е. В. К вопросу о самостоятельности мошенничества в сфере экономической деятельности 54

Левендаренко О. А., Козорез Т. А. Запрет определенных действий как альтернатива лишению свободы для обвиняемых в преступлениях, связанных с СВО: перспективы и риски 56

Левендаренко О. А., Хабибулина Е. А. Актуальные проблемы и процессуальные особенности производства расследования преступлений следственной группой 60

Максименко О. Б., Попов Б.И. Аспекты выбора правовой позиции защиты несовершеннолетнего подзащитного адвокатом в уголовном процессе 63

Манивлец Э. Е., Береговая А. И. Уголовно-правовая характеристика умышленного причинения тяжкого вреда здоровью 66

Манивлец Э. Е., *Ничипорук Л. А.* Участие защитника в следственных действиях как гарантия реализации права подозреваемого и обвиняемого на защиту 69

Меркулов С. Н., Пономаренко М. А. Организация прокурорского надзора за исполнением законов при производстве предварительного следствия 72

Меркулов С. Н., Амбарцумян И. М. Разграничение понятий «неприкосновенность» и «правовой иммунитет» в уголовном процессе 76

Меркулов С. Н., Лебединский Я. С. Актуальные проблемы квалификации по уголовным делам о преступлениях против правосудия и пути их решения 79

Миргородский А. А., Мазур А. А. Генезис и природа попрошайничества 82

Пантелеева А. О. Анализ уголовно-правового запрета публичной демонстрации преступлений 85

Панько Н. А., Лисняк А. К. Проблемы совершенствования норм законодательства об уголовной ответственности за коррупционные преступления 88

Поваляев Э. А. Инновационные методы фиксации цифровых следов, OSINT и тактика допроса: криминалистические и дидактические аспекты 91

Протасов Д. В. О подходках к определению мер уголовно-процессуального принуждения 94

Семыкина Л. А., Земляная К. С. Предупреждение причинения смерти по неосторожности 96

Семыкина Л. А., Медведева А. Э. Финансовое мошенничество: криминологический аспект 99

Солодова С. В., Андреев А. А., Николаев М. М. Обеспечение достоверности цифровых материалов на стадии доследственной проверки в условиях развития технологий искусственного интеллекта 102

Сорокун Н. С., Саидова Ю. В., Сергиенко А. Н. Концепция восстановительного правосудия в уголовном праве России: имплементация через институт медиации 105

Старовойтова Ю. Г. Применение ударных беспилотных воздушных судов в вооруженном конфликте: проблемы квалификации 108

Татьянина А. В. Антикоррупционная политика России: понятие и признаки 111

Татьянина А. В., Джиджавадзе В. М. Судебный штраф как иная мера уголовно-правового характера и его соотношение со штрафом как видом наказания 114

Татьянина А. В., Сафонова Я. Д. Судебная практика по делам о торговле людьми: анализ ошибок и тенденций 117

Ушакова К. С. Способы противоправного воздействия на компьютерную информацию: коллизии в квалификации ст. 159.6 и ст. 272 УК РФ 120

Ушакова К. С., Васильева Л. А. Осмотр интернет-страниц как следственное действие: процессуальная природа и проблемы фиксации 123

Ушакова К. С., Писакина Д. М. Цифровые доказательства в уголовном судопроизводстве: вопросы теории и практики 126

Франциформов А. Ю., Загороднев Н. С., Ламков А.В. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов как средство прокурорского реагирования 131

Хань Г. А., Перепелица Д. Я. Психологические особенности личности потерпевшего и свидетеля 134

Хань Г. А., Толстошеева Е. А. Организационные и тактические особенности осмотра места дорожно-транспортного происшествия на первоначальном этапе расследования 137

Хомченко В. В. Совершенствование межведомственного взаимодействия при исполнении наказания в виде ограничения свободы 140

Щусь Е. В. Имплементация норм международного гуманитарного права о военных преступлениях в национальное уголовное законодательство: российский и зарубежный опыт 143

Якутин О. И. Концептуальные направления модернизации системы уголовных наказаний в Российской Федерации 146

Гражданское право и процесс

Алдушина О. С. Принцип конфиденциальности в семейной медиации 149

Асеева Н. В., Гокунь Ю. С. Регламентация декретного отпуска участников правоотношений суррогатного материнства в Российской Федерации и Республике Индия 152

Асеева Н. В., Тренина С. В. Правовой режим музыкальных произведений, созданных с использованием генеративных нейросетей 155

Бова Д. А. Проблемы правового регулирования наследования цифровых активов 158

Брезгулевская Н. В. Возможна ли легитимация судебного прецедента в Российской Федерации? 161

Виряскина Е. А. К вопросу об истории формирования гражданской правосубъектности государства 164

Войтов В. В. Самозащита прав на коммерческую тайну: гражданско-правовой аспект 168

Гашымов Р. А. Локализация имущественного риска (periculum) как критерий частноправовой квалификации самостоятельной деятельности граждан 171

Голотова М. А. Правовые пределы контроля в строительных СРО: от солидарной ответственности к риск-ориентированному подходу 175

Голышева А. В., Голышев В. Г. Предмет договора: некоторые аспекты теории и правоприменения 178

Дацьо К. В. Роль кредитных потребительских кооперативов в долговом финансировании: частно-правовые аспекты 181

Детушев И. И. Промышленный объект как объект гражданских прав: проблемы правовой квалификации 184

Дихаминджия Н. З. Проблема доказывания недостаточности имущества казённого предприятия при привлечении собственника к субсидиарной ответственности 187

Ефремова А. В. Безопасность использования искусственного интеллекта в трудовых отношениях 190

Ефремова А. В., Китчак В. Д. Понятие убытков и возмещение убытков как способа гражданско-правовой защиты 193

Ефремова А. В., Мара Т. А. Правосубъектность ИИ и физического лица в гражданских правоотношениях 196

Кравчук К. А., Карандина Н. Ю. Проблемы определения понятия и основных характеристик источника повышенной опасности 198

Круглова И. А. Цифровая платформа как объект гражданских прав 201

Липинский В. В., Блохина М. С. Правовая природа служебных произведений 204

Липинский В. В., Иванченко Т. В. Общая правовая характеристика средств индивидуализации товаров и услуг 207

Липинский В. В., Рожков В. В. Ответственность при судебной форме защиты патентных прав 210

Мударов С. А. Особенности компенсации ущерба, причиненного деятельностью владельцев опасных объектов 213

Олейникова А. В., Горелов А. А. Коллективное управление авторскими правами 216

Олейникова А. В., Куганова П. С. Актуальные проблемы современного развития потребительской кооперации 219

Олейникова А. В., Николаева Ю. Н. Особенности государственной регистрации договора аренды недвижимого имущества и дополнительного соглашения к нему 222

Панько Н. А., Вервейко О. Ю. Проблемы и пути совершенствования видов гражданского судопроизводства в Российской Федерации 226

Пефтиев О. В., Белых М. Р. Принцип диспозитивности в гражданско-процессуальном праве 229

Пефтиев О. В., Бурдова С. А. Порядок создания, реорганизации и ликвидации государственных учреждений: особенности правового регулирования 232

Пефтиев О. В., Гаврилина В. В. Договор хранения эмбрионов человека: правовая природа и особенности регулирования 234

Поляков В. Ю., Гайсенюк О. А. Гражданско-правовая природа договора энергоснабжения: актуальные проблемы регулирования и правоприменения 238

Поляков В. Ю., Черненко И. В. Правовое регулирование перевозки опасных грузов в Российской Федерации: состояние, проблемы и векторы развития 241

Полякова Н. Г., Ким А. Н. Сервитут как институт гражданского права в России и за рубежом 244

Полякова Н. Г., Туркина С. А. Фонд как организационно-правовая форма некоммерческих организаций 247

Резникова С. В., Кузбагаров А. Н. Правовая охрана цифровых следов человека: соотношение публичных и частных интересов в обеспечении права граждан на охрану частной жизни 250

Румянцева М. О., Комбарова В. С. К вопросу о правовом регулировании соавторства при создании произведений с использованием генеративного искусственного интеллекта 254

Светличный В. А. Полномочия прокурора по оспариванию сделок и применению последствий их недействительности 257

Смирнова Е. В. Квалификация традиционной хозяйственной деятельности как предпринимательской 260

Смирнова Е. В., Кебко А. Р. Гражданско-правовой анализ понятия «муниципальное образование» 264

Смирнова Е. В., Малая В. В. Правовое положение совершеннолетнего усыновленного в исполнительном производстве: коллизия тайны усыновления и права знать свое происхождение 266

Терещенко Б. О. Особенности гражданско-правового регулирования использования результатов научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в промышленном производстве 269

Украинский Д. В. Посреднические договоры в налоговых отношениях: критерии разграничения добросовестного посредничества и злоупотребления правом 272

Финкина А. П. Особенности гражданско-правовой ответственности при оказании медицинских услуг 276

Финкина А. П., Демьянишин В. В. Ответственность за вред, причиненный при применении искусственного интеллекта в медицинской деятельности 279

Финкина А. П., *Корнилов И. И.* Доказательственная асимметрия в гражданско-правовой ответственности за вред, причинённый системами искусственного интеллекта в Российской Федерации 283

Хачук К. Д., Варакута В. В. Особенности правовой природы имущественных отношений супругов 286

Шульга Р. Р., *Маркелов С. А.* Правовая охрана алгоритмов моделирования поведения игровых персонажей 289

Шульга Р. Р., Муратова А. А. Правовой статус результатов автоматизированной обработки данных 292

Круглый стол «Истоки отечественного права»

Бородин А. А. Историко-правовые корни дифференциации уголовной ответственности за преступления против общественной нравственности: от соборного уложения до современного кодекса 295

Видова Т. А. Карательная политика большевиков в первые годы советской власти 298

Герасименко Ю. В. Правовой менталитет и пределы рецепции позитивного права (на примере Древней Руси) 301

Лобанов В. Б. Юридический факультет Северо-осетинского государственного университета – центр подготовки юридических кадров Северо-Кавказского Федерального округа 303

Мельниченко С. В. Екатерина II и создание нового законодательства: роль «наказа» в истории русского права 305

Мельниченко Ю. С. О соотношении права и морали: теоретический аспект 308

Мельниченко Ю. С., Жидовец А. С., Московкина Д. А. «Русская правда»: памятник права и источник по истории Древней Руси 311

Огарь Ю. А. Княжеский суд по русской правде как прообраз государственной судебной власти: от личного правосудия к институциональной системе 314

Павленко П. И. Развитие межгосударственных отношений между Древнерусским государством и Византией в мирных договорах 907 и 911 гг. 317

Степанова Ю. С. Мнимая рецепция и реальная адаптация: историко-правовой и терминологический анализ Устава Князя Владимира «О десятинах, судах и людях церковных» 321

Хань Г. А., Осляк Н. В. К вопросу о формировании древнерусского государства 325

Чамлай В. В. Значение русско-византийских договоров в развитии международного частного права на Руси 328

Шкиндер Н. Т. Проблематика иностранных заимствований в русском юридическом языке и их влияние на качество российского законодательства 331

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ДОНЕЦКИЕ ЧТЕНИЯ – 2026: ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА, ИННОВАЦИИ, КУЛЬТУРА И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Материалы
XI Международной научной конференции,
10–12 ноября 2026 г.,
г. Донецк

ТОМ 8
Юридические науки
Часть 2

под общей редакцией проф. *С.В. Беспаловой*

Дизайн обложки	*В. Дёмина*
Технический редактор	*М.В. Фоменко*
Компьютерная верстка	*К.С. Ушакова, М.В. Фоменко*

Адрес оргкомитета:
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»,
ул. Университетская, 24, г. Донецк, 283001, ДНР, РФ.
E-mail: *science.prorector@donnu.ru*

Подписано в печать 28.10.2026 г.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Печать – цифровая. Усл.-печ. л. 19,8.
Тираж 50 экз. Заказ № 26окт121/8б.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Издательство ФГБОУ ВО «ДонГУ»
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 22
E-mail: donnu.izdatelstvo@mail.ru